

V ЛАСТ'
"ВЛАСТЬ"

MOSKOVSKIKH GOSUDAREY
МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ДО КОНЦА XVI ВѢКА.

D'iaconov, Michael Aleksandrovic

М. Дьяконова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).

1889.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

DK

71

554

289a

Памяти отца

авторъ посвящаетъ свой трудъ.

Предлагаемые очерки посвящены вопросу о возникновении и развитии идеи самодержавной власти московских царей. Этот основной вопрос истории русского государственного права, едва ли может считаться окончательно выясненным. Но в настоящее время не может подлежать спору то положение, что самая идея самодержавной власти позаимствована из Византии. Детальное выяснение этого положения еще ждет своего исследователя. Предстоит выяснить, когда, через посредство каких литературных и юридических памятников русская публицистическая литература успела познакомиться с византийскими государственными идеями и что из них позаимствовала. Тогда только во всей ясности можно будет выяснить ход развития национального русского политического самосознания.

Такой работы не могъ принять на себя авторъ настоящихъ очерковъ: онъ не обладаетъ для этого специальной подготовкой византиниста. Но въ ожиданіи, пока такая тема найдетъ своего исследователя, — а этого, вѣроятно, не долго придется ждать, — будетъ не лишнимъ, кажется, дать читателю возможность хотя нѣсколько ориентироваться въ вопросѣ такой существенной важности.

Подъемъ политическаго самосознанія, наблюдаемый съ половины XV вѣка послѣ Флорентійской унии и паденія византийскаго имперіи, долженъ найти свое объясненіе въ исторіи церковныхъ и политическихъ отношеній древней Руси къ Византии. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку представить компилятивный очеркъ этой исторіи на основаніи результатовъ, добытыхъ ученой критикой, заимствуя изъ нихъ лишь то, что казалось ему необходимымъ для дальнѣйшей исторіи во-

проса. Параллельно этому во втором очеркѣ представленъ сводъ главнѣйшихъ политическихъ ученій, какія проводились въ древнерусской письменности до половины XV вѣка. Авторъ полагаетъ, что, до появленія обстоятельныхъ трудовъ въ этой сферѣ, такой очеркъ можетъ хотя отчасти улеснить съ какою запасомъ политическихъ идей успѣла ознакомиться русская мысль въ указанное время. Первые два очерка, такимъ образомъ, имѣютъ цѣлью указать съ одной стороны, почему до паденія византийской имперіи въ исторіи русской мысли не замѣтно попытокъ къ проведенію какихъ-либо самостоятельныхъ политическихъ задачъ или къ выискиванію національныхъ политическихъ цѣлей, а съ другой—объяснить быстроту въ развитіи политическаго самосознанія съ половины XV вѣка.

Возникновеніе и развитіе этого самосознанія уже отмѣчены русской ученой литературой. Роль автора поэтому и здѣсь ограничивалась преимущественно сводомъ добытыхъ результатовъ о московскихъ политическихъ фикціяхъ XVI вѣка и о теоріяхъ власти московскихъ государей. То немногое, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ указаны нѣкоторые изъ примѣненій, сдѣланныхъ въ XV и XVI вѣкахъ изъ новыхъ политическихъ ученій московскимъ правительствомъ.

Не смотря на неполноту и отрывочность предлагаемыхъ очерковъ, авторъ надѣется, однако, что они будутъ не бесполезны для занимающагося русской исторіей и, быть можетъ, вызовутъ дамыѣйшую разработку такого важнаго вопроса, какъ власть московскихъ государей.

Авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить сердечную признательность профессорамъ В. И. Сергіевичу, К. Н. Бестужеву-Рюмину и В. Г. Васильевскому за многіе данныя и совѣты, указанія и поправки. Онъ также глубоко благодаренъ В. Г. Дружинину, С. О. Платонову и А. С. Лапину-Данилевскому за товарищескую помощь и вниманіе, какія онъ постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны въ теченіе своихъ работъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси.

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую влиянію византійской цивилизаціи.

Носителямъ и провозвѣстникамъ истины евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію чести-правового быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но выше представители его—митрополиты и епископы—стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нескѣлко переходила за предѣлы внѣреннихъ ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ по всѣхъ важныхъ случаяхъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобы оцѣнить значеніе политическаго влияния духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія съ одной стороны служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія веда свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны византійскіе канонисты Зонара и Валсамонъ толковали

28 правило Халкидонскаго собора ¹⁾ въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патриарху діоцезы Понтифскій, Азіискій и Фракіискій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ: иноплемennные россы отнесены были ими къ Фракіискому діоцезу ²⁾. Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патриарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго кафедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византийскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ на столицхъ ниже ихъ. Соответственно этимъ возрѣніямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только столицами въ болѣе низкомъ, но даже зависящемъ положеніи отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ возрѣніяхъ на положеніе и значеніе византийской имперіи, какъ представительницы истиннаго правовѣрія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почитительность византийскому императору: «Всѣмъ хорошо извѣстно, что на насъ почиаетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, утѣчаемое божественною десницею, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царствіе Христоу. Первенство наше свято, правдиво и исполнено божіей благодати» и проч. ³⁾. Подобныя возрѣнія могли легко возникнуть вследствие того почитительнаго удивленія, какое возбуж-

¹⁾ Въ немъ, между прочимъ, сказано: «въ діоцезахъ Понтискомъ, Азіискомъ и Фракіискомъ должны быть поставлены снѣтѣйшимъ престоломъ снѣтѣйшей церкви константинопольской только митрополиты, а также отъ него же должны быть поставлены и епископы варварскихъ областей въ указанныхъ выше діоцезахъ». По переводу проф. Голубинскаго, Исг. русск. церкв., т. I, ч. I, стр. 226, прим. 2.

²⁾ Проф. Голубинскій, тамъ же; Т. Барсовъ, Константинопольскій патриархъ и его власть надъ русскою церковью, стр. 364—365, 443—445; проф. Павловъ, Теорія восточнаго папизма, Прав. Обзор. 1879 г., декабрь, стр. 764.

³⁾ Проф. Ламанскій, Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вв., Слав. Сборн., т. I, ч. I, стр. 464, прим.

дала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своимъ культурнымъ превосходствомъ византийская имперія. Ея правительство служило воспользоваться этими данными и открыто считало всё земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической ¹⁾.

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ церкви константинопольской ²⁾, то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византийской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей ³⁾.

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патриарху основывалась на предположеніи, что константинопольскій патриархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ прана Бога» ⁴⁾. Въ половинѣ XIV в. патриархъ Филофей писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его слушаться такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, пишетъ патриархъ, такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность предстоятелямъ всѣхъ по всей вселенной находящихся христіанъ, почитаемъ и блюстителемъ ихъ душъ, то всѣ зависятъ отъ меня,

¹⁾ Тамъ же, стр. 457 и слѣд.; проф. Голубинскій, тамъ же, стр. 198. Эти взгляды византийскихъ правительственныхъ сферъ записаны были и на Русь. Такъ въ подложной грамотѣ о Константиновомъ вѣнѣ папѣ Симеону вѣщается не нарушать привилегій церкви «всѣмъ же по всей вселенной будущимъ православнымъ даремъ и княземъ и властелемъ... всѣмъ же по всей вселенной людямъ, ни въ сущемъ въ сихъ лѣтахъ и потомъ во вся лѣта предыдущая, нашему дарству подлежащимъ». Ф. Терновскій, Изученіе византийской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, стр. 143. По редакціи этой грамоты въ Стоглавѣ соотвѣтственное мѣсто читается такъ: «по всей вселенной, идже православныя князи и властели подъ нами обладаютъ нашего освобоженія». Стоглавъ, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 271.

²⁾ По мнѣнію проф. Голубинскаго, существуютъ данныя, хотя и не совсемъ ясныя и не совершенно твердыя, что русская церковь сначала получила автокефальность. Ист. русск. церкви, т. 1, ч. 1, стр. 229—233.

³⁾ Къ сожалѣнію, полная и цѣльная формулировка этихъ воззрѣній сохранилась отъ болѣе позднего времени, именно отъ половины XIV в. Вопросъ о подчиненіи русской митрополіи константинопольскому патриарху разбирается въ книгѣ Т. Барсова, Констант. патриархъ и его власть надъ русскою церковью, главы VIII и XI.

⁴⁾ Р. Н. Б., VI, прл., стр. 100 и 104.

какъ общаго отца и учителя. И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіяся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, то мѣрность наша избираетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелию лицъ, поставляетъ и руководитъ ихъ пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разные части вселенной: одного туда, въ вашу великую и многолюдную страну; другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дала ему въ жребіи, представляетъ лицо, каедрю и всѣ права нашей мѣрности. Итакъ, заключаетъ патріархъ, поелику и вы имѣете тамъ вѣсто меня пресвященнаго митрополита кievскаго и всея Руси, ...то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, какъ коую должны были бы воздавать мнѣ самому..., ибо онъ находится тамъ вѣсто меня, имѣя ваши права, такъ что оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности, а черезъ насъ переходитъ къ самому Богу» ¹⁾. Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархатомъ высшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходить въ резиденцію вселенскаго патріарха, или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно» ²⁾. Прихитнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упомянутой зависимости константинопольскому патріарху было выгодно имѣть своими представителями на ка-

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 110 и 112; ср. тамъ же, стр. 48. Вплоть соотвѣственно этому воззрѣнію митр. Фотій въ окружномъ посланіи 1415—1416 г. писалъ, что какъ водный источникъ разливается по многимъ странамъ и все произрастающее растетъ и плодитъ, «спде же и сборная апостольская церква Костянтина-града, яко же отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи, такоже и кievской и всея Руси митрополия, по нзвачальному чину и пошлани, стронитъ попеченіе и бреженіе и посылаетъ единаго митрополита... И тако должномъ сущимъ всѣмъ епископомъ, княземъ вельможамъ... послушати его». И далѣе: «Се убо сборная и апостольская церква, отъ востока солида даже до запада, и отъ конецъ до конецъ вселенная учить общеественными и священными правилии, каковое шокореніе должни еуть имѣти епископи къ соборній Христовой и апостольстей церкви». Тамъ же, № 39, стр. 326—327.

²⁾ Въ настоятельной грамотѣ митр. Алексѣя сказано, что «онъ необходимо долженъ, какъ повѣщаютъ божественные и священныя каноны, приходить сюда въ силу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви». Тамъ же, прилож., стр. 50.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

едрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности; такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было вѣрено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополію было явнѣею совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва ли могло найтись необходимой число лицъ, достойныхъ занять епископскія каѳедры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ числа влѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ ¹⁾. Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополію всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были несомнѣнно русскіе ²⁾, и тѣ были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ настоятельной грамоты митр. Алексѣя, гдѣ прямо сказано, что онъ поставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Θεοφάνοу, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостоился въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, объ немъ вел. князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, говорится въ грамотѣ, хотя это совершенно необычно и не вполне безопасно для церкви, согласились на это только относительно одного кнзя Алексѣя, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому-либо изъ клириковъ сего богопреспавшаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по до-

¹⁾ Проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 299—301
²⁾ Національность четырехъ не констатирована. Проф. Голубинскій, назв. соч., стр. 246—253.

бродѣтея и добрымъ качествахъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благоприятное для доостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клярикъ былъ пригоденъ для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, разрѣшать каноническіе вопросы и водить народъ на спасительныя нажити, «допозствуясь самъ собой и не нуждался ни въ чьей посторонней помощи»¹⁾). Сами константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому по поводу жалобы на митр. Петра, пишетъ: «егда придетъ митрополитъ, или исправится тотъ или другого поставитъ, кого въ съсочетъ бога любе твою, мужа послушествована добрыми дѣлы отъ всѣхъ людей»²⁾). Патріархъ Нилъ, посвящая въ митрополиты Пизена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него во всѣ времена архіерей всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Россіи»³⁾). Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики. Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ⁴⁾). Византийскій писатель XIV в. Никифоръ Григора въ 37-й книгѣ своей римской исторіи рассказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разѣ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распределеннымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которыми обязанъ подчинять свою духовную власть; что по очереди будутъ избирать этого представителя духовной власти изъ среды русской національности

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 46.

²⁾ Р. И. В., VI, № 16, I.

³⁾ Тамъ же, прилож., стр. 184. Впрочемъ, здѣсь имѣлось главнымъ образомъ въ виду избѣжать коллизіи между Литвой и Москвою для поддержанія церковнаго единства. Соотвѣтственно этому вел. князь Василій Васильевичъ писалъ польскому королю Казимиру, что «змышканіе митропольское нашихъ прародителей великихъ князей русскихъ и наше и до снхъ мѣсть, а не великихъ князей литовскихъ». Тамъ же, № 100.

⁴⁾ См. ниже, глава VI.

и соотечественниковъ автора—ромеетъ по рожденію и воспитанію, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ сдвоихъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимого доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. ¹⁾). Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить *modus vivendi* между двумя церквами, а было издано въ дѣйствительности, то значить оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеетъ. Съ митр. Кирилла II дѣйствительно наблюдается поочередная смѣна национальностей на каѳедрѣ русской митрополіи. Но со смертью митр. Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополь митрополиты всея Руси—Киприанъ, Фотій и Исидоръ—не принадлежали къ русской национальности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отравилъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской чрезъ посредство названныхъ въ Константинополь ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимірѣ. Поэтому же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополіи, въ Константинополь вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»; «но такъ какъ великая русская земля раздѣлена на многія и различныя мірскія княжества и на столько гражданскихъ областей, что имѣетъ многіхъ князей, которые не менѣе раздѣлены по своимъ стремленіямъ, какъ по дѣламъ и мѣстамъ, такъ что многіе возстаютъ и нападаютъ другъ на друга и поопряются къ раздорамъ, войнамъ и къ избиенію свочьхъ единоплеменниковъ, то божественныя омые отцы, принимая во вниманіе, что не на добро и не на пользу имъ будетъ, если и церковная область распадется на многія части; что, напротивъ, единый для всѣхъ митрополитъ будетъ ка... бы связью, соединяющею ихъ съ нимъ

¹⁾ Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale. T. XVII, 2 partie, Paris 1851, p. 68 et 280—281, notice 261.

и между собою, установили тамъ одну власть духовную, за невозможностью привести къ единству власть мірскую. Прекрасно разсудили они, что подчиненные одному (духовному) предстоятелю и вождю, находились-бы въ мирѣ между собою: ибо всеѣ почитали-бы одну главу, поставленную по обряду истинно и перво-единой главы Христа»¹⁾. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы въ Константинополѣ были заинтересованы приведеніемъ къ единству власти мірской: политическое объединеніе Руси не входило въ планы константинопольскаго правительства. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что тамъ были озабочены вопросомъ о зависимости мірскихъ князей отъ представителя духовной власти или по крайней мѣрѣ о наибольшемъ влияніи послѣдняго на первыхъ.

Въ 1160 г. патріархъ Лука Хрисовергъ, по поводу оправданія епископа Нестора, преподаетъ Андрею Боголюбскому правила о подчиненіи представителю церкви. Патріархъ убеждаетъ князя не противиться суду всеѣхъ святителей, если онъ хочеть имѣть часть со Христомъ Богомъ; предупреждаетъ князя, что если онъ не будетъ относиться къ епископу, «яко же подобаетъ», не будетъ почитать его поученія и даже учинить гоненіе на «сего Богомъ даннаго святителя и учителя, повинуяся имѣть чресть законъ поученіемъ», то, гонорится въ посланіи, «иждоже ти буди, аще всего міра исполниши церкви, ... гоними же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлѣби, ни единыя же ти будетъ жды и спасенія». Посланіе заключается слѣдующей общей мыслью объ отношеніи князя къ епископу: «вопросай главу свою, еже есть епископа твоего, да еще что глаголетъ сице твори. Никто-же бо отъ всѣхъ человекъ: ли святитель, ли презвитеръ, ли мнхъ, ли ангелъ, виже бо ангелъ съ небеси имѣеть такону власть язати и рѣшати, разиѣ единъ боголюбивый епископъ твой, его-же положиъ Господь Богъ главу всеи земли твоеи и тебѣ, да иже чествуеша епископа, чествуеша Христа, образъ бо Христовъ имать и на Христовѣ сѣдалищи сѣдять»²⁾. Въ настоящихъ грамотахъ и соборныхъ опредѣленіяхъ о поставленныхъ въ Русь митрополитахъ преподаются правила о благопокореніи и послушаніи митрополиту.

¹⁾ Р. И. Б., VI, прилож., стр. 194 и 196. Въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ писалъ Волинскому князю Дмитрію Любарту: «съ того времени, какъ русскій народъ получилъ богопознаніе и просвѣщенъ святимъ крещеніемъ, установиле тамъ обычаи и законы, чтобы во всей Русіи—Великой и Малой—находился одинъ митрополитъ Кіевскій... Тамъ же, стр. 30.

²⁾ П. С. Д. г. IX, 222—229; Макарій, Ист. церкви, III, прил. 2-ое; Р. И. Б., VI, № 3.

Такъ въ грамотѣ 1354 г. о поставленіи митр. Алексѣя сказано, что благороднѣйшій великій князь и грочіе благородные князья, весь клиръ и весь христонимный народъ обязаны оказывать ему «всяческое благопокореніе и честь во всемі, что онъ будетъ говорить и внушать имъ на пользу ихъ душамъ и къ утвержденію благочестивыхъ и православныхъ догматовъ церкви Божіей; ибо оказываемое ему уваженіе, почтеніе и послушаніе относится къ самому Богу» ¹⁾). Почти буквально то-же сказано въ соборномъ опредѣленіи 1380 г. о поставленіи Пимена: «всѣ-же обязаны—епископы, князья, бояре, священствующіе, монахи и вся полнота христонимнаго народа—оказывать ему подобающее уваженіе, повиновеніе и послушаніе, какъ своему отцу и наставнику духовному. Пусть всѣ знаютъ, что оказываемыя ему честь, повиновеніе и послушаніе относятся къ нашей мѣрности, а чрезъ насъ къ Богу. А кто станетъ противиться ему, тотъ подвергнется отъ нашей мѣрности заслуженному каноническому наказанію» ²⁾). Можно было-бы думать, что всѣ эти предписанія о повиновеніи и послушаніи митрополиту слѣдуетъ относить исключительно къ сферѣ церковнаго управленія. Но даже и въ этомъ смыслѣ, въ виду тѣсной связи интересовъ церкви и государства въ древней Руси, эти правила должны были имѣть очень важное фактическое значеніе и въ исторіи государства. Въ дѣйствительности же они понимались гораздо шире. Известно, что митрополитъ Алексѣй требовалъ повиновенія отъ русскихъ князей въ дѣлахъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ сферѣ церковнаго управленія, и за ослушаніе предавалъ ихъ отлученію и жаловался на нихъ Константинопольскому патріарху. Патріархъ подтвердилъ князьямъ правила о послушаніи митрополиту, санкціонировалъ наложенное на нихъ наказаніе и обязывалъ ихъ не просить у митрополита прощенія. Известно также, что онъ выразилъ великому князю полное одобреніе за то, что онъ оказываетъ митрополиту всякое послушаніе и благопокореніе ³⁾. Съ другой стороны, по канонической догмѣ митрополитъ стоялъ внѣ всякой зависимости отъ великаго князя. Митр. Каприанъ, жалуясь на великаго князя за причиненные ему позоры и обиды, указываетъ, что все это učinено надъ нимъ безъ всякой съ его стороны вины, но къ

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 48.

²⁾ Тамъ-же, прилож., стр. 182 и слѣд. Еще подробнѣе преподается это правило въ пастольной грамотѣ митр. Фотію 1393 г. (хотя эта дата возбуждаетъ сомнѣнія въ подлинности грамоты; см. Макарія, IV, прил. XIV), А. И. т. I, № 254. Эта-же мысль повторилъ и митр. Фотій. См. выше стр. 4, примѣч. 1.

³⁾ Р. И. В., VI, прилож. №№ 16, 18 и 20. См. ниже, гл. VI.

этому добавляетъ: «И аще ли бы вина моя дошла которая, ни годится княземъ казнить святителейъ: есть у мене патриархъ, блжшій надъ нами, есть великій сборъ; и оуъ бы тако послалъ вины моя, и они бы съ исправою мене казнили»¹⁾). Итакъ, съ одной стороны князья обязываются быть послушными митрополитахъ, а съ другой—митрополиты подчиняются только патриарху и собору. Такая тенденция придать духовному авторитету преобладающее значеніе послужила, быть можетъ, отчасти поводомъ, отчасти подкрѣпленіемъ аналогичной постановки вопроса объ отношеніи авторитетовъ духовнаго и свѣтскаго въ древней русской письменности.

Но кромя того эта тенденция имѣла еще другое очень важное практическое значеніе: она служила главнѣйшимъ основаніемъ для проведенія идеи о зависимости русскихъ князей отъ византийскихъ императоровъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а именно въ церковномъ управленіи, эта зависимость представляется совершенно конкретной. Не смотря на стремленіе представителей византийской церковной іерархіи обособить дѣла церковнаго управленія и на теоретическія попытки нѣкоторыхъ императоровъ провести грань между компетенціями свѣтскаго и духовнаго авторитетовъ, императоръ въ качествѣ помазанника Божія и верховнаго покровителя вселенской церкви, явился главой и въ сферѣ церковнаго управленія, чему немало содѣйствовало зависимое положеніе «вселенскаго» патриарха отъ императора²⁾). По праву такого главы онъ оказывалъ вліяніе на дѣла русской церкви, какъ одной изъ митрополій константинопольскаго патриарха. Патриархи же всѣми способами стремятся поддержать церковный авторитетъ императора въ глазахъ русскихъ³⁾).

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить участіе императора въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ во всей Руси. Последнее происходило не иначе, какъ съ его согласія и соизволенія. Патриархъ свидѣтельствуетъ, что митр. Алексій поставленъ въ митрополиты его хрипостью и освященнымъ соборомъ «по соизволенію и согласію высочайшаго и святаго моего самодержка»⁴⁾). Также свидѣлствуютъ патриархи Нилъ и Антоній о поставленіи митрополитовъ

¹⁾ Р. Н. Б., VI, стр. 184.

²⁾ Le Quien, Oriens christ., стр. 137.

³⁾ Проф. Павловъ, Теорія восточнаго князизма, Прав. Обзор., док., стр. 756—757; Т. Барсова, тамъ же, стр., 447—448.

⁴⁾ Р. Н. Б., VI, прил., стр. 48; то же повторено нилъ и въ другихъ грамотахъ, ib., стр. 54 и 68.

Пимена и Фотія ¹⁾. Такое право византийских императоров признавалось и русскими князьями; вследствие чего они обращаются съ просьбами о поставлении въ митрополиты къ императору и патриарху. Въ 1352 г. великій князь Семенъ Ивановичъ ходатайствуетъ передъ патриархомъ и императоромъ о поставлении Алексѣя; о томъ же писалъ императору и вел. князь Иванъ Ивановичъ ²⁾. Въ началѣ XV в. Витовтъ просилъ царя и патриарха о поставлении особаго митрополита для Литвы; но императоръ Мануэль, по свидѣтельству Витонта, не послушалъ его праведнаго прошенія ³⁾. По свидѣтельству митр. Фотія, великій князь Василій Дмитріевичъ послѣ смерти Кипріяна писалъ въ Константинополь, «яко да его же по Божію хотѣнію изберуть и приилютъ, той есть памъ и святой святитель кievскій и всея Руси» ⁴⁾. По смерти Фотія великій князь Василій Васильевичъ отправилъ посольство къ святому царю и святѣйшему патриарху съ прошеніемъ и грамотами о поставлении на митрополию епископа Іоны; впоследствии онъ жаловался, что по неизвѣстнымъ причинамъ прошеніе его не было принято ⁵⁾.

Но этимъ не ограничивалась компетенція императора въ дѣлахъ русской церкви: его вѣдомству подлежалъ также вопросъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ ⁶⁾.

Великій князь Семенъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями просилъ императора Іоанна Кантакузина о присоединеніи къ русской митрополіи отдѣлившейся отъ нея митрополіи Галицкой, и императоръ издаетъ хрисовулъ, въ которомъ сказано: «наше царское величество изволяетъ, постановляетъ и опредѣляетъ, чтобы святѣйшія епископы, находящіяся въ Малой Россіи... снова были подчинены святѣйшей митрополіи Кіевской ⁷⁾. Императоръ же, предсѣдательствовавшій на соборѣ, созванномъ для разрѣшенія пререканій между митрополитами Алексѣемъ и Романомъ, «по снско-

¹⁾ Первый пишетъ, что Пименъ поставленъ по суду священнаго собора «и по благоизволенію и согласію высочайшаго и святаго моего самодержца», ib, стр. 182; второй—что «наше смиреніе съ Божією волею и благоволеніемъ и поспѣшеніемъ святаго боговѣщаннаго царя» избрали и поставили Фотія. А. И., т. I, № 254. Самъ митр. Фотій въ своей душевной грамотѣ пишетъ, что онъ былъ поставленъ «хотѣніемъ и потщаніемъ святаго царя по дѣйствию святаго священнаго вселенскаго собора, отъ соборныя великія церкви и отъ святѣйшаго великаго патриарха». П. С. Л., VI, 145.

²⁾ П. С. Л., X, 226 и слѣд.; Р. И. В., VI, прил., стр. 44 и 46.

³⁾ А. З. Р., I, № 24; Р. И. В., VI, № 38.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 329—330.

⁵⁾ А. И., т. I, № 39; Р. И. В., VI, № 62; П. С. Л., IX, 162—167.

⁶⁾ По этому поводу см. Новеллу Алексѣя Комнина, *Le Quin, Orleans christ.*, стр. 141.

⁷⁾ Р. И. В., VI, прил., № 3; ср. тамъ же, стр. 28 и 32.

жденію и ради спокойствія и мира тамошней земли опредѣлить (о Романи), чтобы онъ, вмѣстѣ съ двумя литовскими епископіями съ присоединеніемъ Новгорода, митрополичей каюедры, имѣли еще епископіи Малой Руси». Патріархъ Каллистъ по этому поводу пишетъ, что все указанное «по рѣшенію и приговору нашей хѣрности, а равно... священнаго собора, должно имѣть силу и твердость, согласно съ распоряженіемъ и опредѣленіемъ высочайшаго и святаго моего самодержца». ¹⁾ Когда въ 1389 г. соборнымъ опредѣленіемъ было признано единство русской митрополіи и постановлено, чтобы такой порядокъ соблюдался и впредь по всѣмъ вѣкамъ, то императоръ подтвердилъ это особымъ хрисовуломъ ²⁾. Императору принадлежить и право участія въ судѣ надъ іерархами русской церкви. Такъ въ 1347 г. по приказу царскаго величества и соборному рѣшенію вызывался на судъ галицкіи митрополитъ. ³⁾ Для разсѣдованія дѣйствій митр. Романа императоръ назначаетъ анокрисіаріевъ, которые о результатахъ слѣдствія должны были сообщить императору, патріарху и собору для постановленія приговора. ⁴⁾ Во время церковной смуты по смерти митр. Алексія, слѣдствіе предъявленныхъ противъ Пимена обвиненій, соборъ съ согласія патріарха и съ соизволенія императора постановилъ для разсѣдованія дѣла послать двухъ архіереевъ и емоушниковъ: одного изъ церковныхъ, другого царскаго ⁵⁾.

Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. компетенція императора по дѣламъ русской церкви опредѣлена слѣдующимъ общимъ образомъ: «высочайшій и святой самодержецъ, поборникъ и представитель церкви, отчиститель и защитникъ ея правъ, приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить русскую церковь, возстановить въ ней древній порядокъ и устроистію и уничтожить недавно возникшіе соблазны, дѣйствуя въ этомъ отношеніи достойно своему сану, великому разуму и царской мудрости, выражая заботу о томъ на-

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 74 и 76.

²⁾ Тамъ-же, прил., стр. 226. Когда митр. Клипріанъ ходатайствовалъ о присоединеніи городовъ И. Новгорода и Городца къ собственной епархіи, то посланные отъ императора и патріарха уполномоченные должны были разсѣдовать дѣло и отдать города или митрополиту, или судальскому епископу, какъ будетъ надлежать по имѣющимся грамотамъ императора. Если же митрополитъ пожелаетъ присоединить эти города къ митрополіи, то долженъ обратиться къ императору о хрисовулѣ и къ патріарху о епископіи. *Т. Барсовъ*, тамъ-же, стр. 528—533.

³⁾ Въ грамотѣ митрополиту Феогносту императоръ пишетъ: «а относительно галицкаго (митрополита) мое дарское величество опредѣлило, чтобы онъ прибылъ сюда на судъ по вводимымъ на него обвиненіямъ». Р. И. В. VI, прилож., стр. 24; ср. еще стр. 32.

⁴⁾ Тамъ же, прилож., стр. 62 и 81.

⁵⁾ Тамъ-же, прилож., стр. 212; ср. еще стр. 254.

родъ словами, дѣлами и всѣми возможными способами, и ставя на второй планъ все свои дѣла, лишь-бы въ той церкви все благоустроилось». ¹⁾

Предписанія императоровъ и постановленія соборовъ, касавшіяся русской церкви, приводятся въ исполненіе большею частью распоряженіями патріарха. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами императоры сносятся съ князьями. Въ этихъ случаяхъ тонъ ихъ грамотъ носитъ скорѣе характеръ убѣжденія, чѣмъ приказа. Такъ въ 1347 г. императоръ Іоаннъ Кантакузинъ сообщаетъ владиміръ-волинскому князю Дмитрію Любарту о присоединеніи вновь къ митрополю кievской епископіи уничтоженной галицкой митрополю. Онъ убѣждаетъ князя подчиниться этому постановленію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И если вы по своему христіанству и благочестію предъ Богомъ являетесь благопослушными и благопокорными церкви Божіей и, вслѣдствіе того, приняли прежнія церковныя грамоты, которыми галицкій епископъ возведенъ въ митрополиты, то и теперь, когда та-же святая Божія церковь и мое царское величество опредѣляетъ, чтобы дѣло опять пришло въ прежнее состояніе, примите это (опредѣленіе) съ удовольствіемъ, какъ благопотребное и относящееся къ вашей душевной пользѣ. Сего ради да будетъ такъ, какъ объявляетъ вамъ мое царское величество» ²⁾. Около 1416 г., когда по жалобѣ митр. Фотія избранный въ митрополиты на Литву Григорій Цамблакъ приговоромъ собора былъ низверженъ, отлученъ и проклятъ, императоръ и патріархъ писали къ великому князю Витовту «о исправленіи вещи сіа». ³⁾

Указанная форма убѣжденія въ сношеніяхъ съ русскими князьями по дѣламъ церкви заставляла усомниться въ возможности существованія какой-либо политической зависимости древней Руси отъ византійской имперіи. Въ дѣйствительности подобной зависимости и не существовало или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не установлено ни одного безспорнаго факта въ подтвержденіе такого предположенія; но идея объ ней возникла у грековъ довольно рано, проредержалась довольно долго и получила нѣкоторое отраженіе даже въ официальныхъ сферахъ древней Руси.

Выше было указано, что въ Византіи считали все земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ нея въ за-

¹⁾ Тамъ же, прилож., стр. 222.

²⁾ Тамъ же, стр. 34.

³⁾ Грамота императора неизвестна; но о ней сообщаетъ въ своемъ посланіи патріархъ. Р. И. Б., VI, № 40.

всипности не только церковной, но и политической. Древняя Русь не избѣгла общей участи. Едва только таврчскіе руссы успѣли въ началѣ IX вѣка принять крещеніе, какъ патриархъ Фотій въ окружномъ посланіи оповѣщаетъ, что «такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ римской державы, — въ настоящее время промѣняли эллиское и нечестивое учене, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (εὐ βλαβῶν τάσει) и друзей (παλινῶν), вмѣсто грабленія насъ и полнкой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря»¹⁾. Отъ половины XII вѣка существуетъ свидѣтельство византийскаго историка Киннама, что императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимірка, какъ на своего подчиненнаго союзника или вассала²⁾. Неизвѣстно, когда получилъ русскій князь соотвѣтственный титулъ при дворѣ византийскаго императора. Писатель XIV вѣка Никифоръ Григора, разсказывая о величин римской имперіи, передаетъ слѣдующее старинное преданіе: «когда вѣѣ царства въ мірѣ соединились подъ властью римлянъ, ...тогда стекались въ державный Римъ отовсюду многое множество людей; сюда являлись предводители воискъ, сатрапы властители народовъ, правители областей и городовъ, одни чтобы сдѣлаться извѣстными кесарямъ и августамъ, другіе чтобы получить себѣ отъ кесарскаго сената какой-нибудь чинъ или мѣсто.../Такъ при Великомъ Константинѣ правитель русскій (ὁ βασιλεὺς) получилъ титулъ и санъ столбника» и проч.³⁾/ Это сообщеніе подтверждается указаніемъ другаго писателя того же

¹⁾ По переводу *проф. Голубинскаго*, *Ист. церкви*, I, 32. Греческій подлинникъ у *Амелкампфа*, *Обозрѣніе коринцевъ*, изд. 2, 234; такъ же это мѣсто по переводу Степенной книги и *Илькова*. Любопытно, что авторъ Степенной книги, отнеся это посланіе Фотія ко времени крещенія Руси при Владимірѣ, неосторожно «русскихъ самодержавителей» ставитъ въ чинѣ «дослаушникъ и пріятелей» *Степ. кн.*, I, 81—82.

²⁾ Этотъ подчиненный союзникъ боролся противъ *Яндалава* вѣнскаго, который хотѣлъ высвободиться даже изъ-подъ церковнаго подчиненія константинопольскому патриарху, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ поставленія митрополитомъ *Климентомъ*. За враждебныя дѣйствія Венгрии противъ галицкаго князя императоръ объявлялъ ей войну, выставивъ въ числѣ мотивовъ обиды, причиненныя византийскому вассалу. *Проф. Василевскій*, *Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ*, *Слав. Сб.*, т. II, стр. 235 и прил. 42, и еще стр. 248—249, прим. 82.

³⁾ *Никиф. Григор.*, *Римская Исторія*, русск. пер. 1863 г., стр. 230—231.

вѣка, Максима Плавудиса, который говоритъ, что «царь пора-
божденныхъ римлянами народовъ и ихъ правителей Августъ отли-
чалъ различными почестями и въ которыхъ изъ нихъ, показывая
этимъ самымъ, что они вполне подчинены ему, а онъ ока-
зываетъ имъ приличествующія почести: такъ правителя Руссовъ
онъ почтилъ должностью стольника. Такъ что когда къ
царю Андронику Палеогу пришелъ какой-то посолъ отъ Руссовъ,
то онъ пришелъ привѣтствовать въ такихъ выраженіяхъ, что, молъ,
повелитель мой, царь Руссовъ, а твоего священнаго
величества стольникъ, униженно преклоняется предъ тво-
имъ священнымъ величествомъ»¹⁾/Судя по этому указанію, вели-
кій князь всея Руси носилъ еще въ XIV вѣкѣ званіе стольника
византийскаго императора. Изъ другаго источника узнаемъ, что
императоры продолжали включать въ свой титулъ, въ половинѣ
XIV вѣка, званіе царей русскихъ. Но христіанскій и египетскій
султанъ въ своемъ письмѣ около этого времени такъ титуловалъ
императора: «rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blacho-
rum, Rhossorum et Alanorum.» Вѣроятно, онъ употребилъ титулъ,
какимъ именовалъ себя самъ императоръ²⁾/Всѣ эти данныя со-
гласно подтверждаютъ, что идея о политической подчиненности
древней Руси византийскому императору получила среди грековъ
широкое распространеніе и удерживалась еще въ XIV вѣкѣ.

Такое воззрѣніе нашло себѣ отраженіе и на католическомъ западѣ.
Въ половинѣ XII вѣка германскій король Конрадъ III жаловался
своему союзнику императору Иоанну Козимину на русскихъ за серьез-
ную обиду, нанесенную германскимъ подданнымъ. Конрадъ III
требовалъ, «чтобы его византийскій союзникъ, какъ подобаетъ
другу и союзнику и какъ уже обѣщалъ сдѣлать въ своей гра-
мотѣ, наказалъ русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти
германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги».
Императоръ отиѣчалъ на это, что, «относительно дѣла, совершив-
шагося въ Россіи, онъ поступилъ такъ, какъ отъ него
ожидали и какъ это соответствовало его достоин-
ству». Что сдѣлалъ и сдѣлалъ-ли что-нибудь по этому дѣлу Ио-
аннъ Козиминъ—неизвѣстно. Его преемнику Конрадъ III еще разъ
писалъ о русскихъ, о которыхъ онъ писалъ и блаженной памяти
отцу Мануила, извѣщая, что онъ поручилъ своимъ посланцъ пере-
дать императору свою вѣлю объ этомъ дѣлѣ. Если нѣмецкій госу-

¹⁾ Р. И. Б., VI, прилож., прим. на стр. 274.

²⁾ Stritter, Метог. рор., II, 1027; цитовано по Голубинскому, Ист. Церкви,
I, 139, прим.

дарь жалуются византийскому императору на русских, надѣясь получить удовлетвореніе, то отсюда явствуетъ, что онъ признавалъ за императоромъ верховныя права надъ Русью ¹⁾).

Но условія, при которыхъ могла бы найтись отраженіе эта идея на русской почвѣ, были не вполне благоприятны для грековъ. Съ начала возникновенія международныхъ отношеній Руси съ Византіей грекамъ не одинъ разъ пришлось убѣдиться въ томъ, какой серьезной опасності они могутъ ждать отъ этихъ предприимчивыхъ варваровъ. Византийское правительство не разъ пыталось привлечь на свою сторону военныя силы Руси и включало въ мирные договоры условіе объ оказаніи русскими помощи противъ враговъ имперіи ²⁾. Необходимость повторять эти условія указывалась, въ какой мѣрѣ они исполнялись. При Владимірѣ Святославичѣ Русь опять воюетъ съ имперіей. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, незадолго до принятія русскими христіанства, бѣдственное положеніе государства при императорѣ Василии вынудило его просить помощи «у царя русовъ—а они его враги» ³⁾. Кіевскій князь согласился исполнить просьбу императора, но подѣ условіемъ, чтобы императоръ выдалъ за него свою сестру. «И заключили они между собою договоръ о свойственнѣхъ и женилахъ (женитьбѣ) царя русовъ на сестрѣ царя Василия послѣ того, какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій ... И посласть къ нему царь Василій въ послѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они крестили царя и всѣхъ кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ» и т. д. ⁴⁾. Изъ другихъ источниковъ извѣстно,

¹⁾ Проф. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр. 1884 г., июль, стр. 238—240.

²⁾ Въ договорѣ 945 г. сказано: «Аще-де хотѣти начеть наше царство отъ вась вой на противящася пакъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ елико же хоцемъ». Лѣт. по Лавр. св., 51. По договору 971 г. Святославъ обязался: «аще итъ кто помыслитъ на страну вашу, да ка азъ буду противень ему и борюся съ нимъ». Тамъ-же, 71.

³⁾ Извѣстія Ахьи Антиохійскаго и Ал-Меккиа. Есть указанія, что въ 985 и 986 гг. Русь въ союзѣ съ Болгаріей восстала противъ Византіи, которой было нанесено пораженіе при Сардикѣ-Сръдцѣ. Объ этомъ въ статьѣ проф. Успенскаго, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., апр., стр. 293—294. Съ этимъ временемъ совпадаетъ извѣстіе лѣтописи о прибытіи греческаго посольства въ Кіевъ. Ср. проф. Васильевскаго, Русско-византийскіе отрывки, Ж. М. Н. Пр. 1876 г., апр., стр. 145.

⁴⁾ Баронъ Рохмъ, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ лѣтоп. Ахьи Антиохійскаго, стр. 23—25. Соответствующее мѣсто Ал-Меккиа.

что посланный въ 988 г. киевскихъ князехъ союзный корпусъ достигалъ до 6,000 человекъ и оказалъ большія услуги имперіи. Съ этого времени по концъ XI вѣка союзный русскій корпусъ въ Византіи является постоянно дѣйствующимъ въ войнахъ имперіи на востокъ и западъ¹⁾. Онъ безразлично именуется союзной или наемной силой, союзниками или наемниками; на содержаніе его установлены въ имперіи особые денежные сборы и отбывалась населеніемъ натуральная повинность, какъ и для прочихъ регулярныхъ войскъ имперіи²⁾.

Существованіе въ византійской имперіи значительнаго союзнаго русскаго войска въ теченіе почти столѣтія со времени принятія христіанства могло-бы навести на предположеніе, что подобная постоянная служба была результатомъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями. Характеръ этого обязательства предстоить еще уяснить. Известно, напр., что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна

въ указ. статьѣ проф. Васильевскаго, стр. 140. Разборъ этихъ извѣстій въ статьяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, и въ ст. *И. Лавинскаго*, Къ вопросу о времени крещенія Владимира и Руси, Христ. Чт. 1888 г., № 7—8, стр. 100—161, гдѣ представленъ сводъ византійскихъ и арабскихъ извѣстій объ этомъ событіи.

¹⁾ Этотъ фактъ установить проф. Васильевскимъ въ изслѣдованіи: Варяго-русская дружина въ Константинополѣ, Ж. М. Н. Пр. 1874 г., ноябрь, стр. 121—144, и 1875 г., часть CLXXVIII, стр. 76—133. Авторъ констатируетъ, что въ половинѣ XI вѣка союзный корпусъ равняется первоначальному контингенту, достигая до 6 тыс. Съ половины и до конца XI в., несмотря на затруднительность сношеній Руси съ Византіей, въ византійской арміи все-же находили русскіе полки. Результаты своихъ изслѣдованій авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Итъ никакой возможности думать, что эти русскіе союзные полки, равно какъ и русскій союзный корпусъ, не суть постоянное учрежденіе въ византійской арміи, а являлись всякій разъ снова по вызову потребности, сущейной въ Константинополѣ и признаваемой въ Кіевѣ, т. е., никакъ нельзя предполагать, что всякій разъ, какъ встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ упоминаніе о русскихъ союзныхъ силахъ, мы должны подразумѣвать новое переговоры византійскаго монарха съ русскими князьями и новую послыску послѣдними военной помощи. Это было почти невозможно по самой природѣ вещей. Объ этомъ нигдѣ не говорится ни въ русскихъ, ни въ византійскихъ извѣстіяхъ, а противъ означеннъ такіе факты они не могли, или если могли, то однажды—два раза, а не всякій разъ какъ-бы систематически. Наконецъ, это противорѣчило бы прямымъ словамъ вѣстнаго намъ армянскаго историка, который утверждаетъ, что очень хорошо ему извѣстенъ русскій корпусъ 1000 года приближъ къ Василию II за 12 лѣтъ передъ тѣмъ; противорѣчило бы буквально и прямому смыслу тѣхъ лѣтъ въ византійскихъ хроникахъ, въ которыхъ русскіе полки повсюду на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіи или Европѣ не изъ Руси, а изъ Халдіи или изъ другихъ Малонадпелскихъ округовъ. Однимъ словомъ, мы должны признать непрерывное существованіе русскаго союзнаго корпуса въ Византіи въ видѣ постоянного учрежденія.» Ж. М. Н. Пр. 1875 г., ч. CLXXVIII, стр. 99 и 100.

²⁾ Тамъ же, стр. 95 и 107, 127—128.

была выставлятъ при походахъ императоровъ на западъ или востокъ опредѣленную военную силу ¹⁾). Однако, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особыми договоромъ кровнаго родства съ византійскими императорскими доможъ. Выдать свою сестру за князя парварскаго народа было несъхланимо венцою для византійскаго императора и, конечно, великой честью для русскаго князя ²⁾). Какъ смотрѣло византійское правительство на отношенія брачующихся сторонъ при столь неравныхъ бракахъ, показываютъ письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ кievскому князю Всеволоду Ярославичу ³⁾). Императоръ титулуетъ русскаго князя игемонъ, указываетъ на его знатность рода и въ одномъ письмѣ выдѣляетъ его изъ ряда другихъ владѣтелей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что касается другихъ влaстителей народовъ, то я полагаю будетъ достаточно, если я засвидѣтельствую имъ любовь письменно; они должны почитать за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи... Но относительно твоего благородства и разумности я разсудилъ ничто большее: устроить согласіе дружбы; и не удивляйся, что я возвышаю тебя изъ среды другихъ влaстителей и удостоинаю болыней чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже содѣлало ничтожнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи». Въ другомъ письмѣ импера-

¹⁾ Проф. Васильевскій. Изъ исторіи Византіи въ XII в., Слав. Сб., т. II, стр. 236 и 248. Сербія считалась по праву въ числѣ вассалъ, подвластныхъ имперіи; до половины XII в. сербскіе жупаны Рассаи, обязанные сопровождать императора въ походы, отбывали эту вассальную повинность на основаніи точныхъ условій; напр., при походѣ въ Азію выставляли 300 человекъ воиска. Въ половинѣ XII у Сербіи возникли непріятельскія отношенія къ имперіи. Послѣ пораженія въ 1150 г. сербскій жупанъ, Урошъ, «попергнвшисъ въ прахъ передъ своимъ господиномъ, простершись въ ногахъ цари и только немного приподнявъ голову, пронапесъ клятву и обѣтъ вѣчной покорности. Онъ обязался вѣрныи быть рабомъ императора восточнаго и, какъ вѣрній вассалъ, сопровождать его на войнѣ съ опредѣленнымъ количествомъ воиска: при походахъ на западъ—съ двухтысячнымъ числомъ, при походахъ въ Азію—съ пятью-стами; слѣдовательно, къ послѣднимъ случаямъ двумя стами болѣе, чѣмъ это полагалось прежде».

²⁾ Даже когда императоръ вѣнецкій Оттонъ I въ 968 искалъ руки старшей сестры царицы Анны для своего сына, то ему отвѣчали: *Inaudita res est, ut porphyrogeniti porphyrogenita, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus miscetur*. Объ этомъ у проф. Голубинскаго, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 139 и прим. 2.

³⁾ Эти письма сохранились безъ имени адресата. Проф. Васильевскій считаетъ возможнымъ по содержанию и выраженіямъ писемъ отнести ихъ только къ русскому князю, Ж. М. II. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 270—316. Такъ какъ эта догадка столь авторитетнаго византиниста не встрѣтила до сихъ поръ возраженій, поскольку это извѣстно автору настоящихъ очерковъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ опереться на этотъ фактъ.

торъ даже указывать, что «священные книги и достоверныя исторія научаютъ, что наши государства оба имѣютъ одинъ и тѣ же источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что сдѣли и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и ипнатели провозгласили въ нихъ слово Евангелія». Императоръ предлагаетъ русскому князю вступить съ нимъ въ общеніе «черезъ посредство родственной крови, чтобы чрезъ посредство членовъ отъ обоихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе и сплззлся союзъ любви». Михаилъ VII Дука находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при вступленіи своемъ на престолъ и, чтобы приобрести сильнаго союзника, прибѣгнуть къ обычному средству византійской политики—брачному союзу¹⁾, предлагая русскому князю выдать его дочь за своего брата. Для достиженія этой цѣли русскій князь и возводился въ санъ кровнаго союзника, что должно было льстить его самолюбію. Но, не смотря на такое почетное отличіе, авторъ письма говоритъ, какъ высшій съ низшихъ: «я тебя возвышаю; я тебя удостоиваю; тебѣ, конечно, не безъизвѣстно, что такое есть императорская власть у нашихъ римлянъ, что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальшее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ...; вотъ мое благопожеланіе, а твое благополучіе... ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почетною; и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе»²⁾. Изъ этихъ словъ очевидно, что и сопримеченіе въ духовное родство христіанскіе государя по своему авторитету стояли значительно ниже императорскіе. И значительно ниже русскіе князья считались родственными союзниками византійскихъ императоровъ. Въ половинѣ XIV в. императоръ Иоаннъ Кантакузинъ слѣдующимъ образомъ титуруетъ московскаго князя Семѣна Ивановича: «благороднѣйшій великій князь всея Руси, любезный и сродникъ моего царскаго величества, куръ Семѣонъ». Такъ же именуется его и патриархъ: «благороднѣйшій князь всея Руси и любезный сродникъ высочайшаго и святаго самодержца моего»³⁾. Сродникомъ царскаго величества императоръ называетъ и владиміро-волынскаго князя Дмитрія Лю-

¹⁾ Krieger, Die Byzantiner des Mittelalters, стр. 100, 102.

²⁾ Переводъ текста письма въ указанной статьѣ проф. Васильевскаго, стр. 274—279.

³⁾ Р. И. В., т. VI, прилож., стр. 16, 20 и 36.

барта ¹⁾). Согласно русским известиям, Василия Васильевича Телого византийский император титуловал уже братомъ. Русское сказаніе о Флорентійскомъ соборѣ, правда, въ позднѣйшей редакціи, влагасть въ уста императора Іоанна Палеолога слѣдующія слова о русскихъ великохъ князяхъ: «яко восточнии земли суть большее православіе, нынѣшнее хрестьянство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть государь брать мой, ему же восточніе царя прислушаютъ и великіи князи съ землями служатъ ему» ²⁾. Званіе императорскаго брата для русскаго князя вовсе не было только плодомъ тщеславной фантазіи автора сказанія. Такъ титуловалъ себя самъ великій князь; въ одномъ посланіи къ греческому царю 1443 г. онъ именуетъ себя «братомъ святаго ти царства» ³⁾, а въ другомъ отъ 1451-52—«сватоу святаго ти царства» ⁴⁾.

Тотъ фактъ, что византийское правительство, считая русскаго великаго князя стольникомъ византийскаго императора, тѣмъ не менѣе титулуетъ его своимъ кровнымъ родственникомъ, вовсе не указываетъ на противорѣчія въ византийскихъ государственныхъ теоріяхъ. Особенно вѣжливая форма дипломатическихъ сношеній была скорѣе результатомъ тѣхъ уступокъ, какія приходилось дѣлать императорскому правительству по соображеніяхъ политическихъ выгодъ. Къ тому же это и не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ во всякомъ случаѣ, по воззрѣніяхъ грековъ, положеніе русскаго князя носитъ отбѣнокъ приниженности по отношенію къ императору. Образдо любопытнѣе и важнѣе оказываются данными, на основаніи которыхъ только-что указанный фактъ подтверждается съ другой стороны: византийскія государственныйя теоріи все-же нашли себѣ извѣстное отраженіе и въ воззрѣніяхъ русскихъ князей. Къ сожалѣнію, отрывочность упомянутыхъ данныхъ не позволяетъ воспроизвести съ желанной подробностью характеристику этихъ воззрѣній. Тѣмъ не менѣе сохранившіяся указанія достаточно обрисовываютъ ихъ главнѣйшія черты.

Изъ отнѣтной грамоты императора Іоанна Кантакузина великому князю Семену Ивановичу узнаемъ, что русскій князь наза-

¹⁾ Тамъ же, прилож., стр. 30.

²⁾ П. С. Л., VI, 152—153; VIII, 101; Визант., VI, 51—52.

³⁾ П. С. Л., VI, 162; ср. Р. И. В., VI, стр. 529, прил.

⁴⁾ Р. И. В., VI, № 71; А. И., т. I, № 41 и 262. Іоаннъ Палеологъ былъ женой на дочери великаго князя Василия Дмитріевича Аниѣ. П. С. Л., VIII, 86: въ 1411 вел. князь «отдалъ дщерь свою Анну въ Царьградъ за Царевича Іоанна Мануиловича». Но императоръ Іоаннъ, вступивъ на престолъ, развезся съ женой и женился на трансуландской принцессѣ.

галъ ему свои мнѣнія о значеніи византійской имперіи. Императоръ подтверждаетъ его взгляды: «Да, царство Ромеевъ и святѣйшая великая церковь божія, какъ и ты писалъ, есть источникъ всякаго благочестія и училище законодательства и освященія»¹⁾. И здѣсь въ основу положена идея церковно-религіозная: царство Ромеевъ, какъ центръ вселенской церкви, есть источникъ благочестія. Но кромя того русскій князь преклоняется передъ этимъ царствомъ, какъ училищемъ законодательства²⁾. Отгнѣнить съ этой стороны знаніе Византіи было совершенно естественно для русскаго князя: не только обиліе правовыхъ нормъ, позаимствованныхъ у нея древнею Русью, служить тому достаточнымъ оправданіемъ, но также и сравнительная оцѣнка этихъ нормъ. Какимъ значеніемъ пользовались въ древней Руси градскіе законы, видно изъ того, что по распространенному тогда взгляду они считались столь-же боговдохновенными, какъ каноническія постановленія вселенской церкви³⁾. Изъ посланій великаго князя Василія Васильевича къ императорамъ и патриарху, писанныхъ послѣ Флорентійскаго собора и наканунѣ паденія византійской имперіи, изъ которыхъ онъ именуется себя такими почетными отличіями (братомъ и святомъ императора), можно видѣть,

¹⁾ Р. И. В., VI, прил., стр. 26.

²⁾ Также смотрѣли на Византію не только въ славянскихъ земляхъ, но и на византійской землѣ. «на всѣ страны распространился добрый законъ», но и на католическомъ западѣ, гдѣ и некоторые считали Византію государствомъ, «въ которомъ господствуетъ служеніе божественной религіи, законной порядокъ и начало гражданскаго права (ordo legum et juris civilis ratio)». Проф. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ, Слав. сборн., т. II, стр. 245.

³⁾ Въ предисловіи къ «Мирю Праведному» сказано: «заповѣданія отъ святыхъ... апостолъ и всея вселенныя шестн соборъ и поистинныхъ св... отецъ... подающая въ нихъ повѣдѣнія и благочестивыхъ нашихъ царъ и благовѣрныхъ князівъ... градскія законы уставивша, отъ единого Св. Духа вси озарившеса... Розенкампфъ, Обзорніе Коричей, изд. 2, стр. 199; ср. Калачова, О коричей, прим. 56 и 65; сю же, Мирю Праведное въ Арх. Ист.-юр. свѣд., I, отд. III, стр. 30 и 31. Въ М. П. Кн., ч. I, стр. 165: епископы поучали Владимира Св. казнить азыхъ, «яко же повѣдѣно есть вамъ въ божественныхъ правлахъ по градскому закону». Митр. Геронтіи писалъ арх. Геннадію, что сретени, на которыхъ есть свидѣтельства, «по царскимъ правламъ отъ Божественнаго писанія достойныи градския казни». Р. И. В., VI, стр. 762. Иосифъ Волоцкій о градскихъ законахъ говорилъ, что «они подобны сущъ пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ» и ссылался на «священное писаніе... еже отъ градскихъ законъ». Если-бы кто сказалъ, предусматриваетъ Иосифъ, что градскіе законы не апостольскія ниже отческія преданія, тому онъ рекомендуетъ ознакомиться съ Никономъ Черногорцемъ, который пишетъ, что номоканонъ есть книга, въ которой святыми отцами размышаны божественныя заповѣди съ градскими заповѣданіями, «и кто убо дерзнетъ снхъ отложити или похулити?» Просвѣтитель, стр. 536—538 и 588. Митр. Данила утверждалъ о градскихъ законахъ, что они «послѣдуютъ священнымъ правламъ». Пренія Данила съ старцемъ Васильюномъ, стр. 2.

какъ высокъ былъ авторитетъ императора въ глаза русскаго князя даже въ то время. Онъ называлъ великаго князя Константина «благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенныя»¹⁾, признавая тѣмъ самымъ мировое значеніе имперіи. Хотя императоръ Константинъ Палеологъ названъ только «самодержцемъ греческаго скипетра», но, по мнѣнію великаго князя, скипетры греческаго царствія не утратили еще мирового значенія: «восприялъ еси, пишеть онъ императору, свой царскій скипетръ, свое отечество, въ утверженіе всему православному христіанству нашихъ державъ и нашихъ владѣтельствъ русскія земли, всему нашему благочестію, въ великую похощь». Согласно съ этимъ составилъ и титулъ императора: «державнѣйшій и богомъичавшій, и благочестья ревнитель, и попорочный православию христіанскія вѣры теишій и непреклонный истинный поборникъ и правитель, и высочайшій царь и самодержецъ греческаго скипетра»²⁾. Старыя традиціи и послѣ Флорентійскаго собора поддержали церковный авторитетъ византійскаго императора въ глазахъ русскаго князя. Онъ оправдывается передъ императоромъ за поставленіе митрополита Іоны помимо Византіи: «и просимъ святое ти царство да не поможшии о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, ни обое славъ великаго нашего господства; но сіе за великую нужу сътворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзостью». Великій князь обѣщаетъ, что русская митрополія и въ своемъ новомъ положеніи сохранитъ прежнія отношенія къ вселенской церкви, попрежнему оттуда «благословеніе требуетъ и ищетъ, во всемъ по древнему благочестію повинуются ей... разиде ныгдѣшнихъ поволильшихся разгласитъ».

Но сохранить прежнія отношенія стало невозможно, такъ какъ разгласъя получили очень серьезный характеръ. У русскіхъ князей съ царградскими царями и прежде бывали столкновенія, «негладости», какъ выразился митр. Іона, во время которыхъ русскіе митрополиты ставились помимо Византіи; но это были столкновенія чисто политическія. Въ XIV в. возникли болѣе серьезныя столкновенія по дѣламъ церкви. Поводомъ къ неудовольствіямъ послужили сначала попытки къ отторженію отъ русской митрополіи юго-западныхъ епископій: возникаетъ особая митрополія галицкая, поставляется отдѣльный митрополитъ для Литвы. Эти событія очень

¹⁾ Р. И. В., VI, № 62; П. С. Я., VI, 163 и слѣд.; А. И., т. I, № 39.

²⁾ Р. И. В., VI, № 71; А. И., т. I, № 41 и 263.

обезпокоили московское правительство, и по поводу ихъ произошли первыя непріятныя объясненія у митр. Алексѣя съ патриархомъ. Послѣдній оправдывался и вышелъ во время митр. Алексѣя¹⁾. Наконецъ, когда при жизни митр. Алексѣя явился въ Москву вновь поставленный митр. Кипріянь, то это событіе вызвало справедливое негодованіе великаго князя и митрополита. Кипріянь долженъ былъ удалиться. А когда онъ явился во второй разъ по смерти митр. Алексѣя, то съ нимъ поступили въ Москвѣ: очень круто: съ великимъ безчестіемъ онъ былъ изгнанъ изъ московскихъ предѣловъ. Самъ митр. Кипріянь, описывая это, между прочимъ замѣчаетъ: «слыши небо и земля и вси христіане, что сотвориша надо мною христіане, что-же ли сотвориша патриаршимъ посланъ, хуляще на патриарха, и на цря, и на соборъ великій: патриарха литвиномъ назвали, цря такоже, и всечестный соборъ вселенскій»²⁾. Исторія съ митр. Романомъ, непріятныя объясненія изъ-за столкновеній съ Литвою и русскими князьями, союзниками Ольгерда, наконецъ, инцидентъ съ митр. Кипріяномъ,—послани изъ московскаго правительства сильное подозрѣніе въ искренности дружбы и благорасположенія византійской имперіи и церкви къ Москвѣ: ихъ подозрили въ симпатіяхъ къ Литвѣ. Наступившая церковная смута, когда въ Константинополѣ поставили сразу трехъ митрополитовъ на Русь, должна была подтвердить эти подозрѣнія и во всякомъ случаѣ подрывала авторитетъ вселенской церкви и императора. Въ Москвѣ говорили, что они виновны въ смутѣ. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. сказано, что когда по обвиненіяхъ, предъявленнымъ противъ митрополита Симеона, въ Константинополѣ рѣшили изсѣдовать дѣло и въ случаѣ подтвержденія обвиненій извергнуть его изъ церкви и поставить митрополитомъ Донисіа, то будто бы «это не только исполнивало русскихъ, но разъярило ихъ всѣхъ противъ католической церкви, такъ что они излили на всѣхъ насъ потокъ многихъ ругательствъ съ прибавленіемъ насмѣшекъ, обвиненій и ропота». Частный случай послужилъ лишь поводомъ къ открытому заявленію неудовольствія въ такой рѣзкой формѣ; причины коренились глубже. Въ Византіи не могли простить такого неуваженія къ ея авторитету. На рѣзкія отношенія соборное опредѣленіе 1389 г. отвѣтило рѣзкими обвиненіями противъ митр. Алексѣя, котораго главнымъ образомъ считали причиною всѣхъ смутъ и обвинили въ неуваженіи къ главі церкви—патриарху; про него сказано, что онъ не только не пользовался

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. № 25.

²⁾ Р. И. В., VI, стр. 185.

патрiаршими увѣщанiями, ии во-что поставивъ патрiаршiя грамоты, но даже не удостоилъ писавнаго отвѣтомъ и показалъ полное неуваженiе къ своей главѣ. Но этого мало. Соборное опредѣленiе обвинило въ безпорядкахъ всѣхъ русскихъ: «Все что они заслужили сами, сплетая ложь, составляя ковы, услаждаясь лукавствомъ и совершая безчисленныя злыя дѣянiя чрезъ отправленныхъ ими посланъ,—все это они складываютъ на насъ!.. А церковь и не знала, на чьей сторонѣ правда. Передъ кѣмъ-бы имъ слѣдовало прятаться и молчать, противъ тѣхъ они подили ругательствъ, не пощадивъ самой церкви! Ко всѣхъ спонжъ прочихъ беззаконiямъ прибавили они и это одно, или лучше сказать первое и самое тяжкое ругательство и хулу на Бога черезъ церковь¹⁾. Между Москвою и Константинополемъ готовился серьезный разрывъ. Великий князь Василий Дмитриевичъ хотя и принялъ митрополита Кириiана, который соборнымъ опредѣленiемъ 1389 г. назначенъ однимъ митрополитомъ всея Руси, но отнесся съ неуваженiемъ къ патрiарху и его людямъ, не оказалъ имъ прежней чести и не позволилъ митрополиту поминать имя царя въ диптихахъ²⁾, говоря: «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать

¹⁾ Тамъ же, прил., стр. 214, 200 и 202.

²⁾ Судя по описанiямъ нѣкоторыхъ сохранившихся служебниковъ, поминанiе царей при богослуженiяхъ не было обычнаемъ общераспространеннымъ въ древней Руси. Въ служебникѣ XII вѣка Антонiя Римлянина и служебникѣ XIII вѣка Варлаама Хутынского и Новгородскаго Софiйскаго собора стоятъ поминанiе лишь «благочестиваго князя нашего». Оп. ркп. Синод. Вибл., отд. III, стр. 2; *Буслаевъ*, Историч. христоматiя, стр. 69 и 95; Извѣст. Импер. Ак. Н., т. X, вып. VI, стр. 604. Въ служебникѣ же XIV в. митр. Кириiана, который переписалъ этотъ служебникъ отъ грецкихъ князь на русский языкъ рукою своею, стоятъ поминанiе «благочестивыхъ и вѣрнѣйшихъ нашихъ царей». Оп. ркп. Синод. Вибл., отд. III, стр. 13—14; *Буслаевъ*, тамъ же, стр. 137. При этомъ любопытно, что соответственныя мѣста служебниковъ Варлаама и Кириiана дословно сходны, ашь въ первомъ вмѣсто «царей» стоятъ «князя» и вмѣсто «царство» — «владичество». Въ одномъ служебникѣ XV в. поминаются царя, а не князья; въ новгород. служебникѣ XV вѣка арх. Евфимiя въ ектенiи упоминается о князьяхъ, княгиняхъ и ихъ чадахъ, а въ молитвенникѣ, писанномъ въ Новгородѣ въ 1462, на актiнiи упомянуты благочестивые цари, христовлюбивый великий князь и всѣ благочестивые князья «иже русское велело пекучеся». Оп. ркп. Спн. Вибл., отд. III, стр. 37 и 46; *Средневѣскiй*, Свѣд. и замѣтки, № LXXIX, стр. 559. Даже въ служебникѣ конца XV или начала XVI в. въ молитвахъ и ектенiяхъ упоминается о царяхъ и только одинъ разъ послѣ царей упомянуто и о князѣ. Также въ сборн. XVI в. поученiя Исмака Сирина содержится правило для келейнаго поминанiя живыхъ и умершихъ, гдѣ, между прочимъ, сказано: «спаси Господи и помилуй православныхъ царей и царицъ. Спаси Господи и помилуй благочестиваго и великаго князя ияркъ». Оп. ркп. Спн. Вибл., отд. III, стр. 48; отд. II, ч. 2, стр. 182. Между тѣмъ въ чинѣ избранiя и поставленiя въ епископию начала XV в. въ многолѣтiи и ектенiяхъ говорится только о великомъ князѣ и князьяхъ, а не о царѣ; тогда какъ въ этомъ торжественномъ богослуженiи скорѣе всего долженъ бы проявиться официалнаго-политическiй характеръ. Р. И. В., VI, стр. 441, 445, 459. Можетъ быть эта форма была послѣдствиемъ описываемаго столкновенiя.

не хотихъ». По этому поводу патриархъ Антоній отправилъ великому князю увѣщательное посланіе, въ которомъ высказалъ съ полною ясностью идею о всемірной монархіи и вселенской церкви. Касательно неоказанія чести ему и его посланъ, онъ писалъ: «ужели ты не знаешь, что патриархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ котораго и посаждается на престолъ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборотъ, кто чтитъ патриарха, чтитъ самого Христа. Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ: пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдывается повсюду, и мы имѣемъ ту же честь, какою имѣли апостолы и ихъ преемники... Поэтому, слыш мой, пишу, внушаю и совѣтую твоему благородію, чтобы ты также чтилъ патриарха, какъ самого Христа, и оказывалъ уваженіе его словамъ, грамотамъ, извѣщеніямъ и людямъ, которыхъ онъ посылаетъ». Затѣмъ, по поводу распоряженія великаго князя—не упоминать имя царя въ диптихахъ—патриархъ представилъ цѣлый трактатъ о значеніи и величинѣ императорской власти: «святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили, и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественныя и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ кафедръ и установили границы митрополитичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по божію попушенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все-же до настоящаго дня царь получаетъ то-же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами полагается великимъ муромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ, рожденьемъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, неизбѣжно никакого общенія съ нашею церковью,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи

съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православныя христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужить для нихъ урокомъ смиренія и заставить ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные вѣдители и мелкіе князья?» Наконецъ, на замѣчаніе великаго князя, что «мы имѣемъ церковь, а не царя», патріархъ представилъ слѣдующее возраженіе: «Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣспомъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, нестествовали противъ церкви и ввели развращенныя догматы... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ 1-мъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите.» не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя поелѣвааетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ святой и апостолъ, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и правеславнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то все эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣлотишави и насилія (сезели права). Въ самомъ дѣлѣ какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ приюднои, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а нечье-либо другою»¹⁾. Въ этомъ увѣщательномъ посланіи патріархъ исчерпалъ, можно думать, все доказательства византийскихъ государственныхъ теорій о мировомъ значеніи императора. Какъ видно, все онѣ строились на почвѣ церковно-религіозной и обставлялись доказательствами не безъ серьезныхъ натяжекъ, какъ это видно на примѣрѣ толкованія словъ апостола Павла. Второстепенное значеніе и низшее положеніе мѣстныхъ князей и государей отмѣчены въ посланіи совершенно категорично.

¹⁾ Р. Н. В., VI. прил. № 40.

Повідало-ли на великаго князя посланіе патріарха или что другое, но только вскорѣ послѣ полученія этого посланія онъ смягчилъ свои отношенія къ Византіи. Въ 1398 г., когда въ Москвѣ получено было извѣстіе о напастьяхъ Царюгороду отъ турокъ, великій князь, по совѣту съ митрополитами, съ братьями и прочими русскими князьями, послалъ туда въ милостыню много серебра¹⁾. По смерти митр. Кипріяна онъ просилъ въ Константинополѣ прислать оттуда митрополита, какъ говоритъ митр. Фотій. Наконецъ, въ 1411 г. великій князь выдалъ свою дочь замужъ за царевича Іоанна Мануиловича²⁾. Все это указываетъ на дружескія отношенія между московскимъ и константинопольскимъ дворами и составляетъ предположить пережѣну или, по крайней мѣрѣ, смягченіе возрѣвній великаго князя на свои отношенія къ императору.

Эти дружественныя отношенія продолжались недолго. Но даже и за этотъ короткий промежутокъ нападки на императора не прекратились. На этотъ разъ они исходили изъ Литвы, гдѣ Витовтъ, недовольный отказомъ изъ Константинополя поставити на митрополию сего кандидата Феодосія, первый рѣшился поставити митрополита соборомъ епископовъ. Въ оправданіе этой мѣры литовскіе епископы въ окружномъ посланіи объявили, что они отворачаются отъ Константинополя, но не отъ церкви, «не могуще третѣти еже на церковь божію насилуваніе цареве», такъ какъ патріархъ и соборъ «по правиламъ поставити митрополита не могутъ, но когдѣ царь повелитъ». А царь дѣйствуетъ тутъ «спонихъ дѣля прибитковъ неправедныхъ», отчего покупается и продается даръ Св. Духа. Поэтому епископы признали неправеднымъ принимати митрополитовъ, которые «куплею поставлени бывають отъ царя, міринина будуча человекъ», а не по волѣ патріарха и не по преданіямъ апостоловъ³⁾. Московское правительство по причинѣ вражды съ Литвою не только политической, но и церковной, не примкнуло на этотъ разъ къ высказаннымъ взглядамъ на императора, хотя имѣло на то въ близкомъ прошломъ немало подтверждающихъ данныхъ.

Очень скоро изъ Москвы представился другой гораздо болѣе серьезный поводъ къ разрыву съ Константинополемъ. Въ 1437 г. явился въ Москву митрополитомъ всея Руси Исидоръ, хотя незадолго передъ тѣмъ посланъ былъ въ Константинополь для поставленія на митрополию риванскій епископъ Іона. Императоръ Іоаннъ

¹⁾ П. С. Л., VIII, 71. Побрав. Сесѣд. 1867 г., ч. I, стр. 217.

²⁾ П. С. Л., VIII, 86.

³⁾ А. З. Р., I, № 24; Р. И. П., VI, № 38.

Палеологъ и престарѣлый патріархъ Іосифъ обязали Исидора явиться на соборъ въ Феррару для рѣшенія вопроса о соединеніи церквей. Но въ Москвѣ были очень недовольны какъ назначеніемъ Исидора, такъ особенно нахѣреніемъ послѣдняго отправиться на соборъ. Великій князь, какъ самъ писалъ впоследствии, не хотѣлъ его принимать, и если припятъ, то только изъ нежеланія рунуть изначальную старину. Онъ убѣждалъ и приказывалъ Исидору не ходить на соборъ. Но когда тотъ остался непреклоненъ, то великій князь съ соборомъ духовенства заклиналъ его принести «древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріяхомъ отъ прародителя нашего... и еже держитъ великая соборная и апостольская церковь греческая», въ чемъ митрополитъ и поклялся ¹⁾. Но когда, по возвращеніи Исидора, оказалось, что онъ не сдержалъ своей клятвы, принесть «странна и чужа» въ православное христіанство и поработитъ русскую церковь подъ римскую, то былъ заключенъ въ монастырь, откуда бѣжалъ. Великій князь рѣшилъ предупредить обо всемъ случившемся царя и патріарха и просить разрѣшенія ставить митрополита соборомъ русскихъ епископовъ. Изготовленное два раза въ 1441 и 1442 гг. посланіе не было, однако, отправлено, такъ какъ въ Москвѣ узнали, что царь и патріархъ также придерживаются Флорентійской уніи. Въ рукахъ у московскаго правительства оказалось теперь очень серьезное основаніе къ разрыву съ Византіей. Самъ патріархъ въ 1393 г. признавалъ, какъ было указано, законнымъ поводомъ не признавать императора—отступленіе его отъ правилъ церкви. Внутренняя смута 1446 г. помѣшала московскому правительству опредѣлить свои отношенія къ имперіи и патріархату. Въ 1448 г. умеръ императоръ Іоаннъ Палеологъ, отказавшійся передъ смертью отъ Флорентійской уніи. Въ концѣ этого года былъ поставленъ митрополитомъ Іона, и только въ 1451—52 году великій князь шлетъ императору Константину Палеологу оправдательное посланіе, въ которомъ, какъ указано выше, старая традиція византійской имперіи оживаютъ въ широкихъ размѣрахъ. Но старыхъ отношеній возстановить было невозможно: Флорентійская унія не могла пройти безслѣдно; къ тому же и императоръ Константинъ Палеологъ въ 1453 г. подписалъ актъ объ уніи. Въ Москвѣ начало все сильнѣе и сильнѣе распространяться убѣжденіе, что съ Флорентійской уніи царградская церковь «поколебася, отъ православія отступила», что царь и патріархъ синопудреваютъ, приближаются къ латынохъ.» Паденіе Константинополя только ускорило подготовившійся разрывъ и по-

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. 531 и 530; Ник. Лѣт., V, 124—125.

служило для русских публицистов лишним подтверждением для обоснования новой теории о московском царстве.

Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой теории, будетъ небезынтересно хотя въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ развитіемъ политическихъ идей за предшествующее время. Представленный очеркъ политическихъ и церковныхъ отношеній древней Руси и Византіи до известной степени долженъ объяснить предѣлы и характеръ политической проповѣди въ указанное время. При зависимости русской церкви отъ константинопольской, при взглядахъ на Византію, какъ на нѣчто недосыгаемое, и на древнюю Русь, какъ на нѣчто занимающее подчиненное или низменное положеніе, высшіе представители русской іерархіи—греки по преимуществу—должны были поддерживать эти взгляды. Если русскіе по византійскимъ понятіямъ «не имѣли полной собственной независимости, истиннаго національнаго самодержавія и самоопредѣленія, своей самобытной высшей политики», ¹⁾ то, при сложившихся отношеніяхъ, развитіе идеи объ истинномъ національномъ самодержавіи среди русскихъ не могло входить въ планы греческаго духовенства; не могла въ нихъ входить и идея о политическомъ объединеніи древней Руси по крайней мѣрѣ, отъ этого въ Константинополѣ заранѣе отказались «за невозможностью привести къ единству власть мірскую.»

На чемъ-же сосредоточивалась политическая роль духовенства со времени принятія христіанства и до той поры, когда начали выработываться понятія о самостоятельныхъ національныхъ задачахъ московской Руси? Указаніе политическихъ темъ древнерусской письменности до половины XV вѣка, когда царство ромеевъ сошло со сцены, до нѣкоторой степени можетъ уяснить этотъ вопросъ.

¹⁾ См. статью проф. В. И. Дамаскина въ Сб. Слав. Общ., т. I, 466.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политические темы древнерусской письменности ¹⁾.

В нашей исторической литературе политическую роль духовенства и книжников из его среды из периода времени до возвышения Москвы обыкновенно ограничивают деятельностью представителей церкви в качестве миротворцев и посредников. «Их нравственный авторитет служил им на то, чтобы подвратить между князьями согласие, прекращать междоусобия и разобщать их с иновѣрными соседями. Эти дѣла дѣла ясно выдаются из характера нашей летописи и всей нашей духовной литературы ²⁾». Действительно, открылся со смертью Владимира св. междоусобия составляли серьезное зло политической жизни древней Руси, и духовенство считало своей главной задачей противодействовать ему, что и выразил один из представителей русской иерархии следующими характерными словами: «книжкоу ны есмь приставлены изъ русской земли отъ Бога постигнати, насъ отъ кровопролитья» ³⁾.

¹⁾ Настоящий очерк представляет попытку систематического обзора затронутых русскою письменностью до половины XV вѣка политических темъ. Это было необходимо для выясненія дальнѣйшаго развитія политических идей. Полное разъясненіе означенныхъ темъ дастъ, конечно, историческій и историко-литературный обзоръ ихъ изъ связанъ съ изслѣдованіемъ о литературныхъ взаимоотношеніяхъ ихъ Византии. Такой задачи авторъ не могъ принять на себя за отсутствіемъ необходимой къ тому подготовки.

²⁾ Саларина, сочиненія, т. V, 183.

³⁾ Лѣт. по Ипат. сп., 460. Вотъ еще типичная рѣчь митрополита Николая Владиміру Мономаху: «смыслися, княже, тобѣ и братама твоима, не мовѣте погубити русьскій земли; аще бо възмето рать межю собою, погании пнуть радоватися и возмутъ землю нашу, иже бѣша стужали отци ваши и дѣди вашимъ трудомъ великимъ и храбростомъ, побороуще по русьскій земли, ины земли приимемъ, а вы хочете погубити землю русьскую». Лѣт. по Лавр. сп., 254; П. С. Д., IX, 132. Въ 1270 г. вел. князь Ярославъ Ярославичъ просилъ митр. Кирилла ввести его въ миръ съ Новгородомъ, говоря: «твое убо есть въ миръ всѣхъ приводити, какии наче насъ твоихъ приносихъ дѣтей». П. С. Д., X, 149.

Результаты этой деятельности были немаловажны³⁾; но въ какой мѣрѣ они зависѣли отъ того, что представителями духовенства въ то время были греки, а не природные русскіе, — сказать очень трудно, и едва-ли можно рѣшить въ ту или другую сторону подлѣтный учеными писателями по исторіи церкви споръ о томъ, было-ли бы лучше или хуже въ данномъ случаѣ, если бы во главѣ іерархіи стояли русскіе, а не греки.

Съ возвышеніемъ Москвы, когда представители духовенства принимаютъ близкое участіе въ княжеской борьбѣ за преобладаніе; задача посредничества и посредничества начинаютъ отступать на второй планъ, хотя и не забываются. Патриархъ Филофей напоминалъ митрополиту Алексѣю, что ему, какъ общему отцу и учителю, нужно примирять враждующихъ князей другъ съ другомъ: имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ князьямъ — любить ихъ равно⁴⁾. А великій князь Василий Дмитріевичъ напоминалъ митрополиту Кипріану: «вы поставлены къ миру и любви учить»⁵⁾. Исчерпывалась-ли этою деятельностью политическая роль духовенства и было-ли, какъ принято думать, «исключное посредничество единственною политическою программой древле-русскихъ архіереевъ»⁶⁾? Существуютъ основанія, заставляющія признать, что программа эта была шире. Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что помимо непосредственнаго влѣянательства въ княжескія междоусобія духовенство и князья изъ его среды поставили своей задачей указать возможный практическій выходъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какое приводила страну княжескія междоусобія. Опасность положенія сознавалась хорошо современниками и даже самими князьями, которые и пытались на княжескихъ сѣздахъ урегулировать политическую жизнь и предотвратить насильственные захваты волостей. Но безуспѣшность этихъ мѣръ вынудила одного изъ видныхъ представителей князей Рюриковичей искать болѣе спокойной жизни на сѣверо-востоки Руси.

³⁾ Считаю лишнимъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ весьма обстоятельный разборъ деятельности духовенства въ этомъ направленіи и оцѣнка ея уже дана въ русской исторической литературѣ. См. прекрасную статью «Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в.», въ Приб. къ Твор. св. Отцовъ 1855 г., стр. 327—403, и статью Ф. Терновскаго, Участіе древле-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, въ Трудяхъ Киев. Дух. Ак. 1870 г., т. I, стр. 474—511. Слѣдуетъ и объективное изложеніе вопроса можно найти въ статьяхъ прот. И. Думитрашко: Духовенство въ Россіи, въ Дух. Вѣстнѣ 1892 г. №№ 2—5 (т. XV) Ср. также проф. Голубинскаго, Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 451.

⁴⁾ Р. И. В., VI, прил. 114 в 160.

⁵⁾ Татищ., IV, 401.

⁶⁾ См. указанную статью Ф. Терновскаго, стр. 485.

Съ практическими совѣтами для устранения зла выступило и духовенство, хотя нельзя сказать чтобы совѣты эти отличались оригинальностью и определенностью: они всегдѣ были заимствованы изъ практической жизни. Но они именно и любопытны тѣмъ, что указываютъ на существующее правовое миро-созерцаніе въ извѣстныхъ классахъ общества. Порядокъ старшійшинства, соблюденіе братнихъ предѣловъ, и какъ слѣдствіе, доволъство собственною властью — потъ тѣ начала, которыя оно рекомендовало для упорядоченія современнаго политическаго строя.

Начало старшійшинства, наследіе родового быта, было вполне естественнымъ регуляторомъ отношеній и между князьями. Князья и пытаются построить на немъ порядокъ взаимныхъ отношеній. Такъ, умирающій Ярославъ передаетъ Кіевскій столъ «в себе мѣсто» старшійшему сыну Изяславу и велитъ прочимъ сыновьямъ слушать его, «якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто»¹⁾. Но въ эпоху уже сильнаго упадка родовыхъ попятій это правило и раніе и послѣ постоянно нарушалось, сталкиваясь съ пылинн началами, которыя были выдвинуты практикой жизни. Въ защиту его, однако, выступили наши книжники изъ среды духовенства. Гесьма благодарной темой въ этомъ смыслѣ послужила для нихъ трагическая судьба Бориса и Глѣба.

Слагатель сказанія о св. страстотерпцахъ, Іаковъ Минихъ, в авторъ, чтепія о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ, преподобный Несторъ, оба отмѣчаютъ въ братьяхъ черту смиренной покорности передъ старшимъ братомъ²⁾. По сказанію, дружина предлагаетъ Борису сѣсть на отеческій столъ, говоря, что «се бо все вон въ руку твою суть». Но Борисъ отказывается отъ такого предложенія: «не буди ми взати руки, говорить оутъ, на брата своего, еще же и на старшійша мене, его же быхъ имѣлъ ака отца». Въ житіи это мѣсто нѣсколько разукрашено. Восемь тысячъ воеств, ходившихъ съ Борисомъ на ратныхъ, предлагаютъ ему изгнать изъ Кіева Святополка и посадить на столъ его—Бориса³⁾. Но Борисъ отклоняетъ это предложеніе, предпочитая умереть, чѣмъ погубить столько душъ, и заключаетъ: «ни накы смѣю противитися старшійшему брату, еда како суда Божія не убѣжу»⁴⁾. По сказа-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 157; П. С. Л., X, 49.

²⁾ Мотивы этой темы, съ различными вариантами, использованы почти всеми лѣтописными сводами.

³⁾ «Мы, о владыко, предани семь благимъ отцемъ твоимъ въ рудѣ твоей, нъ да идемъ или съ тобою или однии, и тако того нужю ижденемъ неа града, тебе же въ ведеть».

⁴⁾ Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ, стр. 47 и 14—15.

ню, духовникъ Бориса (попийъ его) и отрокъ его хвалить своего господина, отхѣчая, что онъ сподобился великой благости, такъ какъ «не вхогѣ противитися брату своему любве ради Христовы, яко великы вол держа въ свою руку»¹⁾; самъ авторъ въ заключительной похвалѣ, обращаясь къ князьямъ-братьямъ, говоритъ: «по истинѣ: вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособиемъ и зашщениемъ князи наши противу встающая державно побѣждаютъ»²⁾. А Несторъ заключаетъ свое «чтеніе» слѣдующимъ враздательнымъ поученіемъ, обращеннымъ къ современникамъ: «Видители, братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста святая къ старѣйшему брату. Си аще бо быста сопротивилася ему, едва быста такому дару чудесному сподоблени отъ Бога. Многи бо суть вывѣ дѣтскы князи, не покоряющесе старѣйшимъ и супротивящесе имъ, и убиаемы суть; ти не суть такой благодѣти сподоблени, якоже святая сія. Яко что бо святую сею чудибѣ, еже въ такой чти и въ такой славі, ти тако покореніе ижуца, якоже и на смерть предаста. Мы же ни мало инамъ покореніе къ старѣйшимъ, но овогда преку глаголемъ имъ, овогда же укоряемъ я, многожды же супротивимся имъ». Ссылкой на примѣръ св. братьевъ авторъ старается вызвать у современниковъ желаніе подражать ихъ примѣру³⁾.

Эта послѣдняя цѣль еще сильнѣе руководила неизвѣстнымъ авторомъ «слова о князьяхъ», который гораздо детальнѣе обставилъ свое поученіе, можетъ быть, сказанное въ церкви въ день поминовенія убиенныхъ братьевъ Бориса и Глѣба. Авторъ прямо обращается съ своимъ словомъ къ князьямъ, противящимся старѣйшей братіи, и рать вздвижущимъ, и поганья на спокую братью возводящимъ. «Слышите, говоритъ авторъ, како святыи Борисъ и Глѣбъ претерпѣста брату своему не токмо отгятіе власти, но отгятіе живота. Вы-же до слова брату стерпѣти не можете и за малую обиду вражду смертоносную владнжете; помощь прѣмлете отъ поганыхъ на свою братю». Сославшись на примѣръ израильтянъ, которые призвали на помощь египетскаго фараона и въ наказаніе были илѣнены египтянами, авторъ приглашаетъ князей познать свое достоинство и честь, ссылается на примѣръ дѣда — св. Володимера и братьевъ — великихъ чудотворцевъ Бориса

¹⁾ Тамъ-же, стр. 50.

²⁾ Тамъ-же, 61.

³⁾ Житіе и сказаніе о чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Востоковъ. Оп. Рум. муз. № ССІІ, стр. 201 и слѣд.: Христова. Двѣнадцатая по-

и Глѣба: «сима поревнуйте, сею образъ имѣйте, сима накажетесь. Аще-ли сатана коли вражду отвержетъ между братьею, да помянетъ сею силтѣю, како смерть улюбита паче прѣяти, нежели вражду удержати, и то кто претерпитъ и миръ преже начнетъ, то сима отъ Бога равну мзду прѣиметь». Авторъ подкрѣпляетъ свой совѣтъ еще другими примѣрами, указывая на Давида Силтославича, который ни съ кѣмъ не имѣлъ пражды. Если кто шелъ на него войной, то онъ «покореніемъ своимъ рать усталяше», и при всехъ тѣхъ князихъ въ Черинговѣ «въ Большехъ княженіи, понеже бо старій брати своей». Если кто изъ братіи къ нему кринду творилъ, то онъ все переносилъ; а если кому крестъ цѣловалъ, то не еступалъ во всю жизнь, хотя бы кто и не исправлялъ цѣлованія относительно его. «Братья-же его видяще тако суца, вси слушахуть его яко отца и покоряются ему яко господину: въ величїи тишинѣ бысть княженіе его» ¹⁾. Начавъ съ темъ о покореніи старѣйшей братіи, авторъ сбивается подъ конецъ на тему о смиреніи и братолюбіи вообще. Последнее доказываетъ, что духовенство обращало гораздо больше вниманія на тѣ благія послѣдствія, которыя должны были произтечь отъ примѣненія начала старѣйшинства, чѣмъ на самое это начало и на тѣ формы, изъ которыхъ оно должно было вытекать. А послѣдствія представлялись уму современника, смущенному неправдами дѣйствительной жизни, изъ весьма радужныхъ краскахъ: нужно было какими бы то ни было мѣрами добиться того, чтобы царствовало братолюбіе и тишина въ княженіяхъ, чтобы земля русская расцвѣтала и размогла въ братолюбьи князей. Живая фантазія современника переносила его изъ этотъ радужный міръ, и онъ, принимая его какъ-бы за дѣйствительность, изъ умиленія повторять слова царя Давида: «се козь добро и козь красно, еже жити братома вкупѣ!» ²⁾.

Но жизнь шла своимъ путемъ, среди все болѣе возрастающихъ княжескихъ котортъ, и навидательному современнику, уже послѣ того, какъ Андрей Боголюбскій ушелъ отъ шума междоусобныхъ войнъ изъ болѣе спокойные предѣлы русской земли, все еще приходилось возвращаться къ старой темѣ: вѣрный своей методѣ объяснять всякую удачу или неудачу своимъ правоученіямъ, онъ такъ

¹⁾ Это слово цитируется по сборнику Древлехраняща Погодина № 1024, писанному уставомъ XV в. въ два столбца; сборникъ носитъ слѣдующее заглавіе: «Сіа книга именуется жончюгъ и матица златая, сказаніе о княжѣхъ вѣхъ». Слово о князяхъ помѣщается на л. 263 об.—265.

²⁾ Лѣт. по Лавр. ед., 133; П. С. Л., IX, 73; Писмо. лѣт., IV, 214.

толкуеть побѣду Михаила и Всеволода надъ Ростиславичами; «Богу наказавши князѣи креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити, а злыхъ челоуѣкъ не слушати, иже не хотѣть межѣ братьею добра»¹⁾). Наряду и наравнѣ съ началомъ старѣйшинства было указано еще другое начало, по которому должна быть перестроена политическая жизнь для достиженія лепоустроенной цѣли; оно находилось въ весьма близкомъ соотношеніи съ признаннымъ на Любечскомъ съѣздѣ порядкомъ распределенія волостей²⁾). Соблюденіе «чужаго предѣла» — вотъ то новое средство, которое должно было повести къ подпоренію тишины и братолюбія. Оно явилось какъ бы коррективомъ къ началу старѣйшинства и указано было въ виду того, что мирное теченіе жизни нарушалось больше всего захватами чужихъ волостей. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ вскоре послѣ смерти Ярослава, распредѣлившаго волости между сыновьями. Святославъ Черниговскій, по уговору со Всеволодомъ, изгналъ Изяслана съ Кіевского стола. Возмущенный такимъ насиліемъ лѣтописецъ извелъ даже на Святослава направа, будто онъ «бѣ начало выгнанью братню, желая болше власти... преступити заповѣдь отцю, паче же Божью. Велии бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего...»; и въ заключеніе говоритъ: «не добро бо есть преступати предѣла чужаго»³⁾). Изъ житія Феодосія Печерскаго извѣстно, что этотъ эпизодъ вызвалъ негодованіе и со стороны преподобнаго. Онъ началъ обличать Святослава за несправедливый поступокъ, «яко не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавши». Объ этомъ Феодосій посылалъ къ великому князю еписколинъ, а иногда обличалъ его въ присутствіи княжескихъ пельможъ⁴⁾). На одно изъ такихъ посланій князь сильно разгнѣвался и хотѣлъ сослать блаженнаго въ заточеніе, но послѣдній не испугался княжескаго гнѣва и «оттолѣ бошими начать того укорити о братоненавидѣши». Не достигнувъ результата этимъ способомъ, Феодосій хотѣлъ молибою умолитъ князя и при встрѣчѣ съ нимъ замѣтилъ: «се намъ подобаетъ обличити и глаголати намъ, еже на спасеніе души, намъ же лѣпо по-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 357; по Ипат., 408; Лѣт. Пересл., 80.

²⁾ Князья условившася: «да нивѣ отсѣвъ имемся по єдию сердце и блюдемъ рускѣи земли; кождо да держитъ отчину свою». Лѣт. по Лавр. сп., 247; по Ипат., 167.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 177 и слѣд.; по Ипат., 128; П. С. Л. V, 147; IX, 100.

⁴⁾ «Се же и послѣже вписа къ нему еписколю велику вѣло, обличая тоу, глаголя: гласъ крови брата твоего вопіеть на тя Богу, яко Авсеза на Каппа, и нѣхъ многихъ древнихъ гонитель я убийникъ и братоненавидникъ пре-

слушати того». Въ этихъ мирныхъ бесѣдахъ св. игуменъ много указывалъ князю «о любви брата» и «вспоминаше тому страхъ Божій и любовь, еже къ брату». Однажды за княжескимъ столомъ блаженный замѣтилъ: «аще боишися мене, тогда створи пою мое, възврати брата твоего на столъ, иже ему благовѣрный отецъ предастъ». Но князь отмолчался. Феодосій велѣлъ и въ «ктешилхъ поминати Изяслана, «яко столному князю тому старѣйшу вѣхъ, сего-же, яко чрезъ законъ сѣдша на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ монастырѣ»; только по умоленію братіи разрѣшили онъ поминати и Святослана, но послѣ Изяслава¹⁾. Къ сожалѣнію, епископъ Феодосія неизвѣстны, и нельзя указать, въ чьемъ онъ видѣлъ нарушение закона. И самое житіе не объясняетъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ нарушеніемъ: нарушеніе-ли старѣйшинства, или-же неприкосновенности чужаго предѣла. Последнее правдо—о соблюденіи чужаго предѣла—пропикло и въ сознаніе князей. Подъ 1100 г. въ Софійской первой лѣтописи отиѣчено: «Бысть княземъ русьскимъ межи собою миръ и любовь братіи... не вступатися въ чужей предѣлъ никому-же»²⁾. Легко убѣдиться что оба указанныхъ начала въ понятіи современниковъ не исключались одно другимъ, а, наоборотъ, признавались совмѣстными. Передъ Липецкимъ боемъ старый бояринъ Андрей Сташиславичъ говоритъ князьямъ Юрію и Ярославу, что по его мнѣнію «лучше есть миръ взяти и дати старѣйшинство старѣйшему твоему брату Константину Всеволодичю, а Новгородскія власти и люди отпустити, и чюжихъ не возхищати, и не въ свои предѣлы не вступатися, но знати своя и сихъ стрепчи, и о семъ стоати пакрѣпко»³⁾. Въ связи съ пропагандой идеи о ненарушимости чужихъ владѣній бытописатель всегда съ любовью останавливается на примѣрѣ тѣхъ князей, которые насильно не добивались княженій. Такъ мнѣхъ Іаковъ впагаетъ въ уста Бориса слѣдующія слова: «не вехотѣхъ-бо княскати княженія себѣ самъ, ничто же себѣ имолихъ...»⁴⁾. Погибель-же Изяслана Ярославича въ войнѣ, предпринятой въ защиту Всеволода, даетъ поводъ лѣтописцу заявить: «аще что створилъ есть въ свѣтѣ своемъ, ето ро согрѣшенье, отдастъся ему, занеже положи главу свою за брата своего, не

¹⁾ *Изюмскъ*, Памятники русской литературы XI и XII вв., стр. L—LIV.

²⁾ П. С. Л. V, 154.

³⁾ П. С. Л. X, 71; Ср. IV, 22. Въ поученіи Константина Всеволодовича дѣтямъ сказано: старѣйшаго слушайте и чтите, и межи собою въ любви и мирѣ живите... и чужихъ не желайте и на чужіа предѣлы не прескакайте, но будите своими долами. П. С. Л. X, 80; ср. Лѣт. по Лавр. св., 450.

⁴⁾ Сказан. о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскимъ, стр. 49.

желая большее волею, ип жьня хотя больша, но за братню обяду»¹⁾. Память о таких князьях летопись убоковича под именем «князей братолюбцевъ»²⁾.

Разработка указанных темъ не шла дальше намеченныхъ положеній и въ большинствѣ случаевъ сводилась на почву общенравственныхъ поученій о любви, кротости, смиреніи и т. п. Летопись не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не вернуться къ этой излюбленной темѣ³⁾. Всѣ бѣдствія родной земли, особенно половецкія нашествія, покореніе Руси татарами и послѣдующія отъ нихъ опустошенія она объясняетъ гибелью Божию за княжескія распри: «наведе Богъ... за неправду нашу, говоритъ летописецъ, мно бо и князи ради, зане живяхуть въ которахъ межн собою»⁴⁾. Легкость, съ какою монголы покорили Русь, объясняется ея политическою слабостью, вслѣдствіе дробленія на удѣлы⁵⁾. Сѣверные князья не смогли выставить противъ татаръ даже такого союза князей, который выступилъ въ сраженіи при Калкѣ. Владимірскій князь Юрій Всеволодовичъ, славившій Бога и св. Богородицу за уклоненіе отъ первой встрѣчи съ татарами, собственною смертію и разореніемъ княженія искупилъ свою политическую близорукость⁶⁾. Спокойствіе ростовской земли, привлечшее Андрея Боголюбскаго, продолжалось недолго. И здѣсь, какъ это замѣтилъ современникъ про князей Михаила Ярославича и Юрія Даниловича, «сѣяшется и ростяше усобицами, гнѣяше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣщи скоротипаша челомъкомъ»⁷⁾. Всѣ мѣры, рекомендованныя нашими книжниками, какъ исходъ изъ тягостнаго положенія современности, оказались безплодными. Мѣры эти были слишкомъ общи, чтобъ можно было

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 197; П. С. Л. IX, 109.

²⁾ Лѣт. по Ипат. сп., 384; ср. П. С. Л. IX, 229.

³⁾ Для примѣра см. П. С. Л. VII, 121; IX, 120, 157, 164, 182, 190; X, 70—74, 138, 157.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 458; П. С. Л. IX, 95; X, 164.

⁵⁾ Позднѣйшій бытоописатель по этому поводу отмѣтилъ, что когда умножились державствующихъ сыновья, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножились области и возросло много вельможество, когда земля русская преторжееся на многія части и возросла въ земля влоба, «паче же во владущихъ», — то слѣдствіемъ этого было то, что «державніи наши, аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и начальство получити желаше и единъ единого отъ отеческаго достоянія изгоняше и каждо самочиннѣ тишаше самодержавство воспитити». Степ. кн. I, 329 и 333.

⁶⁾ Позднѣйшій писатель вѣрно замѣтилъ, что «поглащена быть премудрость могущихъ стронти ратная дѣла... и сего ради ни единъ отъ князей русскихъ другъ къ другу поиде на помощь». П. С. Л. X, 105—106.

⁷⁾ *Средневѣскій*, Свѣд. и замѣтки, № VIII. Эти слова заимствованы авторомъ изъ Слова о полку Игоревѣ, (см. 2-е изд. Тихоураова, М. 1868, стр. 5).

или воспользоваться въ практической жизни. Хотя князья, поскольку они прониклись поучениями духовенства, и пытались применить указанные мѣры для урегулированія своихъ отношеній, во большею частью безуспѣшно. И религіозно-нравственная сторона указанныхъ поученій не имѣла практическихъ результатовъ: на сѣверо-востоки древней Руси, особенно послѣ монгольскаго завоеванія, нравы не только не смягчаются, но зажитно грубѣютъ.

Но политическая проповѣдь духовенства не остановилась на этомъ. Тема, къ разсмотрѣнью которой предстоитъ теперь перейти, является не менѣе важной. Слѣдуетъ замѣтить, что христіанство, признавая сферу государственной жизни совершенно независимую, внесло, однако, въ нее цѣлый рядъ общихъ принциповъ, которые считались обязательными для каждаго христіанскаго государства и пропагандировались на ряду съ религіозными истинами. Къ числу такихъ принциповъ, оказавшихъ немаловажное вліяніе на направленіе и характеръ государственной дѣятельности въ средніе вѣка, слѣдуетъ отнести христіанскую идею о богоустановленности власти. Эта идея представляла немалыя трудности для успоенія ея слишкомъ простымъ умомъ, непривыкшимъ къ отвлеченнымъ построєніямъ. А отвлеченіе было необходимо, чтобы прикнрпить эту идею съ фактами обыденной жизни. Пропаганда ея на Руси началась послѣ заведенія христіанства и велась то съ меньшимъ, то съ большимъ рвеніемъ. Первое упоминаніе о ней находится въ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при Владимірѣ Св. Когда епископы обратились къ князю съ вопросомъ, почему онъ не казнитъ разбойниковъ, а онъ отвѣтилъ, что боится грѣха, то епископы научали его: «ты поставленъ еси отъ Бога на ками злыхъ, а добрыхъ на милованье; достонтъ ти казнити разбойника, но со испытохъ» ¹⁾. Владиміръ, исполнявшій съ охотой всѣ совѣты своихъ новыхъ учителей, могъ понимать въ буквальномъ смыслѣ идею о своемъ божественномъ поставленіи: спокойное единовластительство подкрѣпляло его въ этомъ убѣжденіи. Но когда въ его потомствѣ открылась почти непрерывная

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 124; по Ип. сп., 87; П. С. Д. V, 123. По другимъ лѣтописнымъ сводамъ, епископы не ограничились только такими краткими наставленіемъ, а присоединили къ этому поученію о существенныхъ признакахъ власти, согласно апостольскому ученію. Въ Нявн. Лѣт. это мѣсто читается такъ: «подобаетъ ти се испытаніемъ и разсмотрѣніемъ амыхъ казнити по закону божественному, а добрыхъ милувати; понеже власть во обонхъ сихъ послушныхъ окармляетъ еже естъ страхомъ и милостію; безъ сихъ бо власть никакоже пребываетъ». П. С. Д. IX, 67. Это мѣсто носитъ характеръ болѣе поздней передѣлки, какъ и любовитное вложаніе его въ Степенной книгѣ, I, 162—166.

борьба за обладаніе столичными городами, примиреніе этой идеи съ порядками дѣйствительной жизни стало затруднительнымъ. Въ дѣйствительной жизни господствовала большая путаница началъ относительно преемства столовъ: начало старшинства постоянно нарушалось празою добыванія волостей; начало семейно-потчиное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Все же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, ряда. Вводить въ эту сферу измѣнчивыхъ отношеній руководство верховнаго промысла—значило подвергать его всякъмъ случайностямъ непостоянства человеческой воли.

Но проповѣдь духовенства о богоустановленности власти не прекращалась. Митр. Иларіонъ въ извѣстномъ словѣ о законѣ и благодати, обращаясь къ кагану Владиміру, говоритъ: «Добрь же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, его жъ сотвори Господь намѣстника пѣ тебѣ твоему владычеству»¹⁾. Въ посланіяхъ своихъ къ Владиміру Мономаху митрополитъ Никифоръ указываетъ, что «князья избраци бысто отъ Бога и возлюблени бысте Имъ»; о самомъ же Владимірѣ онъ говоритъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предположѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ», и т. д.²⁾. Въ началѣ XIV в. самъ константинопольскій патріархъ пишетъ великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому: истинно видимъ, яко Богомъ дана ти есть власть и княженіе, понеже тишишия и держашаши, да ходять людіе по правдѣ, въ славу Богу»³⁾. Теорія божественнаго поставленія, однако, очень туго проникала въ сознаніе князей и понималась весьма конкретно, до такой степени конкретно, что въ умѣ современника божественное руководство заняло одинакое положеніе въ ряду прочихъ конкретныхъ силъ. Бытописатель оправдываетъ на основаніи этой теории тѣ отношенія, которыя считаетъ правильными, и отмѣчаетъ, какъ противорѣчающія ей, тѣ, которыя, по его мнѣнію, достойны большаго или меньшаго порицанія. Половецкіе князья говорятъ Глѣбу Юрьевичу: «Богъ посадилъ тя и князь Андрей на отчинѣ своей и на дѣди-

¹⁾ Приб. къ Твор. Св. Отцовъ, II, 1844 г., стр. 246; Чтен. Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. VII.

²⁾ Памяти. рос. словеси. XII в., 163; Русск. Достоп. I, 63. Подъ 1206 г., по поводу назначенія Всеволодомъ Юрьевичемъ сына своего Константина въ Новгородъ на княженіе, современникъ вноситъ въ свои записки слова апостола Павла—«власти мръскія отъ Бога вѣщени суть». Лѣт. по Лавр. сп., 401.

³⁾ Р. И. В. VI. № 16, I. Въ повѣсти о житіи Александра Невскаго сказано: «о истину безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его». Новг. лѣт. по Снеж. сп., Спб. 1888 г., стр. 252, прим.

ни», — и летописецъ не находитъ ничего страннаго въ этой рѣчи: она вполне отвѣчаетъ его мировоззрѣнiю ¹⁾. Рассказывая объ известномъ столкновенiи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимiрцами, летописецъ, между прочимъ, говоритъ: «сего же Михалка и брата его Всеволода избра Богъ и св. Богородица»; а нѣсколько далѣе продолжаетъ: «людые жъ зинии полодимерьстии... яшася по правду крѣпко и рекоша пси собѣ: любо Михалка князя собѣ нагъземъ и брата его Всеволода, а любо голоны свѣ: положимъ за силтую Богородицю» ²⁾. Онъ же влагаетъ въ уста князя Всеволода слѣдующiя слова, обращенныя къ Мстиславу Ростиславичу: «тобе ростовци привели и бояре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и володимерци» ³⁾. Въ этомъ сопоставленiи летописцу не кажется страшнымъ, что Богомъ избраннаго князя приходится нагъзать и приводить.

Но идея о божественномъ поставленiи властей, понимаемая даже въ конкретномъ лишь ея проявленiи, должна была содѣйствовать возвышенiю княжескаго авторитета тѣмъ болѣе, что проповѣдь ея сопровождалась почти всегда другой тѣсно связанной съ ней темой, отпранной точкой для которой послужило апостольское ученiе о почитанiи властей. Такъ новгородскiй епископъ Лука Жидята въ своемъ поученiи къ братiи наказуетъ: «Бога ся боитесь, а князя чтите. Раби будете первое Божiи, таже Господу чтите отъ всего сердца» ⁴⁾. Въ сборникѣ поученiй XII в. русскаго писателя, въ статьѣ: «Поученiе любобно», преподается такое-же правило: «буди боязиниъ прядъ цесаремъ, гитонъ въ новгърѣнии его» ⁵⁾. Въ Коржечей XIII в. находится любопытная статья русскаго происхожденiя — поученiе духовника непонѣдающимаго, — гдѣ сказано: «такое же и къ властельмъ страхъ ижѣи и любовь: боябося ихъ съблюденшия отъ зла, имъ же ненависть приходитъ, и любя я, тѣшое отъ нихъ восприимени... Всяка власть отъ Бога; но сангъ же всѣмъ честь отданъ» ⁶⁾. Въ одномъ поученiи XIII в. неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ «Слоюю си. Отецъ, како жити крестьяноу», преподается слѣдующее наставленiе: «наипаче-же своему князю приязнь ижѣи, а не мысли зла нашь. Глаголетъ бо Павелъ

¹⁾ Лавр. по Лавр. сп., 339; по Илат. сп., 379.

²⁾ Лавр. по Лавр. сп., 359.

³⁾ Тамъ-же, 361; П. С. Д. V, 166.

⁴⁾ Макарий, Ист. русск. церкви, т. I, изд. 2-е, 279; Русск. Достоп. I, 10. Объ авторѣ см. предисловіе въ Русск. Достоп., 4—6, и Срезневскую, Древн. памятники писема и языка, изд. 2-е, стр. 16.

⁵⁾ Срезневскiй, Слѣд. и зам. о малозвѣ. и невѣзѣти. нам., № LII, стр. 208.

⁶⁾ Р. И. В., VI, 124.

апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть; рече-бо: Бога ея бойте, а князя чтите. Аще-бо властелемъ кто противится, то Божию суду повиненъ есть, повелѣнію-бо противится Божию ¹⁾). Этой-же темы касаются въ своихъ поученіяхъ и митрополиты, напр. Кирилль, Алексѣй, Фотій ²⁾). Богіе подробнаго развитія этой темы мы не встрѣчаемъ до XVI в. Понятія представителей духовенства и книжниковъ вполне удовлетворялись положеніемъ, что такъ какъ власть учинена Богомъ, то князя и имѣютъ право казнить злыхъ и миловать добрыхъ; изъ страха передъ карающимъ мечемъ слѣдуетъ дѣлать добро и отвращаться отъ зла.

Къ указанной темѣ съ довольно раняго времени присоеди-няется другая, заимствованная отъ отцовъ церкви и изъ ветхоза-вѣтныхъ ученій: идея о богоустановленности власти усиливается еще идеей объ ея обоготвореніи. Уже въ XII в. мы встрѣчаемъ съ зачатками этого ученія. Въ приведенномъ выше назидатель-номъ поученіи лѣтописца по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго, рядомъ съ словами ап. Павла о томъ, что власти отъ Бога учинены суть, стоитъ: «Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть не-скому человеку цесарь, властью же сана яко Богъ, лица бо великій Златоустецъ; тѣмъ-же противяся возости» и проч. ³⁾). Это мнѣніе о приравненіи царскаго сана божескому авторитету для

¹⁾ Журн. Минист. Нар. Пр. 1854 г. № 12; Правосл. Собѣе. 1859 г. № 1, стр. 134. Поученіе это относится къ XIII в.; въ немъ счетъ идетъ еще на рѣзани. Очень сходно съ этимъ мѣсто въ «Сказаніи о заповѣди св. отецъ, о покаяніи поученіе», гдѣ говорится: «наипаче же князю своему служите всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ»... *Срезневскій*, Свѣд. и зам., № LVII, стр. 307.— Ср. еще лѣтописный рассказъ объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, гдѣ ска-зано: «не вѣдуче (убійцы) глаголемаго: идѣ-же законъ, ту и обидѣ много. И пакы Павелъ апостолъ глаголетъ: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть... тѣмъ же противяся волости, противитъся закону Божию, князь бо не туше мечъ носитъ. Божій бо слуга есть». Лѣт. по Лавр. сп., 351; по Ипат., 402; Лѣт. Переясл. Сузд., 84.—Подъ 1206 г. лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее поученіе на ту-же тему: «И пакы апостолъ рече: власти мирския отъ Бога учинены суть; но власти боющае да зла не створишь, да не отъ нихъ пакы и муку приемъ; и того ради глаго-летъ: Богу слуга есть, мстыя злодѣемъ; хоцещи-ли ся власти не боати, заго не твори, и похваляти тя; аще азъ зло творишь, боися, не бо безъ ума мечъ носитъ». Лѣт. по Лавр. сп., 401.

²⁾ Кирилль поучалъ новгородцевъ: «Господа Бога бойтеса, а князя чтитъ». П. С. Л. X, 149. Митр. Алексѣй въ «поученіи отъ апостольскихъ правилъ къ христолобивымъ христіаномъ» писалъ: «А людская чадь Бога бойтеса, а князя чтите». Приб. къ Твор. св. Отецъ, 1847, стр. 31. Митр. Фотій въ посланіи литовскимъ священникамъ и мирянамъ поучалъ: «сущен-же надъ властію вѣру къ Богу несумѣнну приисете... и благопокореніе-же и повинованіе къ нже дана есть на вы власть и сила отъ Вышняго». Д. къ А. И. I, № 183, стр. 315.

³⁾ Замѣчательно, что это мѣсто находится не только въ сѣверныхъ лѣтописяхъ, Лаврентьевской и Переяславской, но и въ южно-русскомъ свѣдѣ. Лѣт. по Ип. сп., 402.

современника Всеволода Юрьевича является слишком рѣзкимъ анахронизмомъ ¹⁾: русская жизнь не знала еще такихъ князей, и даже попытка Андрея Боголюбскаго сдѣлаться самодержцемъ Суздальской земли не находить одобренія со стороны даже нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые упрекаютъ кн. Андрея за его невоздержаніе, гордость и властолюбіе, и весь замыселъ его приписали навожденію записника рода человеческого—дьявола и слугъ его, лукавыхъ, злыхъ и завистливыхъ человѣкъ ²⁾. Но не смотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду. Въ одномъ поученіи, обращенномъ къ князьямъ в озаглавленномъ «Наказаніе княземъ, иже дають волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ»,—приводятся слѣдующія слова: 1) царя Соломона—что «князь, любя судъ и правду, себо естъ земное, и душа его—престолъ Христовъ»; его же: «бози будете и сынове Вышняго»; 2) ап. Павла: «князи и вся судья земскія слуги божія суть»; 3) Ефрема (Сирина): «Бози бывше, изирете, яко чловѣци, и во пса мѣсто во адъ сведени будете», и 4) Іова (Нева): «Богъ въ себе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, вѣнсь, посади; милость и животъ положи у тебе» (sic) ³⁾. Любопытно, какъ приспособлялись эти отлеченныя теократическія идеи къ простому уму неразвитаго русскаго человѣка, неуспѣвшаго еще воспитать въ себѣ идею о величій мірской власти. Въ упомянутомъ «Поученіи духовника исповѣдающимся» о властеляхъ, между прочимъ, преподано такое назиданіе: «Не мози же обьыкнувъ ихъ рещи: и си чловѣци тади же суть, ти родятъ о нихъ. Велика власть отъ Бога», и проч. ⁴⁾.

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вынода. Первый вынодъ состоялъ въ

¹⁾ Въ Лавр. сп. лѣт., вслѣдъ за похвальнымъ словомъ князю Андрею, слѣдуетъ заключеніе: «молися поминovati князя нашего и господина Всеволода, своего же прислаго брата» (стр. 352); а въ лѣтописи Пересл. Судъ вмѣсто имени Всеволода стоитъ: «молися поминovati князя нашего и господина Ярослава, своего же прислаго и благороднаго снпозца» (стр. 84). Этотъ переславскій князь, племянникъ Андрея имѣлъ дѣтей отъ второго брака не ранѣе 1219 г., а приписъ сдѣлана, когда у него еще не было дѣтей, потому что въ ней заключается и моленіе о «прижити дѣтій благородныхъ». См. Оболенскаго, Предисловіе къ Пересл. Лѣт., стр. III, и Полнова, Обсужденіе Лѣтоп. Пересл. въ Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, Памятники, стр. 61.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 389—390; Ст. кн. I, 284; П. С. Л. IX, 221.

³⁾ Пам. стар. русск. литер. IV. 184. Въ «Новѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» приводится пророчество Ісаіи такою глаголетъ Господь: князя азъ учиню, о священни бо оуть; и азъ возю я; во истину бо божъ Божія повелѣнія те бо княженіе его». П. С. Л. V, 2; Новгород. Лѣт. по Синод. сп., СПб. 1868 г., 25., примѣч.

⁴⁾ Р. И. В. VI, 124.

томъ, что если власть дается отъ Бога, то власть добиваться ей насильно. Второй выводъ, — что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды перваго вывода. Насильственные поступки князей, паразительные по своей безчеловѣчности, вызываютъ рѣзкій ропотъ летописцевъ. Вѣроломство Святполка, бывшее причиною мученической смерти Бориса и Глѣба, прежде всего обратило на себя вниманіе назидательнаго автора, который, по поводу намеренія Святполка избить всѣхъ своихъ братьевъ и захватить въ свои руки всю «власть русскую», въ порывѣ негодованія восклицаетъ: «помысливъ высокоумьемъ своимъ, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть, ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя Вышній, ему же хощеть, дать» ¹⁾. Подобное же правозученіе вызываетъ у летописца и поведеніе ростопцевъ, которые, «вознесшеса гордостію своею... не вѣдяще, яко безъ смиренія ничтоже успѣваетъ», не позволили Мстиславу Ростиславичу заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и настояли на войнѣ, изъ которой и были побѣждены ²⁾. Злодѣйскій умыселъ рязанскихъ князей Глѣба и Константина, замыслившихъ «избити всю братію, хотяще едины всю власть держати» также побуждаетъ летописца напомнить «Писаніе, глаголющее: Богъ даетъ власть ему же хощеть, и поставляетъ царя или князя Вышній и воздвигаетъ отъ земли нища и посажаетъ на высокихъ; кто убо противится воли его или кто речеть противу его; Богъ бо есть, яко же хощеть, творить» ³⁾.

Второй выводъ могъ относиться главнымъ образомъ къ населенію, участіе котораго въ политической жизни, въ періодѣ вѣчеваго быта, проявлялось, между прочимъ, въ формѣ признанія и изгнанія князей. Населенію изъ большинства случаевъ было выгодно имѣть сильнаго и вліятельнаго князя, за которымъ жилось безопаснѣе и спокойнѣе, а потому, если была возможность или необходимость выбора между нѣсколькими претендентами, предпочтеніе отдавалось сильнѣйшему. «Ты нашъ князь, коли сильнъ будещи, а мы съ тобою, а чини не твое перемя, поѣди прочь», го-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 136; по Ипат., 98; П. С. Л. IX, 74.

²⁾ П. С. Л. X, 2. Лѣт. по Лавр. сп., 361; Лѣт. Пер. Сузд., 89.

³⁾ П. С. Л. X, 78. Лѣт. по Лавр. сп., 418; Новг. лѣт. по Сив. сп., 207. Судьба суздальскаго князя Семена Дмитриевича, — который, добиваясь своей вотчины, нижегородскаго княженія, подъялъ многіе труды и истомы и служилъ въ ордѣ 8 лѣтъ, четыремъ царямъ, но ничего не успѣлъ, — наводитъ летописца на размышленіе о томъ, что князь этотъ всеу трудился и «не вспомяну писанія, глаголющаго: его же хощеть Богъ поставляетъ князя и властелина и землдержца». П. С. Л. V, 254; VI, 131—132.

ворять Черные клобуки Изяславу во время борьбы его съ Юриемъ и съ ними соглашаются киевляне ¹⁾). Этотъ ствѣтъ можетъ служить типичной иллюстраціей отношеній населенія къ выбору князей. Но такія отношенія являлись какъ-бы вмѣшательствомъ грѣхънаго варода въ руководство божественнаго промысла, усмотрѣнію котораго, по ученію книжниковъ, слѣдовало всецѣло предоставить выборъ властеля. Позднѣе, когда обычай призванія князей для большинства княженій пересталъ существовать, то же ученіе должно было прижирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля.

Указанная точка зрѣнія довольно рано была усвоена нашими духовенствомъ, а взгляды за нимъ и нашими книжниками, которые въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставяеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устраяеть и судью, правящаго судъ»; наоборотъ, неправедныхъ князей, олицетворяемыхъ современникомъ въ образѣ князей юныхъ, любящихъ ниню пити съ гуслими и съ младыми советниками, «Богъ дасть за грѣхы, а старыя мудрыя отъемлетъ, яко же Исая глаголетъ: отъемлетъ Госноудь отъ Ерусалима крѣпость и крѣпкаго непопна и челоуѣка храбра, и судью, и пророка, и смрена старца, и дична советника, и мудра хытрена, разумна послушника; и постанлю уюноу князя нмъ и ругателя обладаюца ими» ²⁾). Такимъ образомъ достоинства поставляемаго князя обусловливались нравственными достоинствами данной земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при прижиреніи подобной идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣятельности отирапной точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ.

Значительную часть Святославова Изборника 1073 г. занимають вопросы и отвѣты Анастасіа Синаита, въ числѣ которыхъ находится слѣдующій: «О поставленіи властелемъ, яко не вся власти поставяеть Богъ, всеѣми же дѣйствуетъ». Судя по заглавію вопроса, можно бы заключить, что ученіе о богоустановленности власти было ограничивасемо; однако, содержаніе отвѣта не оправдываетъ этого предположенія. Анастасій поставилъ вопросъ очень рѣзко. Исходя изъ словъ апостола, что все мірскія власти отъ Бога учинены суть, онъ спрашиваетъ: «да еда убо всякъ царь и князь или епископъ отъ Бога поставяется?» На основаніи словъ Божественнаго закона («Богу въ номѣѣ глаголющу:

¹⁾ Лѣт. по Ив. сп., 279.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 136 и 361; по Ив., 98; П. С. Д. IX, 74.

дамъ вы князя по сердцемъ вашихъ») авторъ даетъ такой отвѣтъ: «да добръ съ вѣдомо, яко они князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; они же пакы недостойни суще противу достоинствомъ людямъ, тѣхъ недостойнства по Божію поупенію или хотѣнію поставляются». Анастасій Синаитъ проводитъ, такимъ образомъ, весьма несущественную разницу касательно участія божественнаго промысла въ поставленіи достойныхъ и недостойныхъ царей или князей. Недостойные цари и князья поставляются вслѣдствіе недостойнства людей не только по Божію поупенію, но и хотѣнію. Отсюда совершенно естественно былъ выводъ, сдѣланный Анастасіемъ: «егда узриши, гонити оны, недостойна кого и ала царя, или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потыкай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ томилемъ предаемъ, тоже и тако зла не останемъ». Въ подтвержденіе этой теоріи приведены двѣ назидательныя повѣсти: о царѣ Фокѣ Мучителѣ и о беззаконномъ градѣ Вифандѣ. Одинъ черноризецъ изъ Константинограда, святой мужъ, имѣющій къ Богу многое дерзновеніе и «пришеся съ Богомъ въ прости», спрашивалъ про мучителя царя: Господи, зачѣмъ поставилъ такого царя? Гласъ Господень ему отвѣчалъ: «яко не нашель горша (злѣйша)». Въ законопреступномъ городѣ, изъ Вифандѣ, жилъ ивкїи пагубникъ, который подъ видомъ смиренія принялъ постриженіе, но не прекратилъ злыхъ дѣлъ. По смерти епископа въ этомъ городѣ, ангелъ Господень повелѣлъ поставить епископомъ вышеупомянутаго пагубника, который послѣ этого началъ еще болѣе кичиться и выситься. Тогда ангелъ Господень, явившись къ нему, сказалъ: зачѣмъ величаешься, окольный? Повѣсть заканчивается слѣдующимъ назиданіемъ: «по-истиннѣ, яко недостойнъ святительства бысть епископъ, но иже градъ сей такого епископа достоинъ бысть.»¹⁾ Эта тема получила въ древней Руси весьма широкое распространеніе. Подтвержденіемъ ей послужили и слова, заимствованныя изъ Притчей Соломона: «мною цесареи царствуютъ, а силнии пишють правду; мною вельможа величаются и мучители держать землю»²⁾. Дѣйствительная жизнь, вѣроятно, перѣдко побуждала, благочестивыхъ людей отыскивать успокоеніе въ этой теоріи. Въ лицѣ хановъ Золотой Орды, на которыхъ перенесены были оталеченныя представленія о божественномъ происхожденіи власти³⁾, впервые

¹⁾ Изборникъ Святослава, по изд. Общ. люб. древн. писем., LV, 1880, л. 95—96.

²⁾ Мѣт. по Лавр. сп., 149; по Ил. сп. 107.

³⁾ Князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, отказываясь испознать обрядъ прохожденія межъ огней, призналъ власть хана: «тебѣ, царю, вла-

появились такіе цари, которыхъ можно было смѣло причислить къ числу царей мучителей. Въ повѣсти объ убійствѣ тверскаго князя Михаила про богомерзкаго царя Озбьяка, который приплы въѣру «Срачьншскую и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіанского», сказано: «Яко же бо о такихыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣненн въ Вавилонѣ, сице глаголаша: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавѣйшю паче всея земля; егда бо Господь градъ Ерусалимъ казняя, предасть въ руцѣ царю Титу Римьскому; и пакы егда Феоцѣ Царьградъ предасть въ руцѣ, тако же не Феоку любя, но Царьградъ казняя за людская согрѣшенія; еже и се бысть за наша согрѣшенія»¹⁾. Политическая практика московскихъ объединителей точно также не разъ подавала поводъ къ пропагандѣ этой идеи. Съ этого времени указанный вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе. Имъ, помидому, очень интересовался и горячій поборникъ московскихъ князей, митрополитъ Алексѣй²⁾.

якося пожеже ты Богъ поручилъ царствіе и славу сіѣта сего... П. С. Л. V, 184; VII, 154; Новг. лѣт. во Снѣ. см., 266; Макарій, V, стр. 411. Въ позднѣйшей редакціи житія слова эти переданы такъ: «тебѣ же царю суду жертвену и тѣлну, но яко власть имущу обладателну, честь воздаемъ и поклоняемъ, пожеже врученъ отъестъ царствіе отъ Бога...» П. С. Л. X, 131.

¹⁾ П. С. Л. V, 208; VII, 189.

²⁾ Въ сборникѣ, написанномъ его рукою, содержится и вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита съ слѣдующимъ заглавіемъ, отличающимся отъ перевода въ Изборникѣ: «О поставленіи властей, яко не вся убо во власть поставляетъ Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ; и убо достойни, яко достойни поставляются, недостойни же на показаніе согрѣшннхъ и на обращеніе, и яко тою вещью, по правому суду Божию, преданъ бываемъ языкомъ». *Филаретъ*, Обзоръ русск. дух. литер., изд. 3-ье, стр. 75. Въ сборникѣ первое мѣсто занимаетъ Четвероєвангеліе, потомъ глава, содержащая вопросъ-отвѣтъ Анастасія Синаита, далѣе Дѣянія и посланія апостоловъ и Апокалипсисъ. О Новомъ заветѣ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ «переводу и рукописанію св. Алексѣя»; см. *Филарета*, тамъ-же, стр. 73. Судяци изъ также митрополитомъ и переводъ Анастасія Синаита, — рѣшить не беремъ. Въ одномъ изъ сборниковъ Публ. Библ. Q. I, № 214, л. 157 об., слово Анастасія поселя заглавіе довольно сходное съ только что указаннымъ: «О избраніи властей — и яко вся убо власти не избраетъ Богъ, всѣми-же дѣйствуетъ. И яко избираетъ множицею недостойныхъ Богъ; и достойни убо яко достойни избраемъ суть, недостойни же пакы къ наказанію сгрѣшннхъ и обращенію, и яко тѣмъ же образомъ по праведному суду Божию предменъ въ языки; и яко показанія ради обладающе насъ зли суще», и проч. Это заглавіе совершенно сходно съ переводомъ этого слова въ изложеніи Никова Черногорца по почасевскому наданію, л. 305 об. Переводъ этого слова въ папектахъ относится къ XIV в., (Испс. рки. Синод. Библ., отд. II., ч. 3, стр. 15, 21 и 37; *Среднеєскій*, Слѣд. и замѣтки № LV, стр. 218 и 248. О болгарскихъ и сербскихъ переводахъ видѣть см. *В. I. Калужникъ*, Обзоръ славянорусскихъ памятникъ письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ Львовскихъ. Труды третьяго (Кіевскаго) археолог. съѣзда, т. II, прилож., стр. 246—252. Если митр. Алексѣй не самъ переводилъ слово Анастасія, то онъ могъ заимствовать его именно изъ переводовъ Никова Черногорца.

Известны и другие списки этого вопроса-ответа от XIV вѣка¹⁾. В рукописных сборниках XVI вѣка онъ уже очень распространенъ²⁾.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было учение объ особой отвѣтственности царей и князей предъ Богомъ, сопряженной съ ихъ высокимъ саномъ, за исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ—«безъ блага Богомъ данные люди управити». Эти задачи прекрасно выражены въ отвѣтъ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростислану Мстиславичу: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣлати на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованьи вы стояти (и земля русскіе блюсти)»³⁾. Но при всей видной сложности задачъ управления и онѣ оказались очень трудными для исполненія. Отправленіе правосудія, вызывавшее такъ много жалобъ и неудовольствій населенія, справедливо обратило на себя особенное вниманіе духовенства, которое такъ много содѣйствовало урегулированію этой сферы внутренняго управленія и стремилось пересоздать начала національнаго русскаго права при помощи церковнаго законодательства, заимствованнаго изъ Византии⁴⁾. Съ точки зрѣнія божественнаго постановленія власти духовенство обратилось съ особымъ назиданіемъ князьямъ объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Въ предисловіи къ Русской правдѣ, по нѣкоторымъ ея спискамъ, и въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ «Слово Василия Великаго о судихъ и о клеветахъ», эта отвѣтственность изложена, по Соломону, такимъ образомъ: «послушайте и внушите вси судящии земли, яко отъ Бога дасться вамъ власть и сила отъ Вышняго; и пакы: горе оправдающему нечестиваго мзды ради и отъ правнаго правду отъемлющему; давыи бо вамъ власть Богъ истязеть

¹⁾ Опис. ркп. Троицко-Сергіевской Лавры, т. I, стр. 31. Въ сборникѣ XV вѣка Синодальной библиотекы находится статья, озаглавленная: «о влстѣхъ и повинующихся властемъ». Судя по началу—«егда всякъ царь и князь или епископъ и власти мірскія вса отъ Бога поставляются»,—это тотъ же отвѣтъ Синапта, но, быть можетъ, въ предѣлахъ. Опис. ркп. Синод. библиот., отд. II, ч. 2, стр. 634.

²⁾ Въ сборникахъ Публ. Библ. F. I, № 240 и Погод. древлехр. № 1287 переводъ слова Анастасія Синапта по заглавію и изложенію очень близокъ съ переводомъ въ Изборникѣ и даже одно неясное мѣсто въ послѣднемъ въ испорченномъ видѣ перешло и въ эти сборники. Даже въ XVII в. перенесвалось это слово по переводу Изборника. Опис. ркп. Соловецк. монаст. т. I, стр. 737.

³⁾ Лѣт. по Ип. сп., 363; срѣвп. П. С. Л. VII. 80.

⁴⁾ См. объ этомъ *Калачова*, Предв. свѣд. для объясн. Русск. правды, отд. IV, и—О кормчей въ системѣ древне-русскаго права; *Розенкилмфа*, Обзорніе Кормчей; *Чесолкина*, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи (въ Собр. соч. т. VI).

скоро наши дѣла и помысли испытаетъ, яко служители есте царствія, ти не судисте право, ни сохранисте закона Божія... страшно убо и скоро придетъ на ны испытаніе», и проч. ¹⁾). Близкое отношеніе къ приведенному отрывку имѣютъ также: «Слово Сирахово на немилостивые цари и князи, иже неправдою судятъ», и «Слово о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ язву и несправду судящихъ», признаваемые за русское сочиненіе ²⁾). Таковъ-же характеръ и особой статьи, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ Коричей и въ отдѣльныхъ спискахъ «Мѣрила праведнаго». Въ ней отвѣтственность царей и князей изложена согласно евангельской притчи о талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Нынѣ же цари и князи разумѣйте: вамъ бо поручилъ Богъ санъ и судъ свой на земли, яко се талантъ божій прили есте, да не глѣбистинымъ платомъ обливъ небреженіемъ погребете въ мысленной земли сердца своего, и во своемъ утѣшеніи помните, яко должни есте, и иште, что подыять скрытый талантъ, по тому было се невѣдомо» ³⁾). Въ томъ же духѣ, но гораздо болѣе близкии къ практической жизни, являются два поученія, одно—озаглавленное: «Семена епископа тверскаго наказаніе», и другое—«Наказаніе княземъ иже дають волости судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ». Первое изложено въ видѣ повѣсти, гдѣ разсказывается, какъ князь полоцкій Константинъ у себя на пиру спросилъ попа, гдѣ будетъ тиунъ на томъ свѣтѣ? Семень попъ отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь возразилъ, что «тиунъ неправду судить, а я что дѣлаю?» Тогда-то Семень попъ и преподавъ князю назиданіе, что если будетъ князь добръ, богобойнъ, жалуетъ людей, правду любить, и избираетъ тиуна или волостеля мужа добра и богобойна, исполнена страха Божія,—то князь и тиунъ будутъ въ раю. Если же князь будетъ безъ страха Божія, христіанъ не жалуетъ и сиротъ не милуетъ, постаняетъ тиуна или волостеля злаго, Бога не боящагося, не знающаго закона Божія—«только того дѣла, абы князю товара добывать»,—то князь и съ нимъ тиунъ будутъ въ аду ⁴⁾). Второе назидательное поученіе обличаетъ тѣ-же

¹⁾ Калачовъ, Предъ. свѣд. для объясн. Русск. правды, изд. 2, стр. 240—241

²⁾ Розенкампфъ, Обзорѣн. Коричей, изд. 2, стр. 135—136; Востоковъ, Описк. рук. Румянц. музея стр. 305, 327—328.

³⁾ Розенкампфъ, тамъ-же, стр. 135; Востоковъ, тамъ-же, стр. 325; А. О. Бичковъ, Описаніе сборниковъ Публ. Библ. т. 1, стр. 192, § 12.

⁴⁾ Памят. стар. русск. литер., IV, 185; Розенкампфъ, Об. Коричей, изд. 2, стр. 130. По времени составленія статья относится къ концу XIII в. Калачовъ, О Коричей, прим. 66; Среднесек. Древн. памят. писма и языка, изд. 2, стр. 151.

общественныя язвы, что и предыдущее, и также, обращаясь къ какому-то князю, указываетъ, что князь не испытъ за погублен-ныхъ отъ его тѣла; «держа истину въ неправдѣ, любя незакон-ныя прибитки и тѣхъ дѣла напустивъ злаго судію на люди». Въ немъ только рѣзче отмѣчена отвѣтственность князей, которыхъ авторъ, согласно ветхозавѣтнымъ ученіямъ, приравниваетъ богамъ¹⁾: пользуется словами Ефрема Сирина, авторъ угрожаетъ князьямъ: «Бози бывше, измрете яко челоуѣцы и во пса мѣсто въ адъ спедени будете», и заключаетъ «наказаніе» слѣдующей септенцею: «писано есть: не добръ позоръ лица въ курѣхъ и перѣпо лъву въ овцѣхъ паствити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; царю неправедну—всѣ слуги подъ нимъ беззаконны суть»²⁾. Но такъ какъ незаконныя слуги составляли обычное явленіе русской исторической дѣй-ствительности, то не прекращалась и постоянная пужда въ проповѣди духовенства князьямъ и властелямъ о правотѣ судѣ. Съ такою проповѣдью выступаютъ и высшіе представители духовенства. Такъ митрополитъ Алексѣй, въ поученіи отъ апостольскихъ дѣяній, преподаетъ властямъ слѣдующее: «А князи и бояре и вельможи судите судъ милостиво: судъ бо безъ милости есть не створшему милости, хвалится милость на судѣ; мѣды на неповинныхъ не принимайте и не на лица судите, судъ бо Божій есть; судите людямъ правду, и вдовицъ, и сиротъ, и пришлецъ не обидите, да не возюютъ на насъ къ Богу»³⁾. На ту-же тему поучалъ и митрополитъ Фотій⁴⁾.

Соотвѣтственно ученію, что немилостивыхъ и злыхъ царей и князей поставляетъ Богъ за грѣхи людей, и во всѣхъ приведен-ныхъ поученіяхъ объ отвѣтственности князей идетъ рѣчь исключи-тельно объ отвѣтственности ихъ передъ Богомъ, въ загробной жизни. Но такая отдаленная отвѣтственность являлась плохой сдержкой для эгоистическихъ стремленій людей того времени. Отвѣтствен-ность въ этой жизни, на землѣ, конечно, болѣе-бы импонировала

¹⁾ См. выше стр. 41—42.

²⁾ Памятн. стар. русск. ят. IV, 184.

³⁾ Приб. къ Твор. св. Отцовъ, годъ пятый, 1847, стр. 33—34.

⁴⁾ «Бы-же, благородни князи и вельможи, шже народъ Христова дод-ства, врученныи вамъ сущемъ, молю непреложно благодѣтельство всяко и за-ступленіе стяжати... и во всемъ сдержаше величѣрный судъ Божіа правды, шбо яко держава дана есть вамъ и сила отъ Вышняго... И убо, чада мои, немилостивымъ владѣльцемъ судъ напрасенъ бываетъ, и державнымъ же пакы и сильнѣшимъ грозное отъ праведнаго Судіи наказаніе шспытаніе». Д. къ А. И., т. I, № 183, стр. 344 и слѣд. Ту-же тему разви-валъ митрополитъ Фотій и въ посланіи къ псковичамъ. Р. И. В. VI, стр. 470—471.

иъ. Наши князья не преминули отмѣтить возможность и такой отвѣтственности: разгнѣванный Богъ могъ покарать немилостивыхъ и злыхъ властителей за грѣхи еще при ихъ жизни. Князья учили: «Аще бо князи правдивы бываютъ въ земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукавы бываютъ, то болше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исая рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до простыхъ людей. Лютъ бо граду тому, въ немъ же князь уиъ, любяи вино пити съ гуельми и съ младыми свѣтшкы»¹⁾. Въ дѣйствительной жизни древне-русскіе публицисты нашли подтвержденіе своей теории. Они предпочитали останавливаться на прихѣрѣ «праведныхъ» князей. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ сказаніи XIII в. о подвигахъ и жизни св. благоуспѣшнаго великаго князя Александра Невскаго: «о таковыхъ рече Исая пророкъ: аще въ коей странѣ князь благъ и уиѣтливъ, кротокъ и смиренъ, по образу Божию есть, .. на таковыхъ Богъ призираетъ и милость свою показываетъ на нихъ, якоже и сего великаго князя Александра ураспространяи Богъ землю его, и богатствомъ и славою изобилуова»²⁾. Бѣдствія же родной земли тѣ же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей. Но какъ-бы ни объяснились причины бѣдствій, несчастная страна несла двойную отвѣтственность: за грѣхи народа и за грѣхи князей. Оба эти положенія въ теоріяхъ публицистовъ не исключались одно другимъ. Митрополитъ Кипріячъ, въ укорительномъ посланіи за свое поруганіе отъ великаго князя и его людей, писалъ: «не вѣсте-ли, яко грѣхъ людскій на князи, и княжскій грѣхъ на люди нападаетъ?»³⁾. Въ виду такого нерадостнаго вывода радѣтели о благѣ земли возлагали тѣмъ большую надежду на «праведныхъ» князей и царей, которые должны были исправить нестроенія людскія, страхомъ или милостію приводя людей къ Богу. Но нашлись скептики, которые считали предъявленное требованіе невыполнимымъ. Ссылаясь на авторитетъ Вислія Великаго, они приводили слѣдующую мысль: «Мнози жалуются на царя и на судіа: не исправляютъ людскихъ вещей. Азъ же глаголю: не владущихъ безуміе, но нашъ грѣхъ некривляетъ все, и печали множество взяи на насъ. Аще-бы Авраамъ и Моисей, или Давыдъ, или Соломонъ Премудрый владѣтъ.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. св., 136 и 361; по Ипат., 98; П. С. Д. IX, 74.

²⁾ Сказаніе по списку XIII в. изд. арх. Леонидомъ въ Трудахъ Общ. люб. древн. писем. 1882, стр. 10. Указанное мѣсто приведено по изложенію брата Ясному: Стен. Кн. I, 368.

³⁾ Р. И. В. VI, стр. 176.

надъ нами, но мы, сгубшая, не утчемъ вины. Глаголетъ писаніе: дажъ вамъ князя по сердцу вашему, такого предстателя улучивше. Аще и зѣло праведникъ есть князь и до Моисѣйскаго добродѣшія пристигъ, како можетъ того правда покрыти грѣхи всѣхъ подручникъ»¹⁾).

Поимно указанныхъ выше задачъ управленія въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались духовенствомъ, послѣднимъ была указана и еще одна, заимствованная изъ византийскихъ политическихъ теорій, въ силу которыхъ императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты правовѣрія. Любопытно, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проповидится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ митрополитъ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ применяетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя «благовѣрна по Божіи благодати и не уклоншеся отъ первыя вѣры... христія же еже по Бозѣ ревность и до сего дъне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюдену же ти се будетъ, аще въ стадо Христово не даси влѣку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити трънія, но съхрани ти преданія старое отецъ твоихъ»²⁾. Въ послѣднихъ словахъ авторъ очевидно предостерегаетъ князя отъ католическаго вліянія, что было вполне умѣстно въ виду возбужденной въ то время полемики противъ латинъ. Объ отступленіи латинъ отъ православія митр. Никифоръ написалъ тому-же князю особое посланіе, гдѣ исчисляетъ причины отпаденія западной церкви. Въ заключеніи посланія онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что князьямъ подобаетъ, «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное твердое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святыя церкви, на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога»³⁾. Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ борщиковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на попримѣ, указанномъ митр. Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе, правда, вызвало опасеніе современника за безопасность христіанской вѣры; но крайней мѣрой, онъ замѣ-

¹⁾ Сборн. Погод. древлехран. № 1287, я. 191 об.—192.

²⁾ Русск. Достоп., I, 70; переводъ этого посланія у митр. Макарія, II, изд. 2, 194—200.

³⁾ Памяти. россійск. словеса. XII в., 163.

тигь по поводу избѣненія многихъ русскихъ князей: «а нинѣ же княземъ Богъ повелѣи жити человеколюбиемъ своимъ въ русьской землѣ, хрестьянскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла въ ра хрестьянъскаа» ¹⁾). Но татары оказались вѣротерпимы и даже покровительствовали русской церкви.

Въ началѣ XIV в., когда противъ митр. Петра возсталъ довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому, что ему слѣдуетъ исправить зло; онъ упрекалъ его за молчаніе, «видя ересь растущу и множающуюся», и напоминалъ: «Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси въ своей земли; ты неслалъ княпия быти на страшнемъ и нелицемѣрнемъ судиши Христопо, аще смолчиши митрополиту» ²⁾). Тверской князь, однако, не могъ воспротивить митрополиту его беззаконію, хотя и вмѣшался въ это дѣло: митр. Петръ стоялъ подъ защитой московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ вводимыхъ на него обвиненій.

Такимъ образомъ проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго прижненія въ рассматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое прижненіе, идея эта получила послѣ Флорентійской унии и паденія Константинополя.

Резюмируя изложеніе этаго сльгаго очерка ³⁾), можно отмѣтить, что древне-русская проповѣдь и письменность успѣла затронуть до половины XV вѣка очень широкій кругъ политическихъ темъ, и представители духовенства вѣнсе не ограничили своей политической миссии задачей умиротворенія. Помимо стремленія воздержать князей отъ междоусобій конкретнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ распри и попытокъ указать такіа начала политическаго бытѣ, при наличности которыхъ должно было прекратиться это безсмысленное кровопролитіе, духовенство вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основннхъ началъ хрестіанской религій беретъ на себя задачу провести въ жизнь ученіе о Богоустановленности властей и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежащія на нихъ обязанности и отвѣтственность, упадающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей. Въ этой политической про-

¹⁾ Лѣт. г. Лавр. сн., 494. Александръ Невскій названъ «поборникомъ сущимъ православной Хрестовѣи вѣрѣ»: Новг. Лѣт. по Снн. сн., 255, прилѣч.

²⁾ Р. И. В. VI, № 16.

³⁾ Двѣ важныя политическія темы, затронутыя въ рассматриваемую эпоху, объ отношеніяхъ церковнаго и государственнаго авторитетовъ и объ отношеніи государей къ служилому сословію, наложены въ главахъ VII и VIII.

паглядѣ духовенство раскрываетъ преимущественно истины евангельскаго и апостольскаго ученія, но заимствуетъ изъ византийскаго литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Таковы позаимствованія изъ Анастасія Синаита и ученіе объ обязанности князей заботиться объ охранѣ правопорядка. Многія изъ этихъ политическихъ темъ сначала находили еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но, постоянно повторяемая, онѣ безспорно подготовляли умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ. Благодаря этому проведеніе этихъ теорій въ русскую жизнь со второй половины XV вѣка значительно облегчается.

ГЛАВА III.

Политическія слѣдствія Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи.

Событія, сопровождавшія Флорентійскую унію, выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до тѣхъ поръ оставалась для московскихъ государей въ тѣни: на долю послѣднихъ выпала обязанность стать во главѣ охраны правобѣрія и благочестія. Хотя эта задача указывалась еще раньше представителями древне-русской письменности ¹⁾, но до возвращенія митр. Исидора съ Флорентійскаго собора московскихъ князьямъ не представлялось поводовъ выступить на эту почву. Судьба митр. Исидора въ русской исторіи имѣла такимъ образомъ серьезныя политическія слѣдствія.

Великій князь Василій Васильевичъ усленно отговаривалъ ново-прибылаго митрополита отъ намѣренія ѣхать на соборъ въ Феррару; слѣдствіе упорства митрополита, онъ предупреждаетъ его, чтобы тотъ «принесъ древнее благочестіе и православную вѣру» ²⁾. Исидоръ, однако, принявъ къ уніи и произведъ въ Москвѣ своими пошествами большое смятеніе умовъ, почему и былъ схваченъ и отправленъ въ заточеніе ³⁾. Кто-же явился самымъ рен-постнымъ защитникомъ изначальной старины? Великій князь въ грамотахъ къ Константинопольскому правительству объявляетъ, что все мѣры были приняты имъ по совѣщанію съ соборомъ епископовъ: мѣстѣ со всѣми епископами и священниками и со всѣмъ православнымъ христіанствомъ «мозилохъ его много, да принесеть къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе», пишетъ

¹⁾ См. выше, гл. II, стр. 51—52.

²⁾ См. выше, гл. I, стр. 28.

³⁾ Новг. Свв. акт., С. II. 1869. 420 и 421.

великій князь; видѣвши и слышавши все странное и чуждое православію, внесенное митрополитами, великій князь созываетъ Боголюбивыхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочихъ священнопокоевъ и иноковъ «земли нашей немало», — только на основаніи соборнаго приговора о несогласіи всего Исидорова дѣла съ священными правилами принимается такая экстремная мѣра, какъ заключеніе митрополита въ монастырь ¹⁾). О совѣстныхъ дѣйствіяхъ великаго князя съ освященнымъ соборомъ пишетъ и митр. Іона ²⁾). Но уже этотъ послѣдній писаетъ про великаго князя, что онъ «поборазъ по Божьей церкви и по законѣ; и по всемъ православнымъ христіанствѣ; и по древнему благолѣпію, разжегався теплою сердечною и рениуя святыхъ своихъ прародителейъ»; что Богъ его вразумилъ «по изначальству великаго его благородства отъ того святаго и великаго князя Владимера, о православнѣйшій спятій вѣрѣ; христіанствѣйшій велие попеченіе имѣти, какъ-бы дагъ Богъ въ его отчизнѣ, въ русѣй земли, не порушио было ничтоже до Божіей воли и до кончины вѣка» ³⁾). Въ описаніи-же современниковъ роль великаго князя въ указанныхъ событіяхъ выдвинута впередъ и не безъ тенденціи подчеркнута. Въ извѣстномъ сказаніи о Флорентійскомъ соборѣ; Іерея Симеона Суздальца великій князь уподобляется не только своему прародителю Владиміру Святому, но даже царю Константину. За охрану и утвержденіе православія авторъ слагаетъ ему похвалу и называетъ его «всая русскія земля утверждишемъ, а греческія вѣры подтверждишемъ и поддержателиемъ» ⁴⁾). Составленное при митр. Θεодосіи «Слово избранно отъ св. писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи омаго сбора латынскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго, и о поставленіи въ русѣй земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси», — послѣ изложенія обстоятельствъ прибытія въ Русь и изверженія Исидора, отмѣчаетъ, какъ благочестія дѣлатель, благовѣрчанный царь Василій, «духомъ божественнаго закона распалаетъ, возрѣшновавъ по Бозѣ; и по св. законѣ; благовѣрїя и утверждалъ св. церковь непоколебиму отъ мѣ-

¹⁾ Р. И. В. VI, 580 и 534. То-же подтверждаетъ вел. князь и въ посланіи къ проту и инокамъ Афонской горы: «Мы же сія (повѣства Исидора) видѣвши и слышавше, и вѣло намъ странна явися; и повелѣхомъ собратися епископомъ, священнопокомъ же и старцемъ, и сборъ составише», и проч. Лѣт. запят. Арх. комм., в. 3-я, прил., стр. 36.

²⁾ Р. И. В. VI, 637 и 661.

³⁾ Р. И. В. VI, 559 и 612.

⁴⁾ Проф. Павловъ, Критич. опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинявъ, 209; А. Поповъ, Истор. латер. обзоръ древне-русской полемики противъ латинявъ, 357—359.

сленныхъ влѣкъ, губящихъ вѣру истиннаго въ рускѣй земли православнаго благочестія», созвалъ соборъ для поставленія митрополита. Далѣе авторъ слова послѣ укоризненнаго обращенія къ папѣ указываетъ, что на Руси его неблагословенія не боятся, но всѣ, живя въ благочестіи, ходятъ по божественнымъ правиламъ и признаютъ лишь богоизбраннаго святителя русскаго и церковнаго правителя, «державою владѣющаго въ рускѣй земли богошественнаго поспѣшника истиннѣ, высочайшаго исходатая благовѣрія, мудраго изыскателя святыхъ правилъ божественнаго закона, благовѣрнаго великаго князя Василія Васильевича, истинныя вѣры православія боговѣчнаго царя всея Руси»¹⁾. Позднѣйшій повѣствователь, описывая событія церковной смуты при Исидорѣ, удивляется разуму и великому смыслу великаго князя, такъ какъ объ Исидорѣ всѣ молчали, князья и бояре и многіе ные; молчали и русскіе епископы, и даже «вздремаша и уснуша», — и только великій князь позналъ пагубную Исидорову презель и, скоро изблнчивъ, посрамилъ его. Разсказъ заключается такой общей характеристикой: «отъ таковаго злохитраго врага соблюде Богъ и Преч. Богородица святую церковь въ Русіи безнавѣтну и безмятежну обличеніемъ премудраго и Богомъ вразумляемаго великодержавнаго Василія Васильевича, во благочестіи цвѣтущаго, великаго и премудраго царя всея Русіи, ему же о семъ откры Господь Богъ велеумиѣ разумѣвати, и вся мудрствовати, и творити волю Божию, и вся заповѣди его хранити»²⁾.

Итакъ великій князь московскій и всея Руси, вслѣдствіе событій Флорентійской уніи, явился въ новой роли блюстителя православія, которое не только было непоколебимо соблюдено въ его державѣ, но даже возсіяло здѣсь особеннымъ блескомъ, за что великій князь и названъ «царемъ истинныя вѣры православія». Правда, на короткое время императоръ Константинъ Палеологъ какъ-бы возстановилъ прежнее значеніе православной имперіи и признанъ былъ въ Москвѣ великимъ помощникомъ въ утвержденіе православнаго христіанству и во владѣтельствахъ русской земли,

¹⁾ А. Поповъ, тамъ-же, стр. 380 и 384.

²⁾ Никон. V, 159. Въ Степенной книгѣ, ч. II, стр. 11, сказано соотвѣственно этому: «Милосердый же Господь Богъ не попусти сему единому волку погубити безчисленное стадо Христова словесныхъ овецъ истиннаго православія, и облнчиса безуміе того отъ богоразумнаго и Богомъ вразумляемаго, истиннаго благочестія держателя, отъ премудраго царя Русскаго и великаго князя Василія Васильевича». Авторъ житія митр. Іоаннъ разсказываетъ и о томъ, «какъ благоразумный великій князь отъ ереси латинскіе державу свою свободи и о подвизѣ его, иже показа о православіи». См. ркн. Соловецк. м-ря. т. II, стр. 430, № 628.

но и онъ уже считался самодержцемъ только греческаго скипетра, а не всея вселенныя ¹⁾. Присоединеніе его къ унѣ, а затѣмъ паденіе Константинополя дали дальнѣйшій толчекъ развитію русскихъ національныхъ теорій о политическомъ значеніи великаго князя.

Съ паденіемъ Константинополя исчезъ политическій глава всего православнаго міра. Въ умахъ современниковъ естественно возникъ вопросъ: кто займетъ его мѣсто, если не для всей православной вселенной, то для обособленныхъ ея частей? Благодаря предшествующимъ событіямъ Флорентійской унѣ, у русскихъ публицистовъ былъ готовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ ²⁾. Богомерскій Исидоръ, по словамъ митр. Іоны, презлѣтилъ царя и патріарха, разлучилъ ихъ отъ закона святаго и ввелъ ихъ въ погибель. Наоборотъ, великій князь Василій Васильевичъ изобличилъ и посрамилъ Исидорова безуміе к тѣмъ спасъ св. церковь въ Руси «безнавѣтну и безмятежу». Съ этихъ поръ и заговорили о русскомъ благочестіи въ отличіе отъ благочестія греческаго. Митр. Іона такъ отличилъ первое изъ нихъ: «святая великая наша Божія церкви русскаго благочестія держитъ святаа правила и божественный законъ св. Апостолъ и уставъ св. Отець... великаго православнаго гречскаго прежнего богоустаннаго благочестія» ³⁾. Значить, благочестіе современныхъ грековъ подвергалось сомнѣнію съ стороны своей чистоты и въ этомъ отношеніи оказалось послѣ всьмаго собора ниже «великаго православна русскія земли». Авторъ сказанія о Флорентійскомъ соборѣ отмѣтилъ, что императоръ, папа и патріархъ воздали митр. Исидору великую честь ради славнаго имени великаго князя и посадили его на патріаршее мѣсто, такъ какъ «въ Руси великое православное христіанство» ⁴⁾. А позднѣйшій излагатель этого сказанія приписалъ императору Іоанну такія слова: «яко восточнии земли суть большее православіе и высшее хрестьянство—Бѣлая-Русь» ⁵⁾. Имена виновниковъ такого торжества Руси, блюстителей чистоты правовѣрія—епископовъ «великодержавныхъ земль

¹⁾ См. гл. I, стр. 21—22.

²⁾ См. Н. Каптеревъ, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку, стр. 7—9.

³⁾ Р. И. В. VI, 653; митр. Флапизъ о русскомъ православіи замѣтилъ: «св. великая наша зборная церкви православна, Богомъ соблюдаема якоже солнце сіяетъ благочестіемъ въ всѣхъ русскихъ земляхъ, истиннаго нашего великаго православнаго». Тамъ-же, 723.

⁴⁾ А. Поповъ, тамъ-же, 315—346.

⁵⁾ П. С. Л. VI, 152; VIII, 101; Византоенка, VII, 51; Степ. кн. II, 9.

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРАВОСЛАВІЕ

Совершенно противоположныя сужденія вызвала историческая судьба византийской имперіи. Ея политическое паденіе и завоеваніе варварами разсматривалось, наперекоръ исторической послѣдовательности событій, какъ результатъ отступленія отъ православной вѣры и соединенія съ латинами. Эту мысль впервые высказалъ митр. Іоанъ вслѣдъ за покореніемъ Константинополя турками. Въ 1458—59 году онъ писалъ литовскимъ епископамъ, что ихъ извѣстію «колику преже бѣду подъя царствующій градъ отъ Болгаръ, такоже отъ Персъ...; но допетръже дрылаху, сынове, благочестіе, ничто же градъ не пострада: егда же своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадаше, какова плѣненія и смерти различныа быша»¹⁾. Ту же мысль онъ повторяетъ и спустя годъ²⁾. За митр. Іоною повторилъ подобную же сентенцію и митр. Филиппъ для увѣщанія въ 1471 г. непокорныхъ новгородцевъ, по поводу ихъ намѣренія «зататься» за великаго князя литовскаго. Эту чисто политическую мѣру, которую новгородцы хотѣли противопоставить объединительнымъ замысламъ московскаго правительства, митр. Филиппъ истолковываетъ какъ намѣреніе «оставя православіе и великую старину да приступити къ латыномъ». Поэтому онъ напоминаетъ новгородцамъ, какъ въ преждебывшія времена многія царства великихъ земель и многіе грады, вслѣдствіе преступленія закона, не послушавши ученія Св. Пророкъ, Апостолъ и св. Отець пали въ многую нагубу и въ запусгленіе. «А нынѣ ча пакъ, шшеть митрополитъ: вѣ гѣта наша, и сами вѣсте, пако погаными турки и нужиѣи одержимъ бысть великій царствующей прежде благочестіемъ градъ Константинополь; не тоя ли же ради латынскія прелести погыбо и отъ великого благочестія истребися, еже царь и патриархъ отъ латынъ прельстившася», и проч.³⁾. Особенно энергично выразился о греческомъ благочестіи одинъ изъ противни-

¹⁾ Р. И. В. VI, 623.

²⁾ Тамъ же, стр. 648—649: «Возгаданному же великому Царюграду, сами вѣсте, како того ради смущенія по малыхъ временахъ отъ Бога проущенною казнию, многымъ возненіемъ поганыхъ языкъ, людие православія сотрошася, прелести ради вѣрѣ православія греческаго и Сидорова дѣла раззращенія. О таковоѣ бо Апостолъ шша глаголетъ: «аще кто разсыплетъ храмъ Божій, разсыплетъ того Богъ».

³⁾ Тамъ же, 726, 728—729; С. Г. Г. II, № 18. См. то же посланіе, по въ другой редакціи, въ А. И. I, № 280, гдѣ сказано: «царствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ-ли солнце сіяло въ благочестіи? А какъ, оставя истину, да съединился царь и патриархъ Іосифъ съ латиною, ... не выаль-ли въ руки Царьградъ поганымъ. не въ Турьцкихъ-ли рукахъ и нынѣ? Ср. П. С. Л. VI, 7: «и царствующій прежде благочестіемъ великій градъ Константинполь не тоя же ли ради латынскія прелести погыбо и отъ благочестія истребися и доншиѣ погаными турками одержимъ бысть?».

ковъ Евфросина Псковскаго въ спорѣхъ объ аллилуйи: онъ указывалъ, что нельзя ссылаться на грековъ, такъ какъ греки «на сихъ лѣтахъ къ своей погибели отъ истины свернулись» и «на христѣ святѣхъ, сирѣчь въ соборнѣхъ и апостольскѣхъ церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустѣніе»¹⁾. Эти дѣйствія и идеи—о сохраненіи истиннаго благочестія на Руси и о паденіи Константинополя вслѣдствіе отступленія отъ православія царя и патріарха—и послужили исходными пунктами для построенія теории о значеніи, задачахъ и цѣляхъ православнаго русскаго царства.

Такое крупное событіе, какъ паденіе Константинополя, должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ въ православномъ мірѣ. На Руси очень скоро распространились вѣсти о печальной судьбѣ царствующаго града, какъ чрезъ посредство возвратившихся изъ Константинополя русскихъ, такъ и чрезъ посредство прибывающихъ за пособіемъ и милостыней грековъ²⁾. Зорко слѣдящій за событіями современникъ не могъ оставить безъ оцѣнки такого выдающагося политическаго переворота. Какъ-же отнеслись къ нему русскіе публицисты? Ближайшимъ отъѣтомъ служатъ появившіяся, вѣроятно, вскорѣ за симъ повѣсти и сказанія о Царѣградѣ. Въ однихъ, какъ въ повѣсти «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета Амуратова сына», предлагался обстоятельный и живой разсказъ очевидца или современника со словъ очевидцевъ объ осадѣ и взятіи города³⁾. Другія, — какъ повѣсть «о взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата, еже бысть въ лѣто 6961», — являлись гораздо болѣе религиозно-правдственными назиданіями на тему о карѣ Божіей за грѣхи, «яко же нынѣ видѣти есть Царствующій градъ погранъ и раскопанъ и пожженъ огнемъ»⁴⁾. Замѣчательно, что изъ этихъ

¹⁾ Макарій, Ист. церкви, VIII, стр. 135.

²⁾ Уже въ 1454 г. митр. Іона въ окружномъ посланіи повѣщалъ, что «попущеніемъ Божіимъ грѣхъ ради нашихъ тогъ отъ великихъ лѣтъ не приидемый и Богомъ праинимй великій Костантиноградъ безбожные туркове приаша, святыхъ божіихъ церкви и монастыреве разориша» и убѣждалъ всѣхъ подавать милостыню Дмитрію Гречину, пришедшему къ намъ «отъ великаго православія» за помощію для искупленія отъ горькаго паѣсненія.

³⁾ Эта повѣсть напечатана въ Никои. лѣт. V, 231; Воскресенской—П. С. Л. VIII, 128—141, и у Яковлева, Сказанія о Царѣградѣ, стр. 56—116. — Въ слѣдствіе пересказа она встрѣчается въ Хронографахъ 2-й ред., см. Изборникъ Лопова, стр. 160—185. Изложеніе ея у Среднескаго, Повѣсть о Царѣградѣ въ Уч. Зап. II отд. Ак. Наукъ, кн. I, Памятники, стр. 107—137, и у Шиллинга, Очеркъ литер. ист. повѣстей и сказокъ, стр. 213—215.

⁴⁾ Напечатана у Яковлева, Сказанія, стр. 46—53, и въ Изборникѣ Лопова, стр. 83—87, какъ встрѣчающаяся въ хронографахъ 1-й ред. Въ послѣднихъ попадаются еще другія повѣсти, представляющая въ слѣдствіе и суломъ пересказъ ходъ событія; напечатана въ Изборникѣ, стр. 87—91.

повѣстяхъ причиною паденія Царяграда выставлется не отпаденіе грековъ отъ православія, а лишь обычное возмездіе за грѣхи. Повидимому самое событіе на первыхъ порахъ произвело столь сильное впечатлѣніе на умы, что современника охватило больше всего ужасъ за судьбу православнаго міра, такъ какъ въ столицѣ его, на царскомъ престолѣ, «благороднѣйша суца всѣхъ иже подъ солнцемъ», сѣлъ безбожный Махметъ ¹⁾. Въ разореніи царствующаго града богомерзкими агарянами видѣли какъ-бы начало кончины міра, которая была предсказана съ истеченіемъ седьмой тысячи лѣтъ (1492 г.) ²⁾. Но уже и въ эти повѣсти проникаетъ другая струя: мысль о той роли, каковая выпадала теперь русской державѣ. «Ся убо вся благочестивая царствія, заключаетъ авторъ второй повѣсти: греческое, и сербское, басаиское и арбаназское грѣхъ ради напихъ Божиимъ поущеніемъ безбожии Турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и похориша подъ свою власть. Наша же Русітская земля, Божією милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растеть и младѣеть и возвышается. Ей же, Христо милостивый, даждь расти и младѣти и разширятся и до скончанія вѣка» ³⁾. Авторъ первой повѣсти какъ-бы въ утѣшеніе читателя ссылается на мистическія пророчества Меоодія Патарскаго и Льва Премудраго о судьбѣ Константинополя ⁴⁾. Разныя мистиче-

¹⁾ Въ первой изъ указанныхъ повѣстей авторъ восклицаетъ: «О великая сила грѣховнаго жала!... О горе тебѣ, седмохлымый, яко поганинъ тобою обладаютъ! Ибо колико благодатій божіихъ на тебѣ высіаша... и се нынѣ открылся гнѣвъ Божій на тебе, и предаде тебо въ рудѣ врагомъ твоимъ; и кто о семъ не вполачется и не зарыдаеть?» П. С. Л. VIII, 142. — Авторъ второй повѣсти начинаетъ свой рассказъ такъ: «хочу глаголати повѣсть еже не точію человекъ, но и нечувственіе камене и самія стпхія творятъ плакати и глаголати и рыдати: горе и увы!» *Иволевъ*, Сказанія, 46.

²⁾ Такъ въ первой повѣсти, передъ разказомъ о взятіи Царяграда замѣчается: «сіи царствующій градъ, неспечтлыми сѣгрѣшеніи и беззаконіи отъ толпныхъ щедротъ и благодѣній пречистыя Богоматере отпадшеса, тмочисленными бѣдами и различными напастми много лѣта пострада; такожде и нынѣ въ послѣднія времена грѣхъ ради напихъ овогда нахожденіемъ невѣрныхъ, овогда голодомъ и повѣтріи частыми, овогда же междоусобными брашми, ниже же оскудѣша силзи и обнищаша люде и преупчилися градъ и смиряса до вѣла». П. С. Л. VIII, 128. — Въ Соф. 2-й вслѣдъ за извѣстіемъ о паденіи Константинополя подъ 1459 г. приводится выписка изъ Пасхалии о кончинѣ міра, П. С. Л. VI, 181.

³⁾ *Иволевъ*, Сказанія, 54—55, и *Иаборникъ*, 86—87. Эти слова могли быть внушены автору повѣсти чтеніемъ хроникъ К. Манассіи, гдѣ по поводу паденія стараго Рима сказано: «вотъ что случилось со старымъ Римомъ! А нашъ Римъ процвѣтаетъ умножается, державствуетъ, ющеть. Пусть и до конца умножается» и проч. *Ф. Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложение къ древней Руси, вып. I, стр. 120.

⁴⁾ «Яко да сбудется о градѣ семъ вся прежезреченная при Константиѣ Великомъ царѣ и Левѣ Премудромъ Меоодіемъ епископомъ Патарскимъ».

скія предсказанія этого рода были очень распространены въ Византии и возникли тамъ довольно рано, сообразно приурочивался къ различнымъ историческимъ событіямъ ¹⁾). Часть ихъ была позаимствована и нашими книжниками, и преимущественно упомянуты пророчества Меоодія Патарскаго, Льва Премудраго и такъ называемыя видѣнія пророка Данила. На пророчества Меоодія ссылается летописецъ по поводу половецкаго набѣга въ 1096 году и чуда въ Югріи, а также по поводу нашествія татаръ въ 1223 году ²⁾. О предсказаніяхъ царя Льва и пророчествахъ Данила упоминаетъ архіепископъ новгородскій Антоній ³⁾. Позднѣе въ сборникахъ извѣстныхъ подъ именемъ «Цвѣтникъ», «Лебедь», «Книга Льва царя премудраго» и проч., а также въ сборникахъ полуофициальнаго характера, напр., въ Степенной книгѣ, эти пророчества встрѣчаются съ нѣкоторыми передѣлками, приуроченными ко вкусамъ русскихъ читателей. Въ предсказаніяхъ, между прочимъ, указывалось на то, что напоследокъ родъ русскихъ (εὐρώβη ἑθνός) побѣдитъ всего Иманла и овладѣетъ Сединхолмымъ. Этотъ родъ русскихъ подъ перомъ русскихъ публицистовъ препратился въ родъ русскій, благодаря чему въ сознание читателей должна

¹⁾ *Срезневскій*, Повѣсть о Царьградѣ, стр. 133, прим. 92; *проф. Александръ Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 284 и слѣд.; е го - же, разборъ книги Zeschwitz'a, Vom römischen Kaiserthum deutscher Nation, Ж. М. Н. Пр. 1878 г., т. CXCIV, стр. 173 и слѣд.; *проф. Успенскій*, Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, Спб. 1887, стр. 17—18; е го - же, Русь и Византия въ X вѣкѣ, 1888 г., стр. 30.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 226 и 227, 423 и 477. *Проф. А. Веселовскій* полагаетъ, что откровенія Меоодія Патарскаго позаимствованы къ намъ съ юга въ готовомъ болгарскомъ текстѣ, образчиками котораго являются сборникъ 1345 г. писанный для болгарскаго царя Александра, и рукопись Караджича XIII в. Славяно-русскіе списки представляютъ два разряда: болѣе древніе близки къ греческому тексту, а болѣе поздніе обилуютъ нетаквами изъ книгъ апокрифическихъ и иныхъ, отчасти изъ византийскихъ преданій. Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 305—306.

³⁾ Путешествіе его въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія, изд. Саввантова, Спб. 1872, стр. 68—69: царь Левъ какъ царь Корѣй (т. е. кнзъ Леопъ) «вземъ грамоту во гробѣ св. пророка Данила и переписалъ по философски кому-же быти царемъ въ Царьградѣ, дондеже и стоитъ Царьградъ»; ср. тамъ же прим. 30. Въ константинопольскій списокъ сказанія о софійскомъ храмѣ XII вѣка сказано, что царь Корѣй взялъ грамоту «въ Вавилонѣ» во гробѣ у св. пророка Данила и особіи содеража по смерти же его по мнозыхъ лѣтахъ препесемъ бысть въ Царьградъ и преведена бысть отъ философа (и переписалъ ю по философски) на греческій языкъ. Написано бысть имена въ сей царѣй греческихъ, кому царемъ быти, дондеже стоитъ Царьградъ». *Срезневскій*, Слѣд. и замѣтки, № LX, стр. 313. Позднѣйшій списокъ путешествія Антонія наданъ в. *Лонгрессомъ* въ «Вѣстникѣ» 1888 г. № 12; соответственное мѣсто здѣсь испорчено безграмотнымъ списателемъ и вѣсто Корѣй стоитъ Корнелей, стр. 391. Эта тема вершала и въ русскій языкъ; ср. *проф. Александръ Веселовскій*, Забѣтки по литературѣ и народной словесности, приложение къ XLV тому Записокъ Ак. Наукъ, № 3, стр. 9—14.

была проникать мысль, что Русь предстоит играть какую-то роль в судьбѣ Византии²⁾. Авторъ повѣсти «О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Махмета, Амуратова сына,» воспользовался этими мистическими пророчествами, чтобы ими заключить эпилогъ своего печального разсказа. «И тако симъ бывающимъ, говоритъ онъ:»

²⁾ Откровенія Месодія Патарскаго и предсказанія Льва Премудраго дѣятельно заключали въ себѣ указаніе на то, что русый родъ побѣдитъ иманьянта; ср. *Проф. А. Веселовскаю*, Опыты по истор. христ. легендамъ, Ж. М. Н. Пр. 1875 г., т. CLXXVIII, стр. 310. Въ русскомъ переводѣ предсказанія Льва Премудраго часто не отличались отъ толкованій таинственной надписи на гробѣ царя Константина, приписываемыхъ патриарху Геннадію. Эти послѣднія такъ озаглавлены въ Сб. древлегр. Погод. № 1579, з. 108: «Надписаніе начертанное отъ пѣвкихъ святыхъ пророковъныхъ отецъ, изображенное великаго художества знаменемъ и положенное на каменъ ископанномъ надъ гробомъ св. Константина, перваго царя христіанскаго во градѣ Никомидійскомъ.... Самое содержаніе пророчества тождественно съ напечатаннымъ у *Срезневскаю*, тамъ-же, стр. 134, прим.; ср. *Термооскаю*, Изученіе Византии, II, 267—268, гдѣ это истолкованіе напечатано по Степен. Книгѣ, и *Искарскаю*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, II, стр. 306—307. Въ этихъ толкованіяхъ о Руси сказано: «Народъ-же русскій вкупъ причастники всего Иманьяла побѣдятъ и Седмихоломъ возмутъ съ прсытками; тогда-жъ волю воздвигнутъ междуусоблюю, врящеса даже до 6-го часа, и гласъ съ побеснъ возгласитъ трижды: Стойте, стойте, стойте со страхомъ и поспѣшитеся многотщательнъ на десную страну, обрящете мужа прироженнаго и чудоваго и сильнаго и его-же приемише, того имѣйте владыкою: любимаца бо мой есть, сего-же приемише, тотъ волю нашу исполнитъ». Въ концѣ замѣтки: «Сие-же истолкова премуудрѣйшій патр. Геннадій, бывшій во время Іоанна царя греческаго Памолога». Но это-же предвѣщаніе въ Цѣтликѣ приписывается Льву Премудрому и съ небольшими вариантами излагается въ книгѣ Льва Премудраго. Ср. у *Срезневскаю*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Термооскаю*, Изученіе Византии, II, стр. 268—269. Въ пророчествѣ Месодія Патарскаго находится слѣдующее замѣчаніе о Руси: «И отъ сихъ дней прочество имуть у себя Мурши и вѣрятъ, яко полуночный пѣкѣи самодержецъ Иссолнѣи и все кесарство турецкое въ державу свою мечемъ своимъ приметъ; полуночный сей самодержецъ царь и великій князь Московскій, сей бусорманскую магнетскую скверную ересь и богопротивный законъ испитъ и потребитъ и погубитъ до ксица». *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 133, прим. Отрывки изъ пророчествъ изи Вндѣвїи да и і д л а напечатаны у *Срезневскаю*, тамъ-же, стр. 135, прим., и у *Лкоделса*, Сказанія о Царьградѣ, стр. 114—116. Эти мистическія предсказанія о будущей роли Руси распространены были и на востокъ и даже среди мусульманъ. Въ грузинской лѣтописи говорится о русскомъ народѣ слѣдующее (по переводу акад. Броссе): «Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Imaelites», *Срезневскій*, тамъ-же, стр. 135, прим. Въ 1551 г. русскій посланникъ Тургеневъ доносилъ изъ Ногайскихъ уаусовъ, что «прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ Мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: съ нашихъ де бусурманскихъ книгахъ пишется, что тѣ лѣта пришли, что русскаго царя Ивана рука надъ бусурмана высока; ужъ де и мнѣ отъ него обида великая: полде все, да и рѣки у меня поотнималъ, да и Донъ отнял, да и Азовъ городъ пусть у меня доспѣлъ». *Карамзинъ*, VIII, прим. 251. Въ 1557 г. русскій посолъ доносилъ царю такіа ногайскія рѣчи: «Такъ деп и а ш и к н и г и г о в о р я т ь, всѣ деп бесерманскіе государи русскому государю поработаютъ». *Проф. Вестужевъ-Троиминъ*, Русск. истор., II, стр. 226, прим. 57. Аналогичныя извѣстія для XVII вѣка ср. у *Н. Кантерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православн. востоку, стр. 251—267.

сине совершаемымъ, грѣхъ ради нашихъ, беззаконный Махмедъ съѣдѣ на престолѣ царствитъ, благороднѣйша суца всѣхъ иже подѣ солнцемъ... Но убо да разумѣени, окаине, аще вся прежереченная Месодіежъ Патарскииъ и Лвоиъ Премудрииъ знаменія о градѣ семъ совершишася, то и послѣдняя не преидуть, но такожде совершитися имуть; пишется бо: Русскій же родъ со преждесоздательными всего Изманата побѣдять и Седмиколимаго пріимуть и въ немъ воцарятся »¹⁾).

Итакъ, съ одной стороны указаніе, что за погибелью православныхъ царствъ Русь остается единственной представительницей православнаго міра, съ другой—предвѣщаніе, что Руси предстоитъ избавить православный міръ отъ ига невѣрныхъ,—вотъ два ближайшихъ назидательныхъ вывода, пущенныхъ въ обращеніе авторами повѣстей о паденіи Царяграда. Первый изъ указанныхъ выводовъ, можетъ быть, еще раньше прекрасно и даже поэтически формулировалъ авторомъ «слова еже на латыню», который въ заключительной части своего сочиненія говоритъ: «ныгѣ убо въ пржемахъ, богопросвѣщенная земля русская, святымъ правленіемъ божія церкви тобѣ подобаетъ въ вселеннѣи и подѣ солнечнымъ сіяніемъ съ пародомъ истиннаго къ вѣрѣ православнаго радопатися, одѣявся свѣтомъ благочестія, ... исполненный цвѣтомъ богозрачнѣи цвѣтущихъ божіихъ храмовъ, якоже небесныхъ звѣздъ сіяющихъ церквей, якоже солнечныхъ лучъ блестящихся, ... дръжаюю владѣющаго на тобѣ богоизбраннаго... высочайшаго неходатая благовѣрнью... благовѣрнаго и благочестнаго великаго князя Василія Васильевича, боговѣчнаго православью царя всея Руси »²⁾).

Дальнѣйшее развитіе какъ этихъ положеній, такъ и вышеуказанныхъ выводовъ о русскомъ благочестіи и объ упадкѣ правлѣнія въ Византіи встрѣчаю пренятеніе въ двухъ обстоительствахъ. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ вида, что надѣ Русью тяготѣло еще татарское иго, а при такихъ условіяхъ орсозъ

¹⁾ Яковлевъ, Сказанія, стр. 113—114. П. С. Я. VIII, 143—144. Въ нѣкоторыхъ спискахъ этой повѣсти за этииъ слѣдуетъ еще Вѣдѣніе Давидъ.

²⁾ А. Поповъ, Истор.-лит. обзоръ, стр. 394—395. Авторомъ этого слова надеть считаетъ какого-то русскаго епископа, современника митр. Феодосія. Проф. Павловъ, выражая противъ такой догадки, усвоить слово на основаніи всѣхъ соображеній извѣстному Паломію Сербу. Крит. опыты по исторіи и проч., стр. 99—102, 106 и 108. Но въ словѣ между прочимъ сказано, что Іона, «благословляше въ свое иѣсто дръжати настолованіе и правленіе св. великіи церкви русскихъ земль великіи митрополыи еже о Св. Душѣ брату си сълужебнику смиреніи моего, Феодосію, архіепископу бышу» и проч. А. Поповъ, тамъ же, стр. 392.

представительства терял значительную долю своего блеска. Но и помимо этого выяснению национальных задач значительно, надо думать, мешало распространенное убеждение в близкой кончине мiра. До болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ представителямъ нашей религіозно-политической доктрины оставалось молить Бога о пришествiи слыше на благоириного и благочестиваго великаго князя всея Руси «Божьихъ щедротъ неизреченныхъ его милости, ... да еще и о утверженiи и о възвышенiи скипетра великаго его господарства, въ благочестiи начавшiаго сунца», какъ объ этомъ заявилъ митр. Филиппъ въ послании къ вел. кн. Ивану Васильевичу въ 1471 г.¹⁾ Въ концѣ 1472 г. состоялся бракъ великаго князя съ Зоею Палеологъ, дочерью Морейскаго деспота и племянницей послѣдняго греческаго царя. Слѣдствiемъ этого брака были, какъ извѣстно, существенныя измѣненiя въ обиходѣ придворной жизни, возвысившiя значенiе московскаго князя въ глазахъ населенiя. Гордая византийская принцесса съ неудовольствiемъ смотрѣла на незатѣливыи этикетъ московскаго двора и сильно хлопотала объ увеличенiи пышности придворнаго церемонiала. Около этого времени возникаетъ въ Москвѣ цѣлый штатъ придворныхъ должностей. Царица Софiя съ неудовольствiемъ въ теченiи семи лѣтъ сносила пожаръ татарскаго ига. Она, по свѣдѣтельству Герберштейна, очень досадовала на это, ежедневно упрекала своего мужа, что она вышла замужъ за раба татаръ, и старалась смягчить унижительные обряды въ отношенiи къ татарамъ²⁾. По ея настоянiю великiй князь рѣшился и на окончательное сверженiе ига. Въ этомъ стремленiи царицы Софiи сошлись съ давнишними чаянiями русскихъ князей и съ политическими взглядами представителей русской публицистики. Но осторожность Ивана III на этотъ разъ показалась послѣднимъ малодушiемъ, и еп. ростовскiй Вассианъ Рыло адресовалъ князю многозначительное посланiе. Назвавъ великаго князя «ю благочестiа всея вселенныя въ концѣ возсіявшимъ» и «наипачеже во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ преславнымъ государемъ», Вассианъ указалъ ему главнѣйшую его обязанность: «избавити врученное ему словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго волка». Самый фактъ подчиненiя татарскому хану возбуждаетъ недоумѣнiя горячаго публициста: «который убо пророкъ пророчествова, или апостолъ который или святитель научи сему богостудному и скверному самому называющемуся царю повиноватися тебѣ, великому русьскихъ странъ хрестьянскому царю?» Плъненiе и по-

¹⁾ А. И. I, № 282.

²⁾ Записки о Московiи, пер. Анонимова, стр. 22.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

рабоцеице земли нашей Батыемъ авторъ объявляетъ попущеніемъ. Божіимъ за наше согрѣшеніе и неисправленіе, «паче-же отчаяніе». Но царское самозванство хана, его воцареніе надъ Русью авторъ считаетъ узурпаціей, такъ какъ ханъ «не царь сынъ, ни отъ рода царьска». Наоборотъ, великій князь всея Руси, по его представленію, является богоутвержденнымъ царемъ и долженъ оправдать это прозваніе. Указавъ значеніе царя по ученіямъ церкви, авторъ заключаетъ свое посланіе слѣдующимъ пожеланіемъ: «Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руді: твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ синовѣ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣки ¹⁾».

Позорное иго, вѣками тяготѣвшее надъ Русью, было, наконецъ, свергнуто, хотя и способомъ, не вполне соответствующимъ достоинству пресвѣтлѣйшаго царя. Не оправдались и ожиданія копчинны мѣра: 1492 годъ наступилъ и не предвѣщать ничего трагическаго. Пришлось составлять новую пасхалию. И вотъ, янтр. Зосима въ 1492 году, во вновь составленной пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ, упоминаетъ о созданіи царемъ Константиномъ града по имя свое, «сеже есть Царьградъ и наречеса новый Римъ», замѣчаетъ, что нынѣ прославилъ Богъ «въ припосланіи просіявшаго благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, понаго царя Константина новому граду Константину—Москвѣ, и всей русской земли и иныхъ многихъ земляхъ государя ²⁾». Здѣсь, если не ошибаемся, впервые высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы византийской имперіи. Этимъ была указана почва, на которую надлежало перенести идею о Константинопольскомъ наследіи, и дана была окончательная формула для заключительнаго звена политической теоріи о русскомъ царствѣ, какъ она впервые была сформулирована въ посланіяхъ старца Псковскаго Елеазарова монастыря Филофея. Этотъ старецъ въ трехъ посланіяхъ—къ великому князю Василію Ивановичу, дьяку Мисюрю Мухомину и царю Ивану Васильевичу—почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ высказалъ мысль, что престолъ вселенскія и апостольскія церкви имѣтъ представительницей церковь Успенія Пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вѣсто Римской и Константинопольской, «ниже единая во всей вселенной паче солнца свѣтителъ», такъ какъ церкви стараго Рима пали «невѣрїемъ аполлинарїевы ереси», втораго же Рима—Константинопа града—церкви «агаряне вьнуцы елѣкирами и оскордами разсѣкоша двери», «понеже они, (т. е.

¹⁾ П. С. Д., VI, 225—230; Степ. книга, II, 140—148.

²⁾ Р. И. В., VI, № 118.

греки) предаша православную греческую віру въ латынство». Соответственно этому и московскій государь, какъ «образодержатель святыхъ божіихъ престолъ» вселенской церкви, явился пресвѣтѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ, «ниже во всей воднебесной христіаномъ царь, якоже Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утвержая православную віру»; по единому царствію его по пророческимъ книгамъ сошлись все пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія віры, «яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть». Итакъ, все христіанскія царства «потопишася» отъ невірныхъ и только царство московскаго государя благодатию Христовою стоитъ и «по великому Богослоу ниимъ не достанется¹⁾».

Эта теорія получила во все послѣдующее время до учрежденія патриаршества и воздѣланное господствующее государственное значеніе и имѣла широкое распространеніе. Москва стала называться «богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ²⁾», а приведенныя выше слова изъ посланій Филовея переписывались въ сборники³⁾, занесены въ Степенную книгу⁴⁾ и дословно приведены въ Уложной грамотѣ объ

¹⁾ Посланіе къ Мисюрю въ Прав. Соборѣхъ. 1861 г., ч. 2, стр. 81—96; посланіе къ великому князю тамъ же, 1863 г., ч. 3, стр. 337—318; посланіе къ царю Ивану Васильевичу въ Ж. М. Н. Пр. 1892, июль, стр. 235—218. Здѣсь оно напечатано г. Жмакинѣмъ безъ заглавія подъ именемъ одного изъ литературныхъ памятникъ XVI вѣка. Но въ Кіевской академической бібліотекѣ найдены отрывокъ этого посланія подъ заглавіемъ: «того же посланія старца Филовея Пековскаго Елизаверены пустыни, къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». Труды Кіев. Дух. Акад., 1888 г., май, стр. 74—75. Первые два посланія написаны въ промежутокъ времени между 1500 и 1528 гг., такъ какъ дьякъ Мисюрь-Мухоминъ былъ во Псковѣ съ 1510 по 1528 г., а повгородская архіепископская кафедра пустовала съ 1500 по 1528 г., на что намекаетъ посланіе къ великому князю; третье посланіе относится къ 1517—1551 г. /В. И. Малининъ, въ статьѣ «Старецъ Езельарова монастыря Филовей и его посланіе къ царю и вел. князю Ивану Васильевичу» старается опредѣлить болѣе точно время и послѣдовательность составленія посланій старца Филовея и приходитъ къ заключенію, что первымъ составлено посланіе къ вел. князю Василію, а именно въ промежутокъ между 1515 и 1521 гг. Соображенія автора вѣрны, однако, въ подтвержденіи. Труды Кіев. Дух. Ак. 1888 г., Май, стр. 72—126.

²⁾ Псалтырь XVI в. по Оп. ркп. Солов. монаст., т. I, стр. 23.

³⁾ Напр. сборникъ XVI в. по оп. ркп. Синод. библ., отд. II, ч. 3, № 319, стр. 603. Они перешли и въ повѣсть о Вѣломъ клубукѣ, гдѣ сказано: «ветхій бо Римъ отпаде славыя отъ віры Христовы гордостію и своею волею; въ повѣмъ же Римѣ, еже есть Константинѣ градѣ, насиліемъ агаряскимъ тако же христіанская віра погнѣбеть; на третьемъ-же Римѣ, еже есть на руской земли, благодать Св. Духа возсія. И да всен... яко вся христіанская принудитъ въ конецъ и сядутся во единое царство русское, православія ради. По изд. Кожанникова, стр. 38.

⁴⁾ Востокъ, Описаніе ркп. Румянц. музея, № 413, стр. 119: «О началѣ царствующаго великаго града Москвы, како сперва зачатъ. Вся убо хри-

учреждения патриаршества, что лучше всего доказывает, как глубоко проникли эти мысли не только в умы современников, но и в официальные сферы¹⁾. Малозначительный, к сожалению, папъ старецъ Филофей не былъ творцомъ теоріи о Москвѣ— третьемъ Римѣ. Элементы этой теоріи были уже налицо, и ему принадлежитъ только окончательная и полная ея формулировка. Но въ исторіи идей это была безспорно важная заслуга.

Когда такимъ образомъ было опредѣленно указано, что на московское царство преемственно переходятъ религіозныя и политическія задачи византийскаго имперіи, русской публицистической литературы предстала нелегкая задача оправдать эту теорію. Въ скептическихъ умахъ, — а такихъ немало было и среди русскихъ того времени, какъ это отчасти можно видѣть на вышепримеченномъ фактѣ: объ отношеніи некоторыхъ представителей соприкоснутой интеллигенціи къ поставленію митр. Іоны соборомъ русскихъ епископовъ помимо Константинополя, — въ такихъ умахъ основательно могъ зародиться вопросъ: какія же данныя, и данныя гораздо болѣе конкретныя, чѣмъ одна простая ссылка на существованіе въ Москвѣ православной вѣры, могли бы подтвердить предположеніе, что Русь достойна замѣнающей на ея долю чести быть третьей и послѣдней представительницею православнаго міра, что она въ состояніи исполнить переходящія къ ней религіозныя и политическія задачи? Цѣлый рядъ литературныхъ попытокъ доказать выдающееся религіозно-политическое значеніе Руси послужилъ отбитомъ на поставленный вопросъ. Всѣ они, соотвѣтственно духу времени, были столь же фиктивными и отличались такимъ же мистицизмомъ, какъ и самая теорія о Москвѣ— третьемъ Римѣ. Но по выводу, какіе были изъ нихъ сдѣланы политической практикой того времени, всѣ эти мистическія фикціи получаютъ реальное значеніе, а потому заслуживаютъ полного вни-

стіанскія царства въ конецъ преидоша и спидошася во едино царство наше-го великаго государя по пророческимъ книгама, то есть Россійское царство: два убо Рима падоша, третій же стоить, а четвертому не быти. Но истинъ же сей градъ именуется третій Римъ.

¹⁾ С. Г. Г. в д. II, стр. 97: «Понеже убо ветхий Римъ падеа аполисарвою ересью; вторий же Римъ, иже есть Константинополь, агарискими люди отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ; твое же, о благочестивый царю, великое русійское царство, третей Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде и вся благочестивая царствія въ твое въ едино собрася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешися во всеи вселеннѣи во всѣхъ христіандахъ. Замѣчательно, что эти слова приписаны здѣсь Константинопольскому патриарху Іереміи. Распространеніе этихъ воззрѣній въ XVII вѣкѣ, особенно среди ревнителей русскаго благочестія, указано въ книгѣ *И. Климерева, Патриархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ*, стр. 147, прим. 36.

ДЛЯ МУЗЕЯ И ПАМЯТНИКА

манія и для исторіи русскаго государственнаго права. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ ¹⁾ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Въ Степенной книгѣ говорится, что «божественный апостолъ Андрей, первіе благословивъ землю нашу русскую и прообразивъ намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», поставилъ крестъ на горѣ, на берегу Днѣпра, «прообразованіе же божественнымъ крестомъ въ руотѣи земли священное чиназначаліе» ²⁾. Эта мысль, что наша церковь идетъ не изъ Византіи, а отъ апостола Андрея, получила въ XVI в. широкое распространеніе. Герберштейнъ упоминаетъ, что «русскіе въ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ» ³⁾. А Ивашъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевиша прикинуть по примѣру грековъ къ униі, говорилъ ему: «Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то-же самое время, какъ вы въ Италиі, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою» ⁴⁾. Въ XVII-же вѣкѣ Арсеній Сухановъ категорически отрицалъ, что мы приняли крещеніе отъ грековъ: «Вскую вы собою хвалитесь, что мы отъ насъ крещеніе пріяли, говорилъ онъ: мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея» ⁵⁾. Той-же цѣли—возвысить церковный автори-

¹⁾ См. объ этомъ у проф. Голубинскаго, Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 1—6.

²⁾ Степ. кн., I, 95—97 и 7.

³⁾ Записки о Московіи, стр. 41.

⁴⁾ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитовано по Голубинскому, Ист. церкви т. I, ч. I, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ-же. Но и въ XVI в. эта мысль не была всеобщей, и тогда еще нѣкоторые думали, что русскіе послѣ всѣхъ открылась православная вѣра. Эту мысль раздѣлялъ и знаменитый старецъ Филофей, который, толкуя одно мѣсто Апокалипсиса (XII, 1—4; 14—15), замѣтилъ про великую Русь, «се естъ пустыня, понеже святѣи вѣры пусты бѣша, и иже божественниі апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтися на нихъ благодать Божія». Ж. М. Н. Пр. 1882 г., № 6, стр. 245. Также въ Цѣтникахъ XVI в. сказано: «а не бывшу ликому апостолу въ русской землі; по по

теть Русь—служила и Повѣсть о бѣломъ клобукѣ. Повѣсть рассказываетъ, что этотъ клобукъ, подаренный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ особаго почета, высоко чтился всѣми папами до папы Формоза и царя Карула, которые впали въ аполинариеву ересь и опрѣсочное служеніе. Съ этихъ поръ папы не возлюбили бѣлаго клобука и перестали его носить. По странному прещенію ангела Господня великій папа отправилъ клобукъ въ Константинополь къ патриарху Филовею (Увеналию), которому ангелъ повелѣлъ принять клобукъ съ честью и отправить въ русскую землю въ великій Новгородъ, чтобы не запамятали этихъ святыхъ клобукомъ «въ семь градѣ (Константинополѣ) агарястїи внуци и погани да не опоругаютъ его, якоже латинскій папа хотяше сотпорити. Яко же бо суть отъ Рима благодать, и слава, и честь православія отъяся, тако и отъ царствующаго сего града благодать Св. Духа отымется въ плѣщеніе агаряское и вся святая предана будетъ отъ Бога величїи русей земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки» и проч. ¹⁾). Итакъ и эмблема высшей церковной

истиннѣ русскому языку милость Божїи открылся. Оп. ркп. синод. библ., отд. II, ч. 3, № 326, стр. 681. Ср. проф. Голубинскаго, тамъ-же, стр. 5 и прим.

¹⁾ По изд. Кожанчикова, стр. 32, прим., и 39. Къ сожалѣнію, изданная редакция не первоначальная. Указаны двѣ редакціи этого памятника болѣе краткія и повидному болѣе древнія. См. II. С.—я, Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ, Русск. Вѣстникъ, 1862, май, стр. 358—372. Авторъ относитъ изданную Костомаровымъ редакцію ко времени послѣ учрежденія патриаршества по сѣдующимъ основаніямъ: 1) въ новѣсти сказано: «и патриаршескій чинъ такожде данъ будетъ русей земли во времена своя» (стр. 39); 2) въ ней проводится мысль о множомъ отступленіи грековъ отъ православія, чего, по мнѣнію автора, до XVII в. почти не наблюдается въ древне-русской письменности. Въ краткихъ редакціяхъ обѣ эти мысли опущены. Но и краткія редакціи авторъ относитъ ко времени послѣ Максима Грека, такъ какъ въ посланіи Дмитрія Толмача почти дословно приводятся слова изъ сказанія о жизни Максима Грека; ср. тамъ-же, стр. 366.—На основаніи этихъ данныхъ II. Пестровъ, въ статьѣ: «О судьбѣ вѣна Константина Великаго въ русской церкви», предполагаетъ, что краткія редакціи повѣсти сложены послѣ 1564 г., такъ какъ въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ салывилъ на соборѣ, что нѣтъ писанія, почему архіепископы повгородскіе носятъ бѣлый клобукъ; подробная же редакція появилась при патриархахъ. Труды Киев. Дух. Ак., 1865 г., т. III, стр. 495—497.—Эти всѣ соображенія не представляются, однако, рѣшающими вопросомъ. По причинамъ, указаннымъ въ текстѣ, Ивану Васильевичу неудобно было сослаться на повѣсть. Отношенія повѣсти къ сказанію о жизни Максима Грека требуютъ еще разъясненій. Обѣ отпаденія грековъ отъ православія открыто говоримъ даже въ XV вѣкѣ. Наконецъ, московская митрополія и въ XVI вѣкѣ называется «престоломъ патриаршескимъ вса русскїи митрополїи» или престоломъ «русскїи патриархїи», а митрополитъ «патрархомъ». См. Посланіе Иова Полева къ старцу Герману, въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. ч. ССХVI, стр. 192, и Житїе ватр. Филиппа, Сб. изд. библ. И. А. Шляпкина № 65, л. 52 об. и 61. До изданія краткихъ редакцій повѣсти вопросъ о времени ихъ составленія не можетъ быть рѣшенъ. По общему-же духу памятника онъ относится

манія и для исторіи русскаго государственнаго права. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Чтобы обосновать право Руси на представительство въ православномъ мірѣ и изгладить изъ памяти еще недавнее подчиненіе Руси Византіи въ церковномъ отношеніи, русскіе публицисты воспользовались стариннымъ преданіемъ о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ ¹⁾ для подтвержденія мысли, что русская церковь и русская іерархія ведутъ свое начало непосредственно отъ апостоловъ. Въ Степенной книгѣ говорится, что «божественный апостолъ Андрей, первіе благословивъ землю нашу русскую и прообразивъ намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», поставилъ крестъ на горѣ, на берегу Днѣпра, «прообразованіе же божественнымъ крестомъ въ рускій земли священное чина чаліе» ²⁾. Эта мысль, что наша церковь идетъ не изъ Византіи, а отъ апостола Андрея, получила въ XVI в. широкое распространеніе. Герберштейнъ упоминаетъ, что «русскіе въ лѣтописяхъ открыто славятся тѣмъ, что прежде Владиміра и Ольги земля русская была крещена и благословлена Христовымъ апостоломъ Андреемъ» ³⁾. А Иванъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевиша прикинуть по приѣзду грековъ къ униі, говорилъ ему: «Мы вѣриемъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то-же самое время, какъ вы въ Италиі, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою» ⁴⁾. Въ XVII-же вѣкѣ Арсеній Сухановъ категорически отрицалъ, что мы приняли крещеніе отъ грековъ: «Вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ насъ крещеніе пріяли, говорилъ онъ: мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея» ⁵⁾. Той-же цѣли—возвысить церковный автори-

¹⁾ См. объ этомъ у проф. Голубинскаго, Исторія церкви, т. I, ч. I, стр. 1—6.

²⁾ Степ. кн., I, 95—97 и 7.

³⁾ Записки о Московіи, стр. 44.

⁴⁾ Suppl. ad Historica Russiae Monumenta, p. 102. Цитовано по Голубинскому, Ист. церкви т. I, ч. I, стр. 8.

⁵⁾ Тамъ-же. Но и въ XVI в. эта мысль не была всеобщей, и тогда еще нѣкоторые думали, что русскіе послѣ всѣхъ открылась православная вѣра. Эту мысль раздѣлялъ и знаменитый старецъ Филофей, который, толкуя одно мѣсто Апокалипсиса (XII, 1—4; 14—15), замѣтилъ про великую Русь, «се естъ пустыня, понеже святія вѣры пусты бѣша, и иже божественнѣи апостолъ въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ пресвѣтѣи на нихъ благодать Божія». Ж. М. Н. Пр. 1832 г., № 6, стр. 245. Также въ Цвѣтникахъ XVI в. сказано: «а не бывшу якому апостолу въ русской землі; но по

теть Русь—служила и Повѣсть о бѣлозѣ клюбукѣ. Повѣсть рассказываетъ, что этотъ клюбукъ, подаренный Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру въ знакъ особаго почета, высоко чтился всѣми папами до папы Формоза и царя Карула, которые впали въ аполлинаріеву ересь и опрѣсночное служеніе. Съ этихъ поръ папы не возлюбили бѣлаго клюбуга и перестали его носить. По странному пренесію ангела Господня иѣкій папа отправилъ клюбукъ въ Константинополь къ патріарху Филозою (Уненалію), которому ангелъ повелѣлъ принять клюбукъ съ честію и отправить въ русскую землю въ великій Новградъ, чтобы не заплѣдѣли этихъ святыхъ клюбукомъ «въ семь градѣ (Константинополѣ) агарястїи внуци и ногани да не опоругаютъ его, якоже латинскїй папа хотяше сотворити. Яко же бо суть отъ Рима благодать, и слава, и честь православїа отълеса, тако и отъ царствующаго сего града благодать Св. Духа отъимется въ пѣхнїсїе агаряское и вся святая предана будетъ отъ Бога величїїи русей земли во времена своя, и царя русскаго повелити Господь надъ многїи языки» и проч. ¹⁾). Итакъ и эмблема высшей церковной

истиннѣ русскому языку милость Божїа открылася. Оп. рян. синод. библ., отд. II, ч. 3, № 326, стр. 681. Ср. проф. Голубинскаго, тамъ-же, стр. 5 и прим.

¹⁾ По изд. Кожанчикова, стр. 32, прим., и 39. Къ сожалѣнію, изданная редакція не первоначальная. Указаны двѣ редакціи этого памятника божье краткіа и повидному божье древнїа. См. II. С.—изъ, Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ, Русск. Вѣстникъ, 1862, май, стр. 358—372. Авторъ относитъ изданную Костомаровымъ редакцію ко времени послѣ учрежденїа патріаршества по слѣдующимъ основанїямъ: 1) въ повѣсти сказано: «и патріаршескїй чинъ такожде данъ будетъ русей во времена своя» (стр. 39); 2) въ ней проводится мысль о мнѣномъ отступленїи грековъ отъ православїа, чего, по мнѣнію автора, до XVII в. почти не наблюдается въ древне-русской письменности. Въ краткихъ редакціяхъ обѣ эти мысли опущены. Но и краткіа редакція авторъ относитъ ко времени послѣ Максима Грека, такъ какъ въ посланїи Дмитрія Тозмача почти дословно приводятся слова изъ сказанїа о жнїи Максима Грека; ср. тамъ-же, стр. 366.—На основанїи этихъ данныхъ II. Петровъ, въ статьѣ: «О судьбѣ вѣна Константина Великаго въ русской церкви», предполагаетъ, что краткіа редакція повѣсти сложена послѣ 1564 г., такъ какъ въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ заявилъ на соборѣ, что иѣтъ писанїа, почему архїепископомъ повтородскїе посятъ бѣлѣи клюбукъ; подробнѣе же редакція появилась при патріархалѣхъ. Труды Киев. Дух. Ак., 1865 г., т. III, стр. 495—497.—Эти всѣ соображенїа не представляются, однако, рѣшающимъ вопросомъ. По причинамъ, указаннымъ въ текстѣ, Ивану Васильевичу неудобно было сослаться на повѣсть. Отношенїа повѣсти къ сказанїю о жнїи Максима Грека требуютъ еще разслѣденїй. Объ отпаденїи грековъ отъ православїа открыто говоримъ даже въ XV вѣкѣ. Наконецъ, московская митрополїа и въ XVI вѣкѣ называется «престоломъ патріаршескимъ всея русскїа митрополїи» или престоломъ «русскїа патріархїа», а митрополитъ «патрїархомъ». См. Посланїе Нила Полева къ старцу Герману, въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. ч. ССХVI, стр. 192, и Житїе митр. Филиппа, Сб. изъ библ. И. А. Шляпкина № 65, л. 52 об. и 61. До изданїа краткихъ редакцій повѣсти вопросъ о времени ихъ составленїа не можетъ быть рѣшенъ. По общему-же духу памятника онъ отнесенъ

власти—бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю чрезъ посредство новгородскихъ архіепископовъ. Но подъ вліяніемъ московскихъ вѣчныхъ этотъ клобукъ достается московскихъ митрополитамъ. На соборѣ 1564 года царь Иванъ Васильевичъ заявилъ, что митрополитъ носить черный клобукъ, «а прежніе русскіе первопрестольники, митрополиты и чудотворцы Петръ и Алексій... носили бѣлые клобуки, и тому-бы отцу нашему и бегомольцу митрополиту высокопрестольная древія почестъ учинити, носить бы ему бѣлый клобукъ, потому что прежніе русскіе первопрестольники... Петръ и Алексій митрополиты писаны на образѣхъ въ бѣлыхъ клобукахъ». При этомъ царь замѣтилъ: «а того въ писанин не обурли есмя, чего для бѣлые клобуки отставлены... а писанія тому и нѣтъ же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки посятъ». Щепетливое московское чувство не согласилось съ рассказомъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ, хотя и утилизировало его тенденцію. Соборъ 1564 года постановилъ учинить митрополиту древнюю почестъ: «носить ему бѣлый клобукъ съ рясами и херувимомъ», но сохранилъ то-же право и за новгородскими архіепископами¹⁾. Но этого мало. На Русь мало-по-малу начинается перетягиваться и свлтыня православнаго міра. Сказанія и повѣсти о чудесномъ явленіи иконъ, особенно Богоматери, подкрѣпляютъ въ этомъ направленіи мысли благочестиваго читателя. Таково, напр., новгородское Сказаніе о тихвинской иконѣ Богородицы, гдѣ повѣствуется, что эта икона «по Божію благоволенію прибыла изъ царствующаго Константина града, предваривши его злое отъ поганыхъ одержаніе. Всечестная не вѣхотѣла предать свой пречистый образъ въ одержанье поганыхъ, но благоволила просвѣтити имъ Всемилостиваго русскаго царство. И чрезъ 70 лѣтъ отъ ея принесенія въ русскую землю поущеніемъ Божиимъ взяли безбожные Царьградъ»²⁾. Таково-же сказаніе о

къ концу XV или началу XVI в. и во всякомъ случаѣ составленъ до 1564 г., такъ какъ иначе было-бы совершенно непонятно, какъ бѣлый клобукъ достался новгородскому архіепископу. Ср. *Ф. Терновскіаго*, Изученіе византийскаго исторіи, вып. II, стр. 173—174; *арх. Успенскій*, Какъ возникъ, и проч., стр. 25. Объ анахронизмѣ повѣсти съ изображеніями святителей на клобукѣ см. *Прав. Обзор.* 1873, № 10, стр. 612—613.

¹⁾ Однако въ XVII в. Арсеній Сухановъ говорилъ, что московскій патриархъ вѣдчается какъ первый епископъ римскій, «ванеже клобукъ бѣлый перваго папы Силвестра на себѣ носить». А. И., I, № 173; Р. И. В., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 210—212; *Ф. Терновскій*, тамъ-же, вып. II, стр. 49—50.

²⁾ *Буслаевъ*, Истор. очерки русской народнои словесности, II, стр. 276.

Спасовой иконѣ, писанной паремъ греческимъ Мануиломъ и оказавшейся также въ Новгородѣ ¹⁾). Такое сосредоточеніе святыхъ въ русской землѣ публицисты того времени не преминули отнѣстись, какъ знакъ особаго Богоизбрація: Господь по своему человеколюбію исполнялъ и преумножалъ всегда свою благодать надъ русской землей, гдѣ «всякія божественныя вещи и многочудесныя ящи сзятыхъ и всякая сзятія отъ конецъ земли отъсюду припошасмы». Прославляя свое триспятое имя божественною святинею и многими чудесными знаменіями, всеисильный Богъ «наипаче снабждалъ свое святое избранное достояніе великія державы, иже на Москвѣ, всего рускаго царствія, въ немъ утверждать непоколебимо истинное благочестіе», и проч. ²⁾). Наконецъ, иѣльный рядъ національныхъ угодниковъ и святителей, прославившихся при жизни и по смерти великими чудесами, какъ-бы оправдывалъ это Богоизбрачїе и подкрѣплялъ убѣжденіе въ церковно-религіозной возмужалости древней Руси. Соборы 1547 и 1549 гг., установившіе канонизацію всероссійскихъ и мѣстныхъ новыхъ чудотворцевъ, какъ-бы подвели итоги церковно-историческихъ заслугъ русской земли на пользу православія. Одинъ изъ публицистовъ-биографовъ про эти соборныя постановленія захѣтилъ, что «съ того времени церкви Божїи въ русской землѣ не ядоствуютъ памятями сзятыхъ и русская земля сіяеть православіемъ, вѣрою и ученіемъ, яко-же иторый великій Римъ и Царствующій градъ: тако бо вѣра православная испроказнася Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ, адѣ-же въ рускїи земли паче просія сзятыхъ отецъ нашихъ ученіемъ» ³⁾).

Параллельно тому, какъ создавался церковно-религіозный авторитетъ московской Руси, подготавлилась почва и для ея политическаго представительства. Одно съ другимъ было тѣсно связано и даже немисленно одно безъ другаго. Въ Москвѣ очень хорошо помнили и знали византійскїи завѣты, что «христианамъ невозможно имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общенїи между собою, и невозможно отдѣлїть ихъ другъ отъ друга» ⁴⁾). Поэтому пропаганда обѣихъ идей шла совместно. Тѣсная связь этихъ идей рѣзко обрисована уже въ тенденціозной обработкѣ преданїя о посещенїи Руси апостоломъ Андреемъ, который будто-бы на кіевскихъ

¹⁾ Новгород. лѣтопись, Спб. 1879 г., стр. 182—183.

²⁾ Степ. кн., I, 528 и 529.

³⁾ Ключевскїй, Житїя святыхъ, стр. 228.

⁴⁾ См. выше, гл. I, стр. 28.

горахъ поставилъ крестъ, а потомъ на мѣстѣ, гдѣ стоитъ Новгородъ, «железъ свой подрузи въ всеи нарицаемой Грузино». Степенная книга комментируетъ, что ап. Андрей «прообразоваше божественнымъ крестомъ въ рускѣи земли сплещенное чиновачалѣ; железомъ же прообрази въ Руси самодержавное царское скифетроправленіе»¹⁾. Въ повѣсти о бѣломъ клобукѣ тотъ-же параллелизмъ идей выступаетъ также совершенно рельефно. «Въ древняя бо лѣта, сказано здѣсь: изволеніемъ земаго царя Константина отъ царствующаго сего града царскій вѣнецъ даиъ бысть русскому царю; бѣлымъ-же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа ильги даиъ будетъ архіепископу великаго Ноаграда»²⁾. Кроме этого намекъ, что царскій вѣнецъ передать на Русь какимъ-то царемъ. Константиномъ раньше бѣлаго клобука, повѣсть не даетъ никакихъ подробностей. Подробности эти переданы въ особомъ сказаніи или Повѣсти о Мономаховомъ вѣницѣ. Какъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ привязала свой вымыселъ къ реальному факту—бѣлому клобуку новгородскихъ архіепископовъ, такъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣницѣ исходило отъ подобнаго же реального факта. Въ казніи московскихъ государей уже со временъ Калиты были извѣстны особенно почитаемыя князьями обладанія: животворящій крестъ, золотая шапка, бармы и проч. Весьма возможно, что эти предметы въ разное время и по разнымъ случаямъ были присланы изъ Греціи или приобретены тамъ. Они-то и послужили исходнымъ пунктомъ сказанія о присылкѣ царственныхъ регалій изъ Греціи. Оставалось указать лицъ, при которыхъ произошла такая торжественная передача. Кіевскій князь Владиміръ Мономахъ,—народный герой, сынъ греческой царевны, про котораго митр. Никифоръ писалъ, что «его Богъ издадеча проразумѣ и предповелѣ, его-же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжское кровн смѣсивъ, его-же благочестіе въспита» и проч.³⁾, и который получилъ прозвание въ честь своего дѣда Константина Мономаха,—представлялся наиболѣе подходящимъ героемъ легенды. Въ Степенной книгѣ, можетъ быть, впервые сказано о немъ, что Богъ «свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именованіемъъ паче илѣхъ царствующихъ прослави»; а далѣе объяснено, что ради

¹⁾ Степ. кн. I, 7. Эта тенденція перешла и въ позднѣйшую обработку житій кн. Ольги и Владиміра, *Свят. Николаевскій, Русская проповѣдь*. Ж. М. Н. Пр. 1868, № 4, стр. 95—96; *проф. Голубинскій, Ист. церкви I*, стр. 11.

²⁾ По изданію Кожанчикова, стр. 38.

³⁾ Русск. Достопамяти, I, 63.

своего мужества онъ принялъ «греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа» и проч., и что онъ удостоился такого дарованія «не отъ челоуѣкъ, но Божіихъ судьбахъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу греческаго царства на руссійскаго царя. Вѣнчанъ-же бысть тогда въ Кіевѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ... и оттогѣ Боговѣнчанный царь нарицазася въ руссійской царствіи ¹⁾». Въ отдѣльномъ сказаніи, записанномъ въ лѣтописные своды, приводятся и обстоятельства присылки царскихъ регалій: Владиміръ Мономахъ, по совѣту съ боярами, началъ войну противъ Греціи и опустошилъ Фракію. Для умиротворенія царь Константинъ Мономахъ, имѣя брань съ персами и латинами, присылаетъ ему различныя регаліи и въ томъ числѣ: «снѣгъ отъ своей главы вѣнецъ царскій, яке именуется Мономахова шапка», и проситъ мира и любви, «да церкви Божіи безъ мятеча будутъ и все православіе въ покои пребудеть подъ сущюю властію нашего царства и твоего великаго самодержества великія Руси, да называешия отсегѣ боговѣнчанный царь». Въ заключеніе составитель повѣсти прибавилъ, что «оттогѣ тѣмъ царскимъ вѣнцемъ вѣнчаются всѣ великіи князи владимірскіе, егда ставится на великое княженіе ²⁾». Сказаніе приобрѣло весьма широкое распространеніе, при перепискѣ подвергался иногда существенной переработкѣ ³⁾; не смотря на цѣлый рядъ анахронизмовъ и прямыхъ несообразностей, оно даже получило оффиціозный характеръ: ему помѣрили, на него ссылались въ оффиціальныхъ документахъ. Такъ въ чинѣ вѣнчанія на царство Ивана Васильевича Грознаго сказано, что онъ «вѣнчанъ бысть... прародителя его вѣнчаніемъ царя великаго Владиміра Мономаха животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцемъ и діадимю, еже дрепло тѣмъ животворящимъ крестомъ и вѣнцемъ царскимъ и діадимю вѣнчанъ бысть на цар-

¹⁾ Стяг. кн., I, стр. 246—247. Дословный пересказъ этой легенды является въ похвальной словѣ чернирица Флаволага св. князю Михаилу Черниговскому и его боярину Феодору. Вел. Четьи-Минен, вып. II, стр. 1318.

²⁾ П. С. Л. VII, 23; IX, 144.

³⁾ Распространенная редакція этого сказанія напечатана въ Византійскѣ, VII, стр. 1—4 подъ заглавіемъ: «О оставленіи великихъ князей Руссійскихъ на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, откуда бѣ и како начаша ставитися». Особая редакція его помѣщается въ Родословныхъ. Временникъ, кн. 10-я, стр. 216—217. Въ хронографѣхъ первой редакціи это сказаніе является значительно науукрашеннымъ. Диборникъ, стр. 21—23 Отвѣтити еще особую редакцію сказанія въ сборн. Погод. Древл. № 1567. А. О. Бѣлкомъ, Оп. рик. Публ. Вѣдл. I, стр. 58. Карамзинъ, II, прил. 230, говоритъ, что не видѣлъ этихъ сказаній старѣ XVI в.

ство русское прародитель его князь великій Владимиръ... отъ святѣйшаго митр. ефесскаго, киръ Неофита, по благословенію патріарха цареградскаго¹⁾). Въ 1552 г. въ Успенскомъ соборѣ устроено было царское мѣсто, на затворахъ котораго написана повѣсть, «откуда бѣ и како начаша ставитися на великое княженіе Російское св. бармаи и царскимъ вѣнцемъ», а на 12-ти барельефахъ изображено все сказаніе о присылкѣ царскаго сана императоромъ Константиномъ Мономахомъ Владимиру Всеволодовичу Мономаху²⁾. Вѣроятно, эта повѣсть сообщена была и константинопольскому патріарху, когда въ Москвѣ хлопотали о подтвержденіи правъ государя на царскій титулъ, потому что въ соборной грамотѣ 1561 г., утверждающей санъ царя за великимъ княземъ московскимъ, о вѣнчаніи Владимира Мономаха сообщается какъ о несомнѣнномъ историческомъ событіи³⁾. Въ своей духовной Ипанъ Грозный благословилъ сына Ивана «царствомъ русскимъ, шапкою Мономаховскою и вѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда»⁴⁾. Получивъ характеръ оффиціозной достовѣрности, это сказаніе вошло въ «чинovníки» вѣнчанія русскихъ царей на царство⁵⁾. Московскіе книжники дополняли его потомъ разными генеалогическими справками.

Одни рассказывали, что первый великій князь «Данилъ Александровичъ Невскаго Московскій и всея Россіи» передъ смертью передалъ животворящій крестъ и вѣнецъ Мономахомъ и прочія царскія регалии четвертому сыну своему князю Юрию Калитѣ, котораго великій чудотворецъ митр. Петръ благословилъ животворящимъ крестомъ и «вѣсѣхъ иже отъ чреслъ его великихъ князей всея Россіи»⁶⁾;

¹⁾ С. Г. и Д., II № 33.

²⁾ *Велетманъ*, Царскій вѣнецъ и царскія регалии, и проч. Чтенія Общ. ист. и древн. 1860 г. кн. I, стр. 35—36.

³⁾ Въ ней сказано: «въ шестыхъ-же отъ благочестиваго царя Константина и съ тогдашнимъ патріархомъ и со священными архіереи собора Константинова града послаша тогда пресвященнаго митр. ефесскаго и Антиохійскаго изрядовича святѣйшаго епарха, и вѣнчаша благочестиваго вел. кн. Владимира на царство и дароваша его тогда царскимъ вѣнцемъ на главу его и дядимю украшенною бисеромъ и пшымъ царскимъ знаменіемъ». См. эту грамоту въ изд. Оболенскаго. М. 1850, стр. 23.

⁴⁾ Д. кн. А. И., I, стр. 378.

⁵⁾ Визліоо. т. VII, стр. 14; Д. кн. А. И., I, стр. 45; С. Д. Г., II, № 33, повѣстаніе Грознаго; *ib.*, № 51, чинъ вѣнчанія Федора Ивановича; *ib.*, т. III, стр. 70.—Михаила Федоровича; Визліоо. VII, стр. 234 и 304,—Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича.

⁶⁾ *Арх. Амфилохія*, Лѣтописцыя и др. древнія сказанія о св. благ. вел. кн. Данилѣ Ал. Чтенія въ Общ. люб. дух. просвѣщ., 1873 г., № 2, стр. 14. Степ. кн., II, 215.

что Ивалъ III вѣнчалъ своего внука шапкой Мономаховой и бармажи, хотя въ официальномъ чинѣ вѣнчанія шапка такъ не называется ¹⁾; что/Василій III, благословляя сына на царство благословеніемъ прародителя: Мономашииъ честнымъ крестомъ, Мономашииъ царскимъ вѣнцомъ и прочею утварью царскою Мономашею, сказалъ, будто этими регалиями «мы великіи князи вѣнчаемы на великое самодержавство русскаго царствія» ²⁾./ Другіе, придерживаясь ближе исторической достоверности и зная, что вѣнчанія на царство надъ прародителями грознаго царя не совершалось, придумали такое объясненіе столь непонятному для нихъ отступленію отъ обряда, совершеннаго надъ Мономахомъ: послѣдній, умирая, заставлялъ будто-бы никого не вѣнчать на царство, такъ какъ удѣльные князья возстанутъ изъ зависти на царя и государство погнѣбятъ; поэтому онъ передалъ царскую утварь сыну Юрію, велѣлъ беречь ее и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца въ русскомъ царствіи ³⁾./ Наконецъ, нашлись и такіе скептики, которые, указавъ, что Грозный былъ вѣнчанъ св. бармажи и вѣнцемъ Мономаховымъ, утверждали, что вѣнчаніе совершено было «по древнему закону царскому, яко-же рихетин и гречестин царіе православнии поставилихуся»; что до Грознаго «никто-же изъ прадѣдъ его царемъ ставяше въ Россіи и не смѣяше отъ нихъ никіиждо поставитися царемъ и знатися тѣмъ новымъ именемъ», будто-бы боясь зависти и возстанія поганыхъ и нечестивыхъ царей ⁴⁾.

¹⁾ П. С. Л., II; С. Г. и Д., II, № 25. Герберштейнъ сообщаетъ, что шапку, которою вѣнчанъ Дмитрій, послалъ Владиміръ Мономахъ и что онъ оставилъ и по сей день въ Москвѣ, а вѣнчаніе совершено въ настоящее время и въ царствіи императрицы Екатерины II, во время коронаванія князей». Записки о Москвитинѣ, стр. 37 и 16.

²⁾ Степ. кн. I, 215.

³⁾ Карамзинъ, II, стр. 220.

⁴⁾ Новгород. лѣтописецъ, Спб. 1879, стр. 329. Псковскій лѣтописецъ также говоритъ, что Грозный былъ вѣнчанъ св. бармажи и царскимъ вѣнцемъ... по древнему царскому чину. П. С. Л. IV, 307. Въ исторической литературѣ очень немногіе изъ исследователей принимаютъ сказаніе о Мономаховыхъ регалияхъ за достоверное или не считаютъ возможнымъ его отвергать: Соловьевъ, Исторія, II, изд. 5, 80—81; Лавровъ, Исторія титула государей Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1847 г. ч. LVІ, стр. 113; Оболенскій, Соборная грамота вост. духов., стр. 6—8, прим. 5 и 8. Другіе, наоборотъ, считаютъ это сказаніе домделомъ книжниковъ конца XV или начала XVI в.: Полюдинъ, Древняя русская исторія до монгольскаго ига, 1872 г., т. I, стр. 215 и 220; Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, I, стр. 70; Пловайскій, Ист. Россіи, ч. I, прим. 53; Проф. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г., дек., стр. 311—313; Ф. Теримскій, Изуч. визант. исторія, II, стр. 166; проф. Успенскій, Какъ возникъ... восточн. вѣнецъ, стр. 24. Нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ думаютъ, что регалии были получены Владиміромъ святымъ при бракосочетаніи съ царевной Анной, но вѣстакъ полагаютъ, что сказаніе возникло въ XVI в. на полузабытой исторической основѣ: Великий, Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари и проч., Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860, кн. 1, стр. 37—42

Эта фикция о присылкѣ изъ Греціи въ Русь даренныхъ знаменъ нашла отраженіе и въ народныхъ эпосѣ. Въ древне-русской повѣсти о Вавилонской царствѣ разсказывается, какъ царь Левъ (Филозофъ) посылалъ трехъ пословъ, въ томъ числѣ русина, въ Вавилоу, и какъ эти послы принесли царю Льву царскіе вѣнцы, сердоликовую краблицу и иныя украшенія; а также грамоту, гдѣ излагалась исторія вѣнцовъ, некогда принадлежавшихъ Науходоносору. Этими вѣнцами патріархъ и вѣнчалъ императора и императрицу. Въ эту повѣсть, заимствованную изъ византийскаго эпоса, внесены разныя дополненія. Такъ изъ числѣ украшеній оказалась «Намахова» шапка, а сама я украшенія попадають не въ Царьградъ,—такъ какъ тамъ оказалось великое кровопролитіе: рупилась ибра православная, не стало цари православнаго,—а въ Русію по дезеленую, въ г. Казань: «и улегла тутъ порфиря и корона съ града Вавилона на голсу грознаго цари правобѣрнаго, Ивана царя Васильевича, который рупилъ царствю «Проходима», поганаго князя Казанскаго»¹⁾).

Но гордое національное чувство ренессансныхъ патріотовъ богоизбраннаго христомениатаго царства не удовлетворялось этой фикціей перенесенія славы греческаго царства на русскаго царя. Въ этой фикции чувствовалась и некоторая независимость новаго царства, которое явилось таковымъ не само по себѣ, а произвудило свои новыя права изъ Византии, отъ грековъ, потерявшихъ теперь великій авторитетъ. И вотъ придумывается новая фикція о томъ, что московскіе государи по случайно явились обладателями новаго царства—Третьяго Рима—и по тѣмъ милости греческихъ императоровъ, а въ силу своего исконнаго происхожденія

(авторъ предполагаетъ даже намѣренное исправленіе словъ въ грамотѣ патріарха 1561 г.); *Сироев*, Выходы царей, Указатель, стр. 63, подъ словомъ «Мономаховы регалии»; *Прозоровскій*, По вопросу о регалияхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху. Труды третьяго (киевского) археологич. съѣзда, т. II, стр. 149—151; *ею-же*, Объ утваряхъ приписываемыхъ Владиміру Мономаху, Спб. 1880, стр. 6—8, 23, 26, 57 и слѣд. Последній, прослѣдивъ исторію ипимыхъ регалий по княжескимъ духовнымъ завѣщаніямъ, пришелъ къ заключенію, что «духовныя завѣщанія не даютъ никакого повода считать Мономаховыми какія-либо изъ упомянутыхъ выше утварей, а скорѣе народять на мысль, что утвари, признаваемыя за греческія вадѣля, получены изъ Византии разновременно, по различнымъ случаямъ и приурочены къ старому преданію о вѣнчаніи великаго князя, съ отнесеніемъ этого событія къ Владиміру Мономаху, какъ внуку восточнаго императора», стр. 29).

¹⁾ *А. Липина*, Очерки лит. ист. русск. повѣст., стр. 99—101; *проф. Александръ Веселовскій*, Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ, Слав. Сб., т. II, стр. 122 и слѣд.; *ею-же*, Замѣтки по литер. и народн. слоз., Прилож. къ XLV т. Зап. Ак. Наукъ, № 3, стр. 9—10; *Е. Лурцовъ*, Древне-русскіе памятники вѣнчанія царей, Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. 1, стр. V и XXX.

отъ царской крови, по своему «отечеству». Въ Степенной книгѣ, рядомъ съ указаніемъ, что ап. Андрей жезломъ прообразовалъ въ Руси самодержавное царское скипетроуправленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетроуправленіе «начаясь отъ Рюрика... иже бѣ отъ племени Прусова, по его-же имени Пруская земля именуется; Прусъ-же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа» ¹⁾. Источники этой легенды предстоитъ еще объяснить ²⁾. Въ ней разсказывается, что обладатель всей вселенной Августъ передъ смертью «начя рядъ покладати на вселенную братья и сродникахъ своимъ». При этомъ раздѣли онъ выдѣлилъ брату Прусу землю на берегахъ Вислы, отчего земля и прозывается Прускою. «А отъ Пруса четвертонадесять колѣно Рюрикъ», котораго, «суща отъ роду римскаго царя Августа», и призвали новгородцы по совѣту Гостомысла. Эта легенда, какъ и сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ, получила широкое распространеніе, а литературныя передѣлки ея иногда принимали чрезвычайно грубую форму. Такъ въ повѣсти о созданіи царствующаго града Москвы, встрѣчающейся въ спискахъ Кормчей, разсказывается, что кн. вел. Данию Ивановичъ (sic) послѣ Рюрика короля Римскаго пришелъ изъ Великаго Новграда въ Суздаль ³⁾. И эта легенда проникла въ оффиціальныя сферы, занесена въ государскій родословецъ, составленный въ половинѣ XVI вѣка ⁴⁾, и царь Иванъ Васильевичъ не разъ ссылался на свое знаменитое происхожденіе отъ кесаря Августа. Какъ ни различны были только что указанныя факции, онѣ спокойно примирялись и авторами Степенной книги, и такими риторомъ, какъ Иванъ Грозный. Малю того, онѣ некорѣ-же были слиты въ одно сказаніе какимъ то Спиридономъ Саиною, который въ посланіи къ своему духовному сыну дословно выписалъ легенду о происхожденіи Рюрика и велѣлъ за ней помѣстить сказаніе о посылкѣ царскихъ регалій Мономаху. Но чувствуя при такомъ рѣзкомъ сопоставленіи неловкость пожалованія византийскихъ императоромъ царскихъ регалій русскому князю, происходившему также отъ царской крови, авторъ счелъ необходимымъ смягчить смыслъ словъ, обращенныхъ къ русскому князю, ссылкой на его происхожденіе. Императорскіе послы должны были сказать Владимиру Мономаху отъ лица императора слѣдующее:

¹⁾ Степ. кн., I, стр. 7. ²⁾ Некоторые полагаютъ, что она заимствована изъ польско-литовской легендарной литературы. *Шленгеръ*, *Несторъ*, I, стр. 276—278; *Куникъ*, *Die Verfassung der Schwed. Kovven*, стр. 115. Другіе считаютъ ее излodomъ русской учености. *Геденовъ*, *Варяги и Русь*, ч. I, стр. 137—138.

³⁾ П. С. Л., VII, 231 и 267; *Восточное*, Оп. ркн. Румянцева, стр. 639.

⁴⁾ *Н. П. Лихачевъ*, *Разрядные дѣли*, стр. 400 и слѣд.

«сприями отъ насъ, о боголюбивый и благовърный княже, сія честная дарове отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства поклоненія на славу и честь и вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царства»¹⁾.

Такъ была обоснована теорія о православномъ русскомъ царствѣ. Не смотря на неглубокую фиктивность ея построения, теорія эта оказала сильное вліяніе на умы современниковъ и легла въ основу національнаго политическаго самосознанія того времени.

Выработка ея обязана главнымъ образомъ усиленію русской національной публицистики, которая, однако, создавала свои фикціи при налицности двоякихъ политическихъ вліяній: западно-католическаго и восточно-православнаго. Флорентійская унія и особенно паденіе византійской имперіи подъ напоромъ мусульманскаго міра имѣли огромное вліяніе вообще на судьбы европейской политики. Первая роль здѣсь принадлежала безспорно римской куріи²⁾. Главною цѣлью ея заботъ было объединеніе всей Европы подъ главенствомъ папы для борьбы съ исламомъ. А для этого, по мнѣнію куріи, представлялось необходимымъ основать политическій союзъ на почвѣ религіозной уніи. Отсюда стремленіе папской политики добиться признанія Флорентійской уніи со стороны Москвы. Но чтобы вѣрнѣе достиги этихъ результатовъ, папскія представленія въ Москвѣ обставлялись заманчивыми политическими обіщаніями, каковы: полученіе королевскаго титула и приобрѣтеніе Константинопольскаго наслѣдія. Съ подобными проектами римская курія выступила довольно рано, еще со времени брака Ивана III съ Зоею Палеологъ; да и самый этотъ бракъ задуманъ былъ въ Римѣ въ

¹⁾ Сб. Древлекр. Погодина, № 1567, л. 103 об. Это сводное сказаніе составлено при Василии Ивановичѣ, какъ видно изъ заключительныхъ словъ сказанія: «Икоже и сіи вольный и самодержецъ царь великій Росія Василей Ивановичъ вторинадесять по колыну отъ великаго князя Володимера Мономаха... прегече же пшлѣ до великаго князя Василія Ивановича волнаго самодержца и царя лѣтъ 4800. А царству ихъ начатокъ отъ кесаря римска и царя, сей бо Августъ пообзда вселенной». Ср. А. Ф. Бичкова, Оп. ркп. Публ. Библ., I, стр. 59. Отсюда слѣдуетъ, что легенда о происхожденіи отъ кесаря Августа циркулировала уже въ началѣ XVI в. Она была явѣстна и Герберштейну, который указывалъ на римское происхожденіе вел. князя Василія. См. И. И. Духачева, Разрядные дьяки, стр. 402—404. Надо думать, однако, что сказаніе о Мономаховомъ вѣнцѣ возникло ранѣе, такъ какъ оно прилагивалось къ легендѣ.

²⁾ Вопросъ о спосеніяхъ Рима съ Москвою разработанъ въ слѣд. трудахъ: Fiedler, Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrhundert, Wien 1862; Pierling, Rome et Moscou, 1823; *etc-же*, Un nonce du Pape en Moscovie, 1834; *etc-же*, Le Saint-Siège, la Pologne et Moscou, 1835; *etc-же*, Le mariage d'un tsar au Vatican, Revue des questions historiques, I oct. 1887; проф. Успенскаго, Сношенія Рима съ Москвою, Ж. М. Н. Пр. 1834, авг. и 1835, авг.; *etc-же*, Какъ возникъ и разпался на Руси восточный вопросъ, 1890; *etc-же*, Бракъ царя Ивана Васильевича съ Софіей Палеологъ, Ист. Вѣсти. 1887 г., № 12.

виду тѣхъ-же цѣлей. Уже въ 1473 г. сеньория Венеции сообщаетъ Ивану III, что восточная имперія «за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ: должна принадлежать вашему высочеству въ силу вашего благополучнѣйшаго брака»¹⁾. Но такъ какъ у Зои Палеологъ былъ живъ братъ Андрей, то объясненіе приведенныхъ словъ сеньории станетъ возможнымъ лишь при предположеніи, что одновременно съ переговорами о бракѣ заключенъ былъ актъ передачи титула и правъ на Византію московскому государю²⁾. Весьма вѣроятно, что такая комбинація уступленія Андрея Палеолога и надѣленія вѣнцѣты грохкивъ политическимъ наслѣдствомъ была придумана въ Римѣ, чтобы легче склонить московское правительство къ принятію уніи. Что въ Римѣ рассчитывали на такой результатъ, видно изъ того, что въ свѣдѣніи греческой царевны былъ папскій легатъ Антоній, несся котораго, какъ извѣстно, не удалась³⁾; Андрей-же Палеологъ въ 1494 г. продалъ опять свои права на императорскую константинопольскую корону французскому королю Карлу VIII⁴⁾. О дарованіи королевскаго титула московскому князю заговорили также очень рано. Уже въ 1483 г. императорскій посолъ Николай Поппель разсказывалъ въ Москвѣ, что онъ слышалъ, будто великій князь «предъ тѣми годы посылалъ до папѣ римскаго своихъ пословъ, жадаючи, а просячи отъ него, абы его папѣкъ удѣлалъ кралемъ на его землѣ». Поппель предостерегалъ, что папа не имѣетъ въ томъ власти, и что такое право принадлежитъ лишь царю римскому, хлопотать у котораго о королевскомъ титулѣ для великаго князя и предлагалъ свои услуги⁵⁾. Подобные слухи очень сильно циркулировали въ Европѣ, благодаря письмамъ и запискамъ побывавшихъ въ Москвѣ или писавшихъ съ чужихъ словъ иностранцевъ⁶⁾ и не смотря на опроверженія такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ Герберштейнъ⁷⁾.

¹⁾ Проф. Успенскій, Бракъ царя Ивана III, Ист. Вѣстн. 1887 г., № 12, стр. 689.

²⁾ Проф. Успенскій, Какъ возникъ на Руси и проч., стр. 28—31; авторъ думаетъ, что такой актъ долженъ находиться въ архивахъ Ватикана.

³⁾ П. С. Л., IV, 245; VIII, 175—176; VI, 197.

⁴⁾ Проф. Успенскій, тамъ-же, стр. 30. Этотъ Андрей хорошо извѣстенъ и нашимъ дѣтописцамъ. Подъ 1474 г. упоминается посольство къ великому князю отъ царевичей Фоминныхъ дѣтей Амвросейскаго. Затѣмъ Андрей Фоминъ сынъ деспота Амвросейскаго и саяхъ былъ два раза въ Москвѣ, въ 1480 и въ 1490 гг., и оба раза изъ Рима. П. С. Л., VIII, 180, 205 и 219; Инок. Лѣт., VI, 110 и 125. Современникъ, несочувствовавшій гордой византійской царевнѣ, между прочимъ упрекнулъ ее въ томъ, что она потеряла много казны великаго князя, давала бо брата». Не даромъ, значить, Андрей прѣѣзжалъ въ Москву. П. С. Л., VI, 234.

⁵⁾ Пам. дипл. св., т. I, стр. 11.

⁶⁾ Давр. Альберта Кампензе и Павла Юмъ. Семезовъ, Библ. иностр. писат., т. I, стр. 42, 17—18.

⁷⁾ Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 80—81.

Константинопольскимъ наследствомъ и королевскимъ титуломъ во одинъ разъ въ теченіе XVI в. пытались соблазнить московское правительство. Ни одно задуманное изъ Рима посольство въ Москву не обходилось безъ пышныхъ обѣщаній увеличенія чести и возвышенія достоинства московскаго государя въ награду за принятіе уніи ¹⁾. О константинопольскомъ наследдіи также нѣсколько разъ напоминали московскому правительству. Такъ въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, передаетъ въ Москвѣ весьма важное порученіе папскаго посла о заключеніи перемирія съ христіанскими государями противъ турокъ, «затѣе турецкой вотчины великаго князя держитъ». Великому князю велѣно было сообщить, что если онъ хочетъ «за свою вотчину константинопольскую стоять, и онъ имѣеть нынѣ пригоденъ путь, да и помочь, что ни за сто лѣтъ

¹⁾ Въ 1518 г. комиссія изъ 4-хъ кардиналовъ, набравъ пункціи въ Москву Франциска де-Потенція, постановила возвести московскаго князя въ король въ случаѣ принятія имъ уніи. *Fiedler*, наив. соч., стр. 8—9. Въ 1519 г. посолъ магистра прусскаго, Дитрихъ Шомбергъ, рассказывала въ Москвѣ о посольствѣ отъ папы «пѣкаго мшика», который долженъ былъ передать великому князю, что папа хочетъ принять его въ единство съ Римомъ, «а наислѣдшаго и депобдѣмѣншаго даря всея Руси короновати въ христіанскаго царя». Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 85—86. То же видно и изъ письма папы Льва X отъ 19 сент. 1519 г. *Григоревичъ*, Переписка папъ съ русскими государями, стр. 3—6. Въ 1524 г. папа Климентъ VII снабдилъ генуэзца Павла Чентурионе грамотою къ Василію III, въ которой обѣщала даровать титулъ короля вмѣстѣ съ королевскимъ регалиями. *Семноевъ*, Вѣст. иностран. писателей, томъ II, стр. 17; *Fiedler*, *ib.*, стр. 14—15 и 79—80. Наконецъ, послѣдній папскій посолъ къ Василію III, еп. скарпенскій Францискъ, долженъ былъ четко сообщить о важныхъ дѣлахъ. Литовская рада указываетъ, что этотъ посолъ отправленъ въ Москву «намовляючи великаго князя къ послушенству св. костела римскаго» и «обѣщуючи ему корону». *Fiedler*, *ib.*, стр. 17; *проф. Успенскій*, Сношенія Рима, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 393; А. З. Р. т. II № 144, стр. 171—174. При Ивѣ Грозномъ подобная же попытка сложится въ Москву начинаются задуманной мистификаціей Шанттена, который поручилъ веденіе переговоровъ объ этомъ въ Римѣ Штейнбергу. На основаніи его сообщеній комиссія кардиналовъ въ 1552 г. постановила московскаго князя возвести въ санъ короля, если онъ приметъ приступу на вѣрность папѣ. *Pierling*, Rome et Moscou, p. 18; *Fiedler*, *ib.*, стр. 29; *проф. Успенскій*, тамъ-же, стр. 402. До 1582 г. пѣвственъ и еще цѣлымъ рядъ попытокъ завязать на этой почвѣ сношенія съ Москвою. Предполагавшіяся посольства Капобіо, Джипральдо и Шортико, а также посольство, организація котораго поручена кардиналу Мороньи въ 1576 г., всѣ должны были коснуться вопроса о королевскомъ титулѣ. *Pierling*, *ib.*, p. 51. append. V in fine и append. X. Въ самомъ концѣ XVI в. папскій посолъ Александръ Комузель сообщаетъ, что Антоній Поссевинъ хлопоталъ о томъ, чтобы «папа спозна писала титулу московскаго государя, но безуспѣшно, а что къ нему, Комузелю, папа прислала грамоты съ полными титулами московскаго государя, и что «навышней папа волеетъ въ титулахъ во всѣхъ, кому хочетъ, тому дать». Нам. диплом. снош., т. X, стр. 456.

отъ сѣхъ мѣсть наслѣдники константинопольскіе не имѣли». ¹⁾ Ивану Васильевичу Грозному подобныя-же представленія дѣлались не только агентами римской куріи, но и императорскіихъ правительствомъ. Цесарскіе послы, Кобенцель и Принцъ, разпывая передъ Грознымъ въ 1576 г. выгоды избранія на польскій престолъ «арцыкняжата Эрнеста», обѣщаютъ ему, что съ помощію Божіею и изволеніемъ цесарскія милости и сятаго папы римскаго при помощи всѣхъ христіанскихъ государей турки будутъ изгнаны до Азии, чтобы «все цесарство греческое на восходѣ солнца къ твоему величеству пришло, ажебы такъ ваша пресвѣтлость за восточнаго цесаря... ото всего христіанства навѣки былъ честенъ и славенъ» ²⁾. Въ 1582 г. Антоній Поссевинъ, убѣждая царя признать Флорентійскую унію, подкрѣплялъ свои доводы между прочимъ ссылкою на то, что Иванъ Васильевичъ тогда будетъ не только на прародительской отчинѣ на Киевѣ, «ио и въ Царствующемъ градѣ государемъ будетъ, а папа и цесарь и всѣ государи великіе о томъ будутъ стараться» ³⁾.

Очевидно въ Европѣ и особенно въ Римѣ сильно надѣлялись на благоприятный исходъ своихъ дипломатическихъ представленій о соединеніи церкви, если такъ упорно и послѣдовательно стремились склонить къ этому московское правительство обѣщаніями политическихъ выгодъ. Польско-литовское правительство основательно старалось разуверить римскую курію въ возможности такого исхода, но и само поддавалось вліянію общераспространенныхъ слуховъ о политическихъ домогательствахъ въ Римѣ московскаго правительства и оказало весьма дѣятельное сопротивленіе римской куріи по поводу о дарованіи королевскаго титула московскому князю ⁴⁾.

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 86 и 91, и въ ст. проф. Успенскаго, Ж. М. Н. Пр. 1884, авг., стр. 340—343.

²⁾ Нам. дипл. снош., т. I, стр. 528—530 и 534.

³⁾ Нам. дипл. снош., т. X, стр. 300. Еще въ 1575 г. папскій нунцій Даруро сообщалъ, что московскаго государя можно склонить къ признанію главенства римскаго престола, если отъ имени папы обѣщать ему титулъ цареградскаго императора съ правомъ первенства, когда онъ завладѣетъ этимъ городомъ. *С. Вермбооскій*, Отношенія Россіи и Польши въ 1574 — 1578 гг. Ж. М. Н. Пр. 1882, авг., стр. 219.

⁴⁾ Еще въ 1488 г. Понпева говорилъ, что «краля польскій великии того не хотѣлъ», чтобы папа «удѣлялъ кралемъ» великаго князя, и «посылалъ въ тии часи до папежа съ великими дары, абы того папежъ не удѣлялъ», такъ какъ князь, по словамъ Понпева, «того боится великии», если великій князь будетъ королею, «и въ тегды вся русская земля, что подъ кролемъ польскимъ, отступитъ отъ него» и будетъ послушна великому князю. Нам. дипл. снош., т. I, стр. 11. Въ 1526 г. литовская рада указываетъ, что отецъ Сигизмунда-Августа «не хотѣлъ того допустити, абы московскій князь быти коронованъ»; рада упрекаетъ папу за то, что «есть такъ склонный,

Между тѣмъ опасенія польско-литовскаго правительства насчетъ домогательства московскаго князя получить королевскій титулъ изъ рукъ папы были столь-же неосновательны, какъ надежды римской куріи на возможность присоединить московское государство къ уни.

Московское правительство оставляло большею частію безъ отвѣта всѣ эти настоячивыя предложенія римской куріи, а если въ исключительныхъ случаяхъ и отзывалось на нихъ, то въ совершенно отрицательномъ смыслѣ. Иванъ III на предложеніе цесарскаго посла о королевскомъ титулѣ отвѣчалъ, что московскіе князья изначала государи на своей землѣ, имѣютъ поставленіе отъ Бога и желаютъ, чтобы ямъ и ихъ дѣтямъ «до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ на своей землѣ; а поставленія, какъ есмь напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ»¹⁾. Не можетъ быть сомнѣній что этотъ взглядъ раздѣлялъ и Василий III²⁾, а тѣмъ болѣе Иванъ Грозный.

Повидимому также отрицательно относился Иванъ III и къ вопросу о реальномъ наследствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наследство это предстояло еще добыть у турокъ, борьба съ которыми вовсе не входила въ планы Ивана Васильевича. Вотъ что отвѣчалъ онъ въ юнѣ 1486 г. польскому королю Казимиру на предложеніе послѣдняго защитить волошкаго воеводу Стефана отъ насилій турецкаго царя и вмѣстѣ съ польскимъ королемъ «посиогу стати противъ бесурменства»: «нию чтобы намъ не столь далече, а лъзі; бы намъ то дѣло дѣлати, и мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлати и столти за хрестіанство, сколько бы намъ Богъ помогъ». Отказываясь за дальностью разстоянія помогать волошскому воеводѣ, московскій государь по присылкѣ послѣдняго наказываетъ польскому королю похочъ Стефану, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: «нию которыхъ хрестіанскимъ господаремъ, будучи близко, а лъзі; то дѣло дѣлати, нию то есть должно вся-

нѣкъ вычтъ того повшыеня и чти; неприязню короля, который есть того негоденъ съ предковъ своихъ». А. З. Р., т. II, № 144. Въ 1553 г. польскій король сообщилъ послу своему въ Римѣ, Крыльскому, обстоятельный взглядъ на дѣло о дарованіи королевскаго титула московскому государю. Здѣсь онъ между прочимъ пишетъ: «Нашъ спеціальный и народа нашего интересъ, чтобы Московитъ никогда не получилъ королевскаго титула; ... навѣрное можно опасаться, что если московскій князь получитъ королевскій вѣнецъ и титулъ, то русскіе, находящіеся въ нашей власти... будутъ стараться отпастъ отъ насъ къ нему.» и т. д. *Viedler*, ib., стр. 30—31 и 81—89; *проф. Успенскій*, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., авг., стр. 400—402.

¹⁾ Нам. дипл. свощ., т. I, стр. 12.

²⁾ Какъ объ этомъ и свидѣтельствуеть Герберштейнъ, Зап. о Москон., перев. Анонимова, стр. 30—31.

кому господарю хрестіянському того дѣла оберегати и за хрестіянство стояти»¹⁾. Гораздо опредѣленнѣе высказался по этому вопросу Иванъ Грозный на предложеніе Антонія Поссевина: быть государемъ въ Царствующемъ градѣ. «Мы великій государь, отъбчалъ Грозный, по хрестіянской вѣрѣ родился и Божію благодатію дошли есмь совершенного возраста, пятьдесятъ лѣтъ съ тѣмъ намъ; но миѣ неколи ужъ переимѣниться и на болшее государство хотѣти; мы въ будущемъ воспріятія малаго хотимъ, а здѣшняго государства всеѣ вселенные не хотимъ, что будетъ ко грѣху непопозновенно»²⁾. А какъ относились въ Москвѣ къ проектамъ о соединеніи церквей показываютъ отвѣты государей Василія III и Ивана Грознаго. На вопросъ: хочетъ-ли великій государь «съ папою быти въ единачествіи и въ согласіи о законѣ», первый велѣлъ отвѣтить магистру прусскому: «государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласіи быти о дѣлахъ о которыхъ; а какъ напередъ того государь нашъ отъ прародителей своихъ законъ греческой держать крѣпко, такъ и нынѣ законъ свой греческій держитъ крѣпко и впередъ законъ свой греческій хочетъ держать крѣпко»³⁾. Болѣе опредѣленно, но въ томъ-же смыслѣ отвѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ Антонію Поссевину на предложеніе его «быти въ соединеніи въ вѣрѣ и въ любви»⁴⁾.

Такое отрицательное отношеніе московскаго правительства къ политическимъ и религіознымъ иушеніямъ римской куріи заставляетъ

¹⁾ Чтенія Общ. ист. и древн. 1887 г., кн. 3. Матеріалы для взаимныхъ отношеній Россіи, Польши etc., стр. 115.

²⁾ Пам. днл. снош., X, 301. Что Грозный и раньше не думалъ о какихъ-либо военныхъ предпріятіяхъ противъ турокъ для завоеванія Константинополя, свидѣтельствуютъ его просительная грамота 1557 г. къ константинопольскому патриарху касательно царскаго титула, въ которой Грозный, сообщая о покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго, пишетъ: «Мы-жъ желательне желаемъ отъ Бога и вамъ улучшить милость его, яко чашу непольнъ растворенія, и прибавитися во дни сія отъ томительства брѣгохульныхъ, да слышевъ возрадуемъ: и проч. *Оболенскій*, Соборная грамота, утверждающая санъ царя, стр. 33. Годомъ раньше царь Иванъ Васильевичъ писалъ въ одинъ изъ афонскихъ монастырей, что онъ уповаетъ на Бога, который не оставитъ до конца раззоритися достоянію его, и что «падные встануть и къ первобытному обратятся». Снош. съ Восток., стр. 70.

³⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIII, стр. 118; *Карамзинъ*, VII, прим. 191.

⁴⁾ «Намъ съ вами не сойдется въ вѣрѣ, наша вѣра хрестіянская изъ давнихъ лѣтъ была себѣ, а римская церковь была себѣ... Намъ нѣко снѣ вѣры нѣкоторые вѣры хотѣти нечего, ли учевья нѣкотораго нѣко истинные хрестіянскіе своѣ вѣры не требуютъ... И съ нашею вѣрою римская вѣра во многомъ не сойдется, да только мы о томъ говорить не хотимъ для супротивныхъ словъ, чтобъ розна межъ насъ съ папою за те и гнѣву не было, а любовь-бы наша тѣмъ не порвалась». Пам. днл. снош., т. X, стр. 301—302.

усомниться въ возможности какихъ либо вліяній съ этой стороны на созданіе теоріи о русскомъ царствѣ ¹⁾, такъ какъ исходные моменты этой теоріи были прямо противоположны основнымъ стремленіямъ западно-католической политики. Царство на Руси, по представленіямъ русскихъ книжниковъ, явилось оплотомъ православной вѣры, наградой за охрану православія великимъ княземъ, который прежде всего и явился «православья царемъ» вѣсто византійскихъ императоровъ. Вотъ почему Иванъ Грозный, принявъ царскій титулъ, молилъ Бога за утвержденіе въ русской державѣ «скипетра православія» ²⁾. Принятіе королевскаго титула и присоединеніе къ уніи было бы отреченіемъ отъ этихъ основныхъ началъ политическаго правосознанія. Но если въ Москвѣ такъ осторожно относились къ эгонстическимъ внушеніямъ папской и императорской политики, то тѣмъ благопріятнѣе встрѣтились тамъ заискивающія представленія православнаго восточнаго духовенства, такъ какъ эти представленія вполнѣ отвѣчали тенденціямъ московскаго правительства.

Сношенія съ православнымъ Востокомъ, столь благопріятныя для Москвы, начались еще незадолго до паденія Константинополя, когда въ Имперіи стало извѣстно о результатахъ Флорентійскаго собора. Представители афонскихъ монастырей со скорбію писали къ великому князю Василю Васильевичу о прелести, постигшей греческаго царя, о тмѣ и тугѣ, постигшихъ царствующій градъ и соборную церковь «злословітіемъ властель и несправедливыхъ снѣтителей», и наоборотъ радовались, что великій князь крѣпко сохраняетъ вѣру непорочную и предсказали ему за то многую мзду на небесахъ ³⁾. Послѣ же паденія Константинополя, когда положеніе восточнаго духовенства становилось все болѣе и болѣе бѣдственнымъ вслѣдствіе усиливающихся притѣсненій со стороны мусульманъ, начинается цѣлый рядъ ходатайствъ предъ московскимъ правитель-

¹⁾ Проф. Успенскій говоритъ, что «въ Римѣ создавались политическіе планы и комбинаціи, въ которыхъ Москвѣ давалось опредѣленное мѣсто и назначеніе гораздо прежде того времени, какъ великій князь московскій громко заявилъ о правѣ своемъ на царскій титулъ и константинопольское наследіе, и несомнѣнно раньше, чѣмъ въ Россіи вошла въ сознаніе живая идея единственности съ христіанскимъ населеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ». Ж. М. Н. Пр. 1834, авг., стр. 343. Наоборотъ, проф. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ, что «нельзя согласиться съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что стремленіе палъ имѣло вліяніе на политику московскую; мы знаемъ, что понятіе о третьемъ Римѣ сложилось подъ византійскимъ вліяніемъ и усилилось послѣ паденія Царяграда и освобожденія отъ татарскаго ига». Ист. Росс., т. II, стр. 301.

²⁾ Снош.: съ Вост., ч. I, стр. 70.

³⁾ Лѣт. Зап. Арх. Комм., вып. 3, прил., стр. 28—32.

ствою со стороны патриарховъ, митрополитовъ и монастырей о вспомошествованіяхъ для поддержанія православныхъ церквей и духовенства, о заступничествѣ за православіе передъ турецкимъ султаномъ и даже объ освобожденіи отъ ига невѣрныхъ. И ходатайства эти имѣли результатъ: многимъ восточнымъ церквамъ и монастырямъ московскіе государи посылаютъ щедрыя пособія, а иногда выдаютъ жалованныя грамоты, по которымъ принимаютъ на себя званіе кормителей и ктиторовъ церквей и монастырей ¹⁾). Новая-же роль охранителей православія, столь усердно предлагавшая московскимъ государямъ изъ разныхъ частей вселенской церкви, стапла ихъ въ то положеніе, какое раньше занимали византийскіе императоры. Многочисленные просители изъ среды восточнаго духовенства очень рано усвоили себѣ эту мысль и совершенно отчетливо выразили ее въ просительныхъ посланіяхъ московскому правительству. Прежде всего къ московскимъ государямъ прилагаются титулы византийскихъ императоровъ и воздаются тѣ-же формальныя почести. Такъ Бѣлградскій митр. Теофанъ въ 1509 г., творя съ смиреніемъ поклоненіе господству свѣшдарованнаго отъ Бога великаго князя Василія, заявляетъ, что они «царскую почесть ему воздаютъ по достоянію» и высказываетъ пожеланіе, чтобъ великій князь, управивъ земное царствіе въ великой тишинѣ, насладился небесное «со святыми царями». /Въ 1517 г. игумень синайской обители Даниилъ величаетъ великаго князя полнымъ титуломъ греческихъ царей, называя его «самодержавнымъ, боговѣнчаннымъ, величайшимъ святымъ царемъ всея Руси». Немного ранѣе иноки Вотопадской обители и государыню великую княгиню титулуютъ Августією. Ивана Грознаго братія Паптелеймопона монастыря въ 1548 г. также называютъ «святымъ царствомъ», а иноки сербскаго Хиландаря монастыря въ томъ-же году, припадая къ святымъ его стопамъ, титулуютъ его «самодержавнымъ великимъ царемъ московскимъ, единымъ правымъ государемъ, бѣлымъ царемъ восточныхъ и сѣверныхъ странъ, который всѣмъ православнымъ христіанамъ царь и государь; святымъ, великимъ, благочестивымъ царствомъ; солнцемъ христіанскимъ, сіяющимъ на востокъ и сѣверъ и озаряющимъ всю подсолнечную; утвержденіемъ седми соборныхъ столицъ, украшеніемъ церковнымъ, вторымъ Константиномъ и поборникомъ божественныхъ церквей, христіанскою хоругвью, на коей честный крестъ воздвиженъ въ просвѣщеніе православныхъ въ славу и

¹⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. I, стр. 12, 14, 17, 19, 21, 54, 59 и проч.

утвержденіе благочестиваго царства, въ побѣду-же на ачестивыхъ агарягъ и иныхъ богопротивныхъ языковъ¹⁾. Вышше представители восточнаго духовенства—патріархи—мало-по-малу усвоили себѣ тѣ-же воззрѣнія на московскихъ государей и открыто это выражали. Такъ александрійскій патріархъ еще про Василія III замѣтилъ, что онъ имѣеть «имя славное во всѣхъ земляхъ»; патріархъ выражаетъ пожеланія великому князю такихъ-же благъ, какія икогда даровалъ Господь царю-профету Давиду и царю Константину; молить его царство о помощи и желаетъ ему воспріять небесное царствіе, «какъ и прежде царствовавшіе цари»²⁾. Даже архіепископъ Царяграда Новаго Рима и вселенскій патріархъ титулуетъ великаго князя Василія «иъ высшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ краломъ всея православныя земли и Великія Руси»³⁾. Въ концѣ 1557 г. явились въ Москву посланные отъ константинопольскаго патріарха съ просительной грамотой, въ которой Иванъ Васильевичъ именовался «святимъ царствомъ», а посланные сверхъ того заявили отъ лица патріарха и всего царградскаго собора о соборномъ уложеніи «молить Бога о царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, якожь и о прежнихъ благочестивыхъ царѣхъ»⁴⁾. Въ виду заявленій всего восточнаго духовенства, царь Иванъ Васильевичъ пожелалъ получить отъ вселенскаго патріарха подтвержденіе своихъ правъ на царскій титулъ. Въ подтвердительной соборной грамотѣ 1561 г. преподается и даруется царю Ивану Васильевичу «быти и зватися ему царемъ законно и благочестно», такъ какъ это «на пользу всѣмъ благочестивымъ и христоменитымъ людямъ повсюду законно и праведно бываетъ ко исправленію и утверженію въ пользу христіанскому исполненію». Въ особой грамотѣ, называя государя «царемъ и государемъ пра-

¹⁾ Снош. съ Вост., ч. I, стр. 15 и 16, 34, 32, 61, 62—63, 66 и 67.

²⁾ Тамъ-же, стр. 39—41. Тотъ-же патріархъ въ 1543 г. почти также перевозоситъ великаго князя Ивана Васильевича, а въ 1557 г. называетъ его «святѣйшимъ царемъ богоутвержденной земли». Въ 1549 г. іерусалимскій патріархъ уведомляетъ того же князя, что о немъ молятся, чтобы Господь укрѣпилъ державу его царствія, и что впредь о немъ будетъ въ церкви Св. гроба твориться вѣчное поминовеніе, какъ и о приснопамятныхъ царяхъ Константиновѣ и Еленѣ. Тамъ-же, стр. 46, 89, 58 и 59.

³⁾ Тамъ-же, стр. 25. Неудовольствія, возникшія по поводу дѣла Максима Грека, породили патанутыя отношенія между константинопольской епархіей и Москвой. По крайней мѣрѣ патр. Діонисій въ 1550 г писалъ, между прочимъ, что весьма было ему кручинно отъ прежнихъ наветовъ, происшедшихъ отъ злыхъ враговъ; вѣдимо и то, что по тѣмъ-же искушеніямъ совершилось въ царской палатѣ, ради чего и патріаршій престолъ оставался безъ помощи отъ державы русской, но нинѣ опять надѣется ее получить. Въ томъ-же году московское правительство, конечно, не по невѣднью, титулуетъ «вселенскимъ» патріарха іерусалимскаго. Тамъ-же, стр. 55—56, 60.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 71—73 и 87; Никон. Лѣт., VI, 273.

вославленныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана», патріархъ увѣдомлялъ, что о имени московскаго государя будутъ молить не только въ одной константинопольской церкви, но во всѣхъ церквахъ митрополичьихъ, «да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и славный Константинъ», и что имя его будутъ помять во святыхъ диптихахъ ¹⁾. Въ 1586 г. антиохійскій патріархъ Іоакимъ писалъ московскому государю: «солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость; и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Бога, давшаго тебя въ утвержденіе пресвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце свѣтящее надъ всѣми звѣздами» ²⁾. А царградскій патріархъ Іеремія въ 1589 г. про царя Федора Ивановича замѣтилъ, что онъ «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь» ³⁾.

Представляется совершенно очевидныхъ, въ какой мѣрѣ подобныя заявленія восточнаго духовенства подкрѣпляли стремленія русской публицистики выдвинуть московскаго государя въ качествѣ единаго представителя всего православаго міра. Этими, однако, не исчерпывалось вліяніе православаго востока въ XVI в. на вышеніе политическихъ воззрѣній московскаго правительствна. Отлѣтѣть возможно юридической фикціи о константинопольскомъ наследіи: духовное преемство русскихъ государей отъ византійскихъ императоровъ, восточное духовенство указало московской политикѣ и вытекающія отсюда практическія задачи: въ заявленіяхъ духовенствна уже въ XVI вѣкѣ довольно настойчиво проводится идея объ обязанности православаго царя избанить угнетенныхъ христіанъ отъ агарискаго ижеженія. Мысль эта, высказываемая сначала неупрешно, одними намеками ⁴⁾, со второй половины XVI вѣка была совершенно ясно формулирована. Такъ, александрійскій патріархъ не одинъ разъ высказывалъ подобныя пожеланія Ивану Грозному:

¹⁾ Соборная грамота, утверждающая санъ царя, изд. *Оболенскимъ*, стр. 24; Снош. съ Вост., стр. 111.

²⁾ *Слѣж. Николаевскій*, Учрежд. патріарш. въ Россіи, Христ. Чтеніе, 1879 г., сент.-окт., стр. 300.

³⁾ *Макарій*, Ист. церкви, X, стр. 37.

⁴⁾ Еще въ 1500 г. иноки Пантелеѣимонова монастыря высказали великому князю слѣдующее пожеланіе. «Господь Богъ да наставитъ свыше твое царствіе и да распространитъ и оставитъ тебя наестыремъ и надъ симъ невѣдомымъ тихимъ ольцями, и да предастъ тебѣ ихъ въ усвоеніе». Александрійскій патріархъ выражаетъ великимъ княземъ Василію Ивановичу и Ивану Васильевичу пожеланіе, чтобы Господь далъ имъ мужество Самсона и смель Давида и царя Константина для одоленія враговъ, дабы подъ ихъ державою въ тишинѣ жила въ православіи е. Снош. съ Вост., стр. 14, 30 и 46.

въ 1557 г. онъ писалъ, что всѣ святители восточные радуются побѣдаѣ государя надъ нечестивыми, ибо «царь является имъ какъ второе солнце, утѣшая ихъ надеждою благихъ временъ, дабы и ихъ когда либо избавится его рукою отъ руки злочестивыхъ». Въ 1560 г. онъ повторяетъ пожеланіе, чтобы царь одолѣлъ своихъ враговъ, «а наипаче изгналъ безбожныхъ агаряитъ». Отчлѣвшись увидѣть это страстно желаемое освобожденіе, патріархъ сказалъ царскому послу: «нынѣ достигъ я старости великой и не велитъ мнѣ Богъ того видѣть, какъ московскому государю Господь Богъ подастъ и наследіе царя Константина и покорить всѣ государства къ подножію его; а мы чаемъ того у Бога, что подастъ ему государю Господь Богъ наследіе Константина царя въ недолгое время» ¹⁾. Цареградскій патріархъ, посылая въ Москву утвердительную грамоту по поводу царскаго вѣщанія, называетъ государя «надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы», и сообщаетъ, что константинопольскій соборъ молитъ Бога о укрѣпленіи царства и о возвышеніи руки государя, «да избавитъ поспеждою всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ парваръ, смородцевъ и страшныхъ язычникомъ агаряитъ» ²⁾. Въ 1584 г. иноки Паптелеймонова монастыря пишутъ, что велъ братія всѣхъ обителей воонскихъ съ плачемъ молятъ Бога день и ночь, чтобы Господь избавилъ государя православнаго христіанскаго отъ иоганныхъ варваровъ ³⁾. Выше было указано, съ какою осторожностью относились московскіе государи къ подобнымъ представленіямъ въ XVI в., понимая всю трудность возлагаемой на нихъ задачи.

Въ дополненіе очерка восточныхъ вліяній слѣдуетъ еще упомянуть, что въ тѣсной связи съ идеей церковно-религознаго представительства и вытекающей изъ нея политической миссіей московскаго государя избавити христіанъ отъ ига нечестивыхъ въ заплещенныхъ съ востока сквозитъ и другая политическая струя. Нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей, состоявшихъ прежде подъ покровительствомъ и подчиненіемъ византійской имперіи, пишутъ теперь покровительству у московскаго государя, къ которому выражаютъ желаніе стать въ тѣ-же отношенія, въ какихъ они стояли раньше къ Византіи. Сербскій деспотъ Іоаннъ, именующій себя «Иваниска», «посылая отъ себя поклоненіе его вели-

¹⁾ Спом. съ Вост., стр. 89 и 102; *И. Кантеверъ*, Характеръ отношеній Россіи къ Вост., стр. 249—250.

²⁾ Спом. съ Вост., стр. 110 и 111.

³⁾ Тамъ-же, стр. 138.

честву», великому князю Василю, просить принять подъ свое покровительство монастырскую церковь митрополита Ылградскаго и быть ея ктиторомъ. Карлъ, деспотъ арскій, титулуется того-же князя боговѣщаннымъ святымъ царемъ, а себя сестричемъ и сыномъ его царствія. Любопытно, какъ отнеслись государи къ такимъ представленіямъ: великій князь Василій Ивановичъ писалъ деспоту Карлу, что если онъ захочетъ къ нему прѣхать и поклониться его царствію, то будетъ принять съ честью и любовію, какъ присный сродникъ и будетъ отпущенъ добровольно безъ всякой заѣмки ¹⁾).

Даже приведенное Ылгое сопоставленіе западно-католическихъ и православно-восточныхъ вліяній указываетъ, которому изъ этихъ вліяній могла подчиниться школа русскихъ публицистовъ, выработавшая теорію о московскомъ царствѣ.

¹⁾ Смеш. съ Вост., стр. 18, 36—38.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Теорія власти московскихъ государей.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ слагалась теорія русскаго православнаго царства, выработывалось политическое ученіе о верховной власти московскихъ государей. Исходнымъ моментомъ его построенія послужило тоже самое начало, на которомъ возникла и теорія о русскомъ царствѣ, а именно охрана правобѣрія.

Въ то время, когда всѣ элементы новой теоріи о царствѣ на Русь уже были сознаны и даже формулированы по частямъ, московское государство должно было вынести большую религіозную смуту: изначальнѣйшему правобѣрью грозила опасность со стороны ереси жидовствующихъ. Для государственной власти представился первый серьезный поводъ оправдать передъ лицомъ всего православнаго міра свое новое политическое значеніе принятіемъ энергическихъ мѣръ къ искорененію ереси.

Такъ именно поняли обязанности государя архіеп. новгородскій Геннадій и суровый волоцкій игумень Іосифъ Санинъ. Посвятивъ почти всю свою жизнь и выдающіяся дарованія на борьбу съ ересью, оба они были ревностными сторонниками искорененія ереси посредствомъ казни еретиковъ. Геннадій въ посланіи собору владыкъ 1490 г. рекомендуетъ только для того учинить соборъ, чтобы «еретиковъ казнити—жечи да вѣшати», а въ посланіи того-же года къ митр. Зосимѣ онъ ссылался на примѣръ испанскаго короля, какъ тотъ «свою очистилъ землю»¹⁾. Іосифъ уже въ первомъ посланіи своемъ къ еп. Нифонту (отъ 1493 г.) говоритъ, что «не токмо еретиковъ осужати велѣно, но и казнити и въ заточеніе посылати, точію смерти предати спискупомъ не повелѣно

¹⁾ Р. И. Б., VI, стр. 784 и 775.

есть; а царю благочестивия и смерти предаша отъ жидовъ и отъ еретиковъ многихъ непокаявшихся¹⁾).

Провождая этотъ взглядъ въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ противъ еретиковъ и партій заводскихъ старцевъ, Іосифъ подошелъ къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ государей и по этому поводу высказалъ свое мнѣніе о значеніи верховной власти. Тема эта затрагивалась имъ не одинъ разъ и разъяснялась не всегда одинаковымъ образомъ. Можно даже замѣтить нѣкоторую двойственность въ политическихъ воззрѣніяхъ Іосифа. Какъ страстный боецъ за идею о сохраненіи чистоты правовѣрія, онъ далеко не былъ строгимъ теоретикомъ въ сферѣ политической. Онъ былъ гораздо больше политикомъ, смотрѣвшимъ на государство и свѣтскую власть лишь какъ на силу, содѣйствующую или противодѣйствующую ему въ его борьбѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и въ зависимости отъ обстоятельствъ мѣнялось и его отношеніе къ этой силѣ.

Время, когда впервые выступилъ съ своими писаніями Іосифъ, не благопріятствовало пропагандѣ его идей. Митрополиты до и послѣ Зосимы—Геронтіи и Симонъ—къ преслѣдованію еретиковъ вовсе не относились съ такою ренностью, какъ Геннадій и Іосифъ. Послѣдніе говорили про Геронтія, что онъ «государю не подоучалъ о еретикахъ» по нерадѣнію-ли, или будучи удерживаемъ грубостью еретиковъ, или боясь державнаго. Митр. Симонъ до собора 1503 г. ничѣмъ не проявилъ своей дѣятельности. Отношенія же Іосифа къ великому князю были совершенно не выяснены. Съ Иваномъ III онъ встрѣчался очень рѣдко. Въ первую встрѣчу, когда Іосифъ былъ поставленъ преемникомъ Паавутія Боровскаго, онъ былъ принятъ великимъ княземъ очень ласково. Но съ тѣхъ поръ до 1503 г. о личныхъ отношеніяхъ между ними ничего неизвѣстно. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени у Іосифа было много поводовъ быть недовольнымъ дѣйствіями великаго князя. Послѣдній не только не откликнулся на вызовъ Геннадія объ обыскѣ еретиковъ, но держалъ при себѣ главныхъ изъ нихъ—дьяка Фед. Курница и протопопа Алексѣя, которые «имѣли дерзновеніе къ державному, яко никтоже итъ», и о еретичествѣ которыхъ не могло не быть извѣстно великому князю. Мало того: не безъ вліянія протопопа Алексѣя состоялось назначеніе на митрополитскую кафедру Зосимы: по словамъ Іосифа, Алексѣй «возхвоаніемъ подоиде державнаго». Такимъ образомъ, по вѣнѣ державнаго, во главѣ право-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 825 и слѣд.

славной церкви сталъ этотъ «скверный и злобный волкъ, предтеча антихристовъ, сынъ погубительный, сквернитель и отступникъ». Можно даже предполагать, что и самъ великій князь былъ несомнѣнъ чуждъ еретическаго ученія ¹⁾. При такихъ условіяхъ обратиться съ открытымъ словомъ къ великому князю было не только неудобно, но даже рискованно. Поэтому Іосифъ пробуетъ обходный путь, убѣждая епископа Нифонта и брата Вассіана отбросить всякое малодушіе и пострадать за благочестіе ²⁾.

Вторая встрѣча Іосифа съ великимъ княземъ произошла въ 1503 г., когда Іосифъ былъ вызванъ царскими письмами на соборъ о вдовыхъ попахъ, на которомъ, кромѣ того, былъ поднятъ и вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Здѣсь впервые Іосифъ открыто разошелся съ партіей нестлжателей, хотя держалъ себя на соборѣ очень сдержанно ³⁾. Государь пригласилъ волоцкого игумена къ себѣ, говорилъ съ нимъ наединѣ о церковныхъ дѣлахъ и просилъ прощенія за отношеніе къ погородскимъ еретикамъ. Іосифъ отвѣчалъ, что если государь подвигнется о вышедшихъ еретикахъ, то и въ старыхъ его Богъ проститъ. Но въ другой разъ, когда Іосифу случилось у великаго князя «хлѣба лети», произошелъ какой-то непріятный для Іосифа инцидентъ. Іосифъ рассказываетъ, что государь спросилъ его, — итѣ-ли грѣха казнить еретиковъ; но только-что суровый игумень началъ подбирать свои излюбленныя мѣста изъ священнаго писанія, какъ «великій князь началъ ему престати говорить». Дальнѣйшія подробности инцидента неизвестны; но вслѣдствіе его Іосифъ не рѣшился, спустя годъ, обратиться непосредственно къ великому князю по дѣлу о преслѣдованіи еретиковъ, а снова избиралъ обходный путь. Онъ пишетъ къ андрониковскому архим. Митрофану, государеву духовнику, что ему «о томъ государю великому князю пригоже да и должно напоминати и въ томъ дѣлѣ государя поберечи, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю, занеже, господине, за царское согрѣшеніе (Богъ всю землю казнить)» ⁴⁾. Значитъ въ глазахъ Іосифа Иванъ III согрѣшилъ, «прозабылъ во

¹⁾ Никитскій, Очеркъ исторіи церкви въ Новгородѣ, стр. 170.

²⁾ Р. И. В., VI, № 120; Чтенія Общ. Ист. 1847 № 1, смѣсь.

³⁾ Одинъ памятникъ—письмо о везюкахъ въ Приб. къ Тв. Св. Отц., ч. X, стр. 505—приводитъ возраженіе Іосифа Нилу Сорскому; но и въ дѣлахъ собора, и въ автописныхъ папѣстяхъ не упомянуто объ участіи Іосифа. Вул., ч. XIV, стр. 206; П. С. Л. IV, 277; VI, 49. Отсюда и заключаютъ, что Іосифъ велъ себя на соборѣ очень скромно. Н. Хрущовъ, Сочиненія Іосифа Санипа, стр. 177.

⁴⁾ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847 № 1, смѣсь.

многих дѣлахъ царскихъ» такое дѣло, какъ очищеніе Христова стада отъ тлетворныхъ волковъ; а изъ всѣхъ дѣлъ «Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе». Онъ согрѣшилъ двоякии, потому что, покаившись Іосифу и получивъ прощеніе отъ митрополита и владыкъ, онъ не возгорѣлъ ревностію о православной вѣрѣ и оставилъ Божіе дѣло втунѣ. Такое явное неудовольствіе на государя длилось недолго: соборъ 1504 г. и ужасныя казни еретиковъ примирили съ нимъ Іосифа. Измѣнилъ-ли Иванъ III подъ конецъ жизни свои воззрѣнія на еретиковъ ¹⁾, или мѣры противъ еретиковъ, принятыя на соборѣ, слѣдуетъ объяснять вліяніемъ великаго князя Василія, который и председательствовалъ на соборѣ, — рѣшить трудно. Но Іосифъ могъ предполагать переѣму въ воззрѣніяхъ великаго князя Ивана, такъ какъ отъ него послѣдняго было дано распоряженіе о принятіи энергическихъ мѣръ противъ еретиковъ. При такихъ условіяхъ Іосифъ, всегда предпочитавшій вліять на государя окольными путями, впервые рѣшился обратиться къ нему непосредственно и выразилъ радость, что государь показалъ наконецъ решимость о благочестивой, православной христіанской вѣрѣ, какъ прежніе святые православные и христіанскіе цари. Іосифъ возражалъ только противъ распоряженія о разсылкѣ по монастыряхъ мѣше тивонныхъ еретиковъ ²⁾.

Это было послѣднее сношеніе двухъ выдающихся людей XV—XVI в., которые, дружелюбно встрѣтившись и повидному мирно разставшись, во всю жизнь шли не мало поводовъ быть недовольными другъ другомъ. Соответственно этому сложился и взглядъ Іосифа на великаго князя Ивана Васильевича. Государь, оставившій втунѣ Божіе дѣло, которое является, по мнѣнію Іосифа, первой обязанностью государя, такъ какъ оно всѣхъ нужнѣе, и навлекающій Божій гнѣвъ на всю землю за свое царское согрѣшеніе, конечно, не могъ пользоваться симпатіями Іосифа. Поэтому послѣдній совѣтъ иначе, чѣмъ впоследствии, объясняетъ значеніе государственной власти. Въ 7-мъ словѣ Просвѣтителя, составленномъ до собора 1504 г., рѣшается, между прочимъ, вопросъ: «какъ подобаетъ поклоняться или служить царю, или князю, или властелю». Необходимость поклоненія или служенія царю доказывается здѣсь общезвѣстными въ то время соображеніями и ссылками на писаніе ³⁾. По поводу апостольскаго наставленія о послу-

¹⁾ Такъ думаетъ проф. О. Ф. Миллеръ; см. его ст. О направленіи Іосифа Волоколамскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 540; также *Источники*, Отч. лет. церкви въ Новгородѣ, стр. 184.

²⁾ Посланіе напечатано у И. Хрущова, назв. соч., стр. 263.

³⁾ Напр.: «того ради подобаетъ поклоняться или служить царю, или сію

шанин рабовъ Іосифъ замѣчаетъ: такъ какъ господа могутъ благодѣлательствовать рабовъ своихъ «тѣлеснѣ, а не душевнѣ», то и рабамъ подобаетъ служить и поклоняться господамъ тѣлеснѣ и воздавать имъ царскую честь, а не божественную. Если, продолжаетъ Іосифъ, такъ будешь поклоняться и служить, то это послужитъ не къ пагубѣ, но «наче отъ сего научишися болѣе Бога: царь бо Божій слуга есть, къ чловѣкамъ милостію и казнію». На этохъ въ большинствѣ случаевъ и оставались наши книжники. Но Іосифъ пошелъ далѣе. Онъ счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку относительно царя, который надъ собою «имать царствующи скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, збѣвши же всѣхъ невѣріе и хулу». По Іосифу такой царь «не Божій слуга, но дьяволь, и не царь, но мучитель» ¹⁾. Іосифъ преподаетъ слѣдующее правило отношеній къ такому мучителю: «И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертію проишти» ²⁾. Такимъ образомъ поклоненіе и служеніе царю должно быть, по ученію Іосифа, результатомъ критики общеправственныхъ и религіозныхъ свойствъ личности царствующаго.

Только фанатизмъ Іосифа, въ виду неблагоприятныхъ отношеній его къ царствующему государю ³⁾, подсказалъ ему такое революціонное по существу ученіе, на основаніи котораго можно было оправдать всякую оппозицію правительству: стоило только объявить политическія мѣры враждебнаго правительства несогласными съ нравственными началами и правотѣрїемъ, а самого царя слугою дьявола.

Энергическая проповѣдь подобной доктрины могла-бы повести къ очень серьезнымъ послѣдствіямъ. Но политическія обстоятельства измѣнились въ благоприятномъ для Іосифа смыслѣ: онъ нашелъ дѣятельную поддержку со стороны великаго князя Василія Івановича и съ этихъ поръ является проводникомъ иной полити-

есть благоугодно Богови, еже воздавати властемъ покореніе и послушаніе: они бо имѣють о насъ попеченіе и промышленіе». Далѣе идутъ ссылки на Исходъ и апостольскія посланія. Исходъ, 22, 28: книзю людій своихъ не речеши ала; I посл. Петра, 2, 17: Бога бойтеся, царя почитайте; посл. къ Ефес. 6, 6: раби послушайте господій своихъ по плоти страхомъ и тренетомъ.

¹⁾ «Такового царя, продолжаетъ Іосифъ, не наречетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но апсомъ: «шедше, рече, рците яису тому»; (Лук. 13, 32) и пророкъ глаголетъ: «царь оплавиъ погнбнеть, путіе бо его темнѣ суть».

²⁾ Просвѣтитель, изд. 1357 г., стр. 323—325.

³⁾ О. Ф. Миллеръ полагаетъ, что подъ видомъ нечестиваго царя Іосифъ разумѣлъ Івана III. Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. 137, стр. 512, прим. 2.

ческой теоріи. Къ вопросу о значеніи и обязанностяхъ государственной власти онъ возвращается четыре раза и великій разъ подходитъ къ нему съ чисто религіозной почвы. Въ первый разъ, возражая на отвѣтъ старцевъ вологодскихъ монастырей ¹⁾, Іосифъ написалъ опроверженіе «на ересь новгородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ни отступника», составившее 13-е слово Просвѣтителя. Необходимость заточенія и казни еретиковъ по предписаніямъ свѣтской власти Іосифъ доказываетъ существеннымъ назначеніемъ послѣдней по ученію священнаго писанія. Если, говоритъ онъ, Іоаннъ Златоустъ и сказалъ, что «недостойнъ намъ убивати еретика», то онъ разумѣлъ епископовъ, священниковъ и иноковъ, а не парей, князей и судей земскихъ. «О царѣхъ убо и о князехъ и о судяхъ св. апостоли глаголють, яко они власть пріяша отъ Господа Бога во отищеніе злодѣямъ, въ похвалу же добротворящимъ» ²⁾. Указавъ на назначеніе власти казнить злыхъ, Іосифъ спѣшитъ отразить слѣдующее возраженіе: могутъ сказать, что апостоли и отцы велѣли властямъ мстити злодѣямъ, т. е. убивати, прелюбодѣлямъ, совершающимъ воровство, разбой и другія злыя дѣла, а не еретикамъ; но если объ убійцахъ, прелюбодѣляхъ и творящихъ иныя злыя дѣла такъ повелѣно, то «множае паче о еретикѣхъ и о отступникѣхъ подобаетъ тако быти, якоже свидѣтельствуеть священное писаніе... еже отъ градскихъ законъ». Указавъ прихвѣры казни еретиковъ со времешъ Моисея, Іосифъ заключаетъ это слово слѣдующимъ ученіемъ властямъ: «слышите, цари и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава намъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да соблюдете стадо его отъ волковъ неврединю: васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли, и на еиой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ, и мечъ вышняя Божія десница

¹⁾ Визв. XVI, 424—428.

²⁾ Приводятся ссылки на посланія перме Петра II, 13—14 и къ римл. XIII, 1—8 и на авторитетъ отцовъ церкви—Іоанна Златоуста и Григорія Акраганскаго: «Священныи убо Златоустецъ глаголетъ: «срѣчь на пользу убо людемъ земское начальство поставися отъ Бога, а не отъ дьявола, яко же нѣци неподобни глаголють, да болшея, челоуѣци не поглощаютъ другъ друга, якоже рыбы... Также глаголетъ св. Григоріе Акраганскій еп. въ своихъ правильныхъ завѣщаніяхъ: «веле убо есть въ челоуѣцѣхъ дарованіе Божіе слыше данно челоуѣколюбие: священничество же и царство: ово убо божественнымъ служу, овоже челоуѣческимъ обладаю некіеся. Подобаетъ времешу отъ Вышняго повелѣніа правленія челоуѣческаго рода не токмо о своихъ нещеса и своего житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасати и многогуборнаго смятенія... Просвѣтитель 1857 г., стр. 585 и слѣд.

пружи вамъ: вы-же убо да не держите истину въ непрадѣ... и не давайте воля злоторящимъ челоуѣкомъ», т. е. еретикамъ и отступникамъ, которые съ тѣломъ и душу губить. Если они сотворять зло, то на душу попустиншаго падаетъ грѣхъ, т. е. «на царя и на князя и на судя земскія, аще власть дадутъ злоторящимъ челоуѣкомъ, ѡ семъ истязани будутъ отъ Бога во страшный день втораго пришествія его»¹⁾). Итакъ главная обязанность царя заключается въ охранѣ правосудія. Только въ виду этой главной цѣли получаетъ смыслъ ореолъ божественнаго происхожденія царской власти. За неисполненіе этой обязанности падаетъ на нихъ самая тяжкая отвѣтственность, но уже не передъ обществомъ и не передъ отдѣльными его членами, хотя-бы правосудными, а только предъ самимъ Божествомъ.

Почти дословно повторилъ Іосифъ эту теорію въ посланіи къ вел. князю, написанномъ нѣсколько позднѣе, когда при новомъ митр. Варлаамѣ инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ сдѣлался «великимъ премешнымъ челоуѣкомъ» и началъ печаловаться великому князю за еретиковъ²⁾. Іосифъ, узнавъ объ этомъ, писалъ государю, что необходимо позаботиться о божественныхъ церквахъ и о православнои вѣрѣ христіанской, «какъ въ первомъ обыску все ты, государь, обыскалъ и оправилъ», подобно благочестивому и христіанскому, великому царю Константину. Какъ глава всѣхъ, государь долженъ показать ревность своего благочестія, «да видятъ всѣ царіе славу преславнаго царствія твоего; придетъ бо ти отъ сего свѣтъ вѣчный и невечерній въ тебѣ возсияетъ, аще подобно сотвориши первымъ православнымъ и благочестивымъ царемъ», и «того ради непоколебимо и непревратно соблюдетъ и сохранитъ Вышняго десница Богомъ поставленное твое царство». Если же государь и теперь не поднигнется противъ еретиковъ, то «погибнути всему православному христіанству», какъ погибли прежнія многія царства: Евѡпское, Армянское и Римское. По этому поводу Іосифъ и повторилъ почти дословно свои мнѣнія объ обязанностяхъ царей³⁾.

¹⁾ Провѣтитель, стр. 539—540.

²⁾ Чт. Общ. Ист. 1847 № 7, смѣсь; Приб. къ Твор. Св. Отц., ч. X, стр. 506.

³⁾ «Запече, государь, отъ вышняго Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и государь всея Руси. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: азъ воздвигохъ ти съ правдою царя и прияхъ ти за руку и укрѣпихъ ти. Сего ради слышите, царіе и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дѣна бысть держава вамъ. Васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто набра на земли и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ. Вамъ-же подобаетъ, пріемши отъ Вышняго повелѣвія правленія челоуѣческаго рода, православнымъ государемъ царемъ и княземъ не токмо о своихъ пещица и своего точию житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасти и соблю-

Еще раньше этого поселения Иосифъ вступилъ въ полемику съ заволжскими старцами, которые доказывали, что не слѣдуетъ розыскивать и истязать еретиковъ тайныхъ, не распространяющихъ своего ученія, а покаявшихся слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью ¹⁾. Иосифъ написалъ возраженіе ²⁾ и, при обработкѣ его для своего сборника, снова коснулся вопроса объ обязанностяхъ царей и князей, поставивъ его еще болѣе рѣзко. Къ темъ онъ опять подходит по поводу искорененія ереси. Если принимать въ лоно церкви кающихся еретиковъ, разсуждаетъ Иосифъ, то они еще сильнѣе будутъ распространять ересь, такъ какъ ихъ покаяніе бываетъ часто ложнымъ, а за такою же результатъ отвѣтственность падаетъ на царей. Армянское, Египетское и Римское царства пали по небреженію тогдашнихъ православныхъ царей и святителей, которые будутъ за это осуждены «на страшномъ судницѣ Христовѣ». Для болѣе прочнаго обоснованія подобной отвѣтственности авторъ (параллельно ссылаясь на авторитетъ градскихъ законовъ) считаетъ полезнымъ опереться на авторитетъ двухъ византійскихъ императоровъ—Константина и Юстиніана. Первый яко-бы оставилъ обширныя завіты царямъ, князьямъ и судьямъ земскимъ, по которому всякій царь или князь, живущій въ небреженіи, нерадѣніи о подвластныхъ и небогачіея страха Вышняго, «слугу себѣ сатанѣ сотворяетъ». Цари и князи не должны предать стадо Христова на расхищеніе ивѣрять, т. е. иудеямъ, еллинамъ, еретикамъ, отступникамъ и всѣмъ невѣрующимъ. «Мы убо, гласитъ завітъ, невѣрующихъ ю св. и единосущную Троицу похваляемъ мечемъ пощичи, и богатство ихъ на расхищеніе предати... Тако же и намъ похваляемъ творити: бози бо еете и сынове Вышняго, блюдитежеся, да не будете сынове гнѣву, да не ижемете, яко челоуѣцы и во пса мѣсто сведени будете во адъ.» Далѣе, упоминая о томъ, что царей и князей «Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ», и что потому имъ необходимо имѣть «како тѣнѣ о благочестіи», завітъ пренодаетъ такое пришло: «скинетръ царствія пріимъ отъ Бога, блюди, како

дати стадо его отъ волковъ невредимо, и боитися серпа небеснаго и не дати воли азотворяющимъ челоуѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющимъ, скверные, глаголю, и азочестивые еретики». (Сб. Публ. Библи. Q XVII, № 61, л. 202 об.—203 об. Издеченія изъ этого посланія въ книгѣ II, Хрумова).

¹⁾ Это любовренительное посланіе, какъ называетъ его Иосифъ, направлено было противъ ивъръ, принятыхъ соборомъ 1504 г. Оно до насъ не дошло.

²⁾ Посланіе къ старцамъ о повинненіи соборному опредѣленію. Сб. Публ. Библи. F I, № 229. На тему этого посланія составлены три послѣднихъ слова Провѣдателя.

угодниши давшему ти того, и не токмо о себѣ отвѣтъ даси къ Богу, но иже ния зло творятъ, ты слово отдаши Богу, волю давь имъ. «Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ чело-вѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» ¹⁾).

Кромѣ ссылки на завітѣ царя Константина, Иосифъ приводитъ еще мѣсто изъ «церковныхъ книгъ, главы 60-й» Иустиниана о царяхъ и святителяхъ, «иже не прощипляють, ниже пекутся о сущихъ подѣ нимъ». По словамъ апостоловъ, «царь злочестивый, не брегѣтъ о сущихъ подѣ нимъ, не царь есть, но мучителъ; и еже епископъ золь сый, не брегѣтъ о стадѣ, не пастырѣ есть, но волкъ» ²⁾).

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ уже знакомую аргумен-тацію объ обязанностяхъ царей и князей. Но сущность царской власти явлется съ ними отгнаною. Цари оказываются не только слугами Божиими, избранными и посаженными на престолѣ Богомъ; они сами боги, подобные людямъ только естествомъ, властію же уподобляющіеся самому Богу. Это уже не теорія божественнаго происхожденія царской власти, а чистое обожествленіе личности царя. Некоторые намеки на эту тему встрѣчаются доползно рано въ русской письменности ³⁾. Но Иосифъ первый обстоятельно развилъ и обставилъ это ученіе. Важность этого обстоятельства ничуть не умаляется оттого, что Иосифъ позаимствовалъ эту теорію изъ ученія библейскихъ и отеческихъ. Будучи перенесена на русскую почву, она должна была принести и, конечно, принесла свои плоды ⁴⁾.

Охрана правотѣрія—альфа и омега всѣхъ сужденій Иосифа объ обязанностяхъ царя. Въ этомъ вся сила царской власти, все ея со-держаніе. Царь, уклонившійся отъ этой миссіи, перестаетъ быть царемъ, становится мучителемъ и слугою дьявола. Но онъ стано-вится такимъ передъ лицомъ Всевышняго въ земной-ли жизни, или

¹⁾ Просвѣтитель, слово 16-е, стр. 601—603.

²⁾ Тамъ же, 604. Далѣе приводятся мѣста изъ пророчествъ Исаіи XXXIV, гл. 10 и 11; III, 17 и 18 и изъ заповѣди епископамъ о храненіи церковныхъ правилъ. См. Р. И. В., VI, № 11.

³⁾ См. выше, глава II, стр. 41 и 42.

⁴⁾ *Новоструевъ* въ разборѣ книги Н. Хрушова говоритъ, что мѣсто «бози бо есте» и проч. взято Иосифомъ изъ Ефрема Сирина, по къ сожалѣнію не указываетъ откуда именно. Названіе царей богами (т. е. (?) наместниками Божиими на землѣ, по русской поговоркѣ: царь—земной богъ) ученіе и названіе библейское (Псал. 81, 6; елч. Іоанн. 10, 34). Авторъ рецензіи вообще утверждаетъ, что Иосифъ не являлъ никакихъ политическихъ изгидовъ, а иногда только раскрывалъ по ученію библіи значеніе и обязан-ности царей. См. отчетъ о двѣнадцати присужденіи награды графа Уварова, стр. 135—136 и 88.

на страшномъ судѣ, а не передъ людьми. Передъ ними онъ богъ; а судъ надъ земнымъ Богомъ не можетъ и не долженъ принадлежать людямъ.

Въ двухъ лишь случаяхъ Іосифъ коснулся разсматриваемаго вопроса по поводу общихъ обязанностей государственной власти. Въ четвертомъ посланіи объ эпитиміяхъ¹⁾ Іосифъ преподаетъ, какъ долженъ вести себя вельможа, которому нельзя ходить въ церковь «зазора для людского». Указавъ на обрядовую сторону поведенія, авторъ далѣе учитъ, что необходимо восхищенное не по правдѣ отдать, быть милостивымъ къ бѣднымъ и убогимъ и въ этотъ годъ «не двинути бы никого до крови, ни озлобити». Вслѣдъ за этимъ придется обычное ученіе о значеніи власти, съ указаніемъ общегражданскихъ обязанностей властителей о милости, о сохраненіи закона, суда, правды и проч.²⁾

Въ другой разъ объ общихъ обязанностяхъ правителя Іосифъ говоритъ въ посланіи къ Дмитровскому князю по специальному поводу о пропитаніи народа во время голода. Посланіе открывается извѣстными уже ученіемъ о божественномъ происхожденіи власти съ небольшими, впрочемъ, вариантамъ: здѣсь, въ призывеніи къ удѣльному князю и въ отличіи отъ значенія широкой власти, поставленіе на божескомъ престолѣ замѣнено поставленіемъ на отечествѣ и правленіе человеческого рода правленіемъ отечества³⁾. Далѣе авторъ ссылается на прикѣры инкантий-

¹⁾ Сб. Публ. Библ. Q XVII, № 41, т. 288—290 об., подъ заглавіемъ «О вельможахъ старца Іосифа». II. Хрущовъ, изд. соч., стр. 99, почему-то охарактеризовалъ это посланіе, какъ роспись днѣмъ постыямъ. Слѣд. Буланковъ правильно считаетъ эту статью четвертымъ посланіемъ объ эпитиміяхъ, случайно отдѣленнымъ отъ прочихъ.

²⁾ Это мѣсто, любопытное потому, что въ немъ трактуется объ общихъ обязанностяхъ правителей, нигдѣ, кажется, не напечатано, а потому приводится здѣсь цѣлкомъ: «заповѣдь и государей нашихъ Богъ избралъ въ свое мѣсто и на свой престолъ посадилъ есть, и милость и жгость въ рудѣ ихъ положи. Икоже пророкъ глаголетъ: ибо отъ Господа дана бысть вамъ власть и сила отъ Вышняго, и даныи власть Господь, тои истязаетъ дѣла и помысли, истязаетъ вскорѣ; и аще то сердце немилостиво покажетъ къ человеку, възже ради Христосъ кровь свою изливъ, скоро и страшно придетъ на того испытаніе и яроуть господни на немъ нелицьльна. Праведный-же царь или князь ангельскій и святительскій имать чинъ, аще сохранитъ законъ и судъ и правду, и не обвинитъ лица сильного на судѣ, ниже прииметъ мзды, ни уповасть на несправду, и на восхищеніе не желаетъ. Къ такимъ рече Господь: боги будете и смянове Вышняго вси: князя бо и суди и служители суть боги и нарицаются. Аще ли же онъ, то вѣсто чадъ божиихъ, чадо гнѣву нарекутся, пожеже судъ жестокъ бываетъ на великихъ. Меньшій убо прощень бываетъ и достоинъ пощиванію; спянии же крѣико истязаніи будутъ. Ниже сомнитя лица всѣхъ владыка, ниже срамляется величія, пожеже малаго и великаго сотворилъ есть (Богъ). Крѣикихъ же и сильныхъ крѣико истязаніе ждетъ».

³⁾ Тебѣ-бо государю, пишетъ Іосифъ, отъ Господа Бога дана бысть завѣдава и сила отъ Вышняго тебе бо Господь Богъ избра въ себе мѣсто

скихъ императоровъ и всѣхъ благочестивыхъ царей и князей, которые во время великой нужды отъ голода «великое попеченіе о снхъ имѣяху, яко да не измрутъ голодомъ сущіи подѣ ними ивцѣи и убоѣи чловѣцы». Тутъ-же указаны и мѣры, какія принимались противъ голода: раздача хлѣба изъ царскихъ житницъ, установленіе указной цѣны на хлѣбъ и заповѣди «на преставающихъ сіа»¹⁾.

За исключеніемъ этихъ двухъ мѣстъ, сочиненія Іосифа не содержатъ никакихъ указаній на общегражданскія обязанности правителей. И, конечно, не въ этомъ заключается сила его политическаго вліянія. Политическое значеніе Іосифа заключается въ горячей проповѣди о высотѣ сана государственной власти согласно апостольскимъ воззрѣніямъ, поскольку они выразились въ твореніяхъ отцовъ церкви, и въ прихлещеніи къ русской почвѣ началъ библейскаго теократизма, заимствованнаго также чрезъ посредство отеческой литературы. Сама по себѣ идея о государѣ, какъ намѣстникѣ Божіемъ и даже земномъ богѣ, должна была сильно импировать и на представителя власти, и на населеніе. Сравненіе русскаго государя съ благовѣрными царями и въ частности уподобленіе равноапостольному царю Константину конкретнымъ образомъ содѣйствовало усвоенію теократическихъ понятій, воплотившая новыя представленія о русскомъ православномъ царствѣ. Выходя съ этимъ, какъ ближайшій выводъ, успелось и понятіе о неограниченности власти, такъ какъ государь по Божію избранію получалъ всю полноту власти («милость и животъ положи у пась и мечъ лишняя Божія десница вручи намъ») и даже уподоблялся властью самому Богу («властію-же подобенъ вышнему Богу»). Соответственно этому намѣчался и характеръ отношеній населенія къ государю. За типъ этихъ отношеній былъ принятъ обрѣтъ иноческаго послушанія²⁾. Такъ еще митр. Алексій училъ мірскую чадь: «да будетъ отъ пась великъ скорѣ на послушаніе, а медленъ на глаголаніе»³⁾. Въ Златой Цѣпи XIV в. преподается слѣдующее правило

постави на твоемъ отечествѣ, милость и животъ положи у тебе; тебѣ-же православному государю, пріемшему отъ Вышняго повелѣнія правленіе своего отечества, не токмо о своихъ пещихъ и своего точию житія правити, но и все обладаемое отъ тревоженія спасати, и отъ мужа и скорби и отъ бѣдъ избавляти. Различіе между великимъ и удѣльнымъ князьями, по Іосифу, не ограничивалось, однако, только указанной, практически невыполнимой чертой.

¹⁾ Іосифъ подкрѣпляетъ это сѣдъ ссылкой: «яко же и нынѣ створи братъ твой, великій князь Вас. Пав. всея Русіи». Д. къ А. И., т. I, № 216.

²⁾ Въ 1377—1388 гг. константинопольскій патріархъ писалъ русскому князю объ иноческомъ житіи: «послушаніе бо есть, братія, всяко отсѣченіе своего хотѣнія, укрѣплену точию въ наставниковъ мановеніе, нематежно твореще» и проч. Р. И. В., VI, стр. 189.

³⁾ Приб. къ Твор. Св. Отц., годъ V, 1847 г., стр. 30.

послушанія: «предъ княземъ же паче бояся лжу глаголати, но съ покореніемъ истинно отвѣщай ему, аky къ самому Богу»¹⁾. Арх. новгородскій Геинадій уже констатируетъ, что московскіе государи «послушаніе уставляютъ паче многихъ добродѣтелей»²⁾. Послушаніе потому великая добродѣтель, что оно рождаетъ смиреніе; а дѣло смиренія великое дѣло: «вся созидаетъ, и грѣхи разоряетъ, и вся устѣпаетъ». Наоборотъ, непокорство называется неслѣпшиицъ, а преслушаніе всепагубныхъ, низводящихъ во адъ³⁾. Иосифъ Володкій не отступалъ отъ этихъ традицій. Нарисованный имъ образецъ отношеній представителей духовенства къ государю являлъ это подтверждаетъ. По поводу инцидента съ арх. Серапіономъ Иосифъ писалъ, что если кому-либо изъ святителей случится на соборѣ говорить съ царемъ или княземъ, то должно прежде умолиъ царя. «дабы повелѣлъ рещи». Если онъ позволитъ, то говорить съ кротостію и смиреніемъ. Когда-же царь и «на гнѣвъ съвратится на кого», тотъ долженъ съ кротостію и смиреніемъ и со слезами молить царя. «Сварится-же» съ государемъ никакъ нельзя, такъ какъ божественныя правила повелѣваютъ его почитать⁴⁾.

Иосифъ не ограничился указаннымъ теоретическимъ положеніемъ; онъ указалъ два практическія примѣненія его въ сферѣ современной политической жизни: соотвѣтственно своей теоріи онъ разрѣшалъ вопросы объ отношеніяхъ государя къ церкви и къ удѣльнымъ князьямъ.

При указанномъ характерѣ власти государя представители духовной власти должны были занять подчиненное положеніе. Такъ и въ дѣлѣ соблюденія чистоты вѣры первая и выдающаяся роль выпадаетъ на долю государя. Иосифъ нѣсколько разъ замѣчаетъ, что крохѣ государя некому искоренять еретическія лжеученія, что безъ его благочестивой ревности грозитъ гибель всему православному христіанству, что онъ «первый отмѣтитель Христу на еретики». Въ дѣлахъ церковнаго управленія высшая власть также принадлежитъ государю, ибо ему Богъ передалъ милость и судъ, «и церковное и монастырское», и всего православнаго христіанства власть и попеченіе. Отсюда получается выводъ, что «царскій судъ святительскій судомъ не посужается ни отъ кого»⁵⁾.

¹⁾ *Буслаевъ, Историч. христом.*, стр. 491.

²⁾ Р. Н. Б., т. VI, стр. 755.

³⁾ П. С. Д. IX, 244; Он. рик. Син. Вибл., отд. II, ч. 3, № 328, стр. 710.

⁴⁾ Сборн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, з. 228 об.—229.

⁵⁾ Сборн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, з. 227 и 231 об.

Доктрина теократического абсолютизма находитъ у Иосифа полное прижизненіе и въ отношеніяхъ великаго князя къ удѣльнымимъ. Московскій государь является въ глазахъ Иосифа не только обширнѣе государемъ удѣльному волоцкому князю Федору Борисовичу, архіепископу Серапіону и «всѣмъ намъ», но «вселя Русскія земли государемъ государь». Потому Иосифъ и преподаетъ удѣльнымъ князьямъ слѣдующее правило подчиненія общему государю: любить богодарованнаго царя всѣмъ сердцемъ, оказывать ему покореніе и послушаніе и работать ему по всей его волѣ и повелѣнію, «яко Господеви работающе, а не чловѣкомъ»¹⁾.

Въ общемъ итогѣ публицистической дѣятельности Иосифа совершенно меркнетъ его первоначальная политическая доктрина о служеніи лишь такой власти, которая въ состояніи выдержать критику ея общеправственнаго и религіознаго направленія. Его же проповѣдь теократическаго абсолютизма нашла весьма значительное число послѣдователей въ средѣ его ближайшихъ учениковъ и постриженниковъ. Самъ Иосифъ, такимъ образомъ, стоитъ во главѣ николаи и партіи, которую противники Иосифа прозвали его именемъ, характеризуя ее, какъ презлыхъ и прелуканыхъ мниховъ-іосифлянтъ.

Ближайшій ученикъ и послѣдователь Иосифа, Данилъ, преемникъ его по игуменству, а потомъ митрополитъ, является типическою личностью іерарха іосифлянина²⁾, старательно и послѣдовательно проводившаго завѣты своего учителя. Пользуясь особенныхъ благорасположеніемъ великаго князя еще со временъ своего игуменства, митр. Данилъ въ свою очередь оказалъ двѣ важныхъ политическихъ услуги своему благодѣтелю. Онъ помогъ ему отдѣлаться отъ «запазушнаго врага», удѣльнаго князя Шемячича, хотя эта услуга приобрѣла митрополиту репутацію нарушителя своего слова; онъ же устроилъ и дѣло о разводѣ великаго князя съ Соломоніей и повѣчалъ его на Еленѣ Глинской. При достиженіи своихъ цѣлей митр. Данилъ, какъ и Иосифъ, обращаетъ большее вниманіе на важность преслѣдуемыхъ задачъ, чѣмъ на выборъ средствъ, и не только въ сферѣ государственной, но даже и въ религіозной. Какъ Иосифъ рекомендовалъ употребленіе мѣръ «богопремудрнаго коварства», такъ и у Данила имѣется цѣлое ученіе о прехищеніи и коварствѣ Божіемъ, а въ отношеніи къ еретикамъ онъ допускалъ даже употребленіе пріемовъ, «отзышающихся на которыхъ

¹⁾ Пам. стар. русск. зпт. IV, 192—193. См. ниже, глава VI.

²⁾ Проф. Павловъ, Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 86.

езуитизмом»¹⁾. Весьма упорный и последовательный защитник и проводник основных интересов и целей своей школы, митр. Даниэль не выделялся строгой логикой своих теоретических воззрений как автор и в этом стоял ниже своего учителя. Замечена даже безвязность изложения некоторых из многочисленных его сочинений. В числе последних особое место «соборника» посвящено вопросу о значении власти под заглавием: «Яко подобает ко властям послушание имѣти и честь имъ воздати и еже на враги Божія». Когда и при каких обстоятельствах написано это слово, неизвестно²⁾. Но имѣя въ виду, что въ немъ рѣчь сводится на тему о преслѣдованіи еретиковъ, можно думать, что эта тема послужила также отправной точкой и для митр. Даниэла, который, вслѣдъ за Іосифомъ, училъ, что «подобаетъ приѣмши отъ Бога таковое служеніе³⁾, яко Божіимъ слугамъ, много попеченіе имѣти о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воля злотворящимъ человекомъ, ими же имя Божіе безчестуется». Самое ученіе о власти не отличается ни оригинальностью, ни глубиной, а ограничивается довольно общими и истинными въ то время положеніями. Власти въ «человѣческихъ сынахъ» устроены Богомъ въ многоразличныхъ попеченіяхъ его о человѣческомъ спасеніи «во отмищеніе злодѣхъ, въ похвалу же благотворящихъ», чтобы люди, если прервать страхъ Божій, испомнили бы страхъ властителейъ земныхъ, «да, боящися земныхъ начальствъ, не поглотають другъ друга, якоже рыбы»⁴⁾. Отсюда и выводится великая польза земныхъ начальствъ для человѣческаго рода, такъ какъ «много благодарѣствуютъ намъ владущи», служаще Богу, какъ слуги Божіи. Хотя изъ принудимыхъ авторомъ ссылокъ на священное писаніе явствуетъ⁵⁾, что почитаніе властей основывается не только на

¹⁾ В. Жмакина, Митр. Даниэль и его сочиненія, 315—352 и 404.

²⁾ Тамъ-же, стр. 407.

³⁾ Т. е. государственной власти. Нельзя принять мнѣніе г. Жмакина, что митр. Даниэль не опредѣляетъ, какую власть онъ разумѣетъ въ своемъ сочиненіи; тамъ-же, стр. 408 и слѣд. Въ слогѣ идетъ рѣчь о «человѣческомъ созданіи начальства», о царяхъ, князьяхъ и владикахъ, а потому и тѣ мѣста слова, гдѣ говорится о власти безъ ближайшаго поименія, слѣдуетъ понимать въ смысле власти свѣтской.

⁴⁾ Сб. Публ. Библ. F I, № 522, л. 231. Нѣсколько дальше послѣдняя фраза повторяется въ дословной копировкѣ Іосифа, но только приписана не І. Златоусту, а Вае. Великому: «на позову убо людемъ земное начальство постави отъ Бога, а не отъ дьявола, яко пѣци гнзголютъ, да болящия человекъ другъ друга якоже рыбы не поглотають, но законоуложеніемъ возпяцають иному человекомъ неправду». Тамъ-же, л. 238 (второй); ср. Провѣдатель, стр. 533.

⁵⁾ Эти ссылки указаны въ книгѣ г. Жмакина на стр. 410, прим. 2—4.

страхъ, но также на чести и совѣсти, но самъ авторъ отдаетъ преимущественное значеніе страху, говоря, что «страхъ вина бываетъ иажъ къ благому житію», такъ какъ власти въ исполненіе воли Бога добрыхъ благодѣтельницають, злыхъ-же страхомъ поддерживаютъ отъ душепагубныхъ дѣлъ; поэтому слѣдуетъ покоряться, а не противиться властямъ. Въ одномъ мѣстѣ указана и степень этой покорности, какъ и у Іосифа: подобаетъ «властелемъ повиноватися, яко не властелемъ, но Богови» ¹⁾. Такимъ положеніями собственно исчерпывается почти все ученіе о почитаніи властей. Дашнль дѣлаетъ изъ него выводъ, что и еретиковъ также слѣдуетъ спасать страхомъ, такъ какъ если осуждаются вѣры и разбойники, подлежатъ казни поправшіе и оплевавшіе образъ земнаго царя, то хулящіе и безчестующіе Господа должны сугубо испытать тѣ-же мѣры спасенія ²⁾.

Сила и господствующее положеніе іосифлянской партіи объясняются прежде всего тою ролью, какую сыгралъ волоколамскій монастырь, благодаря введенію Іосифомъ устава. Монастырскій уставъ сглаживалъ всѣ индивидуальныя черты подчиненныхъ ему монаховъ и вырабатывалъ средній типъ ученика, припаяннаго къ монастырю и къ памяти его преобразователя ³⁾. Отсюда тѣсная связь между всѣми членами этой школы. Вторая не менѣе важная услуга интересамъ партіи оказана митр. Даниломъ, который, благодаря занимаемому имъ положенію, проводилъ на всѣ высшія церковно-іерархическія должности людей своего направленія ⁴⁾. Распространенію-же іосифлянской доктрины въ сферѣ политической содѣйствовалъ близость ея съ тѣмъ выработанной теоріей о православно-русскомъ царствіи. Отсюда и вскрываются причины численнаго перевѣса въ публицистической литературѣ сторонниковъ теократическаго абсолютизма.

Нѣсколько оригинальныхъ выразителей его явился апопимный авторъ «похвальнаго слова великому князю Василию» ⁵⁾, ревностный последователь Іосифа и его школы ⁶⁾.

¹⁾ Сб. Публ. Вибл. F I, № 522, л. 238 (второй).

²⁾ Тамъ-же, л. 235, 249 об., 251 об.

³⁾ Объ этомъ см. въ книгѣ г. Жмакина, стр. 115—120.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 145 и слѣд.; ср. *примѣ.* *Иконничкова*, О культурномъ вліяніи Византии, стр. 420 и 457; *свѣд.* *Буликоса*, Преподобный Іосифъ Волоцкий, стр. 45—49; *Казанскаго*, въ *Прпб.* къ тв. св. отцовъ, V, стр. 243—246; *Лѣт. русск. литер.*, изд. Тихофанова, т. V, смѣсь, стр. 143.

⁵⁾ Сб. Публ. Вибл. изъ собр. Толст. Отд. 1, № 33, л. 1—14. Слово это почти сплозна вошло въ Степ. книгу, но разбито на двѣ части; первая оглавлена: Благодареніе и похвала о благодостномъ роженіи по неплотетвѣ сына, и проч., стр. 205—210; а вторая—Похвала вкратцѣ и проч., 211—212.

⁶⁾ Авторъ гов. объ Іосифѣ: «сега убо дѣла бесплотна чловѣка, аще и въ плоти суща» и проч.; съ большою похвалой онъ отзывается и о пострпженникѣ Іосифа, Кассьянѣ Восомъ, л. 6 об.

Слово написано по поводу рожденія у великаго князя перзаго сына и имѣеть цѣлью объяснить важность этого факта и охарактеризовать личность великаго князя какъ-бы въ противовѣсъ существовавшимъ обвиненіямъ его въ противозаконности втораго брака. Рассказавъ объ обетолтельствахъ крещенія младенца, авторъ отмѣчаетъ всеобщую радость по поводу этого событія и влагаеть въ уста «всего міра» слѣдующее успокоительное назиданіе. «Уже къ тому да не сѣтуемъ, уже къ тому да не стужаемъ Божіей славы, уже къ тому да не мятемя мыслию глаголя: кто вотомъ удержитъ хоругви русскаго царствія, кто да соблюдетъ православныхъ исполненіе, кто поборетъ на безумныхъ, кто да устанитъ языческое стремленіе, кто да посрамитъ еретическое гнилослово, кто да упраздитъ искошное въ отечествіи его любоврѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе», такъ какъ Богъ даровалъ царю Василію наследника его царству. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что всѣ съ дерзновеніемъ могутъ сказать: «уже да не вскоинтъ чуждїи посѣтителъ на стадо Христопо, да не сядетъ уже къ тому отъ иного племени на престолѣ русскаго царствія и да не презложитъ предѣловъ, иже устанлены суть отъ прежнихъ нашихъ государей православныхъ, но да будетъ якоже и выплѣ» и проч. ¹⁾. Эти слова показываютъ, какія тревожныя мысли волновали извѣстную часть русскаго общества въ виду отсутствія преемника у великаго князя, и какія опасенія возникли у нея съ предположеніемъ о прекращеніи династїи. Съ этой точки зрѣнія роль митр. Даміана въ дѣлѣ о разюдѣ вел. князя являетя великимъ патріотическимъ подвигомъ. Можно догадываться, что подъ «всѣмъ міромъ» здѣсь слѣдуетъ разумѣть по преимуществу іосифлянскую партію, такъ какъ у нея было больше всего поводовъ опасаться измѣненія въ ея интересахъ «установленныхъ предѣловъ». Кроме того, приведенныя слова указываютъ и нѣкоторыя изъ задачъ государственнаго управленія, неисполненіе которыхъ за отсутствіемъ преемника престола болѣе всего могло озабочивать именно іосифляны: таковы посрамленіе еретическаго гнилословия, т. е. преслѣдованіе еретиковъ, и искорженіе мятежнаго шатанія о благородствѣ, т. е. борьба съ удѣльскими завитками удѣльной старинны. Какъ-бы для объясненія того, почему нежелателенъ на престолѣ кто-либо отъ иного племени, авторъ касается родословнаго вопроса и замѣчаетъ: «се бо древо царскїи образъ имать, поуже высоко раслено бѣ и цвѣты его бѣлы»...; и затѣмъ опредѣляетъ высоту царскаго достоинства согласно ученію Іосифа, какъ бы желая

¹⁾ Тамъ-же, т. 9 об. и 12; Ст. вл., II, 309.

показать, что на такую высоту подобает взойти только отрасли царскаго древа ¹⁾). Авторъ говоритъ, что «естествомъ убо тѣлесныхъ равенъ человекомъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, иже надо всѣмъ; не имать бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступимъ есть человекъ высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «поспѣшенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да приспѣвають убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссии царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого-же помощи, царь же отъ единого Бога» ²⁾).

Приведенная вслѣдъ за этимъ похвала великому князю указываетъ, насколько онъ, по мнѣнію автора, отличаетъ требованія доктрины. Василия Ивановича авторъ называетъ «русскимъ бѣлымъ царемъ, самодержцемъ всея Руси», славнымъ и благороднымъ, происходящимъ отъ славнаго и благороднаго бѣлаго русскаго царя и богомудрой матери римлянины «также отъ корени царска». Отсюда авторъ выводитъ, что Василий III есть «царемъ царь истовый», всему народу «о благочестіи твердый поборникъ», а патріархамъ и освященному собору «благоразумный согласникъ», заботящійся объ утвержденіи правды въ людяхъ и отгоняющій крѣпко потоки беззаконія, «да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ безчестія» ³⁾).

Изъ числа послѣдователей Иосифа слѣдуетъ еще упомянуть новгородскаго архіепископа *Теодосія*. Въ своихъ посланіяхъ къ великому князю и царю, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ

¹⁾ Нѣсколько раньше авторъ рассказываетъ, что дальніе шюки, отшельники и возные подвижники пришли поклониться младенцу и сказали, между прочимъ, вез. князю: «убо спасъ тя есть Богъ помазаннаго своего и пріготови съветъ отъ челствъ своихъ на престолѣ твоемъ». Ст. кн., II, 210.

²⁾ Указанный сборн., гл. 13 и слѣд.; Степ. кн., II, стр. 212. Нѣкоторые мѣста этого похвальнаго слова оказываются дословно заимствованными неизвестнымъ авторомъ изъ наказательныхъ главизнъ царя Василия сыну Льву, весьма распространенныхъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI и даже XV в. См. напр. Сборн. Савва-Сторожевскаго монастыря № 5 (копія съ котораго авторъ имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности С. Ф. Платова) в Сб. Публичн. Библ. Q I, № 225, гл. 414, главы 49 и 66. Ср. Хр. *Летописца*, О чинѣ вѣщанія русскихъ царей, Ж. М. Н. Пр. 1887, октябрь, стр. 318. Въ XV в. была извѣстенъ и переводъ источника «наказательныхъ главизнъ», имело главъ дьякона Агапита, представленнаго импер. Юстиніану, подъ заглавіемъ: «поученіе благаго царства сеже и къ бояромъ, и къ епископомъ и къ пугаюмъ, зѣло есть и червьцею». Чести всякія превыше имѣяи самъ царю. Чести паче всего сему ты сподобившаго Бога» и проч. Оп. ркп. Синод. Библ., отд. II, т. 2, № 202, стр. 622 Этими-же источниками пользовались и другіе русскіе публицисты, какъ это будетъ видно ниже.

³⁾ Сб., гл. 2 и 13 об.; Ст. кн., II, 212.

не разъ возвращается къ темъ о высотъ царскаго сана. Такъ въ посланіи о прекращеніи въ Новгородѣ различныхъ безчинствъ Θεодосіи ссылается на то, что «государю, по подобію небесныя власти, даль есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы», чтобы научить людей хранить правду и отгонять «еже на ны бѣсовское желаніе». Какъ корячій всегда бодрствуетъ, такъ и царскій умъ долженъ твердо сдерживать правила добраго закона, «псзусная крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія». Это только возможно для государя, такъ какъ, указываетъ Θεодосіи великому князю, «царское твое остроуміе большу имать веіхъ силу изряднѣ управити благое твое царствіе, и страшенъ будени сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обратиши, но на благочестіе». По сколько царь «сплюю превышныи чѣхъ» есть, постольку онъ обязанъ отличаться дѣлами ¹⁾. Въ другой разъ, благословляя великаго князя предпринять походъ противъ Казани, Θεодосіи высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: «вапризи, и спѣи, и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наставитъ чюдно десница твоя престолъ твой правдою и кротостію и судомъ истиннымъ спершено есть, и жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона» и проч., и на слѣдъ за этимъ приводитъ извѣстное мѣсто о поставленіи царей ²⁾.

Но безспорно самое выдающееся мѣсто по своему значенію въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митр. Макарій. Не отличаясь энергіей Іосифа и будучи болѣе остороженъ въ выборѣ средствъ, чѣмъ митр. Даниилъ, онъ обладалъ, однако, необходимой дозою такта, чтобы удержаться на каюдерѣ въ смутные годы боярской олигархіи. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ и вѣроятно искоркѣ послѣ назначенія своего туда, Макарій заявилъ себя строгимъ послѣдователемъ политическихъ воззрѣній Іосифа. Въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу объ учрежденіи общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ онъ дословно повторилъ слова Іосифа изъ посланія къ тому же князю о значеніи и обязанностяхъ царя, также уудобивъ его равноапостольному царю Константину ³⁾. Ивану Грозному митр. Макарій также не разъ ука-

¹⁾ Д. къ А. И., т. I, № 41.

²⁾ «Азъ воздвигахъ тя съ правдою царя, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушають тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери и проч. Тамъ-же, № 37, II.

³⁾ Д. къ А. И., т. I, № 28. Ср. прим. 3 на стр. 97 и слѣд. Арх. Макарія, какъ видно изъ сравненія, за самыми незначительными замѣнами въ первой части своего посланія переписалъ первую половину посланія Іосифа. Значить послѣдователи Іосифа видѣли подъ руками сочиненія своего учителя.

зывать на высоту его сана и лежащих на немъ обязанностей согласно съ духомъ Юсифлянской доктрины¹⁾.

При немъ теорія православнаго царства завершилась принятіемъ царскаго титула Иваномъ IV. По рукописнымъ извѣстіямъ молодой государь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ, потомъ митрополитъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ бояръ, въ томъ числѣ опальныхъ, и всѣ они вѣстѣ отправились къ великому князю. На этомъ совѣщаніи было рѣшено принятіе царскаго титула²⁾. Кому первому принадлежитъ инициатива этого дѣла: молодому великому князю или кому-либо изъ болѣе опытныхъ приближенныхъ? Въ числѣ послѣднихъ на это болѣе всего былъ способенъ митр. Макарій.

Къ предстоящему обряду иницианія надлежало изготолить «чинъ». Подобный чинъ уже былъ составленъ раньше, при иницианіи внука Ивана III—Димитрія; но имъ на этотъ разъ не воспользовались, а, взявъ его за образецъ, значительно распространили³⁾. Весьма важной особенностью новаго чина явилось обстоятельное поученіе митрополита нововыбранному царю. Какъ переработка чина, такъ и составленіе поученія, вѣроятно все, принадлежать митр. Макарію. Недавно указано, что средняя часть этого поученія цѣлкомъ заимствована изъ византийскаго источника, именно изъ поученія императора Василия сыну Льву⁴⁾. Въ первой-же части поученія находится мѣсто, гдѣ говорится о высотѣ царскаго достоинства, и которое цѣлкомъ заимствовано изъ посланія Юсифа Волоцкаго къ вел. князю Василию объ искорененіи ереси⁵⁾. Этимъ

¹⁾ Такъ въ извѣстномъ посланіи Грозному во время похода подъ Казань митр. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы на благочестивомъ царѣ сбылось пророческое слово—«азъ воздвигахъ тя съ правдою царя и проч.; «се твердое и крѣпкое и честное царство, пишетъ митрополитъ; да дастъ Господь въ руки твои и сыновъ твоихъ въ родѣ и родѣ и въ вѣки». Никон. Лѣт. VII, 137; Царств. кн., стр. 245. Главной обязанностью царствующаго митр. Макарія также полагается охрану благочестія. Онъ поучаетъ Грознаго: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упованіе положить, подвизатися на благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству... да не расхититъ безбожиии воцѣи порученныхъ тебѣ овецъ; или въ другой разъ онъ пишетъ царю: подобаетъ «подвизатися вамъ за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона, иже во неси поднебесной, яко же солнце сіяше православіе во области и державѣ вашего царскаго отечества и дѣдства и прадѣдства». Никон. Лѣт. VII, 74 и 132; Царств. кн., стр. 163 и 239; А. И. т. I, № 160.

²⁾ Царств. кн., стр. 126—129.

³⁾ Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія изданъ въ С. Г. и Д. II, стр. 27—29; Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. III, прил., стр. 3—16 (по 2-му списку), и *Е. Барсовъ* въ статьѣ: Древнерусскіе памятники иницианія царей на царство, Чт. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. I, стр. 32—39.

⁴⁾ *Хр. Лопаревъ*, О чинѣ иницианія русскихъ царей. Ж. М. Н. Пр. 1887, окт., стр. 312—319.

⁵⁾ ... «Глаголетъ-бо Господь пророкомъ: «азъ воздвигахъ тя съ правдою

посланиемъ воспользовался уже разъ митр. Макарій, будучи новгородскимъ архіепископомъ. Теперь онъ воспользовался имъ вторично, ввезя указанное мѣсто въ поученіе по чину вѣщанія и этимъ придавъ официальный характеръ доктринѣ теократическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣщанія, а особенно поученіе сохранились очень долгое время безъ всякихъ измѣненій¹⁾.

Какое широкое распространеніе среди православнаго духовенства получили эти усвоенныя русскою письменностью ветхозавѣтныя и византийскаго доктрины, можно видѣть хотя-бы изъ того, что онѣ дословно-повторяются даже въ челобитной Львовскаго Братства царю Федору Ивановичу 1592 г., написанной рукою Терювскаго митр. Дионисія²⁾.

Въ ряду писателей Юсифлянскаго направленія нѣсколько обособленное положеніе занимаетъ инокъ Отенской новгородской пустыни Зиновій (†1558). Сначала онъ былъ ученикомъ Максима Грека и почитателемъ и за то пострадалъ изъ-за сего учителя,

и князя), и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго; васъ бо Господь Богъ къ себе мѣсто избра на землѣ, и на свой престолъ вазель посади, милость и живость положи у васъ, и проч., кончая словами: «не давати воля злоторящимъ человекомъ ниже душу съ тѣломъ погубляющимъ». Д. къ А. И., т. I, № 39, стр. 49; *E. Larsson*, назв. соч., стр. 57—58. Ср. выше, прим. 3 на стр. 97 и слѣд.

¹⁾ См. чинъ вѣщанія Фед. Ив., С. Г. и Д., II, стр. 80 и слѣд.; Гориса Годунова, Д. къ А. И. ч. I, стр. 245; Мих. Фед., С. Г. и Д. III, стр. 32. Только по чину поставленія на великое княженіе, напечатанному въ Вильно, соответственное мѣсто поученія дополнено любопытными вставками, направленными противъ нечестивыхъ царей, а именно послѣ словъ «яко слуга Божій есте» слѣдуетъ: «почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите и алатя ради погубляете истину»; послѣ словъ «правленіе челоувѣческаго рода» добавлено: «всякъ бо правдивый князь англескій и священническій имать чинъ, а насидя несправедно на слуги, самъ себе (слугу) сатанѣ сотворяетъ... Сего ради страшна и сильна идетъ на мѣхъ погибель, яко гнѣвъ отъ Господа приидеть, сильнѣи бо сильнѣе отъ Бога испытаны будутъ». Вивл. VII, стр. 22 и слѣд. Слова эти также могли быть повліяствованы у Юсифа. См. выше, стр. 95 и прим. 2 на стр. 100. Сомнительно, однако, чтобы подобныя слова произносились во время вѣщанія. Скорѣе можно думать, что ихъ вставлялъ въ чинъ вѣщанія какой-то недовольный современными порядками «писатель».

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 34 I. Братство повторяетъ здѣсь указанное мѣсто изъ поученія царя Василия сыну Льву и изъ посланія Юсифа Волоцкаго. Въ челобитной говорится: «чести всяка я превыше и мя—достоиніе царю; почиташа бо паче всѣхъ сіе тебѣ даровавшаго Бога, яко и по добію и небеснаго царствія даде тебѣ скипетръ земнаго влаети-тельства, да якоже небесный царь Богъ на небеси, сицѣ и ты тихообразнѣ человекъ инаущи на землѣ и учини сицѣ бжюсти праведная многобдръствующиимъ умнѣмъ царскимъ твоимъ окомъ, крѣпко управляи ихъ на благая пожити. Неприкосновенъ бо еси человекомъ высоты ради дальнаго царствія, благопріступенъ-же молчалимъ бываеши воспріятія ради горнаго». И немногое ниже повторяется павѣстное мѣсто Юсифа о высотѣ царскаго сана: «Существомъ убо тѣлесю равенъ еси человекомъ, о! царю, достоиніемъ-же превосходиши вселескы».

будучи сосланъ въ заточеніе въ Отенскій монастырь. Здѣсь онъ написалъ два обширныхъ сочиненія въ опроверженіе ереси Θεοδοσία Косого ¹⁾ и въ этихъ сочиненіяхъ значительно отступилъ отъ направленія Максима Грека, сблизился съ школой Іосифа Володскаго и даже пользовался «Просвѣтителемъ» Іосифа. Между прочимъ онъ защищалъ современное монашество и потчанный быть монастырей, спорилъ съ своимъ учителемъ и упрекнулъ инока Вассіана за образъ его жизни ²⁾.

Въ своихъ выраженіяхъ послѣдователямъ Косого Зиновій касался и вопроса объ установленіи властей, такъ-какъ Косой утверждалъ, что всякія власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться явленіями разпращеннаго человѣческаго преданія ³⁾. Въ опроверженіе этого ученія Зиновій старается указать основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія на основаніи евангелія и апостольскаго ученія. При этомъ онъ ссылается на повелѣніе Христа поздравать «царевя царьни» и на извѣстное наставленіе апостола Павла о повиновеніи властямъ ⁴⁾. Кроме того, въ выпискѣ изъ бесѣды І. Златоустаго къ Антиохійскому народу по поводу сверженія императорскихъ статуя Зиновій привелъ и слова его о царской власти: «царь бо есть верхъ и глава иже на земли человекомъ всѣмъ». ⁵⁾

Въ другомъ мѣстѣ, доказывая авторитетность Божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя. «Царень глаголь, говоритъ онъ, яко въ же будетъ, негліпо мнѣти прайдентъ». Хотя царь и человекъ, какъ и всѣ люди, «царствія же достояніе и мунца точію», но люди не должны считать празднымъ его слово. «Колико же разиствуеть Богъ, восклицаетъ авторъ, отъ человека царя?!» ⁶⁾ Нельзя, однако, выводить отсюда, что Зиновій не раздѣлялъ взглядовъ Іосифа на высоту царскаго сана. Признаніе въ царѣ человѣческаго естества встрѣчается и у Іосифа. Но царское достояніе и по Зиновію выдѣляло человека-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній.

¹⁾ Истинны показаніе къ выпросившимъ о новомъ ученіи, изд. ред. Прав Соб. Каз. 1863 г., и «Посланіе Многоглаголюе», изд. Ам. Повонимъ въ Чт. Общ. Ист. и древн. 1880 г. кн. 2, и отдѣльно.

²⁾ *И. Знамскій*, Руководство къ русск. церк. исторіи, Каз. 1886 г. стр. 155—156; Истинны показаніе, стр. 887—901; *Фларемъ (Гумилевскій)*, Обз. русск. дух. ант., изд. 3, стр. 158.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, глава VII.

⁴⁾ Къ римл. VIII, 1—8; Посланіе многоглаголюе, стр. 220 и слѣд. и 285.

⁵⁾ Посланіе многоглаголюе, стр. 184.

Защитая отъ нападокъ Косого почитаніе иконъ, Зиновій про-
водитъ на основаніи византійскихъ источниковъ любопытную парал-
лель почитанія царскихъ статуій и портретовъ или, какъ онъ вы-
ражался, царскихъ иконъ ¹⁾. Онъ рассказываетъ, что когда вно-
сятся въ города царскій образъ, то не только простые земледѣльцы
и ремесленники, но и воины, городскіе старѣйшины, честиѣйшіе
сановники, воеводы и епископы встрѣчаютъ его съ великою честью
и поклоняются царскому образу какъ самому царю, такъ-какъ «есть
образъ царевъ честиѣйши всего епископта его, и вое-
водъ и енархъ, и патрикиенъ, вси бо тѣи поклоняются образу
цареву и многою честью изъ усрѣтеніе его, яко и самого царя, и
тѣмъ показующе поношеніе къ царю и возлюбленіе свое къ нему» ²⁾.
Зиновій оправдываетъ такое почитаніе царскихъ изображеній ссыл-
кой на то, что «сей почести царскихъ образовъ нѣсть видѣти отъ
отецъ негодопанія, ниже отъ апостолъ, ни отъ самого Господа»,
который училъ почитать кесарю кесареву; почитаніемъ царевой
иконы показывается «благочіе и покореніе къ царю и пріятели-
ство». Если же граждане презрять образъ царевъ и не воздадутъ
ему достойной чести, то «самого царя въ иконѣ его преобидяху и
на ярость его раздражаху». Въ подтвержденіе этого авторъ
приводитъ случаи, имѣвшіе мѣсто при царѣ Θεодосіи изъ Антио-
хіи, гдѣ хульники свергли изображенія царей ³⁾.

Наибольшій интересъ и оригинальность представляютъ, однако,
тѣ мѣста сочиненій Зиновія, гдѣ онъ оспариваетъ мысль Косого,
что земныя власти являются учрежденіями развращеннаго человѣ-
ческаго преданія. Косой ссылался въ подтвержденіе на постиче-
скую книгу Василія Великаго. Авторитетомъ этого послѣдняго
пользуется и Зиновій для опроверженія мнѣнія Косого. Сославшись
на слова Василія В. о томъ, что въ небытность царя во Израилѣ
каждый творилъ «справа предъ очима своимъ», Зиновій коммен-
тируетъ ихъ такъ: «рече не согласіе воспоминають безцарныхъ лю-
дей и мятежъ бывающій въ нихъ, занеже не имати владыки имъ,
коемуждо человѣку творящу по очима своимъ», т. е. по собствен-
ному усмотрѣнію. Отъ этого происходитъ, говоритъ Зиновій, всякое

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 310: «царю егда на царскій преставъ возведшу и царскимъ зѣнцемъ ему увячену, образъ подобенъ ему хитрецы сотворяють, рекше икону его».

²⁾ Нѣсколько дальше снова повторяется та же мысль: «яко чловѣка царя образъ честиѣйши всѣхъ превьсокихъ сановъ сущиць у него». Тамъ же, стр. 233—234.

³⁾ Тамъ-же, стр. 311 и слѣд. О почитаніи царскихъ изображеній гово-
рилъ и Іосифъ: «Аще убо кто обезчеститъ образъ царевъ, главною казнію
мучителъ». Просвѣтитель, стр. 319.

нестроеніе и мятежь и разрушеніе земель и царствія, а не отъ согласія, «еже ко устроенію и во общую пользу и крѣпость», отъ чего во всѣхъ царствяхъ бываетъ покой, тишина и наслажденіе благой жизнью ¹⁾). Далѣе Зиновій приводитъ подлинныя слова Василия В., утверждавшаго, что благочиніе и согласіе происходятъ отъ признанія всѣмъ одного представителя власти, тогда какъ раздоръ и несогласія происходятъ отъ безначальства или многоначальства ²⁾). Зиновій поясняетъ, что въ жизни до тѣхъ поръ соблюдаются порядокъ и миръ, пока «добрі: покоряются: иже въ дому господину, въ пути предводящему, во области князю, въ царствіи царю»; что единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе—зло и пакостно; что пока всѣ влѣстї: взирають и покоряются единому началу, до тѣхъ поръ все идетъ хорошо, «не сущу прекословію и распрѣшю»; когда же проникнетъ прекословіе, то тутъ-же появится и распря, а гдѣ распря—тутъ и непокореніе, а гдѣ непокореніе—тамъ «отъ начальствующаго отложеніе есть» и т. д. Призвѣніемъ такого рода выводы къ ученію Косого, Зиновій жестоко укоряетъ его и его послѣдователей за ихъ политическій и общественный ингилизмъ: вы возикоситесь, говоритъ онъ, на всѣхъ властей, учившихъ Богомъ, не любите Богомъ поставленныхъ царскихъ и святительскихъ чиновачальниковъ, не желаете быть во власти господъ и получать наставленія отъ духовныхъ пастырей и учителей, «лукаві: глаголюще и безбожнѣ, яко нѣсть трыбы быти начальствомъ въ христіанствѣ!». Скажите-же, для чего избѣгаете «начальникъ владычества», какъ не для того, чтобы свободно творить всякую злобу и предуготовлять своимъ ученіемъ путь антихристу, «не имуще надстоящихъ и зрящихъ лукавая дѣлїя ваша и безбожная словеса, да въ вселѣнїи воли своей все зло сдѣаете» ³⁾).

Смыслъ этого заключенія сводится къ тому, что предстояща власти должны воспрещать лукавыя дѣла и безбожныя словеса путемъ примѣненія наказанїи къ злоторжцямъ.

Карающая роль власти особенно выдвигается древне-рускими публицистами, хотя часто приводимое въ ихъ сочиненїяхъ апостольское наставленіе о почитанїи властей учить покоряться властямъ не

¹⁾ Истинны показанїе, стр. 575 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 585: «... множества благочинїе и согласїе дотоѣ неправлємо, донелѣже къ единому нѣкоему начальнику держится общее всѣхъ благопокоренїе; всяко же несогласїе и разстоянїе на многоначальство отъ безначальства сѣтворяемо». Тамъ-же, стр. 589: «аще бо иже къ единому (мнѣнїю) блюждущимъ (и) царя прїемлющимъ единого свойственно есть благочинїе съ согласїемъ; убо несогласїе всяко и разстоянїе знаменїе есть безначальства».

³⁾ Посланїе многословное, стр. 281.

только за страх, но и за совесть. Иосифъ волоцкий, митр. Данилъ и ихъ послѣдователи придаютъ исключительное значеніе страху наказанія въ дѣлѣ устроенія мира и порядка не только въ государствѣ, но и въ сферѣ церкви. Къ этому-же сводится и смыслъ комментаріевъ Зноніа.

Очень рельефно выражена эта теорія устрашенія и невѣстными авторомъ «слова св. отца, какъ христіаномъ жити». Въ словѣ, отъ имени св. отца, преподается градскимъ властямъ повелѣніе—творящихъ зло «въ конечныя влагати муки, градскимъ казнити закономъ, а не щадити злыхъ, да се накажутъ и останутъ дѣяти злая.» Опраданіемъ такого повелѣнія служить, по мнѣнію автора слова, основное назначеніе великой власти: «властели бо отъ Бога устроени, по указанію слова, человекъ ради не творящихъ закона Божія, да страхъ видѣвъши казни и Бога убоятся»¹⁾. Подобное-же мировоззрѣніе лежитъ и въ основѣ взгляда всей іосифлянской школы о преслѣдованіи и казни еретиковъ. Карающій мечъ является главнѣйшимъ атрибутомъ государственной власти.

Но іосифлянская политическая доктрина нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ²⁾.

Исторія этихъ отношеній въ древней Руси характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному даже въ періодъ подчиненія русской церкви константинопольскому патриарху. Тѣмъ большая степень подчиненія наблюдается при постепенномъ возрастаніи политическаго авторитета и все болѣе усиливающемся влѣятели: его въ дѣла церковнаго управленія, особенно въ дѣло избранія высшаго представителя духовной іерархіи.

Экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства является главнѣйшей причиной такого склада отношеній. Культурныя традиціи Византіи лишь способствовали окончательному опредѣленію въ указанномъ смыслѣ развивающихся отношеній, такъ какъ и въ Византіи церковный авторитетъ находился въ подчиненіи императорской власти, не смотря на теоретическія попытки поставить его въ равноправное и даже преимущественное положеніе.

¹⁾ Правосл. Соб. 1850 г., № 4, стр. 473—477.

²⁾ На нѣтъ возможности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, автора считаетъ необходимымъ отнѣсти лишь нѣкоторыя черты изъ отношеній между церковью и государствомъ въ древней Руси.

Для опредѣленія отношеній русской митрополіи къ княжеской власти прежде всего могли послужить соответственныя нормы византийскаго права. Заимствуя изъ Византіи сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій, представители русскаго духовенства довольно рано стали руководствоваться и повелѣніемъ императора Юстиніана о священствѣ и царствѣ, которая вошла въ помянутыя Іоанна Схоластика, откуда и перешла въ наши кормчія подъ заглавіемъ: «Заповѣдь первая отъ новыхъ заповѣдей Юстиніана царя». Устанавливая этою заповѣдью раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ специальнымъ указаніемъ, что ничто такъ не способствуетъ царству, «яко же святительская честь»,—вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. ¹⁾ Заповѣдь царя Юстиніана получила широкое распространеніе въ русской письменности и не только вошла въ кормчія; на нее въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ ссылаются и публицисты-книжники; она записана и въ Стоглавѣ. ²⁾

Но при неопредѣленности правилъ заповѣди ихъ можно было толковать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такъ русскій шнокъ Акиндинъ въ посланіи къ великому князю тверскому объ исправленіи еретическаго обычая (поставленія на мздѣ) ссылается на эту заповѣдь: ³⁾ Но эта ссылка имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, чтобъ оправдать внимательство князя въ церковный споръ: «такъ да будетъ тѣ а и і е н т е б ѣ, державный боголюбче, говорить авторъ посланія, еже святитель чистота и къ Богу дерзновеніе». Поэтому онъ указываетъ князю, что «повелѣно и ему не молчати о семъ святителемъ своимъ» и даже пишетъ: «или речени, господине, кривымъ извѣдомъ: сами ся управятъ, како хотятъ, а язъ въ се не вступлюся.» Но такую уклончивость авторъ сѣшнѣе отразить замѣчаніемъ:

¹⁾ Заповѣдь Юстиніана читается такъ: «Великая паче иныхъ, иже въ челоуѣцехъ еста дара божія, отъ вышняго дарована челоуѣколюбіа божія, священничество-же и царство: ово убо божественнымъ служба, сеже челоуѣческими владѣнъ и пекіиася. Отъ единого же и того же начала обоа происходять, челоуѣческое украшающе житіе. Яко же ничто же тако бываеътъ поспѣшное царству сего ради, якоже святительская честь о обонхъ самѣхъ тѣхъ прясно вси Богови молатся. Аще бо они непорочны: будутъ во всемъ и къ Богу имуть дерзновеніе и праведно и подобно украшати начнутъ преданныя имъ грады и сущая подъ няжи, будетъ согласіе нѣкое благо, все еже добро челоуѣчестіи даруя живви. Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ бдѣніе сохранитя.» *Роскиамифъ*, Обозрѣніе кормчей, изд. 2, прил. VIII, стр. 23.

²⁾ Глава 62, стр. 279 по изд. Каз. Дух. Акад.
«Святительство бо и царство, пишеть онъ, съединеніемъ и безъ порока законныя уставы твердо и неподвижно доажни суть держати и творити: ово-бо божественнымъ служба, ово же челоуѣческими обладая; единымъ же началомъ вѣры и закономъ обоа происходя, челоуѣческое украшаеътъ житіе.»

«царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязалъ и мѣши быти на страшииѣхъ судищи Христовѣ, аще смолчпши митрополиту»¹⁾. Итакъ нахѣрене князя уклониться отъ вѣдшательства въ церковныя дѣла чисто догматическаго свойства инокъ Акиндинъ называетъ кривымъ извѣтомъ и грозитъ отвѣтственностью за такое попустительство.

Иосифъ возонкій, желая доказать право государя казнить еретиковъ, ссылается на ту же заповѣдь,²⁾ чтобы вывести изъ нея для «пріемшаго праніеи челоуѣческаго рода», т. е. государя, обязанность «все обладаемое отъ тременіи спасти и многогрѣховнаго смятенія».

Съ другой стороны Максимъ Грекъ, возиравшая нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ къ тому же вопросу объ отношеніи властей, хотя и истолковывалъ заповѣдь Юстиніана въ смыслѣ согласнаго дѣйствія обоихъ авторитетовъ, но въ то-же время открывалъ широкій путь для вѣдшательства церковнаго авторитета въ государственную жизнь, ибо направлялъ на лучшее царскіе скипетры совѣтами премудрѣйшими, согласно толкованію Максима Грека³⁾, считали своею обязанностью и представители духовной власти, и въ этомъ отношеніи нельзя было указать предѣла ихъ вѣдшательству въ «устроеніе пещей подручныхъ.»

Итакъ соупѣстная дѣятельность двухъ началъ не только могла дать каждому изъ нихъ поводъ къ вѣдшательству въ сферу компетенціи другаго, но и привести къ преобладанію одного надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣятельной жизни.

Среди духовенства довольно рано наблюдается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вѣдшательства органовъ государственной власти. Представляется особенно любопытнымъ, что указанное стремленіе проявляется прежде всего

¹⁾ Р. И. Б., VI, № 16, II.

²⁾ Провѣтитель, глава 13, стр. 536: «также глаголетъ Св. Григоріе Акропакскій въ своихъ правилныхъ заповѣданихъ: велие убо есть въ челоуѣцѣхъ зарваніе божіе свыше данно челоуѣколюбне—священничество-же и царство: ово убо божественныхъ служя, овоже челоуѣческими обладаи некілся».

³⁾ Вотъ его толкованіе: «священство и царство—два величайшихъ блага—дарованы челоуѣкомъ отъ вышнихъ божественная благости: ово бо молитвами преподобными и чистыхъ рукъ воздѣланіемъ, умоляющаи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніяхъ, милосерда и удобъ примиряема съ нами сотворяетъ его; ово-же совѣты премудрѣйшии и вселескими устроеніи и смотрѣніи, владычески купно и отеческии промышляющаи о подручныхъ, не правяетъ всегда царскія скипетры на лучшее. Велие убо и востину блага и обои, егда сама та къ себѣ благоувно другъ къ другу согласуета и къ славоу Вышнему благопокорно прижежата, соблюдающе твердѣи спасительныя заповѣди его и оправданія, и по нихъ отеческии купнѣи и владыческии рещи подручныхъ устроюще.» Сочиненія, ч. II, стр. 162—163; см. также стр. 241—297.

относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собой дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи¹⁾.

Это тѣмъ болѣе любопытно, что ничего подобнаго не замѣчается въ такихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла чисто церковнаго характера, напр., въ дѣла о поставленіи на церковно-іерархическія должности. Княжескія правительства успели себѣ въ этой сферѣ довольно значительную степень вліянія, и представители церкви не возражали противъ такой практики довольно долгое время.

Въ противность каноническимъ правиламъ князья присвоили право не только избирать кандидатовъ на епископскую кафедру, но и удалять негодныхъ изъ епископовъ²⁾. Этого мало. Княжескія правительства пріобрѣтаютъ серьезное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Кромѣ митрополитовъ Иларіона и Климента, поставленныхъ на Руси соборомъ епископовъ по приказанію князей, нѣкоторые изъ митрополитовъ поставляются въ Константинополѣ по указанію и просьбѣ изъ Руси. Московскій-же великій князь проявляетъ значительную долю энергіи въ проведеніе своихъ кандидатовъ, какъ это имѣло мѣсто послѣ смерти митр. Алексея.

Когда-же русская церковь, вопреки волѣ константинопольскаго патріарха, получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства, а государь всея Руси, по традиціямъ византийской императорской власти явился въ новой роли «царя православію», то преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было вполне упрочено: митрополитъ московскій и всея Руси становится въ подчиненное положеніе отъ государя всея Руси.

¹⁾ Кромѣ церковныхъ уставовъ и другихъ имущественныхъ привилегій, смотр. объ этомъ: грамоты патріарховъ Германа 1228 г. и Нила 1382 г., Р. И. В., VI, стр. 82—84; № 23, стр. 203; посланіе владимірскаго епископа XIII в., такъ же, № 9; *Макарій*, Ист. церкви, V, стр. 391—393. Правильно соблюдающихъ церкви божья и священныя власти ихъ, Р. И. В., VI, № 15; Повг. Синод. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 451—452. На это грозное правило ссылались въ своихъ посланіяхъ митр. Филиппъ, архіеп. повгород. Ресниадія, Иосифъ Волоцкій и старецъ Филофей Псковскаго Елеазарова монастыря, Р. И. В., VI, стр. 720 и 757; Собрн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 234; Ж. М. И. Пр. 1882 г., Іюнь, стр. 212—213. На это указано также въ отиѣтѣ отцовъ собора 1503 г., и въ Стоглавѣ, проф. Павловъ, Ист. очеркъ секуляризаціи церк. земель, стр. 41—47; Стоглавѣ, га. 56, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 267—268. Какъ исполненіе этого правила см. академическое повгородскаго синодика 1503 г., проф. Павловъ, назв. соч., стр. 51, прим. 1 и 2. Ср. еще назиданіе священствѣ ханскихъ ярлыковъ, Визліоо., изд. 2. т. VI, стр. 26; *Тригорскыя*, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 28—29.

²⁾ *Соловьевъ*, III, изд. 5, стр. 62—64; *Макарій*, III, изд. 2, стр. 244—246, 248—250; проф. Голубинскій, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 310—312, 455—456.

Это выразилось больше всего при избрании и поставлении митрополитовъ, ибо выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависѣлъ отъ усмотрѣнія и согласія государя. Последній-же указывалъ, конечно, только удобныхъ себѣ кандидатовъ. Но московскіе государи не довольствуются своимъ фактическимъ преимуществомъ и спѣшатъ оформить столь выгодный для нихъ порядокъ. Въ чинъ поставленія митр. Симона введена была обрядность, которая должна была наглядно показать, что митрополитъ занимаетъ свою власть отъ государя. Великій князь при поставленіи Симона вручилъ ему митрополитичій жезлъ, символъ настырской власти, и произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сѣи святыи великій престолъ архіерейства, митрополию всея Руси... и жезлъ настырства, отче, восприними... и вози Бога о насъ и о всемъ православіи»... ¹⁾ Усвоивъ себѣ мысль, что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви черезъ посредство власти государственной, московскіе государи пошли и дальше; они иногда совершенно устранили даже формальность избрания митрополитовъ соборомъ духовенства ²⁾. Повидному такимъ образомъ и были избраны митрополиты Варлаамъ ³⁾, Даниилъ, Филиппъ, и Кирилъ ⁴⁾.

Вѣсткіе съ тѣмъ московскіе государи обезпечили за собою и участіе въ избрании епископовъ. По чину поставленія епископовъ поставляемый въ своемъ исполненіи отмѣчалъ, что онъ поставленъ митрополитомъ въ церкви Успенія Богородицы и у гроба св. Петра «и по повелѣнію государя» ⁵⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 39; VIII, 230. Тотъ-же обрядъ почти дословно повторенъ и при поставленіи митрополитовъ Иоасафа и Анастасія, А. А. Э., т. I, стр. 159; Р. И. В., III, Алек.-Невск. зѣт., стр. 217. Очевидно онъ повторился во многихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто торжественное поставленіе на митрополию, и введенъ въ чинъ поставленія митрополита, составленный при Грозномъ, А. А. Э., т. I, № 261.

²⁾ Герберштейнъ пишетъ, что «иногда митрополитъ и архіепископы были избираемы на соборѣ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа слятой жизни и избирали его. Про вышеупомянутого князя (Василія III) говорятъ, что онъ обыкновенно приволакаетъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію». Записки о Московіи, пер. Аношкова, стр. 41.

³⁾ Про него сказано, что онъ былъ возведенъ на митрополитчій дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси, и что на поставленіи его были такіе-то епископы, причемъ епископъ перекій прислалъ не повольную грамоту на избраніе, а грамоту единую совѣтную достоинству поставленія его. П. С. Л., VI, 252.

⁴⁾ Мазарій, Ист. русск. церкви, VI, стр. 166, 294—298 и 307.

⁵⁾ А. А. Э., т. I, стр. 471. Для примѣра можно указать, что митр. Макарій былъ поставленъ новгородскимъ архіепископомъ рукоположеніемъ митр.

показать, что на такую высоту подобает взойти только отрасли царскаго древа ¹⁾). Авторъ говоритъ, что «естествомъ убо тѣлеснымъ равенъ человекѣмъ царь есть, а властію же достоинства приличенъ Богу, пже надо всѣмъ; не имать бо высочайши себѣ на земли»... и «непреступимъ есть человекѣмъ высоты ради земнаго царствія». Въ силу дарованнаго отъ Бога «попсышенія» царь долженъ заботиться о людяхъ, «да припеваютъ убо во благихъ и не претыкаются во злыхъ». При исполненіи этой божественной миссии царь дѣйствуетъ единолично, такъ какъ «Богъ не требуетъ ни отъ кого-же помощи, царь же отъ единого Бога» ²⁾).

Приведенная вслѣдъ за этимъ похвала великому князю указываетъ, насколько онъ, по мнѣнію автора, отвѣчаетъ требованіямъ доктрины. Василій Ивановичъ авторъ называетъ «русскимъ бѣлымъ царемъ, самодержцемъ всея Руси», славнымъ и благороднымъ, происходящимъ отъ славнаго и благороднаго бѣлаго русскаго царя и богомудрыя матери римлянина «также отъ корени царска». Отсюда авторъ выводитъ, что Василій III есть «царемъ царь истовый», всему народу «о благочестіи твердый поборникъ», а патріархатъ и освященному собору «благоразумный согласникъ», заботящійся объ утверженіи правды въ людяхъ и отгоняющій крѣпко потоки беззаконія, «да не погрязнетъ корабль великаго его державства въ волнахъ безчестія» ³⁾).

Изъ числа послѣдователей Іосифа слѣдуетъ еще упомянуть новгородскаго архіепископа *Феодосія*. Въ своихъ посланіяхъ къ великому князю и царю, написанныхъ по разнымъ поводамъ, онъ

¹⁾ Нѣсколько раньше авторъ рассказываетъ, что дальніе шюки, отшельники и возные подвижники пришли поклониться младенцу и сказали, между прочимъ, вел. князю: «убо спасъ ты есть Богъ помазаннаго своего и пріготови състи отъ чрезъ своихъ на престолѣ твоемъ». Ст. кн., II, 210.

²⁾ Указанный сборн., г. 13 и слѣд.; Степ. кн., II, стр. 212. Нѣкоторые мѣста этого похвальнаго слова оказываются дословно заимствованными неизвестнымъ авторомъ изъ наекзательныхъ главизнъ царя Василія сыну Льву, весьма распространенныхъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI и даже XV в. См. напр. Сборн. Савва-Сторожевскаго монастыря № 5 (копія съ котораго авторъ имѣлъ возможность пользоваться, благодаря любезности С. Ф. Платонова) в Сб. Публичн. Библ. Ф. I, № 225, г. 414, главы 49 и 66. Ср. *Хр. Ломарова*, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей, Ж. М. Н. Пр. 1887, октябрь, стр. 318. Въ XV в. былъ извѣстенъ и переводъ источника «наекзательныхъ главизнъ», именно главъ дьякона Агапита, представленнаго импер. Юстиніану, подъ заглавіемъ: «поученіе благаго царства сеже и къ болярѣмъ, и къ епископѣмъ и къ пугменѣмъ, зѣло есть и червьцѣмъ. Чести всякія прывше имѣяи самъ царю. Чести паче всего сему ты сподобившаго Бога» и проч. Оп. ркн. Синод. Библ., отд. II, т. 2, № 202, стр. 622. Этими-же источниками пользовались и другіе русскіе публицисты, какъ это будетъ видно ниже.

³⁾ Сб., г. 2 и 13 об.; Ст. кн., II, 212.

не разъ возвращается къ темъ о высотѣ царскаго сана. Такъ въ посланіи о прекращеніи въ Новгородѣ различныхъ безчинствъ Θεодосій ссылается на то, что «государю, по подобію небесныя власти, далъ есть небесный Царь скипетръ земнаго царствія силы», чтобы научить людей хранить правду и отгонять «еже на ны бѣсовское желаніе». Какъ корячій всегда бодрствуетъ, такъ и царскій ужь долженъ твердо сдерживать правила добраго закона, «взсунувъ крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія». Это только возможно для государя, такъ какъ, указываетъ Θεодосій великому князю, «царское твое остроуміе большу имать веѣхъ силу изряднѣе управити благое твое царствіе, и страшнѣе буденн сана ради власти царскіе и запретиши не на злобу обратися, но на благочестіе». По сколько царь «силою превышше ихъ» есть, постольку онъ обязанъ отличаться дѣлами¹⁾. Въ другой разъ, благословляя великаго князя предпринять походъ противъ Казани, Θεодосій высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: «ваприши, и спѣи, и царствуй истинны ради и кротости и правды, и наставитъ чюдно десница твоя престолю твоею правдою и кротостію и судомъ истиннымъ свершено есть, и желатъ силы послеть ти Господь отъ Сиона» и проч., и негдѣ за этимъ приводитъ извѣстное мѣсто о поставленіи царей²⁾.

Но безспорно самое выдающееся мѣсто по своему значенію въ числѣ послѣдователей Іосифа занимаетъ митр. Макарій. Не отличающійся энергіей Іосифа и будучи болѣе остороженъ въ выборѣ средствъ, чѣмъ митр. Даниилъ, онъ обладалъ, однако, необходимой дозою такта, чтобы удержаться на косядрѣ въ смутные годы боярскаго олигархія. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ и вѣроятно искорѣ послѣ назначенія своего туда, Макарій заявилъ себя строгимъ послѣдователемъ политическихъ воззрѣній Іосифа. Въ посланіи къ великому князю Василію Ивановичу объ учрежденіи общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ онъ дословно повторилъ слова Іосифа изъ посланія къ тому же князю о значеніи и обязанностяхъ царя, также уиодобивъ его равноапостольному царю Константину³⁾. Ивану Грозному митр. Макарій также не разъ ука-

¹⁾ Д. къ А. И., т. I, № 41.

²⁾ «Азъ воздвизахъ тя съ правдою царя, и прияхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя, да послушають тебе языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю двери» и проч. Тамъ-же, № 37, II.

³⁾ Д. къ А. И., т. I, № 26. Ср. прим. 3 на стр. 97 и слѣд. Арх. Макарія, какъ видно изъ сравненія, за самыми незначительными замѣнами въ первой части своего посланія переписавъ первую половину посланія Іосифа. Значить послѣдователи Іосифа видѣли подъ руками сочиненія своего учителя.

зывать на высоту его сана и лежащих на немъ обязанностей согласно съ духомъ Юсифлянскою доктрины ¹⁾.

При немъ теорія православнаго царства завершилась принятіемъ царскаго титула Иваномъ IV. По глгописнымъ извѣстіямъ молодой государь сначала совѣщался объ этомъ съ митрополитомъ, потомъ митрополитъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, въ томъ числѣ опальныхъ, и всѣ они вѣсть отправились къ великому князю. На этомъ совѣщаніи было рѣшено принятіе царскаго титула ²⁾. Кому первому принадлежитъ инициатива этого дѣла: молодому великому князю или кому-либо изъ болѣе опытныхъ приближенныхъ? Въ числѣ послѣднихъ на это болѣе всего былъ способенъ митр. Макарій.

Къ предстоящему обряду вѣнчанія надлежало изготолить «чинъ». Подобный чинъ уже былъ составленъ раньше, при вѣнчаніи внука Ивана III—Димитрія; но ижъ на этотъ разъ не воспользовались, а, взявъ его за образецъ, значительно распространили ³⁾. Весьма важной особенностью новаго чина явилось обстоятельное поученіе митрополита нововѣнчанному царю. Какъ переработка чина, такъ и составленіе поученія, вѣроятно же всего, принадлежатъ митр. Макарію. Недавно указано, что средняя часть этого поученія цѣликомъ заимствована изъ византійскаго источника, именно изъ поученія императора Василія сыну Льву ⁴⁾. Въ первой-же части поученія находится мѣсто, гдѣ говорится о высотѣ царскаго достоинства, и которое цѣликомъ заимствовано изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вел. князю Василію объ искорененіи ереси ⁵⁾. Этими

¹⁾ Такъ въ извѣстномъ посланіи Грозному во время похода подъ Казань митр. Макарій выражаетъ желаніе, чтобы на благочестивомъ царѣ сбылось пророческое слово—«авъ воздвигахъ тя съ правдою царя» и проч.; «се твердое и крѣпкое и честное царство, пишеть митрополитъ; да дастъ Господь въ руки твои и сыновомъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ и въ вѣки». Никои. Лѣт., VII, 137; Царств. кн., стр. 245. Главной обязанностью царствующаго митр. Макарія также полагаетъ охрану благочестія. Онъ поучаетъ Грознаго: «тебѣ подобаетъ, царю, на Бога упованіе положить, подвизатися на благочестіе, за порученную тебѣ отъ Бога паству..., да не расхитить безбожиии воцѣи порученныхъ тебѣ овецъ; или въ другой разъ онъ пишеть царю: подобаетъ «подвизатися вамъ за свою святую вѣру христіанскую греческаго закона, иже во всей поднебесной, яко же солнце сіяше православаніе во области и державѣ вашего царскаго отечества и дѣдства и приидѣства». Никои. Лѣт. VII, 74 и 132; Царств. кн., стр. 163 и 239; А. И. т. I, № 160.

²⁾ Царств. кн., стр. 126—129.

³⁾ Чинъ поставленія на великое княжество Димитрія наданъ въ С. Г. и Д. II, стр. 27—29; Лѣт. занятій Арх. Комм., вып. III, прил., стр. 3—16 (по 2-му списку), и *Е. Барсовымъ* въ статьѣ: Древнерусскіе памятники вѣнчанія царей на царство, Чт. Общ. Ист. и Древн. 1883 г., кн. I, стр. 32—39.

⁴⁾ *Др. Лопаревъ*, О чинѣ вѣнчанія русскихъ царей. Ж. М. Н. Пр. 1897, окт., стр. 312—319.

⁵⁾ ... «Глаголетъ-бо Господь пророкомъ: «авъ воздвигахъ ти съ правдою

посланиемъ воспользовался уже разъ истр. Макарій, будучи новгородскимъ архіепископомъ. Теперь онъ воспользовался имъ вторично, ивеса указанное мѣсто въ поученіе по чину вѣщанія и этихъ придавъ оффиціальныи характеръ доктринѣ теократическаго абсолютизма, такъ какъ чинъ вѣщанія, а особенно поученіе сохранились очень долгое время безъ великихъ измѣненій¹⁾.

Какое широкое распространеніе среди православнаго духовенства получили эти успешныя русскою письменностью ветхозавѣтныя и византійскія доктрины, можно видѣть хотя-бы изъ того, что онѣ дословно-повторяются даже въ челобитной Львовскаго Братства парю Федору Ивановичу 1592 г., написанной рукою Терновскаго истр. Дионисія²⁾.

Въ ряду писателей Юсифлянскаго направленія нѣсколько обособленное положеніе занимаетъ инокъ Отенской новгородской пустыни Зиновій (†1558). Сначала онъ былъ ученикомъ Максима Греча и почитателемъ и за то пострадалъ нѣмѣтъ съ своимъ учителемъ,

князи), и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго; вась бо Господь Богъ въ себе мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вавесь посади, милость и животъ положи у вась, и проч., кончая словами: «не давати воля втотворяющимъ человекомъ иже душу съ тѣломъ погубляющимъ». Д. къ А. И., т. I, № 39, стр. 49; *Е. Барсовъ*, зав. соч., стр. 57—58. Ср. выше, прим. 3 на стр. 97 и слѣд.

¹⁾ См. чинъ вѣщанія Фед. Ив., С. Г. и Д., II, стр. 80 и слѣд.; Гориса Годунова, Д. къ А. И. ч. I, стр. 245; Мих. Фед., С. Г. и Д. III, стр. 32. Только по чину поставленія на великое княженіе, напечатанному въ Вильно., соотвѣтственное мѣсто поученія дополнено изобопытными вставками, направленными противъ нечестивыхъ царей, а именно послѣ словъ «яко слуги Божіи есте» слѣдуетъ: «почто не храните закона, ни по совѣту Вышняго ходите и азата ради погубляете истину»; послѣ словъ «правденіе чело-вѣческаго рода» добавлено: «всякъ бо правдывый князь ангельскій и священническій имать чинъ, а именуя несправедно на слуги, самъ себе (слугу) сатанъ сотворяетъ... Сего ради страшна и сильна идетъ на вась погибель, яко гнѣвъ отъ Господа придетъ, сильнѣи бо сильнѣе отъ Бога испытани будутъ». Вива. VII, стр. 22 и слѣд. Слова эти также могли быть повлѣкствованы у Юсифа. См. выше, стр. 95 и прим. 2 на стр. 100. Сомнительно, однако, чтобы подобныя слова произносились во время вѣщанія. Скорѣе можно думать, что ихъ вставляли въ чинъ вѣщанія какой-то недовольный современными порядками «списатель».

²⁾ А. З. Р., т. IV, № 34 I. Братство повторяетъ здѣсь указанныя мѣста изъ поученія царя Василія снму Льву и изъ посланія Юсифа Волоцкаго. Въ челобитной говорится: «чести всяка я превыше и мя—достояніе царю; почитаеша бо наче всѣхъ сіе тебѣ даровавшаго Бога, яко и по добію и небеснаго царствія даде тебѣ скипетръ земнаго властительства, да якоже небесный царь Богъ на небеси, сицъ и ты тихообразнъ чело-вѣкъ милуеша на земли и учшиа сихъ бжости праведнаа многободръствующимъ умнымъ царскимъ твоимъ окомъ, крѣпко управляи ихъ на благія пажати. Неприкосновенъ бо еси чело-вѣкомъ высоты ради дальнаго царствія, благопрвступенъ-же молящися бываши восприятія ради горняго... И немного ниже повторяется извѣстное мѣсто Юсифа о высотѣ царскаго сана: «Существомъ убо тѣлесо равенъ еси чело-вѣкомъ, о! дарю, достоиніемъ-же превосходиши всячески».

будучи сосланъ въ заточеніе въ Оутскій монастырь. Здѣсь онъ написалъ два обширныхъ сочиненія въ опроверженіе ереси Θεодосіа Косого ¹⁾ и въ этихъ сочиненіяхъ значительно отступилъ отъ направленія Максима Грека, сблизился съ школою Іосифа Володскаго и даже пользовался «Провѣдителями» Іосифа. Между прочимъ, онъ защищалъ современное монашество и потчиный быть монастырей, спорилъ съ своимъ учителемъ и упрекнулъ инока Васіана за образъ его жизни ²⁾.

Въ своихъ возраженіяхъ послѣдователямъ Косого Зиновій коснулся и вопроса объ установленіи властей, такъ-какъ Косой утверждалъ, что всякія власти, какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться явленіями разпраченного человѣческаго преданія ³⁾. Въ опроверженіе этого ученія Зиновій старается указать основы богоучрежденности властей и обязательность ихъ почитанія на основаніи евангелія и апостольскаго ученія. При этомъ онъ ссылается на повелѣніе Христа возданаго «царевая царени» и на извѣстное наставленіе апостола Павла о повиновеніи властямъ ⁴⁾. Кроме того, въ выпискѣ изъ бесѣды І. Златоустаго къ Антиохійскому народу по поводу сверженія императорскихъ статуи Зиновій привелъ и слова его о царской власти: «царь бо есть перхъ и глава иже на земли человѣкомъ всѣмъ». ⁵⁾

Въ другомъ мѣстѣ, доказывая авторитетность Божественныхъ словъ, Зиновій касается и авторитетности словъ государя. «Царевъ глаголь, говоритъ онъ, яко въ же будетъ, негѣно мѣти празденъ». Хотя царь и человѣкъ, какъ и всѣ люди, «царствія же достояніе ижуца точию», но люди не должны считать празднымъ его слово. «Колико же разиствуеть Богъ, восклицаетъ авторъ, отъ человѣка царя?!» ⁶⁾ Нельзя, однако, выводить отсюда, что Зиновій не раздѣлялъ изглаголь Іосифа на высоту царскаго сана. Признаніе въ царѣ; человѣческаго естества встрѣчается и у Іосифа. Но царское достояніе и по Зиновію выдѣляло человѣка-царя изъ ряда людей, какъ это видно изъ его словъ о почитаніи царскихъ изображеній. . .

¹⁾ «Истинны показаніе къ вопрошавшимъ о новомъ ученіи», изд. ред. Прав. Соб. Каз. 1863 г., и «Посланіе Многословное», изд. Ам. Поповичъ въ Чт. Общ. Ист. и древн. 1880 г. кн. 2, п. отдѣльно.

²⁾ *И. Зинаменскій*, Руководство къ русск. церк. исторіи, Каз. 1886 г. стр. 155—156; Истинны показаніе, стр. 887—901; *Фларетъ (Гумилевскій)*, Обз. русск. дух. лит., изд. 3, стр. 158.

³⁾ Объ этомъ см. ниже, глава VII.

⁴⁾ Къ римл. VIII, 1—8; Посланіе многословное, стр. 220 и слѣд. и 285.

⁵⁾ Посланіе многословное, стр. 887.

Защитая отъ нападокъ Косого почитаніе иконъ, Зиновій про-
водитъ на основаніи византійскихъ источниковъ любопытную парал-
лель почитанія царскихъ статуи и портретовъ или, какъ онъ вы-
ражался, царскихъ иконъ ¹⁾. Онъ рассказываетъ, что когда вно-
сится въ города царскіи образы, то не только простые земледѣльцы
и ремесленники, но и воины, городскіе старѣйшины, честиѣйшіе
сановники, воеводы и епископы встрѣчаютъ его съ великою честью
и поклоняются царскому образу какъ самому царю, такъ-какъ «есть
образъ царевъ честиѣйши всего епископта его, и вое-
водъ и енархъ, и патрикіевъ, вси бо тии поклоняются образу
цареву и мноюу честью изъ усрѣтеніе его, яко и самого царя, и
тѣмъ показующе повинненіе къ царю и возлюбленіе свое къ нему» ²⁾.
Зиновій оправдываетъ такое почитаніе царскихъ изображеній ссыл-
кою на то, что «сеи почести царскихъ образонъ иѣсть видѣти отъ
отець негодования, ниже отъ апостолъ, ни отъ самого Господа»,
который училъ почитать кесарю кесарени; почитаніемъ цареной
иконы показывается «благоеуміе и покореніе къ царю и пріятель-
ство». Если же граждане презрять образъ царевъ и не воздадутъ
ему достойной чести, то «самого царя въ иконѣ его преобидяху и
на ярость его раздражаху». Въ подтвержденіе этого авторъ
приводитъ случай, имѣвшій мѣсто при царѣ Феодосіи изъ Антио-
хіи, гдѣ хульники свергли изображенія царей ³⁾.

Наибольшій интересъ и оригинальность представляютъ, однако,
тѣ мѣста сочиненія Зиновія, гдѣ онъ оспариваетъ мысль Косого,
что земныя власти являются учрежденіями разращенного человѣ-
ческаго преданія. Косой ссылался въ подтвержденіе на послѣднюю
пользуется и Зиновій для опроверженія мнѣнія Косого. Сославшись
на слова Василия В. о томъ, что въ небытность царя во Израилѣ
каждый творилъ «права предъ очима своимъ», Зиновій коммен-
тируетъ ихъ такъ: «рекше несогласіе воспоминають безцарныхъ лю-
дей и мятужь бывающій въ нихъ, занеже не имати владыки имъ,
коемуждо человеку творящу по очима своимъ», т. е. по собствен-
ному усмотрѣнію. Отъ этого происходитъ, говоритъ Зиновій, всякое

¹⁾ Истинны показаніе, стр. 310: «царю егда на царскій престолъ возведшу и царскихъ вѣдцемъ ему увявену, образъ подобемъ ему хитрецы сотворяють, рекше икоу его».

²⁾ Нѣсколько дальше снова повторяется та же мысль: «яко человека дари образъ честиѣйши всѣхъ прывсокихъ сановъ сущихъ у него». Тамъ же, стр. 283—284.

³⁾ Тамъ же, стр. 311 и слѣд. О почитаніи царскихъ изображеній гово-
ритъ и Иосифъ: «Аще убо кто обезчеститъ образъ царевъ, главною казнию
мучителъ», Просвѣтитель, стр. 819.

востроеніе и клятежъ и разрушеніе земель и царствъ, а не отъ согласія, «сеже не устроенію и во общюю пользу и крѣпость», отъ чего во всѣхъ царствѣяхъ бываеъ покой, тишина и наслажденіе благой жизнью ¹⁾. Далѣе Зиновій приводитъ водникия слова Василия В., утверждавшаго, что благочиніе и согласіе происходятъ отъ признанія всѣмъ одного представителя власти, тогда какъ раздоръ и несогласія происходятъ отъ безначальства или многоначальства ²⁾. Зиновій поясняетъ, что въ жизни до тѣхъ поръ соблюдаются порядокъ и миръ, пока «добрѣ: покоряются: иже въ дому господину, въ пути предводящему, во области князю, въ царствѣ царю»; что единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе—зло и пакостно; что пока всѣ вмѣстѣ взирають и покоряются единому началу, до тѣхъ поръ все идетъ хорошо, «не супцу прекословію и распрѣнію»; когда-же проинкнетъ прекословіе, то тутъ-же появится и распря, а гдѣ распря—тутъ и непокореніе, а гдѣ непокореніе—тамъ «отъ начальствующаго отложене есть» и т. д. Прихитивъ такого рода выводы къ ученію Косого, Зиновій жестоко укоряетъ его и его послѣдователей за ихъ политическій и общественный ингилизажъ: вы возикнетесь, говоритъ онъ, на всѣхъ властей, учиненныхъ Богомъ, не любите Богомъ поставленныхъ царскихъ и святительскихъ чиновачальниковъ, не желаете быть во власти господъ и получать наставленія отъ духовныхъ пастырей и учителей, «лукавѣ глаголюще и безбожнѣ, яко нѣсть тѣбы быти начальствомъ въ христіанствѣ!». Скажите-же, для чего избѣгаете «начальникъ владычества», какъ не для того, чтобы свободно творить всякую злобу и предуготовлять своимъ ученіемъ путь антихристу, «не пмуще надетоящихъ и зрящихъ лукавая дѣлїя ваша и безбожная словеса, да въ всяцѣй волн своей все зло сдѣтете» ³⁾.

Смысль этого заключенія сводится къ тому, что предстоящія власти должны воспрещать лукавыя дѣла и безбожныя словеса путемъ примѣненія наказаній къ злоторпящимъ.

Карающая роль власти особенно выдвигается древне-русскими публицистами, хотя часто приводимое въ ихъ сочиненіяхъ апостольское наставленіе о почитаніи властей учить покоряться властямъ не

¹⁾ Истинны покаяніе, стр. 575 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 585: «... множества благочиніе и согласіе дотоѣ неправляемо, донелѣже къ единому нѣкоему начальнику держится общее всѣхъ благопокореніе; всяко же несогласіе и разстояніе на многоначальство отъ безначальства сътворяемо». Тамъ-же, стр. 589: «аще бо иже къ единому (мирию) блюдущимъ (я) даря приемлющимъ единого свойственно есть благочиніе съ согласіемъ; убо несогласіе всяко и разстояніе знаменіе есть безначальства».

³⁾ Посланіе многословное, стр. 281.

только за страх, но и за совесть. Иосифъ волоцкий, интр. Давидъ и ихъ послѣдователи придаютъ исключительное значеніе страху наказанія въ дѣлѣ: устроенія мира и порядка не только въ государствѣ, но и въ сферѣ церкви. Къ этому-же сводится и смыслъ комментаріевъ Зипонія.

Очень рельефно выражена эта теорія устрашенія и неизвѣстнымъ авторомъ «слова св. отца, какъ христіаномъ жити». Въ словѣ, отъ имени св. отца, преподается градскимъ властямъ повелѣніе—творящихъ зло «въ конечныя влгати муки, градскимъ казнити закономъ, а не щадити злыхъ, да ся накажутъ и остануть дѣяти зла.» Оправданіемъ такого повелѣнія служить, по мнѣнію автора слова, основное назначеніе всякой власти; «властели бо отъ Бога устроени, по указанію слова, человекъ ради не творящихъ закона Божія, да страхъ видѣвъши казнь и Бога убоятся»¹⁾. Подобное-же мировоззрѣніе лежитъ и въ основѣ взгляда всей іосифлянской школы о преслѣдованіи и казни еретиковъ. Карающій мечъ является главнѣйшимъ атрибутомъ государственной власти.

Но іосифлянская политическая доктрина нашла себѣ у писателей той-же школы серьезное ограниченіе съ точки зрѣнія отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ²⁾.

Исторія этихъ отношеній въ древней Руси характеризуется постепеннымъ подчиненіемъ церковнаго авторитета государственному даже въ періодъ подчиненія русской церкви константинопольскому патриарху. Тѣмъ большая степень подчиненія наблюдается при постепенномъ возрастаніи политическаго авторитета и все болѣе усиливающемся внимательствіи его въ дѣла церковнаго управленія, особенно въ дѣло избранія высшего представителя духовной іерархіи.

Экономическая зависимость церковной іерархіи отъ государства является главнѣйшей причиной такого склада отношеній. Культурныя традиціи Византіи лишь способствовали окончательному опредѣленію въ указанномъ смыслѣ разнравяющихся отношеній, такъ какъ и въ Византіи церковный авторитетъ находился въ подчиненіи императорской власти, не смотря на теоретическія попытки поставить его въ равноправное и даже преимущественное положеніе.

¹⁾ Правосл. Соб. 1859 г., № 4, стр. 473—477.

²⁾ Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробное рассмотрѣніе этого вопроса, авторъ считаетъ необходимымъ отмѣтить лишь нѣкоторыя черты изъ отношеній между церковью и государствомъ въ древней Руси.

Для опредѣленія отношеній русской митрополіи къ княжеской власти прежде всего могли послужить соответственныя нормы византійскаго права. Заимствуя изъ Византіи сборники церковныхъ правилъ и государственныхъ постановленій, представители русскаго духовенства довольно рано стали руководствоваться и повеліи императора Юстиніана о священствѣ и царствѣ, которая вошла въ помянутыя Іоанна Схоластика, откуда и перешла въ наши корчія подъ заглавіемъ: «Заповѣдь первая отъ новыхъ заповѣдей Юстиніана царя». Устанавливая эту заповѣдь раздѣльность компетенціи при единствѣ дѣйствія церковной и государственной власти, съ специальнымъ указаніемъ, что ничто такъ не споспѣшествуетъ царству, «яко же святительская честь»,—вотъ тотъ идеалъ, какой перенесенъ былъ изъ Византіи на Русь. ¹⁾ Заповѣдь царя Юстиніана получила широкое распространеніе въ русской письменности и не только вошла въ корчія; на нее въ своихъ посланіяхъ и поученіяхъ ссылаются и публицисты-книжники; она занесена и въ Стоглавъ. ²⁾

Но при неопредѣленности правилъ заповѣди ихъ можно было толковать различно, смотря по обстоятельствамъ. Такъ русскій иннокъ Акиндинъ въ посланіи къ великому князю тверскому объ исправленіи еретическаго обычая (постановленія на мздѣ) ссылается на эту заповѣдь: ³⁾ Но эта ссылка имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, чтобы оправдать внимательство князя въ церковный споръ: «такъ да будетъ тѣмъ и въ тебѣ, державный боголюбче, говоритъ авторъ посланія, еже святитель чистота и къ Богу дерзновение». Поэтому онъ указываетъ князю, что «повелѣно и ему не молчати о семъ святителемъ своимъ.» и даже пишетъ: «или речени, господине, кривымъ извѣтомъ: сами ся управятъ, како хотятъ, а язъ въ се не вступлюся.» Но такую уклончивость авторъ сѣшнито отразитъ замѣчаніемъ:

¹⁾ Заповѣдь Юстиніана читается такъ: «Великая паче всѣхъ, яже въ челоуѣцехъ еста дара божія, отъ вышняго дарована челоуѣколюбіи божіи, священничество-же и царство: ово убо божественнымъ служба, сеже челоуѣческими владѣя и пекиѣся. Отъ единого же и того же начала обои происходятъ, челоуѣческое украшающе житіе. Яко же ничто же тако бываесть посѣдѣнное царству сего ради, якоже святительская честь о обоихъ самѣхъ тѣхъ присно вси Богови молятся. Аще бо они непорочны: будутъ во всемъ и къ Богу имуть дерзновение и праведно и подобно украшати начнутъ предавныя имъ грады и сущая подъ ними, будетъ согласіе иѣкое благо, все еже добро челоуѣчестіи даруя живви. Сему быти вѣруемъ, аще священныхъ правилъ бѣжие сохранимъ.» *Роскикамифъ*, Обзоріе корчмѣй, изд. 2, глава VIII, стр. 23.

²⁾ Глава 62, стр. 279 по изд. Каз. Дух. Акад.

³⁾ «Святительство бо и царство, пишеть онъ, съединеніемъ и безъ порока законныя уставы твердо и неподвижно доаяна суть держати и творати: ово-бо божественнымъ служба, ово же челоуѣчскими обладая; единымъ же началомъ вѣры и законамъ оное происходѣ, челоуѣчское украшаеъ житіе.»

«царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязалъ и мѣши быти на страшииѣхъ судици Христовѣ, аще смолчпши митрополиту»¹⁾. Итакъ намѣреніе князя уклониться отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла чисто догматическаго свойства инокъ Акиндинъ называетъ кривымъ извѣтомъ и грозитъ отвѣтственностью за такое попустительство.

Иосифъ возокій, желая доказать право государя казнить ерестиковъ, ссылается на ту же заповѣдь,²⁾ чтобы вывести изъ нея для «пріемшаго праншеніе человѣческаго рода», т. е. государя, обязанность «все обладаемое отъ тленія спасти и многогрѣховнаго смятенія».

Съ другой стороны Максимъ Грекъ, возирающаяся нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ къ тому же вопросу объ отношеніи властей, хотя и истолковываетъ заповѣдь Юстиніана въ смыслѣ согласнаго дѣлствія обонхъ авторитетовъ, но въ то-же время открываетъ широкій путь для вмѣшательства церковнаго авторитета въ государственную жизнь, ибо исправлять на лучшее царскіе скипетры совѣтами премудрѣйшими, согласно толкованію Максима Грека³⁾, считали своею обязанностью и представителяи духовной власти, и въ этомъ отношеніи нельзя было указать предѣла ихъ вмѣшательству въ «устройство пещей подручныхъ.»

Итакъ совмѣстная дѣятельность двухъ началъ не только могла дать каждому изъ нихъ поводъ къ вмѣшательству въ сферу компетенціи другаго, но и привести къ преобладанію одного надъ другимъ въ зависимости отъ условій дѣятельной жизни.

Среди духовенства довольно рано наблюдается стремленіе замкнуться въ извѣстныхъ сферахъ своей компетенціи отъ вмѣшательства органовъ государственной власти. Представляется особенно любопытнымъ, что указанное стремленіе проявляется прежде всего

¹⁾ Р. И. Б., VI, № 16, II.

²⁾ Провѣтитель, глава 13, стр. 536: «также глаголетъ Св. Григоріе Акроганскій въ своихъ правильныхъ завѣщаніяхъ: велие убо есть въ человѣцѣхъ дарованіе божіе свыше данно: чловѣколюбие—священничество-же и царство: ово убо божественныхъ служба, овоже чловѣческими обладая некіѣся».

³⁾ Вотъ его толкованіе: «священство и царство—два величайшихъ блага—дарованы чловѣкомъ отъ вышняа божественная благодати: ово бо молитвами преподобными и чистыхъ рукъ воздѣланіемъ, умоляющаи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніяхъ, милосерда и удобъ примиряема съ нами сотворяеть его; ово-же совѣты премудрѣйшими и вселескими устройенія и смотрѣніи, владычески ищю и отечески промышляющаи о подручныхъ, и правляеть всегда царскія скипетры на лучшее. Велиа убо и востину блага и обоя, егда сама та къ себѣ благоварно другъ къ другу согласуета и къ славоу Вышнему благопокорно прижежаста, соблюдающе твердѣ спасительныя заповѣди его и оправданія, и по нихъ отечески вкупѣ и владычески рещи подручныхъ устроюще.» Сочиненія, ч. II, стр. 162—163; см. также стр. 281—297.

относительно дѣлъ, по характеру своему совершенно свѣтскихъ: духовенство стремится обезпечить за собой дарованныя ему финансовыя и судебныя привилегіи¹⁾.

Это тѣмъ болѣе любопытно, что ничего подобнаго не замѣчается въ такихъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто влѣшательство свѣтской власти въ дѣла чисто церковнаго характера, напр., въ дѣла о поставленіи на церковно-іерархическія должности. Княжескія правительства усвоили себѣ въ этой сферѣ довольно значительную степень вліянія, и представители церкви не возражали противъ такой практики довольно долгое время.

Въ противоположность каноническимъ правиламъ князья присвоили право не только избирать кандидатовъ на епископскую кафедру, но и удалять неугодныхъ имъ епископовъ²⁾. Этого мало. Княжескія правительства приобретаютъ серьезное вліяніе и на поставленіе митрополитовъ. Кроме митрополитовъ Іларіона и Климента, поставленныхъ на Руси соборомъ епископовъ по приказанію князей, нѣкоторые изъ митрополитовъ поставляются въ Константинополь по указанію и просьбѣ изъ Руси. Московскій-же великій князь проявляетъ значительную долю энергіи въ проведеніе своихъ кандидатовъ, какъ это имѣло мѣсто послѣ смерти митр. Алексея.

Когда-же русская церковь, вопреки воли константинопольскаго патріарха, получила автокефальность политическимъ мѣрами московскаго правительства, а государь всея Руси, по традиціямъ византийской императорской власти явился въ новой роли «царя православнаго», то преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было шире упрочено: митрополитъ московскій и всея Руси становится въ подчиненное положеніе отъ государя всея Руси.

¹⁾ Кроме церковныхъ уставовъ и другихъ имущественныхъ привилегій, смотр. объ этомъ: грамоты патріарховъ Германа 1228 г. и Нила 1382 г., Р. И. В., VI, стр. 82—84; № 23, стр. 203; посланіе владимірскаго епископа XIII в., та же же, № 9; *Макарій*, Ист. церкви, V, стр. 391—393. Правильно соблюдающихъ церкви божья и священныя власти ихъ, Р. И. В., VI, № 16; Повг. Синод. Лѣт., изд. 1888 г., стр. 451—452. На это грозное правило ссылались въ своихъ посланіяхъ митр. Филиппъ, архіеп. повгород. Гусиадія, Іосифъ волоцкій и старецъ Филофей Псковскаго Елеазарова монастыря, Р. И. В., VI, стр. 720 и 757; Сборн. Публ. Библ. Q XVII, № 64, л. 231; Ж. М. И. Пр. 1882 г., июнь, стр. 212—213. На него указано также въ отвітѣ отцовъ собора 1503 г., и въ Стоглавѣ, проф. *Низолов*, Ист. очеркъ секуляризаціи церк. земель, стр. 41—47; Стоглавъ, гл. 56, изд. Каз. Дух. Ак., стр. 267—268. Какъ исполненіе этого правила см. акаосматствованіе повгородскаго сподника 1503 г., проф. *Низолов*, назв. соч., стр. 51, прим. 1 и 2. Ср. еще назиданіе святаго ханскихъ ярлыковъ, Визлво., изд. 2. т. VI, стр. 20; *Григорьевъ*, О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 28—29.

²⁾ *Соловьевъ*, III, изд. 5, стр. 62—64; *Макарій*, III, изд. 2, стр. 244—246, 248—250; проф. *Голубинскій*, Ист. русск. церкви, т. I, ч. I, стр. 310—312, 455—456.

Это выразилось болѣе всего при избраніи и поставленіи митрополитовъ, ибо выборъ кандидатовъ въ митрополиты зависѣлъ отъ усмотрѣнія и согласія государя. Послѣдній-же указывалъ, конечно, только удобныхъ себѣ кандидатовъ. Но московскіе государи не довольствуются своимъ фактическимъ преимуществомъ и спѣшатъ оформить столь выгодный для нихъ порядокъ. Въ чинъ поставленія митр. Симона введена была обрядность, которая должна была наглядно показать, что митрополитъ заимствуетъ свою власть отъ государя. Великій князь при поставленіи Симона вручилъ ему митрополитичій жезлъ, символъ паптырской власти, и произнесъ слѣдующія слова: «Всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сѣ святый великій престолъ архіерейства, митрополию всея Руси... и жезлъ паптырства, отче, воспринми... и вози Бога о насъ и о всемъ православіи...¹⁾ Условно себѣ мысль, что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви черезъ посредство власти государственной, московскіе государи пошли и дальше; они иногда совершенно устраняли даже формальность избранія митрополитовъ соборомъ духовенства²⁾. Повидимому такимъ образомъ и были избраны митрополиты Варлаамъ³⁾, Даниилъ, Филиппъ, и Кирилъ⁴⁾.

Вѣсткіе съ тѣмъ московскіе государи обезпечили за собою и участіе въ избраніи епископовъ. По чину поставленія епископовъ поставляемый въ своемъ исповѣданіи отмѣчалъ, что онъ поставленъ митрополитомъ въ церкви Успенія Богородицы и у гроба св. Петра «и по повелѣнію государя»⁵⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 39; VIII, 230. Тотъ-же обрядъ почти дословно повторенъ и при поставленіи митрополитовъ Иоасафа и Анастасія, А. А. Э., т. I, стр. 159; Р. И. В., III, Алек.-Невск. зѣт., стр. 217. Очевидно онъ повторился во всѣхъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто торжественное поставленіе на митрополию, и введенъ въ чинъ поставленія митрополита, составленный при Грозномъ, А. А. Э., т. I, № 261.

²⁾ Герберштейнъ пишетъ, что «иногда митрополитъ и архіепископы были избираемы на соборѣхъ изъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ: искали въ монастыряхъ и пустыняхъ мужа святой жизни и избрали его. Про нынѣшняго-же князя (Василья III) говорятъ, что онъ обыкновенно принималъ къ себѣ нѣсколько извѣстныхъ ему лицъ и изъ нихъ числа выбираетъ одного по своему усмотрѣнію». Записки о Московіи, пер. Анонимова, стр. 44.

³⁾ Про него сказано, что онъ былъ возведенъ на митрополитчій дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси, и что на поставленіи его были такіе-то епископы, причемъ епископъ перскій прислалъ не повольную грамоту на избраніе, а «грамоту единую совѣтную достоиньству поставленія его». П. С. Л., VI, 252.

⁴⁾ *Макрій*, Ист. русск. церкви, VI., стр. 160, 294—298 и 307.

⁵⁾ А. А. Э., т. I, стр. 471. Для примѣра можно указать, что митр. Макарій былъ поставленъ новгородскимъ архіепископомъ рукоположеніемъ митр.

Государь, однако, могъ ошибаться въ качествахъ указанныхъ имъ кандидатовъ. Изъ-за этого въ иныхъ случаяхъ могли протечь болѣе или менѣе значительныя недоброства для цѣлей государственной политики. Устраненіе такихъ дѣятелей вызывалось въ такихъ случаяхъ соображеніями государственной пользы. И московскіе государи не останавливались передъ такой мѣрой. Еще Иванъ III пытался прихѣпить эту мѣру къ митр. Геронтію. Последній въ 1484 г. по случаю болѣзни хотѣлъ оставить митрополию; но, выздоровѣвъ, измѣнилъ свое намѣреніе. «Князь - же великій не восхотѣ его.» Митр. Геронтіи былъ человекъ твердаго характера и не любилъ дѣлать уступки даже великому князю, съ которыми у него не одинъ разъ бывали столкновенія, непріятныя для государя особенно потому, что ему приходилось добивать челоуъ митрополиту ¹⁾). Полятио, почему великій не захотѣлъ имѣть его вновь на митрополіи. Но онъ «и неволю не остави митрополію». Ивану Васильевичу хотѣлось назначить митрополитомъ Пансія Ярославова; но когда послѣдній отказался, то великій князь призналъ нужнымъ еще разъ уступить Геронтію и снова возвелъ его на кафедру ²⁾). Въ 1523 г. удалецъ былъ митр. Варлаамъ. Лѣтописи глухо говорятъ, что онъ оставилъ митрополию; но есть извѣстія, что немедленно за нимъ Варлаамъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро ³⁾). Надо думать, что отказъ былъ вынужденный. Извѣстны и еще случаи насильственнаго удаленія митрополитовъ. Такъ митр. Давидъ былъ смѣщенъ съ кафедры болгарскимъ правительствомъ, конечно, отъ имени государя. Грозный смѣстилъ митр. Филиппа хотя и на основаніи соборнаго приговора, но этотъ приговоръ былъ вопреку волею государя. Митрополитъ Діонисій оставилъ митрополию «по государевѣ воли царя и великаго князя Федора Ивановича» ⁴⁾).

Соотвѣтственно указаннымъ отношеніямъ, государь явился и высшей инстанціей по дѣламъ церковнаго управленія. Въ случаяхъ возникающихъ пререканій съ митрополитомъ или съ кѣмъ-либо изъ епископовъ дѣло предстанялось на усмотрѣніе государя, отъ котораго зависѣло дать тотъ или иной исходъ дѣлу. Иосифъ волоцкий приводитъ три случая такого рода, начиная съ княженія Василия

Давида и собора и повелѣніемъ вседержавнаго государя. Про избраннаго въ 1562 волоцкимъ архіепископомъ Иосифа современникъ замѣтилъ, что царь по пуду его быти въ Полтескы архіепископомъ. Повелѣніемъ государя и избраніемъ собора постановленъ былъ въ 1564 г. Германъ архіепископомъ казанскимъ. Р. И. В., III, Алекс.-Невск. лѣт., стр. 199, 176, 218—219.

¹⁾ П. С. Л., VI, 233 и 234.

²⁾ Тамъ-же, стр. 235.

³⁾ П. С. Л., VIII, 269; VI, 264; *Герберштейнъ*, перев. Анонимова, стр. 45.

⁴⁾ Новгород. Лѣтопися, Спб., 1879, стр. 348 и 449.

Дмитріевича. При этомъ князѣ, разсказываетъ Іосифъ, произошла брань у митр. Кипріяна съ игуменомъ Евфиміемъ спасскаго монастыря въ Суздагѣ изъ-за того, что игуменъ не велѣлъ звать Кипріяна митрополитомъ. Такое-же столкновение имѣло мѣсто въ княженіе Василія Васильевича у Пафнутія боровскаго съ митр. Іономъ. При Иванѣ III была брань между кирилловскими игуменомъ Нифонтомъ и архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ, такъ какъ Нифонтъ ни въ чемъ не хотѣлъ повиноваться Вассіану. По утвержденію Іосифа, указаннымъ митрополитамъ и архіепископу слѣдовало, по свидѣтельству священныхъ правилъ, «о томъ отлучити и не благословити», но они не держали этого слѣдовать. «А Кипріянь митр. былъ челоуъ великому князю Василью Дмитріевичу; а Іона митр. былъ челоуъ великому князю Василью Васильевичу; а Василъ архіепископъ былъ челоуъ великому князю Ивану Васильевичу да митр. Филиппу. И государи православные доспѣли тому дѣлу конецъ на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ»¹⁾. Извѣстенъ еще аналогичный случай отъ конца XV вѣка по поводу столкновения митр. Геронтія съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ. Митрополитъ, научаемый княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, сталъ отнимать Кирилловъ монастыри отъ ростовской епископіи и выдалъ князю Михаилу грамоту, что ему «вѣдати Кирилловъ монастыри во всемъ, а ростовскому архіепископу отъ него не ступатися». Архіепископъ жаловался митрополиту и просилъ не ступаться отъ его предѣлъ «чрезъ правила»; а такъ какъ Геронтій не обратилъ на это вниманія, то Вассіанъ былъ челоуъ великому князю и просилъ суда съ митрополитомъ. По этому поводу великій князь посылалъ къ митрополиту и не велѣлъ ему ступаться не въ свое; но такъ какъ митрополитъ не послушалъ и великаго князя, то послѣдній отобралъ митрополитчью грамоту у князя Михаила Андреевича и созвалъ соборъ для суда надъ митрополитомъ. Но митрополитъ, убоявшись суда, ушелъ великаго князя, а великій князь умирилъ его съ архіепископомъ, «и грамоту митрополитчью изодрана, а Кирилловъ монастыри указана вѣдати по старциѣ»²⁾.

Подобной практикѣ подвержены были и итоги. Въ 1503 г. Георгій Скрипица, выражая протинъ постановленій собора о цдовыхъ попахъ, сослался на правила, отъ которыхъ сказано: если епископъ кого обидитъ не по правиламъ, то слѣдуетъ разсудить митрополиту;

¹⁾ Сборн. Публ. Библ. Q I, № 211; Q XVII, № 64, л. 226—227. Эти случаи Іосифъ привелъ въ подтвержденіе неправоумности дѣлствій архіепископа новгородскаго Серапіона, который отлучилъ Іосифа «не обоезавши съ православнымъ государемъ и съ старшимъ святителемъ».

²⁾ П. С. Л., VI, 33—34; VIII, 200.

митрополита-же долженъ разсудить патриархъ; «аще-ли патриархъ съ соборохъ изобидитъ кого не по правиламъ, нво царь разсудитъ ихъ по правломъ св. отецъ и отгнати виноватому»¹⁾). Иосифъ волоцкiй при столкновеши своемъ съ архіеп. Серапиономъ и волоцкнмъ княземъ обратился къ санкціи государя и, получивъ съ его разрѣшенія прощеную грамоту, привелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій и въ укоръ Серапиону повелѣніе царскаго закона, «ниже глаголетъ: царское осужденію суду не предлежитъ и не посуждается» или, какъ формулировалъ онъ это правило въ другой разъ, — «яко царскiй судъ спятительскимъ судомъ не посуждается ни отъ кого-же изъ древнихъ дѣтѣхъ, ни въ нынѣшнихъ, и въ тамошнихъ странахъ, ни въ нашей рускiй земли, точію единъ Серапионъ архіепископъ»²⁾). Иосифъ при этомъ объясняетъ, что если-бы онъ былъ челоуъ другому государю, то онъ поступилъ бы неправильно; но онъ выбралъ именно такого государя. «котораго судъ не посужается», который всѣмъ общій государь и котораго Богъ устроилъ въ сѣбе мѣсто, «судъ и милость предасть ему, и церковное и монастырское, и всего православнаго христіанства вся русскія земли власть и попечение вручилъ ему»³⁾). Соотвѣтственно этому воззрѣнію на государя вся Русь, какъ верховнаго управителя церкви, старецъ Филофей называетъ его владыкою всѣхъ, «бранидержателемъ святыхъ божіихъ престолъ снятыхъ вселенскія и апостольскія церкви»⁴⁾; неизвѣстный-же авторъ посланія къ царю Ивану Васильевичу называетъ его «православныя вѣры истиннымъ наставникомъ» и «столпомъ непоколебимымъ Христовой церкви»⁵⁾).

Не смотря, однако, на вышеуказанный характеръ отношеній между властями, древнерусской письменности еще до XV в не чужды были попытки поставить авторитетъ церкви выше государства. Византийскія вліянія, надо думать, сыграли при этомъ видную роль. Было уже указано⁶⁾, какъ константинопольскіе патриархи старались опредѣлить отношенія княжескихъ правительствъ къ митрополиту и даже къ епископамъ. Соотвѣтственно этому подобныя-же мысли проносятся и митрополиты вся Русь въ поученіяхъ и въ настоятельныхъ грамотахъ епископамъ. Они учили, что великій князь, благородные и христіанлюбивые князья, бояре, сановные мужи и проч. должны воздавать своему епископу честь, имѣть къ нему благоповиновеніе и послу-

¹⁾ Чтен. Общ. Ист. 1848 г., № 6, отд. IV, стр. 6.

²⁾ П. С. Л., VI, 249; Собрн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, л. 239 об. и 231 об.

³⁾ Собрн. Публ. Вибл. Q XVII, № 64, л. 231 об.

⁴⁾ Прав. Собесѣдн. 1863 г., книга 3-я, стр. 344.

⁵⁾ Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 69.

⁶⁾ См. выше, глава I, стр. 8—10.

шаніе «съ всѣдѣмъ благопокореніемъ и любовью». Такая обязанность мотивировалась тѣмъ, что честь, воздаваемая святителю переходитъ на самого Бога, «его же есть нахѣстникъ святитель»¹⁾. Сила и значеніе такого рода наставленій выясняются изъ тѣхъ поученій, въ которыхъ одновременно преподаются правила о почитаніи князей и святителей. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно поученіе митр. Алексія, въ которомъ сказано: «а людская чадь Бога боится, а князя чтите, а святительство имѣйте выше своея главы со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословья»²⁾.

Стремясь вообще поднять авторитетъ священнослужителей, представители церкви въ своихъ посланіяхъ нерѣдко развивали мысль, что іерей служить небесному царю, а не земному, что въ священническомъ чинѣ не къ царю временному посылаются, но къ царю царствующимъ, что святой алтарь есть небо земное и является жилищемъ и мѣстомъ не земнаго царя, но небеснаго, «и не земный убо царь тако возлежитъ, но небесный Царь и Царь царствующихъ»³⁾. Развивая дальше ту же мысль, митрополитъ Петръ поучалъ: «А который іерей святую литургію священствоваць, тогда царя чести члѣн: никто-бы не усидѣлъ противу него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человекъ есть отъ небесныхъ силъ»⁴⁾. Митрополитъ Фотій свое поученіе о важности священнаго сана слагалъ такъ: «о великомъ божьемъ священствѣ, еже елико есть отстояще небо отъ земли, толико отстоитъ Христова священнодѣйствующее таинство отъ всякаго ироннѣшаго сана паче мірскаго»⁵⁾.

Авторы похвальныхъ словъ князьямъ почти всегда ставили имъ въ особую заслугу, что они чтили и любили священническій и монашескій чины. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ очень любопытны, такъ какъ указываютъ, какія мнѣнія успѣли поселиться въ себѣ слагатели похвальныхъ словъ. Про Александра Ярославича Невскаго авторъ «похвѣсти о его житіи и о хрибрости» выразился, что онъ былъ «іерей-любець и мнхолобець, митрополита-же и епископа

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. 421, 555—556 и 680—681.

²⁾ Приб. къ Твор. св. отец. 1847 г., стр. 31; ср. Душелоз. чтеніе, 1861 г., I, стр. 465—466. Въ сборникѣ поученій XII в., въ статьѣ «поученіе любовно» обязанности къ свѣтской власти формулированы такъ: «(буди) болязнь предъ цесаремъ, готовъ въ посыланіи его; о повинненіи же духовенству предоданы сѣдующія правила: епископомъ и пастухомъ Христова стада главу свою поклоняя и припадъ къ ногамъ ихъ и мози, да дастъ ти ся благословеніе ихъ. Превзутеры и іереи Христовы... всякою честію почти и съ страхомъ авраи на нѣ». *Среднескій, Свѣд. и замѣтки*, № LII, стр. 206—207.

³⁾ Р. И. В., VI, стр. 430 и 489; стр. 428 и 509.

⁴⁾ Памят. стар. русск. литер., вып. IV, 187—188.

⁵⁾ Р. И. В., VI, № 60.

читаше и послушаше нѣхъ аки самого Христа (Творца)»¹⁾. Составитель древней повѣсти о житіи великаго князя Михаила Александровича тверскаго, отозвавшись о своемъ героѣ какъ о добромъ образцѣ для всѣхъ князей, хотящихъ властвовать на землѣ, сообщаетъ про него, между прочимъ, что онъ «наипаче святителя яко самого Христа почиташе; толико-же милостивъ бѣ на инокескіи чинь... сице же и священника, зомилше нѣхъ князей царевыхъ, яко ти, глаголаше, великія слуги божія и чести бѣ на сѣ суть»²⁾.

Наряду съ только-что отмѣченными тенденціями древнерусской литературы въ нее проникають идеи о неуклонномъ исполненіи заповѣдей и о твердомъ стояніи за нѣру даже предъ властью. Эти идеи, извѣстныя почну въ византийской исторіи, проникають на Русь и получаютъ здѣсь широкое распространѣніе. Такъ въ собраніи словъ Іоанна Златоуста XIII в. вошло поученіе Константина пресвитера болгарскаго объ исполненіи религиозныхъ правилъ, «не боишся цесаря, но стыдишся князь, не срамляющагося вельможъ; но аще и говеніе настонтъ, аще муки предлежатъ, аще нужда ижежитъ, не болтися» и проч.»³⁾. Далѣе указываются и случаи, когда служители церкви вставали противъ неправотѣрныхъ дѣяній представителей власти. Такъ митр. Фотій приводитъ въ примѣръ патріарховъ Николая и Евоимія, отлучившихъ царя Льва за вступленіе въ четвертый бракъ и претерпѣвшихъ за это говеніе⁴⁾. Пахомій Сербъ въ составленныхъ имъ житіяхъ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Евоимія, во вступленіи, отмѣчаетъ о вѣчныхъ мученикахъ, которые «видѣше неправедная, отъ царей и отъ вельможъ дѣемая, видяще спротивъ истязаемыхъ, грабленія и хищенія... не терпяще царей обличаху», за что многіе изъ святителей были лишены своихъ престоловъ⁵⁾. Успоивъ эту точку зрѣнія, древнерусскіе проповѣдники внушали ео своей паствѣ, а епископы — представителямъ духовенства. Неизвѣстный авторъ «наставленія іереемъ о покаяніи», встрѣчающагося въ сборникахъ XIV—XVI вв., преподаетъ слѣдующее правило: «ты-жъ, іерею, Христа Бога нашего слуго, не убойся, ни

¹⁾ Сказаніе по над. Общ. Др. Письм. 1882 г., стр. 10—11; П. С. Л., V, 187; Новг. зѣт. по сн. сп., над. 1888 г., стр. 272, прим.

²⁾ Никон. Зѣт., IV, 288. Митр. Кипріянь въ составленномъ имъ житіи митр. Петра рассказываетъ, можетъ быть въ нападѣніе своихъ обидчиковъ, про Ивана Калиту: «князь убо во все мѣ послужающу и честь велию воедающе отцу своему по Господню повелѣнію», П. С. Л., X, 193.

³⁾ Оп. ркп. Синод. Библ., Отд. II, ч. 2, стр. 427.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 281.

⁵⁾ Нам. стар. русск. литер., вып. IV, стр. 10 и 16.

усушился, ни устыдился лица человѣчя, аще ли царь есть, или судя, или вои. Ты-бо тѣхъ еси спльнѣе и боле и крѣпше, занеже еси Богомъ поставленъ¹⁾). Безъ этого тенденціознаго указанія на преимущества священства предъ прочими мірскими санами это правило получило даже официальное значеніе и внесено въ чины поставленія епископовъ и митрополитовъ²⁾.

Но домосковская Русь очень бѣдна примѣрами такого энергическаго противодѣйствія свѣтской власти со стороны представителей духовенства. Столкновенія Феодосія печерскаго съ Святославомъ черниговскимъ и Андрея Боголюбскаго съ еп. ростовскимъ Федоромъ.—вотъ почти все, что извѣстно отъ этого времени³⁾. Наоборотъ, существуютъ нѣкоторыя указанія, что и въ то время высшіе чины духовенства заслуживали упреки въ попустительствѣ и послабленіяхъ княжеской власти. Въ 1280 г. митр. Кирилъ упрекалъ ростовскаго еп. Игнатія за жестокое осужденіе великаго князя Гліба Васильковича уже послѣ его смерти⁴⁾: «осудилъ бо еси, замѣчаетъ митрополитъ, преже суда Божіа уже скончавшагося, а жина сунца стыдися, и дары отъ него пріемля, и лды и пѣа съ нимъ, и юдюрляся и веселяся, и егда бѣ мочно исправити и не изираляше»⁵⁾. Въ 1378 г. оскорбленный митр. Кипріанъ писалъ Сергію радонежскому и симоновскому игумену Федору,

¹⁾ *Среднескѣй*, Свѣд. и зам., № LIX., стр. 330 и 335.

²⁾ Непопоставленный во епископы въ исповѣданіи, между прочимъ, пропозносилъ: «не створити ми ничеже по нужи ни отъ царя, или князя велика, или отъ князей многихъ, или отъ людій многихъ, аще и смертью претять»... Р. П. В., VI, стр. 453; А. А. Э., т. I, стр. 463 и 470. Поставляемый митрополитъ пропозносилъ такое-же обѣщаніе: «не створити ми ничеже по нужи ни отъ царя, или отъ князя велика, или отъ князей многихъ, аще и смертию ми воспретять, нелице что створити чрезъ божественнаа и священнаа правила, его-же не достоинъ творити». А. А. Э., т. I, стр. 162.; ср. тамъ-же, стр. 218. Митр. Макарій въ отвѣтъ Грозному «о недвижимыхъ вещехъ, даиныхъ Богови въ исцѣдіе благъ вѣчныхъ», указываетъ также, что онъ при поставленіи князя «судомъ и закономъ и оправданіе божественное хранити, елика наша сила, и предъ царя за правду не стыдиться; аще и мужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелять ми говорити кроиъ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертию претять, то никакожъ не послушати ихъ». Мѣтон. Русск. Литер., изд. Тихонова, т. V, стр. 136. Это правило очевидно имѣлъ въ виду и Іосифъ, предлагая епископу Нифонту претерпѣть гоненіе и до смерти подвигнуться за благочестіе, Р. П. В., VI, стр. 822 и 824. Митр. Данилъ некомендуетъ пастырямъ и вассаламъ твердо исповѣдывать православную вѣру, «предъ царя, и князя, и прочими челоуки, ничеже боящеся» и «со многими державеніемъ». Сборн. Публ. Библ., F I, № 522, а. 302.

³⁾ См. выше, стр. 135—36. Феодоръ не исполнилъ желанія князя поставиться на епископію въ Кіевѣ и «не точію не послуша его (князя), но и укоряше и досады многи волагаша на нь». П. С. Л., IX, стр. 230.

⁴⁾ Епископъ «арину его, поругана и безчестна» изъ церкви и велѣлъ закопать въ землю въ монастырѣ.

⁵⁾ П. С. Л., X, 157—158.

упрекая ихъ за послабленія князю. Неужели спрашивается онъ, въ Москвѣ не нашлось никого, кто-бы пожелалъ добра души великаго князя? Если мирно блюдется князя, не хотя погубить стязаній и богатствъ, то какъ вы умолчали? «Растерзали бы есте одежи своя, совѣтуеть Кипріянь, глаголали бы есте предъ пари не стыдяся: аще быша вась послушали, добро бы; аще быша вась убили, и вы святн»¹⁾).

При митр. Кипріянь произошло и первое столкновение между представителями церкви и государства. Немало испытаній пришлось пережить митр. Кипріяну. Возмущенный оскорбленіями московскаго правительства, онъ впервые, кажется, выразилъ протестъ противъ дѣйствій великаго князя, указавъ, что великій князь не имѣетъ права судить митрополита, который подсуденъ одному лишь патріарху. Но, упрямившись на каюсдрѣ митрополитъ неся Руен, Кипріянь держалъ себя очень скромно въ отношеніяхъ съ московскихъ и литовскихъ князьями. Про отношенія Кипріяна къ Василію Дмитріевичу современникъ замѣтилъ, что митрополитъ не могъ «ослышатися слова князя великаго»²⁾. А объ отношеніяхъ митрополита къ литовскому князю свидѣтельствуеть тотъ фактъ, что въ 1405 г. Кипріянь свелъ съ владычества «по повелѣнію Витолтону» еп. туронскаго Литонія³⁾.

Есть указанія, что митрополитъ Фотій обнаружилъ стремленія увеличить свою власть надъ княземъ. Недовольные его дѣятельностью по отысканію доходовъ и стязаніи митрополитъ говорили про него великому князю, что онъ «имѣеть власти надъ князи велико, неже достонть ему»⁴⁾. Изъ двухъ посланій Фотія къ великому князю о неприкосновенности церковныхъ имѣній извѣстно, что митрополитъ дѣйствительно настаивалъ передъ великимъ княземъ объ исполненіи какихъ-то требованій о возмещеніи церковныхъ стязаній и совѣтовалъ ему быть болѣе «благопослушнымъ и покорнымъ»; но это нужно было Фотію лишь для того, чтобы «благочестивымъ спещаніемъ церкви Божіей нареченная утвердить и устроить вся пошлнны»⁵⁾.

¹⁾ Р. И. Б., VI, стр. 175.

²⁾ П. С. Л., IV, 144; ср. Никон. Лѣт., IV, 311.

³⁾ П. С. Л., VIII, 77; Карамзинъ, V, прил. 232.

⁴⁾ Татищевъ, IV, стр. 465.

⁵⁾ Митр. Фотій ссылался на примѣръ прародителей великаго князя, явившихъ къ церкви благопокореніе и послушаніе, и совѣтовалъ князю обратиться къ Христовой церкви и къ нему, митрополиту, съ такими словами: «согрѣшихъ, прости мя и ижеши, о отче, во всемъ благопослушна и покорена мене... имѣши убо благопокорство всяко отъ мене, о отче! Но елика еси вѣщаль намъ о церкви Христовѣ, точю даждь прощеніе и благословеніе къ намъ, и руководецъ буди ми молитвами во благамъ Божіа дѣла». Р. И. Б., VI, стр. 295 и 301.

На почвѣ вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ и готовилось первое энергическое противодействие духовенства московскому правительству. Отцы собора 1503 г. для отраженія такого грознаго для нихъ удара, какъ секуляризація имущества, выдвинули въ свою защиту цѣлый рядъ подлинныхъ и апокрифическихкихъ церковныхъ и государственныхъ нормъ¹⁾. Около того времени появляется и нѣсколько анонимныхъ статей, направленныхъ въ защиту церкви противъ свѣтской власти, въ которыхъ вопросъ объ отношеніяхъ авторитетовъ ставится очень рѣзко къ выгоду духовенства. Неизвѣстный авторъ статьи «о свободѣ снатыя церкви» указываетъ, что церковный пастырь долженъ молиться за господина своего преемника, т. е. государя; «господинъ же пастыря своего съ вещами церковными защищати долженъ есть». При этомъ государь долженъ находиться въ послушаніи пастырей и не уклоняться «на десно или на лую отъ заповѣдей пастыря своего». Пастырь же долженъ охранять прана церкви отъ посягательства свѣтской власти «храбрѣ даже до своего кровопролитія»²⁾.

Но особенно замѣчательно составленное въ 1505 г. русскимъ авторомъ «слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя подлинныя и неподлинныя соборныя церкви вступаютъ и отыимати противу спасенія души своей держаютъ, заповѣди божіи и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съклятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи пріобидяше». Пользуясь латинскими неточностями, авторъ прижѣнительно къ словамъ ап. Петра («се ножа адѣ два», Лук. XXII, 38) развиваетъ теорію двухъ мечей, вещественнаго и духовнаго. Оба меча находятся въ распоряженіи пастырей церкви. Вещественный мечъ, говоритъ авторъ, «достонитъ пастыремъ церковнымъ ижѣти защищеніе церкви своея даже и до своего кровопролитія, аще токмо духовнымъ мечемъ ничтоже споспѣшествуютъ». Прежде всего они и должны прибѣгать къ помощи духовнаго меча до преданія анаемѣ включительно. Если же послѣ третьяго наказанія «непослушни не сотворятъ поведенія и сопротивнии пребудутъ, не хотяще наказатися, ни выи своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити», тогда помощью «плечій мирскихъ» (*brachium seculare*) действовать могутъ мечемъ вещественнымъ на отращеніе силы сопротивныхъ». Такую свою догму авторъ подкрѣпляетъ и теоріей отношенія авто-

¹⁾ Полностью докладъ собора 1503 г. напечатанъ проф. Павловымъ, Истор. очеркъ секуляр., стр. 42—48; ср. также Карамзина, VI, прим. 622, и Калашова, О коричей, стр. 41—43. Въ Стогаавѣ эти нормы занимаютъ 13 главъ, стр. 53 по 65.

²⁾ В. Живковъ, Митр. Данилъ, стр. 94, прим. 2.

ритетовъ духовнаго и свѣтскаго. Обѣ власти изводятся отъ власти божественныя, «и сице толико мірская власть подъ духовною естъ, елико отъ Бога духовное достоинство предположено естъ». Отсюда овъ дѣлаетъ выводъ, что духовная власть не должна уступать свѣтской при послѣдствіяхъ послѣдней даже до пролитія крови, «понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ попиноватися Богу, нежели членѣнкомъ. Міретин бо властели челоуѣцы сущъ: тѣло отъяти могутъ, души-же ни»¹⁾). Столь открыто выраженная на русской почвѣ католическая доктрина о преимуществахъ духовной власти проникла и въ другія литературныя памятники того времени. Въ Повѣсти о бѣломъ клобукѣ приводятся слѣдующія слова патри Константина папѣ Селивестру: «тѣмже сего ради постриженнаго знаменія верховнаго свѣтлинка главы да не мнѣтъ кто со, яко постриженне худо быти и безчестно; паче земаго царѣства саомъ и славою и силою оя украшеніе подобаетъ, попеже всего честиѣнши же на земли»²⁾). Также изображено отношеніе свѣтскаго авторитета къ духовному и по «вѣнцу Константинову». Здѣсь указывается, что такъ какъ ап. Петръ, «яко икаріи (сирѣчь нахѣтнникъ), явилеся уставленъ на земли Сыну Божію», то и царь Константинъ признаетъ за преемниками апостола преимущественное значеніе: «мѣсто пренмущее... власть большая и превысочайшая, паче еже имать наша кротость и царство на земли всѣми видимо». Въ виду же того, что свящеиѣншее слѣданище преемника ап. Петра оказывается выше, «нежели нашего царства», то и надлежитъ его «земнаго престола преславиѣе превознести и воздати ему власть и славы достоинство». Далѣе отмѣчена одна любопытная черта: царь Константинъ горюитъ, что чести ради блаженнаго Петра «кояущего санъ ему себя дахомъ», и повелѣваетъ этотъ-же чинъ и обычай примѣнять и къ послѣдующимъ святителямъ «по подобію нашему царскому». Вслѣдъ за этимъ приводятся тѣ-же слова, какія занесены и въ Повѣсть о бѣломъ клобукѣ»³⁾).

¹⁾ Оп. ркп. Синод. Библи., отд. II, ч. 3, № 329, стр. 615; проф. Павловъ, Истор. очеркъ ескуларизма, стр. 61—62. Авторы описанія предполагаютъ, что слово написано или для кievскаго митрополита Юсифа Салтана, или для новгородскаго архіепископа. Проф. Павловъ полагаетъ, что слово составлено въ Новгородѣ по порученію архіеп. Геннадія послѣ собора 1503 г., такъ какъ въ Новгородѣ были зпца, знающія латинскій языкъ и латинскую богословскую науку.

²⁾ Повѣсть, изд. Кожанчикова, стр. 21, прим. Въ другомъ мѣстѣ представіе въ видѣннй патр. Филовою два мужа, предрекая о передачѣ царскаго вѣнца русскому царю, а бѣлаго клобука новгородскому архіепископу, замѣчаютъ о бѣломъ клобукѣ: «и колыма снѣ честиѣе оного». Тамъ-же, стр. 38.

³⁾ «Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія верховнаго святительскіе званіе да не мнѣтъ кто со, яко постриженне худо быти и безчестно; паче земаго царѣства саомъ и славою и силою оя украшеніе подобаетъ, попеже всего честиѣнши же на земли».

Такого рода тенденція оказываетъ вліяніе даже на такихъ писателей, которые, казалось бы, всего менѣе могли ей подчиниться. Такъ митр. Макарій въ отвѣтъ Грозному «о неподвижныхъ вещехъ, данныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», пѣшкомъ приводитъ слова царя Константина изъ «иѣна Константинова»¹⁾. Этой-же теоріей, поставивъ ее еще болѣе рѣзко, воспользовался Максимъ Грекъ, защищая права константинопольскаго патріарха противъ установленной клятвы въ чинѣ поставленія не принимать митрополита изъ Константинополя. Максимъ, вопреки русской дѣйствительности, указываетъ что «святительство и царя можетъ и вѣнчать и утверждать, а не царство святителейъ... Убо больши есть священство царства земскаго, крохѣ бо великаго прекословія меньша отъ большаго благословляется»²⁾. Въ сводныхъ кормичехъ самаго начала XVII в. уже прямо констатируется, что «священничество и самого царства честиѣйшии и больши есть»³⁾.

Созданная Юсифлянами теорія теократическаго абсолютизма и признанное ими первенство государя даже въ дѣлахъ церковнаго управленія не могли, казалось бы, быть примирены съ католической догмой о преимуществахъ священства передъ свѣтскою властью. Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что эта догма перенесена на Русь партіей Юсифлянскаго духовенства въ защиту одного изъ самыхъ дорогихъ для этой партіи правъ церкви противъ посягательства московскаго правительства. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей Юсифлянъ, митр. Макарій, открыто сослался на эту

земнаго царства савою и славою и честию и силою ему украсится подобаетъ. *Ф. Терновскій, Научен. вѣлант. вѣст., выш. II, стр. 139—140 и 142—143.*

¹⁾ Враздѣ коня его своими руками держащи ради чести блаженнаго Петра, конюшьскимъ сапомъ дахомся ему. Повелѣваемъ того-же чина и обычая всѣмъ иже по немъ святителямъ творити въ побѣдѣхъ своихъ по подобію нашего царства. Тѣмже ради сего постриженнаго впаменнмъ верховнаго святительскія главы, да не мнитъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства сапомъ и славою и силою украсати подобаетъ. *Лѣт. русск. литер., изд. Тихонравова, т. V, смѣсл. стр. 130.*

²⁾ Сочиненія, ч. 3, стр. 155.

³⁾ *Росскіи кормичи, Обзорніе кормичей, изд. 2, прил. VII, стр. 538:* сводная кормичая, списанная Лаптевымъ съ списка 1615 г. Любопытное отношеніе царя Ивана Васильевича къ этой католической догмѣ. Онъ замѣтилъ Посевину: «А что говоришь, что папа Григорій на престолѣ сидитъ на Петровѣ, и намъ потому его такъ превозношать и чтии пригоже; и ему подобаетъ смиренномудрствовать и послѣдовати Петру во всемъ по Христовѣ заповѣди, а не потому какъ ты говоришь. А что намъ говоришь и величаешь папу а намъ честь приносишь, что вел. князю Владимиру Мономаху, такъ и намъ благочестивымъ царемъ честь подобно приносити: ино такъ и есть въ мирскомъ животѣ, въ нашей царской державѣ и всѣхъ великихъ государей братья нашей, насъ пригоже почитать по царскому величеству; а святителямъ всѣмъ апостольскимъ ученикамъ должно смиреніе показывать, а не возноситься и прывыше царей гордостью не обноситься». *Пам. днѣл. свом., X, стр. 305.*

догму, призывая как-бы ея практическую обязательность для государя всея Руси. Как-же припрядлись эти двѣ повидлиому совершенно противоположныя теоріи? ¹⁾

Исходная точка политической доктрины Юсифляты даетъ ключъ къ раскрытію этой политической загадки. Юсифъ волоцкій начинаетъ свою политическую проповѣдь прибавкой къ установленной догмѣ о почитаніи властей революціоннаго тезиса, на основаніи котораго каждому предоставлялось не признавать установленную власть, если она не выдерживала критики съ общеправственной и религіозной точки зрѣнія. Церковно-политическая дѣятельность великаго князя Ивана Васильевича побудила Юсифа дать заранѣе оправданіе дѣйствіямъ оппозиціонной партіи противъ всѣхъ мѣропріятій враждебнаго правительства. Та же неподатливость мірскихъ властей подклонить пастырямъ свои гордыя ныи вызвала появленіе на русской почвѣ теоріи двухъ мечей. Когда же, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣнились отношенія юсифлянтской партіи къ правительству, и послѣднее выполнило требованія юсифлянтъ какъ относительно церковныхъ имуществъ, такъ и казни еретиковъ, тогда только и возникаетъ во всей полнотѣ теорія теократическаго абсолютизма. Она возникла, послѣ оказанныхъ правительствомъ услугъ и подъ условіемъ исполненія имъ требованій воинствующей партіи поборниковъ правотѣрія. Но у Юсифа, его сторонниковъ и учениковъ въ случаѣ нужды всегда оставалась въ рукахъ серьезная сдержка къ провозглашенной ими политической доктринѣ. Уже послѣ собора 1504 г., защищая противъ нападокъ заповѣдскихъ старцевъ принятія этихъ соборомъ мѣры, Юсифъ старается поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти, не будучи увѣренъ въ ея стойкости. ²⁾ Безъ всякаго видимаго повода митр. Данилъ въ своемъ словѣ о повиновеніи властямъ опять отмѣчаетъ эту сдержку. Онъ повторяетъ доктрину Юсифа о неповиновеніи нечестивымъ царямъ и учитъ, что подобаетъ покоряться властямъ лишь «Божіе повелѣніе творящимъ»; что повиноваться властямъ, какъ Богу, обязательно для людей лишь тогда, «аще по закону Божію начальство имъ есть»; если-же власти что либо «внѣ воли Господни

¹⁾ Недостаточно, конечно, указать, напр. объ Юсифѣ волоцкомъ, что онъ теоретически власть церкви ставилъ выше власти государя, въ дѣйствительности-же церкви онъ отводитъ второстепенное соподчиненное положеніе. В. Жакимъ, Митр. Данилъ, стр. 91.

²⁾ Юсифъ убѣждаетъ старцевъ повиноваться соборной церкви и при этомъ ссылается на 20-е слово посланія Никона Черногорца, гдѣ сказано: «къ царю же и ко архіерею убо повиновеніе тѣлесное и урокъ данъ и прочая подобающая: душевное же нл. Архіерею же и душевное, купно и тѣлесное, яко

повеждать намъ, да не послушаехъ ихъ», ¹⁾ Митр. Макарій уже ссылается на католическую доктрину Константина вѣна при первой грозящей опасности для неприкосновенности правъ церкви ²⁾.

Такихъ образомъ высокія права и пренужества государственной власти признавались юсифициами только подъ условіемъ и до тѣхъ поръ, пока правительственная политика не расходилась съ ихъ здуманными стремленіями или, вѣрнѣе, пока имъ удавалось сохрѣнить за собой исключительное вліяніе на направленіе государственной и общественной жизни. Отсюда понятно, какъ важно было для этой партіи обезпечить за собой руководящую роль въ государственной политикѣ. Старанія ея очень рано направлены были въ эту сторону. Во всѣхъ обращенныхъ къ представителю власти посланіяхъ видные представители духовенства пронодятъ мысль, что государи должны ихъ слушать, а они должны ихъ наставлять. Такъ еще ростовскій епископъ Вассіанъ свое знаменитое посланіе великому князю на Угру открываетъ слѣдующими словами: «Молю убо величество твое, да не прогнѣвашися на насъ смиреніе, еже первіе державнуи ми усты ко устамъ глаголати твоему величеству твоего ради спасенія: наше убо, государю великій, еже исповннати намъ, наше же еже послушати» ³⁾. Архіепископъ Геннадій высказываетъ подобный же взглядъ юзюцкому князю Борису Васильевичу: «Насъ же поставилъ (Христосъ) пастырие и учителя не только меньшимъ предвѣдѣстити, но и намъ самимъ, государемъ великимъ, молити и запрѣтити, чтобы не токмо царство земное держали, но съ земнымъ симъ и притременнымъ царствомъ вѣчное небесное получили». ⁴⁾ Онъ же въ грамотѣ митр. Зосимѣ, стремясь искоренить ересь и смести «соромоту» съ земли, убѣждаетъ его, чтобы онъ «великому государю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ того-же слова повторяется та-же мысль: такъ какъ князи и владыки имѣютъ власть только надъ тѣломъ, а не надъ душою, потому, если они «на убійство или на нѣкая безвѣстная и душевредная дѣла повеждаютъ намъ, не подобаетъ повиноватися имъ, аще и тѣло до смерти мучать». Сборн. Публ. Библ., Р I, № 522, л. 231 об.; 238 (первый) об. и 240. Конечно, мысль о превосходствѣ духовнаго сана надъ мірскимъ внушила митр. Давиду знаменательныя слова, сказанныя имъ передъ постриженіемъ въ сѣмю великаго князя Василья кнзю Андрею Ивановичу, который возвращалъ противъ пострига: «не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ сѣмѣхъ, ни въ будущи; занеже сосудъ серебрянъ добро, а позлащенъ того злуши». П. С. Л., VI, 274.

²⁾ У него въ поученіяхъ также проскальзываетъ мысль о покореніи лишь благочестивымъ властямъ: въ посланіи къ царю 1552 г. митр. Макарій говоритъ: «Аще царевосердце въ рудѣ Вожіа, то всѣмъ подобаетъ по воли Божіи и по царскому велѣнію ходити и повиноватися съ страхомъ и трепетомъ». А. И. т. I, стр. 292.

³⁾ П. С. Л., VI, 226; VIII, 207 и слѣд.; Степ. ки., II, 140 и слѣд.

⁴⁾ Р. И. В., VI, стр. 756.

и чести для государя великаго князя; заже векому многу того разговорити государю, а дежитъ то на тебѣ... и на насѣ»¹⁾). Иосифъ возопиди въ посланіи къ андрониковскому архимандриту Митрофану, государеву духовнику, указавъ мѣры къ искорененію ереси, замѣчаетъ: «и тебѣ о томъ государю великому князю пригоже да и должно поминати и въ томъ дѣлѣ государя поберечь, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю»²⁾). Въ грамотѣ великому князю Василью Ивановичу оутакже замѣчаетъ: «знаѣ же глѣпо царскому твоему остроумію и богопреданней мудрости вспомиати ти, яко государю и яко владычѣ»³⁾). Тѣ-же самыя указанія объ обязанностяхъ представителей духовенства направлять своими совѣтами дѣятельность правительста встрѣчаются и въ посланіяхъ архіепископовъ новгородскихъ Макарія и Θεодосія»⁴⁾).

Подобнаго рода указанія, въ какой бы формѣ они ни дѣлались, повсе не были одной только деликатной формальностью, оправдывающей непосредственное обращеніе къ государю. Даже самыя уничижительныя изъ нихъ скрывали за собою требованіе исполнить предлагаемый совѣтъ. Указавъ на необходимость казни еретиковъ, Иосифъ подкрѣпляетъ свое предложеніе ссылкой на преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ, которые молили царей и князей объ истребленіи еретиковъ: «И сія убо слышаще, замѣчаетъ Иосифъ, благочестивѣи царіе и св. отецъ моленію и наказанію повинующеся, еретики и отступники повелѣваху проклинати»⁵⁾). Такого-же повиновенія спомнѣ наказанія добивался и Иосифъ. Неизбѣжный ростовскій архіепископъ пишетъ къ князю по поводу бранобритія, убѣждая его отбросить латинское любомудріе, и при этомъ объясняетъ: «должно ми есть пенцися о спасеніи душъ вашихъ и сія вся вспомянухъ писаніемъ». Авторъ даетъ такой совѣтъ: «ты-же, сыну, никакоже въ забвеніе положи, ни преслушайся мене, на ползу ти совѣтующа: понеже преслушаніе ра-

¹⁾ Р. И. В., VI, стр. 775—776.

²⁾ Чтен. Общ. Ист. 1847, № 1, сѣкъ.

³⁾ Сборн. Публ. Визб., Q. XVII, № 64, з. 203.

⁴⁾ Д. къ А. И., т. I, №№ 25 и 41. Митр. Макаріѣ дословно повторяетъ вышеприведенныя слова Иосифа, а архіеп. Θεодосіѣ, повторяя слова Иосифа же изъ посланія его къ суздальскому епископу Инфонту, пишетъ царю Ивану Васильевичу о принятіи мѣръ къ прекращенію безчинства въ Новгородѣ: «О снѣхъ тебѣ пишу, не яко уча и наказуя твое остроуміе и благородную премудрость, не бо глѣпо намъ забыти своя мѣры и на таковая дерзати, но яко учениѣ учителю, яко рабъ государю вспоминаю тебѣ». Ср. Р. И. В., VI, стр. 824.

⁵⁾ Просвѣтитель, стр. 542.

жасть смерть, а послушаніе раждаетъ животъ вѣчный». Но оупе не ограничивается и этимъ панивооткровеннымъ совѣтомъ и предупреждаетъ, что если князь не будетъ объ этомъ радѣть, то «мы того не имамъ премолчати, но имамъ ти инако отписати, яко же есмь пріали отъ Господа Вседръжителя даръ и крѣпость»¹⁾. Вассіанъ Рыло, съ такимъ смиреніемъ оправдавшійся за составленіе посланія Ивану III, когда великій князь не исполнилъ преподаанныхъ ему совѣтовъ «на крѣпость и утвержденіе его державѣ», счелъ своимъ долгомъ «згѣ глаголати» великому князю, называя его «бѣгупомъ».

Итакъ, каждый энергическій представитель духовенства изъ партіи Юсифляцъ имѣлъ въ своихъ рукахъ очень сильныя средства для противодѣйствія власти, если только она уклонялась отъ его руководства. Доктрина теократическаго абсолютизма имѣла, такимъ образомъ, лишь условное значеніе, пока представитель власти слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ ея авторовъ. Въ XVI вѣкѣ, начиная съ Василія III, общее направленіе государственной политики вполнѣ отвѣчало Юсифляцкимъ идеаламъ; этимъ самымъ были устранены возможныя столкновенія между представителями духовнаго и свѣтскаго авторитетовъ.

¹⁾ Р. Н. В., VI, № 126. Издатель усвоить предположительно эту гранету Вассіану Рыло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Политическіе взгляды московскаго правительства.

Когда московское княжество возвысилось среди другихъ русскихъ княженій, великіе князья московскіе стремились обезпечить за собою это положеніе путемъ примысловъ. Примыслы были главнѣйшею политической дѣлью московскихъ правителей. Великій князь Василій Дмитріевичъ прекрасно формулировалъ свои стремленія, указавъ митр. Кипріяну: «вы поставлены къ миру и любви учити, явѣ же имѣніе собирати и возноситися»¹⁾. Это стремленіе прекрасно понимали и поборники московской централизаціи. Составитель житія Мартиніана Бѣлозерскаго по поводу назначенія Василю Темному въ удѣлъ города Вологды замѣчаетъ: «како се сотвори такову великому господину и самодержну русскія великія земли, иже единемъ градомъ упокоитися и уфамити, иже прежде недовольну сущу бывшу всея русскія земли областію.»²⁾

Такое недовольство предѣлами своей области открыто заявляетъ московская дипломатія, начиная съ Ивана III. На требовавіе литовскихъ посланцевъ возвратить захваченные города и волости отъ имени великаго князя данъ былъ такой отвѣтъ литовскому князю: «и намъ чего дѣля тѣхъ городовъ и волостей, своей отчины, которые намъ Богъ далъ, ему отступатися? Ано не то одно наша отчина, кон города и волости шлѣ за нами: и вся русская земля, Кіевъ и Смоленскъ и шныя города, которые онъ за собою держитъ къ литовской землѣ, съ Божією волею изъ старины, отъ нашихъ прародителей, наша отчина». «Своей отчины всеі русскіе земли о чемъ намъ не хотѣти?» заявляло съ откровенною наивно-

¹⁾ Тамнасетъ, IV, 404.

²⁾ Лѣт. зап. Арх. Комм., вып. 1, матер., стр. 3.

стью московское правительство ¹⁾. Тѣ же мысли повторяетъ и правительство Василія III. Въ отвѣтъ цесарскому послу Герберштейну оно указываетъ, что цесарь Максимилианъ самъ предлагалъ «на Жигмонта короля быти съ нимъ заодно и доставати намъ споеи вотчины: Кіева, Полтеска, Витебска и иныхъ городовъ русскіе земли». Совершенно естественно, что оно отказалось возвратить захваченный Смоленскъ и заключило свой отказъ ясно выраженной формулой своихъ стремленій: «а и впередъ просимъ того завсе у Бога, чтобы наша отчина, которая отъ прародителей нашихъ наша, за нами было, и имя бы наше вышло, а не низлось, и государства наши ширлись, а не умалялись» ²⁾.

И великій князь Василій Дмитріевичъ стремится «воспомощься» и государь и великій князь Василій Ивановичъ хлопочеть о повышеши имени. Цѣли ихъ повидимому тождественны. Но тождество цѣлей не мѣдитъ далѣе общихъ стремленій о примыслахъ. Понятія о чести, великокняжескаго имени или достоинства далеко разошлись. Въ восточныхъ представителяхъ власти на высоту своего сана замѣчаются значительные успѣхи со времени Василія Дмитріевича. Цѣлый рядъ событій содѣйствовалъ этому. Флорентійская унія, паденіе Царьграда, женитьба Ивана III на византийской царевнѣ и сверженіе татарскаго ига, какъ указано выше, вызвали серьезный перепоротъ въ умахъ современниковъ на цѣли и задачи единого православнаго государства въ русской землѣ. Вѣстѣ съ этихъ измѣнилось и восторженіе на представителя власти. Ивана III уже почти постоянно титулуютъ, особенно писатели изъ среды духовенства, царемъ и самодержцемъ ³⁾. Самъ Иванъ III титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ мелкими государствами: «Божією милостію царь всея Руси» или «государь великій царь всея Руси» ⁴⁾; въ сношеніяхъ съ Крымомъ и Турціей: «Божією милостію единъ правый государь всея Руси» ⁵⁾, а въ сношеніяхъ съ Литвою съ 1493 г. — «Божією милостію государь всея Руси» ⁶⁾.

¹⁾ А. З. Р., I, № 192, стр. 273; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 460 и 389.

²⁾ Нам. диял. снош., I, стр. 270 и 287; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 512 и 530.

³⁾ См. посланія: см. Вассіана Рыло къ Ивану III, П. С. Л., VI, 225 и слѣд.; интр. Зоелми, Р. И. В., VI, стр. 788; рѣчь интр. Симона при его поставленіи, П. С. Л., VI, 3). Даже инокъ «добровольный люде» называютъ его «государемъ великимъ княземъ русскимъ царемъ», П. С. Л., VI, 208; VIII, 186.

⁴⁾ 1) Съ Ревеля: *Восточное Оч. Рум. муз.*, стр. 60; Нам. диял. снош., I, 21; 59. 2) Съ Любекомъ: Нам. диял. снош., I, 20 и 46. 3) Съ магистрами ливонскимъ и прусскимъ: Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 97 и 99.

⁵⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 161, 162, 184, 399 и 429.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXXV, 80 и 82.

Въ Литвѣ не хотѣли признавать этого титула и жаловались, что московскій государь написалъ «себя нѣкъ высоко, не по старинѣ, не подлугъ того, какъ издавна обычай бываеъ». Но въ Москвѣ никакой возмущенности въ такомъ титулѣ не находили и объясняли, что государь написалъ то, чѣмъ его Богъ подаровалъ отъ дѣды и отъ прадѣды отъ началъ прапои естъ уроженной государь всея Руси»¹⁾. Иванъ Васильевичъ первый изъ московскихъ князей официально принялъ и званіе «самодержца»²⁾. Несомнѣнно, что въ видахъ повышенія своей чести Иванъ III предпринялъ въ 1498 пѣчаніе шапки и бармаги шука своего Дмитрія. Но смутныя событія въ великокняжеской семьѣ уличтожили политическія слѣдствія этой мѣры; сына же своего Василія Иванъ III призналъ великимъ княземъ безъ указанной церемоніи.

Но честь имени Василія III возмншалась уже тѣмъ, что онъ былъ сыномъ византійской царицы и, значитъ, по крови былъ связанъ съ византійскими императорами, что не осталось незамѣченнымъ современниками³⁾. Управительство Василія III не упускало ни одного повода къ возмншенью имени государя всея Руси. О немъ замѣчено, что онъ составилъ себѣ и особую титулу великія державы и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ грамотахъ.

¹⁾ А. З. Р., I, № 110; Сборн. Р. И. Общ., XXXV, 105 и 107. По перемирію 1494 этотъ титулъ хотя и былъ признанъ Литвой, но не надолго; по поводу различныхъ неудовольствій титулъ не прописывался сполна. Въ 1500 литовскій князь писалъ крымскому хану про Ивана III: «можешь и самъ по немъ вѣдати, каково въ онъ высоко въ мысл и естъ». А. З. Р., т. I, № 183; Сборн. Р. И. Общ. XL1, стр. 331. А въ 1503 г. литовскимъ посламъ поручено объявить, что королевскому маестату «не быти обовязану къ писанью князю московскому напомяъ всея Руси», такъ какъ неудобно, послѣ избранія литовскаго князя на королевскій престолъ, «копъ въ королевствѣ и подъ королевствомъ естъ большая часть Руси», писать московскаго князя государемъ всея Руси. Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, 129; Сборникъ Мухомова № 41; А. З. Р., I, № 200.

²⁾ Въ 1496 г. по чину поставленія митр. Симона, послѣдній обратился къ вел. князю съ словами: «всемогущая десница Великого да сохранитъ Богъ поставленное твое царство, самодержавный государю и владыко!» Далѣе митрополитъ называлъ государя «владыко самодержецъ», П. С. Л., VI, 39—40; VIII, 230; Никол. лѣт., VI, 111. Въ 1498 г. по чину вѣнчанія шука Дмитрія митрополитъ титуловалъ Ивана III «преславнымъ царемъ самодержецемъ». См. *Пробл. Ключевскаго*, Боярская дума, изд. 2, стр. 258 и слѣд.

³⁾ Въ словѣ на память преподобнаго Зосимы прс Василія III сказано: «иже царствіа теземениатаго, иже и роженіе отъ княжескія и царскія крови смѣшеніе имѣвшаго», Пробл. Свб. 1850, № 7; Приб. къ Твор. св. отц. 1859 г., ч. XVIII. Авторъ похвального олова Василію III говоритъ: «отъ сего славнаго Ивана (т. о. Ивана II) родися нашъ государь сей славный... князь великій Василій Ивановичъ, русскій бѣлый царь самодержецъ всея Руси; также и матери богонудрия именуемая Союя, рыцарями сущи, и сія бо бѣ такоже отъ корени царскаго», Сборн. изъ библ. Толст., отд. I № 33, л. 2. Василія III даже прямо пазывали сродникомъ царгородскихъ царей, шукомъ Озмы Амморейскаго. Прѣше митр. Данила съ Максим. Грекомъ, стр. 5.

исторьяхъ писати себѣ повелѣи, имѣ же званьемъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковыя самодержавельствомъ не писашеся и не нарицашеся, яко же сиеде сей: Божією милостію царь и великій князь» и проч. ¹⁾ Хотя этотъ титулъ употреблялся уже и Иваномъ III, но Василій III гораздо чаще пользовался имъ во вѣдѣнныхъ сношеніяхъ. Ему даже удалось добиться признанія за нимъ титула— «цесаря и обладателя всея Руси» по мирному договору съ императоромъ Максимилианомъ въ 1514 г. ²⁾ Только въ сношеніяхъ съ Литвой и Польшей не употреблялся этотъ титулъ. Титулъ царя Василій III употреблялъ иногда даже въ обыкновенныхъ правительственныхъ грамотахъ ³⁾ Но торжественно провозгласить себя царемъ онъ не рѣшился, быть можетъ, въ виду неизмѣниа прямихъ наслѣдниковъ отъ перваго брака. Можно, однако, догадываться, что о принятіи царскаго титула немало толковали въ Москвѣ: и при Василіи III. Этими только, кажется, и можно объяснить упорные слухи, какіе распространяли побывавшіе въ Москвѣ иностранцы, о намѣреніяхъ Василія выхлопотать себѣ королевскій титулъ у папы.

При Иванѣ Грозномъ національно-политическія теоріи о русскомъ царствѣ завершились торжественнымъ вѣнчаніемъ на царство государя и великаго князя всея Руси. Молодой государь съ юныхъ лѣтъ имѣлъ возможность ознакомиться съ сочиненіями современной русской публицистики и многое изъ нихъ, несомнѣнно, твердо усвоилъ. Благодаря развиившейся у него страсти къ литературнымъ занятіямъ ⁴⁾, Иванъ Грозный верѣдко касался основныхъ политическихъ вопросовъ того времени и въ собственныхъ своихъ сочиненіяхъ; по нимъ можно судить, что позаниматься публицистско-государь отъ своихъ предшественниковъ въ сферѣ политической мысли.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный былъ прежде всего, какъ и громадное большинство его современниковъ, горячій поборникъ идеи о богоустановленности власти и о покореніи властичь. Защи-

¹⁾ А. Поповъ, Изборникъ изъ хронографовъ, стр. 181—182.

²⁾ Пам. дипл. снош., I, стр. 1503—1508; С. Г. и Д., V, № 66; Искаревскій, Наука и ятер., II, 429—430. Аутентичность этой грамоты не отрицало императорское правительство, но только ссылалось на то, что цесарскій посоль Юрій Спидламеръ заключилъ договоръ «не во государя нашего величью, о томъ съ нимъ къ великому государю приказъ не бывалъ». Пам. диплом. сп., I, 270. На эту грамоту ссылался при Иванѣ IV, Сб. Р. И. Общ., т. LXI, стр. 474.

³⁾ Въ грамотѣ Шековскому Петропавловскому монастырю 1510 г. февр. 16. Востокоез., Опис. Румянц. музея, стр. 87.

⁴⁾ Современники характеризовали Ивана IV между прочимъ такъ: «бысть же и въ словесной премудрости риторъ естественноевъ, и смысленіемъ бистроумнѣвъ... А. Ѡ. Бичковъ, Оп. рик. Публ. Выбл., I, стр. 51 и слѣд.

щаясь отъ нападокъ Курбскаго, онъ ссылался на общезнающее учене оъ этомъ ап. Павла¹⁾, иногда своеобразно комментируя апостольскія слова. Такъ, указавъ на то, что противляющіеся власти противятся Богу, Грозный отсюда выводилъ, что если кто противится Богу, «сѣи отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшеніе». При этомъ онъ отмѣтилъ, что апостольское учене прихлѣпается ко великой власти, хотя-бы приобрѣтеной кровопролитіемъ; но съ своей стороны, вопреки словамъ апостола, добавилъ: «тѣмъ-же наипаче, противлялся власти, приобрѣтеной не восхищеніемъ, Богу противится», устанавливая такимъ образомъ различіе въ почитаніи властей законныхъ и незаконныхъ. Далѣе изъ словъ апостола о карающемъ и милующемъ мѣтѣ Грозный сдѣлалъ выводъ, что цари, непримѣняющіе этого правила, не суть цари²⁾. Въ одномъ только пунктѣ онъ ограничилъ все учене о покореніи властямъ: согласно всему божественному писанію рабы не должны противиться господамъ ни въ чемъ, кромѣ вѣры³⁾. Согласно ученію публицистовъ оъ обязанностяхъ царя по охранѣ правопорядка Грозный не разъ открыто заявлялъ, что эту обязанность онъ считаетъ самой существенной. Такъ, задумавъ истронить въ 1551 г. Сеіяскъ для защиты отъ невѣрныхъ казанцевъ, онъ говорилъ: «Всемилюемый Боже... устронить мя земли сей православной царя и пастыря, вожа и правителя еже правити люде Его въ православнѣ непоколебимомъ быти»⁴⁾... Въ томъ-же смыслѣ онъ писалъ и Курбскому: «Тщуся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познають Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ, государя»⁵⁾. Совершенно почти дословно онъ повторялъ и известное мѣсто Іосифлянтъ о высотѣ царскаго достоинства; такъ

¹⁾ Посл. къ Римл., XIII, 1—5; къ Ефеслянамъ VI, 5—7.

²⁾ «Царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благамъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе. Аще-ли сего не имѣя, нѣсть царь». Сказанія князя Курбскаго, изд. 2, стр. 159—160 и 167—169.

³⁾ «Вся божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры». Тамъ-же, стр. 160. Эта оговорка, какъ указано, встрѣчается и въ сочиненіяхъ Іосифа возодака и митр. Даниала.

⁴⁾ Никон. Лѣт., VII, 73; Царствъ кн., 161—162.

⁵⁾ Сказанія кн. Курбскаго, стр. 191. Въ 1562 г. Грозный пишетъ въ Троицкій монастырь: «да презреть (Богъ) наша великая беззаконія и подастъ намъ разумъ и разсужденіе и мудрость, якоже годѣ Его святой воли, правити и стронити Богомъ преданное имъ стадо, Христовыхъ словесныхъ овецъ всего православнаго христіанства». А. А. Э., I, № 230. Въ 1565 г. въ грамотѣ Св. Синоду-Августъ говорится: «Мы... какъ есть государи правые христіанскіе, истинною вѣрою сия, завсе порученную на пастырю отъ Божія помощи стронимъ и осмотрѣнемъ своимъ оберегаемъ отъ всякія невагоды... и къ покою христіанскому и къ пожитью приводимъ». Лит. Метр., I, стр. 252.

въ письмѣ къ Баторію онъ ссылался на публичные слова проюка: «слышите убо царя и разумѣйте, яко дана бысть вамъ держана отъ Господа и сила отъ Вышняго» и проч. ¹⁾). Соответственно этому Грозный воспринялъ и учение о великой отвѣтственности представителя власти передъ судомъ Божества какъ за собственыя прегрѣшенія, такъ и за грѣхи своихъ подданныхъ: «Азъ убо вѣрую, нищети онъ, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріятн ми, яко рабу, и не токмо о спонхъ, но и о подданныхъ мѣхъ дати отгнѣть, аще можхъ несяотрѣнѣмъ погрѣшати.» ²⁾). Вспоминая, конечно, іосифлянскую догму, по которой, за грѣхъ государя Богъ казнитъ всю землю, Иванъ Васильевичъ желалъ, чтобы Господь «не помянулъ юностихъ его согрѣшеній и не связалъ бы его грѣхомъ толки множества народу» ³⁾). Не даромъ же благовѣрный царь Иванъ Васильевичъ зѣло похвалялъ «Просвѣтителя» Іосифа волоцкого ⁴⁾:

Такимъ образомъ мнѣнія Грознаго о царскомъ достоинствѣ, о правахъ и обязанностяхъ государя слагались уже по готовымъ образцамъ, и ему не пришлось прибавить ничего новаго къ готовымъ теоріямъ ⁵⁾). Онъ только примѣнилъ ихъ въ полномъ объемѣ на практикѣ; и принужденъ былъ задержать эту практику противъ литературныхъ нападокъ оппозиціи. Именно потому, быть можетъ, теорія самодержавнаго царства у Грознаго вышла гораздо болѣе конкретной, но въ то-же время и болѣе узкой. Исходя изъ готовой теоретической посылки, что «земля правится Божіимъ милосердіемъ, пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди нами, государями своими», Грозный съ негодованіемъ отвергъ всякое значеніе избранной рады, такъ какъ, по его мнѣнію, «россійское самодержавствію означала сами владѣють своими царствы», а государь не можетъ назваться самодержцемъ, если «не самъ строитъ». Это самодержательство въ вылу полемики и династическихъ споровъ у Грознаго сводится къ тому, что государь повелѣваетъ: «хотѣніе свое творити отъ Бога повинныхъ рабомъ», которые по Божію повелѣнію

¹⁾ Лит. Метр., II, стр. 78.

²⁾ Сказанія кн. Курбскаго, 209.

³⁾ Никои. Лѣт. VII, 119.

⁴⁾ Карпатскій, VIII, прим. 394.

⁵⁾ Противоположное мнѣніе защищала Соловьевъ VI, изд. 4, стр. 40; «Иванъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ всю значеніе царской власти, первый составилъ себя ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиляли свою власть только практически. Свою теорію Грозный создалъ, по мнѣнію Соловьева, частью изъ практическихъ наблюденій, частью изъ чтенія исторіи, дѣтства и св. отцовъ. Создавать то, что могло быть и было перенято изъ чтенія, не предстало надобности».

не должны отступать своего работного ита и владычества своего государя. Исполнение его хотѣній есть первая обязанность подданаго и составляет то, что Грозный называет добротствомъ. Этимиъ устанавливается мірнѣе отношеній государя къ подданнымъ. «Добротныхъ своихъ, пишетъ Грозный, жалуетъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обратятся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казни пріемлютъ»¹⁾. Государю принадлежитъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ по усмотрѣнію, такъ какъ они Богомъ поручены ему въ работу²⁾, и никому, кромѣ Бога, государи не дадутъ въ этомъ отчета³⁾.

Дальше этихъ положеній не шли представленія Грознаго о своей власти: но ни одно изъ этихъ положеній не создано имъ. Правда онъ пытается еще ослѣпить теорію неограниченной власти ссылками на изначальную старину. Но и въ этомъ онъ стоитъ на той-же ложной исторической почвѣ, какъ и предшествующіе и современные ему публицисты, ведущіе русское самодержавіе отъ Владиміра Святого и Владиміра Мономаха⁴⁾.

Но проникнутый этими воззрѣніями до крайняго самообоготворенія, онъ съ пыломъ своей страстной натуры стремился сообразно съ ними нормировать внѣшнія и внутреннія государственныя отношенія. Въ лицѣ его новыя государственныя теоріи нашли самого выпуклаго выразителя, а время его царствованія выдѣляется замѣтными чертами въ исторіи политическихъ отношеній древней Руси.

Торжественное вѣнчаніе Грознаго на царство въ значительной степени удовлетворило гордое національное чувство горячихъ патриотовъ такимъ повышеиіемъ чести русскаго государя. Но ихъ стремленія на этомъ остановиться не могли. Единный во всей поднебесной православный царь долженъ былъ получить признаніе за

¹⁾ Сказанія, стр. 179, 162, 172, 209—210 и 180.

²⁾ Тамъ-же, стр. 179: «А жаловати своихъ холопой вольны, а в казнить вольны жъ есмь». Еще см. стр. 192; ср. Александро-Невск. лѣт. въ Р. И. Б., III, стр. 192: «всякому своего вольно казнить и жаловати».

³⁾ Тамъ-же, стр. 169: «Кто убо постави оудію и властеля надъ нами?». Стр. 195: «хоселъ русскіе владѣтели не истрауемы быши ни отъ кого-же, во повольны быши подвластныхъ своихъ жаловати и казнить». Въ известныхъ боярскихъ отвѣтахъ на письма Сигизмунда-Августа та-же мысль выражена такъ: «царское самодержество... отъ всемогуща Божія десницы на своихъ государствехъ самодержествуютъ... и никто же ни имъ чина не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а злыхъ казнить» Бавліое XV, стр. 47.

⁴⁾ Сказанія, стр. 157: «Русское самодержавство Божіимъ позволеніемъ почивъ отъ великаго князя Владиміра Св. и Владиміра Мономаха, высокодостоѣннѣйшую честь отъ грохъ воспріявшаго... и дожде до насъ смпренныхъ скпетодержанія русскаго царствія... Божіимъ позволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся... свое вздохомъ, а не чужое восхитихомъ».

нихъ такого достоинства во всѣхъ странахъ. Отсюда получаютъ объясненіе всѣ настойчивыя попытки московскаго правительства добиться признанія за государемъ всея Руси права на царскій титулъ. При Грозномъ достиженіе указанной цѣли было руководящимъ принципомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Особо важно было настоять на признаніи за московскимъ государемъ новаго титула у польско-литовскаго правительства, такъ какъ въ предѣлахъ этого государства находилась еще значительная часть изначальной прародительской отчины московскихъ государей, населенная почти исключительно жителями православнаго исповѣданія.

Разборъ съ этой стороны дипломатическихъ сношеній Москвы съ Литвой и Польшей укажетъ какъ ту энергію, съ какой дебатировался ими вопросъ о титулѣ, такъ и степень политической зрѣлости обѣихъ сторонъ.

Въ первый разъ при Грозномъ столкновеніе изъ-за титула произошло при заключеніи перемирія въ 1549 г., когда польско-литовскіе послы отказались включить въ королевскую перемирную грамоту новый титулъ московскаго государя. Посольскіе дьяки, очевидно по наказу думы, говорили писарю Глѣбу, — который, ссылаясь на перемирную грамоту 1542 г., отказался писать «царемъ» имя великаго государя, — что «государь нашъ въ то время на свои государства царемъ не вѣнчался, и потому тогда въ той грамотѣ царемъ не писанъ; а нынѣ, съ Божіею волею, государь нашъ царемъ вѣнчался по прежнимъ обычаямъ, какъ былъ на государствахъ русскихъ царемъ и великимъ княземъ прародитель его Владимиръ Мономахъ Всеволодовичъ, и то имя государь нашъ не чужее князю, отъ своего прародителя». Послы, однако, одобрили образъ дѣйствій своего писаря и объяснили, что у нихъ въ наказѣ ничего не сказано о новомъ титулѣ, такъ какъ государь московскій не обоедался съ нѣмъ государемъ «что царемъ ся учинилъ». По этому поводу состоялось засѣданіе думы, на которомъ сначала рѣшено было поугагать послонъ отпускомъ и тѣмъ вынудить у нихъ «последнее слово». Но что было дѣлать, если послы заупрямятся на своемъ: уступить имъ или нѣтъ? Царь много говорилъ съ боярами о томъ, «пригоже ли его имя исполнил писати» и только послѣ совѣта бояръ, что «нынѣ для недругонъ крымскаго и казанскаго пригоже не сполна писати», состоялось приговоръ о написаніи королевской перемирной грамоты по старинѣ. Любопытныя мотивы этого приговора. Рѣшено было уступить потому, что если съ королевемъ «за то слово» не заключать перемирія, то стоять противъ трехъ недруговъ вдругъ будетъ истомно, «и которые крови христіанскіе прольются за одно имя, ино отъ Бога огрѣеѣ сужинитель-

и о». Оказалось, что послы твердо стояли на своемъ и не испугались отпуска. Тогда бояре царю и великому князю «приговаривали и били челомъ», чтобы онъ въ своей грамотѣ написалъ свое имя сполна, а королевскую грамоту разрѣшилъ написать по старинѣ, такъ какъ у короля будетъ государева грамота, и если ее и недругъ посмотреть, то увидитъ, что имя государя написано сполна, какъ нужно; королевская-же грамота будетъ у государя въ казгѣ; «ишо ее кому смѣтрити?» На этомъ и приговорили, но рѣшили испробовать еще одну послѣднюю мѣру: отпустить пословъ, велѣть имъ снаряжаться въ путь и допустить до саней, чтобы узнать: «нѣчто будетъ у пословъ наказъ отъ короля стояти о томъ крѣпко и у послѣдняго дѣла спуститись, ишо ужъ посламъ вся крѣпость отойдетъ, какъ въ сани сядутъ, ужъ у нихъ болши того крѣпости не чаяти, что имъ будетъ наказу, и то тутъ все явится». Но когда и эта мѣра не помогла, то царь опять совѣтовался съ боярами, уступать или вѣтъ, и всѣ бояре для покоя христіанскаго опять совѣтовали уступить, на чемъ и было окончательно порѣшено ¹⁾.

Описанный случай указываетъ на неувѣренность московскаго правительства въ правотѣ своего дѣла. Какъ ни трудно было Ивану IV согласиться на требуемую уступку, но онъ уступилъ настояшю боярѣ не только изъ политическаго расчета, но и боясь погрѣшить пролитіемъ крови изъ-за одного имени. Та-же неувѣренность проглядываетъ еще и въ томъ, что о вѣнчаніи на царствіе не извѣстили короля. Когда на это указали послы, то имъ отвѣчали, что «государю нашему котораго для дѣла о томъ своемъ имени съ вашнмъ государемъ обсылатись? не у короля ему того просити, то имъ государемъ дано отъ Бога и отъ ихъ прародителей». Но когда послы попросили дать имъ выписи о царскомъ поставленіи, «которымъ обычаемъ государь на царство вѣнчался, и какъ предки его то царское имя взяли», то объ этомъ состоялся слѣдующій приговоръ думы: «выписи не давати того для: только имъ письмо дати, ишо впередъ о томъ отвѣты умыслять и тогда будетъ въ рѣчахъ говорити о томъ тяжелѣ, коли о томъ отвѣты еоставятъ» ²⁾. Но хотя выписи не дали изъ болзни вызвать такую критику, возражать на которую было бы затруднительно, однако, при переговорахъ съ послами уже была пущена въ дипломатическій оборотъ фикція о Мономаховомъ вѣнчѣ: пока еще безъ подробной мотивировки.

¹⁾ Сборн. Р. Ист. Общ., т. LIX, стр. 287, 289, 291—292, 297, 298 и 300.

²⁾ Тамъ-же, стр. 296—297.

Посылая къ королю пословъ для подтвержденія перемиря 1549 г., Иванъ Васильевичъ наказывалъ извѣстить тамъ, что онъ вѣнчался царемъ «прежде бывшимъ вѣнчаніемъ прародителя своего Владимера Мономаха, а не иными обычаями», и указать, что всѣ государи пишутъ свое имя по вѣнчанью, а короли по королюванью, что до Ягайла государямъ «вашиямъ» королюванья не было и Ягайловъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ; а какъ Ягайлю королювался, то съ тѣхъ поръ и сталъ писаться; «а государь нашъ пишетъ свое имя царемъ по своему царскому вѣнчанію и по прародителя своего достоинству»¹⁾. Только въ самоѣ концѣ 1550 г. рѣшились сообщить въ Литву подробности сказаніе о Мономаховыхъ регалияхъ и то неофициально. Въ наказѣ посланнику Якову Остафьеву предписано было, —если его станутъ спрашивать, почему имя государи пишется царемъ, когда прежде отъ многихъ лѣтъ московскіе государи писались великими князьями, —отвѣчать, что государь учинился на царствѣ по прежнему обычаю, и затѣмъ разсказать кратко исторію о томъ, какъ Константинъ Мономахъ добилъ челоуъ Владимиру Мономаху и пригласилъ ему регалии для вѣнчанія на царство. Любопытна преподанная посланнику мотивировка принятія новаго титула московскихъ государемъ: Остафиевъ долженъ былъ указать, что государя тѣмъ же вѣнчанъ вѣнчалъ митр. Макарій, «занже иныи землю русскую владѣеть государь нашъ одинъ»²⁾. Откровеннѣе начала поступать московская дипломатія со времени покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Въ 1554 г. еще неофициально, въ 1555 г. грамотой митрополита къ епископу виленискому, а въ 1556 г. въ отвѣтъ литовскимъ посланъ рѣшено было подробно сообщить польско-литовскому правительству причины, по которымъ великій князь ложится царемъ. Материаломъ послужили главнымъ образомъ выработанныя русской публицистикой политическія факціи о правахъ московскихъ государей на царскій титулъ. Первымъ основаниемъ послужила ссылка на то, что еще прародитель государя великій князь Владиміръ Святославичъ, «какъ крестился самъ и землю русскую крестилъ, и царь греческой и патріархъ вѣнчали его на царство русское, и онъ писался царемъ; а какъ преставился ино и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ»³⁾. Второй ссылкой послужила легенда о Мо-

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 309—310 и 313; Лит. метр., I, стр. 51.

²⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 345.

³⁾ Тамъ-же, стр. 437, 474, 504, 527—528. Любопытно, что эта новая версия политической факціи о царствѣ на Руси появилась раньше патріаршей грамоты о царскомъ титулѣ. Значить, она возникла на національной почвѣ.

номаховыхъ реталияхъ, поводами присылки которыхъ выставлялся походъ Владимира Мономаха къ Царьграду «за вѣкоторыя несправленія царей греческихъ» ¹⁾. Изъ этихъ двухъ предедетелей и сдѣланъ былъ выводъ, что съ тѣхъ поръ и «по се время» въ русскомъ государствѣ ведется такой обычай: «который государь тѣмъ вѣнцомъ вѣнчается, то и пишется царемъ русскимъ и великимъ княземъ». Для подкрѣпленія этого вывода приводилась аналогія съ польско-литовскимъ государствомъ, гдѣ государи писались сначала великими князьями, но какъ Ягайло короновался на польскую землю, то и сталъ писаться королемъ, и съ тѣхъ поръ потому-же всѣ государи пишутся королями, «который короновавъ будетъ на королевство» ²⁾. Въ Москвѣ, конечно, хорошо знали, почему Ягайло былъ короновавъ, и предвидѣли изображеніе, которое могли сдѣлать въ Литвѣ на указанную аналогію. Соответственно этому и заготовленъ былъ отиѣтъ: если въ Литвѣ скажутъ, что ихъ «государи пишутся по государству, мѣсто за ними королевское», то на это предписано было отиѣчать, что московскіе государи «отъ начала по своему государству по русскому зовутся цари, которые вѣнчаются»; а кромѣ русской земли Богъ далъ государю царства Казанское и Астраханское, «а мѣсто Казанское и Астраханское пѣвѣчное царское потому-жъ, какъ и русское» ³⁾. Этотъ аргументъ и послужилъ 3-мъ подтвержденіемъ основательности притязаній московскаго правительства на новый титулъ. Наконецъ, въ 1556-же году московскіе послы должны были официально отъ имени государя предъявить польско-литовскому правительству основанія къ принятію царскаго титула. Кромѣ трехъ вышеуказанныхъ ссылокъ, здѣсь приводится еще одна новая, которая поставлена къ тому-же во главѣ другихъ. Сославшись на то, что о принятіи титула по прародительскому именованію уже нѣсколько разъ сообщалось въ Польшѣ и Литвѣ, московское правительство подкрѣпило прежде всего стародавнюю вѣнчанію тѣмъ, что «государство наше русское отъ начала особіи сдержится нами, великими государи русскими, поченъ отъ Августа кесаря Римскаго и до Рюрика, ижъ былъ государемъ въ Великомъ Новгородѣ» ⁴⁾.

¹⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 474, 504, 527—528.

²⁾ Тамъ-же, стр. 437, 452, 527—528 и 313; ср. Пам. дипл. снош., X, 229.

³⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 437, 452, 476, 500, 528.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 519; Литов. метр., I, стр. 120. Далѣе шла ссылка на Владимира св., который «титуло царскаго именованья на себя положилъ», и на Владимира Мономаха, который «титуломъ царскаго именованья вѣнчанъ бысть съ прошеніемъ и пра греческаго цари» и проч.

Съ этихъ поръ такого рода ссылки повторялись нѣсколько разъ по различнымъ поводамъ и съ разными варьяціями ¹⁾.

Но какъ ни серьезны, по мнѣнію московскаго государя, были поводы къ принятію имъ царскаго титула, они не имѣли той цѣны въ глазахъ польско-литовскаго правительства, у котораго замѣчается и прямое недоброжелательство къ сосѣду, и серьезныя опасенія за политическіе результаты задуманнаго вѣдства ²⁾. Поэтому и дипломатическая борьба приняла такой упорный характеръ. Польско-литовскіе дипломаты, не вступая въ принципиальные переговоры, затягивали дѣло подъ тѣмъ благозвучнымъ предлогомъ, что ихъ государь долженъ предварительно обесѣдиться на счетъ новаго титула съ папою, съ цесаремъ и его братомъ Фердинандомъ, «и будетъ они на то проишляють, и государь нашъ то дѣло учинитъ славно, шедъ въ церковь, да съ собора то имя государю вашему оишшеть». Признаніе новаго титула безъ предварительной обсылки съ другими государями грозило, по словамъ пословъ, ихъ отечеству войной со всѣми государями ³⁾. Тщегно московское правительство возражало противъ обсылки съ государями, ссылаясь на то, что папа и цесарь «извѣчно» знаютъ царское имя московскаго государя, дѣда и отца котораго титуловали царемъ еще папа Климентъ и Максимилианъ; что всѣ околные государи не только христіанскіе, но и буеурманскіе не убавляютъ царскаго имени, но даже слыше прибавляютъ, называя его «Бѣлымъ русскимъ царемъ». Не помогло и предъявленіе подлинныхъ окончательныхъ и посланныхъ грамотъ цесаря, султана турецкаго, многихъ другихъ государей и даже «всѣхъ четырехъ патріарховъ» ⁴⁾. Заявленное 27 авг. 1553 г. польско-литовскими послами требованіе предварительной обсылки съ папой и цесаремъ о царскомъ титулѣ не могло быть оцѣнено по достоинству московскимъ правительствомъ, такъ какъ ему не было извѣстно содержаніе открывенной инструкции 15 февр. 1553 послу Крыйскому, который долженъ былъ энергически протестовать отъ имени польскаго короля противъ всякихъ занескиваній папскаго престола въ пользу

¹⁾ См. грамоту Грознаго къ Сигизмунду-Августу 1556 г., Сб. Р. И. Общ. т. LIX, стр. 537 и слѣд.; Литов. метр., I, стр. 127; письмо къ Курбскому, Скавонія, 167; отвѣтъ посламъ Стефана Баторія 1577 г., Визл., XVI, 173—174; листъ до князя Полубенскаго 1577 г., Лит. метр., II, стр. 27—28; отвѣтныя рѣчи Антонію Поссевишу, Пам. дилл. снош., X, стр. 135, 206, 230—231.

²⁾ См. выше, глава III, стр. 82, прим. 4.

³⁾ Ино съ всѣми государи про то заратитъсь. Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 305 и 503.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 307, 474 и 519.

московскаго государя. Независимо въ данномъ случаѣ положеніе московскихъ дипломатовъ не разъ, быть можетъ, вызывало улыбку ихъ соперниковъ. Тѣмъ болѣе не безъ ироніи отнеслась польско-литовская дипломатія къ тѣмъ аргументамъ, которые указаны были ей изъ Москвы въ подтвержденіе предъявленныхъ притязаній. Въ 1549 г. московскимъ посламъ по поводу ссылки на царскій титулъ Владиміра Мономаха было сообщено, что «то суть рѣчи дадныя, а тотъ столецъ Кіевъ есть и будетъ въ рукахъ и держанъи его королевскіе милости и никому бы тымъ именемъ и тытуломъ царства Кіевского не было пристойно писатися, одно его королевской милости, а не великому князю московскому». Къ этому было еще прибавлено, что, кромѣ цесаря, никоторый государь христіанскій тѣмъ именемъ не называется, «кромѣ бесурманскихъ царей, а онъ братъ нашъ есть господаремъ хрестыанскимъ»¹⁾. Еще болѣе рѣзко и зло смѣялся Стефанъ Баторій надъ Иваномъ Грознымъ по поводу происхожденія его отъ Августа и Пруса. Онъ не только называлъ негѣщницей домысль о Прусѣ²⁾, но колотъ Грознаго и за самую идею преемства византийской имперіи. Указавъ на жестокости Грознаго въ Новгородѣ, Баторій замѣчаетъ: «завенъся быти народу греческаго, не только Пруса брата цесаря Августа, але естьли пошолъ зъ грекомъ, цевие еси пошолъ съ Тыста тирана»³⁾. Эту злошутливую критику Грозный истолковалъ въ томъ смыслѣ, что Баторій отрицалъ существованіе Пруса, болѣе предъявленія правъ на Пруссію со стороны Москвы. Поэтому Грозный и спѣшилъ успокоить его съ этой стороны⁴⁾. Не даромъ московская дума не рѣшалась дать въ руки враговъ выписъ о царскомъ избіаніи изъ опасенія, что на нее умышлять такіе отвѣты, противъ которыхъ трудно будетъ отвѣчать.

¹⁾ Лит. метр., I, стр. 51 и 96; Сб. Р. И. Об., т. LIX, стр. 416.

²⁾ Въ 1578 г. онъ писалъ Грозному: «народъ твой вышчаючи отъ Пруса, менуючи его братомъ Августа цесаря и въ томъ непозную вѣдомость имашь, кгдажъ Августъ цесарь брата и потомства не мѣлъ и Прусъ если есть въ якомъ племѣ тогда змышленною братомъ Августови описать, чего малая потреба ширшимъ писаньемъ вспомятати». Лит. метр., II, стр. 44. Въ отбитномъ посланіи 1581 г. Баторій пишетъ: «а не тверди ба еси ба хоре въ свов хъ, або того себѣ не змышляй, чего въ рѣчи николи не было, яко еси смыслилъ о Прусѣ братѣ Августовомъ». Тамъ-же, стр. 189; Сборн. Муханова, стр. 413.

³⁾ Лит. метр., II, стр. 191; Сб. Муханова, стр. 415--416.

⁴⁾ «А что пишеть о Прусѣ, будто мы то не гораздо пишеть, что онъ не былъ, и Стефанъ бы король то намъ указалъ, коли ужъ Пруса на семь свѣтъ не было, почему вышѣча называется Прусская земля; а мы то писали для своего государстия, извѣщая откудава наше государство пошло, а подъ нимъ Прусскіе земли не подыскываемъ», Пам. дипл. снош., X, 231.

Дипломатически неудачи по вопросу о титулѣ не остановили московское правительство отъ дальнѣйшихъ попытокъ извлечь изъ теоріи о русскомъ царствѣ и другіе выводы, которые получили приложение въ сферѣ внѣшней и внутренней политики. Эти попытки, заключаемая сначала въ отдѣльныхъ только случаяхъ, при Иванѣ Грозномъ сложились въ весьма своеобразную систему.

Единому во всей поднебесной православному царю предстало оспаривать преемство традицій второго Рима. Подобно тому, какъ византийскіе императоры, считая себя единными истинными представителями всемірной монархіи, всѣхъ прочихъ королей и князей считали стоящими ниже ихъ, и московскіе государи, начиная съ Ивана III, стремятся повысить свое международное положеніе. Потому-то они и придавали такое важное значеніе «повышенію» своего имени и въ особенности своему титулу, которымъ определялась въ международной политикѣ высота чести, принадлежащей представителю власти. Потому-же московское правительство такъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ возникающихъ международныхъ сношеніяхъ имя православнаго государя не потерпѣло униженія и безчестья. Но для того, чтобы не проиграть въ борьбѣ за свою честь, московскому правительству необходимо было имѣть въ рукахъ мѣрило для сравненія чести представителей власти.

И такое мѣрило было выработано. Въ основу его были положены двѣ идеи: идея о родословности государя и идея о высотѣ принадлежащей ему власти. Обѣ онѣ довольно рано проглядываютъ въ политической практикѣ московскихъ князей и обѣ тщательно разрабатываются публицистической литературой. Оцѣнка чести государя съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и дала практическія указанія для установленія обрядности въ международныхъ сношеніяхъ. Государь съ обширными родословіемъ и личносныхъ предковъ и государь рагуveni; государь, получающій свои полномочія отъ вышнихъ Божія десницы, ограниченный въ полнотѣ своей власти лишь предписаніями божественныхъ законовъ, и государь, избранный и ограниченный въ своихъ прерогативахъ самочиніемъ своихъ подданныхъ, — таковы теоретическія антитезы сравнительной чести представителей власти, полученныя въ результатѣ многолѣтней практики и наблюденій московскихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сферъ.

Иванъ III былъ первымъ государемъ всея Руси, такъ много содѣйствовавшимъ къ повышенію своего имени съ указанныхъ точекъ зрѣнія; онъ первый явился горячимъ противникомъ ограниченія государственной власти и категорично выразилъ это новгородцамъ въ 1478 г., объявивъ имъ, что «мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ земля на Москвѣ, такъ хотимъ быти

на отчпнй своей Великому Новгороду». Не понявъ истиннаго значенія этихъ словъ, новгородцы хотѣли выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія и просили объ этомъ великаго князя. Но послѣднй отвѣчалъ имъ: «язь князь великй то вамъ сказалъ, что хотимъ государства на своей отчпнй Великому Новгороду таково, какъ ваше государство въ низовской землѣ на Москвѣ; и вы нынѣ сами указываете мнѣ, а чпните урокъ нашему государству быти, ино то которое мое государство?» Новгородцы полюбобытствовали узнать о низовскихъ пошлинахъ, «какъ государи государство свое держать въ низовской землѣ», и имъ было объявлено, что государству это таково: «внѣчу колоколу не быти, посадинку не быти, а государство все намъ держати»¹⁾. Итакъ, урокъ государству, т. е. ограниченіе государственной власти, противорѣчитъ низовской пошлинѣ, по которой государь долженъ самъ держать все государство²⁾.

Вскорѣ послѣ уничтоженія татарскаго ига выражена была мысль о томъ политическомъ положеніи, которое должно было занять московское государство въ ряду другихъ государствъ. Иванъ III въ 1488 г. далъ слѣдующій отвѣтъ цесарскому послу на предложеніе выхлопотать у цесаря королевскій титулъ: «Мы Божією милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и наинимъ дѣлать и до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ государи на своей землѣ, а поставленія какъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 213 и слѣд.; Ник. Лѣт., VI, 99 и слѣд.; Степ. кн., ч. II, 126. Соответственно измѣнившемуся положенію Новгорода, Иванъ III въ 1492 г. вспоминалъ: «какъ мы держали свою вотчину Великій Новгородъ въ ихъ волѣ, ... и какъ почали его держати въ своей волѣ». Пам. дипл. спом., I, 81.

²⁾ Выраженіе «урокъ» для обозначенія ограниченій власти было въ то время употребительно. Примѣнительно къ московскому дипломатическому языку такъ была выражена въ 1492 г. просьба императору Максимилиану двухъ городовъ магистра прусскаго, желавшихъ перейти въ имперское подданство: «чтобы ихъ принялъ подъ цесарство и держалъ какъ и прочіе города имѣетскіе, а имъ бы присягати къ нему урокомъ внѣкнмъ». Пам. дипл. спом., I, 74. Въ сказаніи о чудѣ знаменія разсказывается о новгородской вольности такъ: «князья и повгородцы» данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не переходити предѣлъ прежде уставленныхъ». *Бусиневъ*, Мѣстныя сказанія о началѣ Москвы въ Лѣт. русск. зитер. Тихомирова, т. IV, стр. 19. Отсюда и выраженіе: «великаго князя вина безъ урока», т. е. наказаніе за вину называется по усмотрѣнію государя безъ всякихъ ограниченій. П. С. Л., VI, 203. Василій III отвѣчаетъ крымскому хану: «урокомъ поминковъ мы ни къ кому не послазали». *Соловьевъ*, V, изд. 5, стр. 337. Поэтому понятіе «государь» рѣзко отличается отъ понятія «урядникъ» въ смыслѣ представителя власти. П. С. Л., VIII, 280; Ник. Лѣт., VI, 250.

есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ»¹⁾. Въ выгодахъ, конечно, московскаго правительства было поскорѣе забыть не только ханскіе ярлыки о посаженіи на столѣ, но и то близкое прошлое, когдазначальному государю Ивану Васильевичу приходилось въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ писать ему съ челобитьемъ о жалованьи²⁾. Все это быстро забывалось, а претенціозность московскаго князя возрастала съ замѣчательной быстротой. Въ 1489 г. отказано было «Маркграбію Подноскому» Альбрехту въ сватовствѣ: дочери великаго князя. Послу Юрію Траханиоту наказано было объяснить, что за того маркграбія государю отдать свою дочь непригоже, такъ какъ «во всѣхъ земляхъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними римскими цари, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его государь нашъ и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви, и до своего зятя Ивана Палеолога римскаго царя; ино такому великому государю какъ данати своя дочи за того Маркграбія?». Послу предписано было, если зайдетъ рѣчь о сватовствѣ: цесарскаго сына Максимилиана, этого не отговаривать и указать на то, что государь московскій «того ищетъ, чтобы ему дати своя дочи по пригожу за кого, и цесарь и сынъ его Максимилианъ государеве великіе, а нашъ государь великій жъ государь»³⁾. Претенціозность такого сопоставленія получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ то время уже были извѣстны московскому правительству позарѣшныя современникамъ о главенствѣ цесаря между христіанскими государями⁴⁾. Братство съ наипредѣлѣннѣшими византійскими и римскими царями до крайности изошрило политическое

¹⁾ Пам. дипл. снош., I, 12.

²⁾ Въ 1474 г. Иванъ III бьетъ челомъ Менгли-Гирею, что, жалующи его, учинилъ себя братомъ и другомъ. Самъ великій князь только съ 1480 г. сталъ именовать себя братомъ вольнаго человека—царя и пересталъ вспоминать о жалованьи. Сб. Р. И. Общ., т. XLII, №№ 1 и 15. Новая форма не поправилась великому князю литовскому, который въ 1500 г. писалъ Менгли-Гирею: «А хто предъ тымъ твоямъ предкамъ холопомъ ся писывалъ, той нынѣ тобѣ вже братомъ ся называетъ». А. З. Р., I, № 183. Иногда только выраженіе «челомъ бью» стало замѣняться другимъ: «сезову наше то». Сб. Р. И. Общ., т. XLII, стр. 161. Но первая форма при Иванѣ III была употребительнѣе.

³⁾ Пам. дипл. снош., I, 17—18.

⁴⁾ Въ 1484 г. цесарскій посолъ объяснилъ въ Москвѣ, что «цари и князата и ридери удѣлати мочь имаеть государь нашъ царь римскій»; а въ 1518 г. уже официально заявлялось, что «священнѣйшее цесарское величество, государь нашъ, глава есть всѣмъ христіанскимъ государемъ». Тамъ-же, стр. 11, 353, 362 и 363.

честолюбие московских государей въ международных отношеніяхъ, и они съ своей стороны были очень скупы въ надѣленіи титуломъ братства тѣхъ правителей, съ которыми имъ приходилось вступать въ сношенія. Московской дипломатіи приходилось производить подробнѣйшія изысканія о рангахъ великихъ королей, князей и т. д. только для того, чтобъ въ сношеніяхъ съ ними не умалить международной чести своего государя. Въ Москву, напр., поступаетъ въ 1475 г. дипломатическое донесеніе объ порядкѣ избранія венгерскихъ князей и о родовитости вновь избраннаго князя ¹⁾. Въ 1493 г. предписано послать провѣдать про Коирада Мазовецкаго, присылавшаго сватать дочь великаго князя, «чѣмъ былъ послушенъ тотъ князь королю Казимиру, служилъ-ли ему, давалъ-ли ему подать какому, и кому онъ равенъ инымъ княземъ, и что его княженье, велика-ли его земля, и сколь силенъ, и послушны-ли ему люди» и т. д. ²⁾. Все эти справки нужны были, конечно, только для того, чтобъ опредѣлить, будетъ-ли соответствовать чести великаго князя наверхушійся кандидатъ въ зятя.

Когда нельзя было раздобыть нужныхъ свидѣній для опредѣленія международного достоинства кого-либо изъ владѣтельныхъ правителей, московскіе государи въ сношеніяхъ съ ними поступали съ крайнею осторожностью. Въ 1583 г. пришелъ изъ Индіи въ Москву гость отъ «Бабуръ падши, индѣйскіе земли государя» съ предложеніемъ быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ и обсылаться людьми «на обѣ стороны ихъ здоровья видѣти». Великій князь Василій въ отвѣтной грамотѣ писалъ, «что того хочетъ, чтобы люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему не приказалъ, невѣдомо, какъ онъ на Индѣйскомъ государствѣ: государь-ли или урядникъ, и великому бы государю въ томъ изности не было, будетъ онъ той земли урядникъ, и великій государь того ради о братствѣ къ нему не писалъ» ³⁾.

При Иванѣ Грозномъ уже возникаетъ совершенно опредѣленная система сравнительной оцѣнки международного значенія государей и государствъ. Только съ нѣкоторыми изъ государей московскій царь писался братствомъ: съ турецкимъ султаномъ, цесаремъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ; совершенно не по рангу попалъ въ братья и крымскій ханъ. Къ болѣе мелкимъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 199: «А того ден поставили не княжа роду, ни царьска; но избрала всеми людьми умныхъ и храбрыхъ людей пять, или шесть, или десять, да велятъ зерна намѣтивъ вкннуть съ судно, или въ ступку, а зерна ден бѣлы, да выняти ден малому дитяти: его-же ден до дваци выметъ зерно, того поставили».

²⁾ Сб. Р. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 97.

правителямъ о братствѣ не писалось. Наконецъ, были и такіе, непосредственныя сношенія съ которыми считались унизительными: съ ними сносились отъ имени государевыхъ намістниковъ: таковъ напр., король шведскій. Это было своеобразное мѣстничество между государями, очень сходное, впрочемъ, и по исходнымъ точкамъ зрѣнія и даже по выраженіямъ съ мѣстничествомъ московскихъ служилыхъ людей. Какъ послѣдніе мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и московскіе цари считались честью съ другими государями по родословіямъ и по государствамъ. Въ публицистическихъ стремленіяхъ выдвинуть преимущества московскаго государя и особенно въ дипломатическихъ препирательствахъ о его титулѣ нерѣдко встрѣчаются ссылки на то, какъ «изводителя и родословителя» великій государь, и даже принодятся «случаи», по которымъ ему усвоится лучшая честь¹⁾. Во всѣхъ этихъ политическихъ счетахъ первенствующую роль всегда играетъ родословная точка зрѣнія. Не даромъ-же Иванъ Грозный произвелъ себя отъ Августа кесаря. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда это было выгодно и возможно, московскіе дипломаты ссылаются и на честь государствъ, такъ сказать на мѣста, которыя понижаютъ или повышаютъ политическую честь представителя власти.

Случайный историческій прецедентъ поставилъ очень низко въ мѣстностяхъ московскаго правительства политическое значеніе Швеции: она вела постоянныя сношенія съ Новгородомъ до его покоренія. Сношенія эти продолжались и послѣ, но велись отъ лица намістниковъ московскаго государя. Когда-же шведское правительство потребовало непосредственныхъ сношеній между государями, то въ этомъ ему было отказано на томъ основаніи, что будто изначала, какъ предки московскихъ государей начали государить въ русской землѣ, всѣ свейскіе государи яриры и перемирья заключали съ новгородскими намістниками²⁾. Иванъ Грозный въ 1556 г. указывалъ даже на то, что будто при отцѣ его, когда Густавъ шведскій присылалъ къ новгородскимъ намістникамъ для заключенія съ ними братства и докончанія, новгородскіе намістники братства съ нимъ не учинили, такъ какъ онъ учинился на той землѣ «не прироженный свейскій государь, ни какъ прироженецъ нишихъ государей».

¹⁾ Визл., XVI, стр. 120 и 176: «и не тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригожо».

²⁾ Въ 1572 г. король Яганъ обѣщалъ Грозному, что сношенія съ Новгородомъ существовали, пока онъ былъ независимъ. Но Грозный не понималъ такой смысли; «нио тѣмъ-ли великій Новгородъ, писалъ онъ, отчина наша честна была, что отъ насъ откладна была, али тѣмъ нымъ безчестна, что насъ возвали своихъ государей, какъ ты пишешь неподобно». Дѣт. зам. Арх. Коп., выи. 5, катер., стр. 82.

И только благодаря «челобитью» короля, московский государь его «пожаловалъ»; велѣлъ новгородскимъ намѣстникамъ заключить съ нимъ перемирье и написать въ грамотѣ «сороколетъ избранныхъ»¹⁾. Въ 1557 г. шведскіе послы въ Москвѣ указываютъ на безчестье для нихъ короля сноситься съ государевыми намѣстниками. Но бояре отвѣтили имъ, что намѣстники новгородскіе происходятъ или отъ корени государей русскихъ, или отъ королей литовскихъ, или царей казанскихъ, или, наконецъ, извѣщныя государевы бояре родомъ за 30 и болѣе. Про государя-же шведскаго бояре сказали «въ разсудъ а не въ укоръ: котораго онъ роду, и какъ животною торговалъ и въ швейскую землю пришелъ: то недавно ся дѣлало и всѣмъ вѣдомо»²⁾. Отсюда выводилось, что сношенія съ новгородскими намѣстниками для шведскаго короля отнюдь не безчестье, а честь. Въ 1563 г. Грозный сыну Густава Ерику писалъ, что его требованіе сноситься прямо съ царемъ такъ «отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли»³⁾. Въ грамотѣ брату Ерика, королю Ягану, отъ 1573 г. объяснены мотивы такой непомярной претенциозности или спѣсненства, какъ выразился король Яганъ. Значительная часть царской грамоты посвящена доказательствамъ низкой чести швейскихъ королей сравнительно съ «честью царскія степенн» московскихъ государей. Грозный прежде всего указываетъ на то, что король написалъ свое имя выше царскаго не по пригожу, такъ какъ «имя цесарь римскій братъ и иные великіе государи, а тебѣ тѣмъ братомъ назватися невозможно, потому что швейская земля тѣхъ государствъ честию ниже». Грозный укоряетъ шведскихъ королей происхожденіемъ⁴⁾: Густава короля онъ называетъ «пизма лотомъ», а Ягана «страдинкомъ» и въ цѣломъ рядѣ фактовъ видитъ подтвержденіе ихъ низкаго происхожденія. Король Густавъ самъ, нарядясь въ рукавицы, сажо и воску «за простаго человѣка опытомъ пыталъ», когда прѣзикали съ этимъ

¹⁾ Лит. метр., I, стр. 127; Сб. Р. И. Общ., LIX, стр. 535—537.

²⁾ Карамзинъ, VIII, прим. 459.

³⁾ Р. И. В., III, Александр-Невск. лѣт., стр. 184.

⁴⁾ Онъ пишетъ королю Ягану. «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужчиной родъ, а не государской. А пишешь къ намъ, что отецъ твой вѣнчаный король, а мати твоя также вѣнчанная королева; ино то отецъ твой и мати твоя и вѣнчанные, а дотолъ не бывалъ никто, уже такъ скзываешься государской родъ. И ты скажи, отецъ твой Густавъ чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и гдѣ на государствѣ сидѣлъ, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго? Пришли родству своему письмо и мы потому разсудимъ». Ему же въ другомъ мѣстѣ Грозный пишетъ: «А всего того подлиннѣе пришли государству своему письмо, какъ самъ еси писалъ за 400 лѣтъ, кто и которой государь послѣ котораго сидѣлъ на государствѣ, и съ которыми государи въ братствѣ былъ, и мы потому уразумѣемъ твоего государства величество».

товаромъ торговые люди, — и то государское-ли дѣло? Король Густавъ и потому мужицкаго рода, что писалъ себя въ товарищахъ архіепископа и всю землю. Родъ Густава безспорно «мужицей родъ: да родствомъ съгосударился, а не по достоинству»; королей въ шведской землѣ до Густава Грозный не слыхалъ и не знаетъ, а если и были по городамъ и большимъ мѣстамъ какіе правители, то не изъ рода Густава, да и не королѣ. Если бы до Густава были королѣ, то онъ бы указалъ на это ¹⁾; онъ, однако, этого не сдѣлалъ; и «нечто будетъ», прибавляетъ не безъ проишія Грозный, обращаясь къ королю Ягану, «ты ново гдѣ нашелъ королей тѣхъ въ которой своей коморѣ». Про себя онъ пишетъ, что съ его стороны несенства никотораго нѣтъ, писалъ онъ по своему самодержеству, какъ пригоже быть, что напрасно Яганъ его упрекаетъ римскаго царства печатью, что у него есть своя печать отъ его прародителей, но что и римская печать ему «не дико: мы отъ Августа кесаря родствомъ недемел». По всему этому Грозный находилъ, что съ такимъ молодымъ, какъ Яганъ король, ему ссызаться не пригоже ²⁾. Защищая свою честь, король Иоаннъ понидиному прибѣгъ къ тому-же средству, какимъ пользовался и Грозный: онъ ссызалея на то, что другіе государи ему пишутъ братствомъ. Хотя Грозный отвѣтилъ на это, что если кто «не бережетъ своего государства, а къ тобѣ пишетъ братомъ, тотъ самъ иѣдаетъ, а намъ на то не сматривать, мы смотримъ своего царствія степени чести», — однако этотъ отвѣтъ былъ не искренній. Московское правительство было очень заинтересовано въ томъ, чтобы тѣ государи, къ которымъ русскіе цари писались братствомъ, не спосрались братствомъ съ государями, въ мѣстѣ московскаго правительства ниже стоящими по чести. Когда въ 1563 г. были перехвачены грамоты Сигизмунда-Августа къ Ерику шведскому, который въ нихъ названъ былъ братомъ, то Грозный велѣлъ сказать польскимъ посланцѣмъ: «что братъ нашъ не бережетъ своей чести, пишется шведскому братомъ раннимъ, то это его дѣло, хотя-бы водопозу своему назвался братомъ» ³⁾.

Въ иныхъ условіяхъ находилось московское правительство при сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ. Государь московскій издавна писался братомъ королю польскому и великому князю литовскому. Но при Иванѣ Грозномъ это братство готово было разорваться: изъ-за царскаго титула. Въ категорическомъ отказѣ

¹⁾ «Могъ-бы то и отецъ твой сыскати прежнихъ королей, да не писалъ королей, а написалъ князя Магнуса».

²⁾ Дэт. зап. Арх. Ком., вып. 5, матер., стр. 30—47.

³⁾ Словесно, VI, над. 4, стр. 226.

польско-литовскаго правительства признать этотъ новый титулъ усмотрѣно было безчестье для государя, который «стоялъ о своемъ имени, не желая ни въ чемъ никакого повышенія», и добивался сего, чтобъ его «безо всякаго повышенія чество писали царемъ», такъ какъ онъ, «упова на Бога, прародителей своихъ чести держится и убавити ее никакъ не хочетъ»¹⁾). Между тѣмъ, польско-литовское правительство продолжало обсызаться по-прежнему, «укоряя, какъ выражались бояре отъ лица Ивана IV, наше государство и безчествуя насъ, называя насъ княземъ, какъ бы котораго подданнаго себя и незнаемаго сусѣда, повышаяся надъ нашими именемъ выше всѣхъ прежнихъ обычаевъ»²⁾). Съ этихъ поръ и начались мѣстническіе счеты съ государями братьями. Самымъ серьезнымъ возраженіемъ противъ новаго титула являлась ссылка польско-литовскаго правительства на то, что отецъ и дѣдъ Ивана IV царями не писались. Благодаря справкамъ московской дипломатіи, найденъ былъ письмо важный «случай» въ пользу царя всея Русии и въ «отводъ» ссылки противоположной стороны: оказалось, что польско-литовскій государь «не извѣнчон на королевствѣ, прародители его были на великомъ княжествѣ и писались великими князми»; что прежде Ягайла государитъ корономъ не было, и Ягайлонъ отецъ Ольгердъ не писался королемъ. Но и сверхъ того, что государи литовскіе не извѣнчоны короли, было найдено и указано, что «королевское мѣсто досталось имъ по женѣ», почему они зовутся и пишутся королями³⁾). При такихъ условіяхъ московское правительство сочло себя въ правѣ не титуловать литовскихъ государей королями до тѣхъ поръ, пока они не признаютъ царскаго титула за государемъ московскимъ.

Но разъ оказалась такая порука въ родословіи польско-литовскихъ королей, они значительно упали въ мнѣніи московскаго правительства, которое и между государями братьями стало различать высоту чести. Въ 1563 г. указано было польскимъ посломъ, что ния царя пишутъ полнымъ именомъ «всѣ государи, которые и повыше будутъ нашего государя»⁴⁾). Это было при Сигизмундѣ-Августѣ. Но когда за прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ избранъ былъ на польскій престолъ Стефанъ Баторій, то счеты еще болѣе обострились. Въ 1576 г. московскіе бояре писали польско-литовской радѣ по поводу царскаго титула, что «государю нашему пишутъ съ полнымъ именованіемъ царскимъ цесарь Максимиліанъ

¹⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 392, 399, 538; Лвт. метр., I, стр. 127.

²⁾ Сб. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 393 и 423.

³⁾ Тамъ-же, стр. 349, 313 и 452.

⁴⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 228.

и султанъ турецкій, а тые господари во всѣхъ королевствахъ первшіе господари; а государь вашъ учинился на королевствѣ польскомъ съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго¹⁾. Поэтому Грозный въ 1576 и 1578 г. титуруетъ Баторія просто «королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ» или «судь-дохъ по цензѣрной милости Божіей и пакъ великое великости людей короны польскіе... по избранью великій государь», не называя его братомъ, на что очень обидѣлся Баторій; онъ поручилъ посламъ своимъ указать на то, что «ни братерства, а ни ласки Божое надъ панованьемъ его королевскіе милости не вспоминая»²⁾. Когда въ 1576 г. Иванъ IV получилъ грамоту отъ Баторія, который назвалъ его братомъ, то Грозный замѣтилъ: «называетъ мене себе братомъ, и по не вѣдаю коня чиномъ»³⁾. Въ 1578 г. посламъ Баторія было сказано, что великому государю съ королемъ Стефаномъ быти въ братствѣ не пригоже, потому что его государство почало отъ Августа Кесаря Римскаго и отъ Пруса Августава брата; что польскіе короли Сигизмундъ и Сигизмундъ-Августъ были славные великіе государи, «наши братья», на всей вселенной вѣдомы, а что «Седмиградскаго государства нигдѣ есмь не слыхали, а буде государь вашъ Степанъ Янушъ по еродству князется... (очевидный пропускъ)... и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю нашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже»⁴⁾. Будучи побѣжденъ Баторіемъ, Грозный долженъ былъ уступить и въ счетахъ и въ 1580 г. назвалъ его братомъ. По этому поводу онъ писалъ: «мы великіе государи прирожденные изъ данныхъ лѣтъ; а на корунѣ польской и великомъ княжествѣ литовскомъ были изъ данныхъ-же лѣтъ прирожденные-же государи. А ты учинился на тѣхъ государствахъ инопѣ, и мы тебѣ преждѣ того не писывали, и намъ то показалося къ любви сходительно, что тебя великіи есмь писати братомъ»⁵⁾. Позднѣе Грозный объявлялъ, что такъ и не узналъ родства Баторія, «какова онъ роду челоуѣкъ и которыхъ государей племя», и что потому, «берегучи своего царства чести», онъ допрашивалъ его пословъ, «какова род-

¹⁾ Лит. метр., II, стр. 10.

²⁾ Тамъ-же, стр. 22 и 29. Изъ дописаній княжескаго нунція Лаурео отъ 15 апр. 1578 г. видно, что Баторій говорилъ ему о возможности завладѣть Москвою и «отомстить за жестокость и надменность царя, къ которому онъ чувствуетъ величайшую ненависть, такъ какъ этотъ царь никакъ не хочетъ назвать короля братомъ, а только ссѣдотъ, говоря, что король не принадлежитъ отъ княжеской крови». *Державскій, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг. въ Журн. М. И. Пр. 1882 г., авг., стр. 235.*

³⁾ Сборн. Обоз., № 6, стр. 6.

⁴⁾ Визл., XVI, стр. 173—176.

⁵⁾ Лит. метр., II, стр. 119.

ства государь ихъ Стефанъ король, котораго государей великихъ прироченець, и съ которыми онъ государи съ нашею братьею въ братствѣ и ссылькѣ? Онъ наводилъ эти справки для того, «чтобъ нашему царству въ томъ укоризны не было, что которой не нашъ братъ, да намъ братомъ учинится». Но послы Баторія не отвѣтили, какого онъ рода человекъ и какой чести; «одинъ тѣмъ считается, что онъ нынѣша король; а посебы и Яна Костку взяли себѣ за государя, и намъ было ему братомъ же ли быти?» По утверждению Грознаго въ его время всѣ государи, не только христіанскіе, но и бесермянскіе, велись «родствомъ и честью прироченною государскою», и только въ давнія времена бывало такъ, что «отъ какова роду кто ни буди, ино то государь». А такъ какъ Грозный слышалъ про Баторія, «въ каковѣ онъ низости былъ до сего времени», то московскому государю «было короля, для его родственныя низости, братомъ писати не пригоже». Наконецъ, ссылался на собственное признаніе короля, Грозный указывалъ, что «онъ не отъ государскаго прироченья, а отъ рыцарскаго чину», и потому изъ заиссти, что онъ не государскою прироченець, и по невозможности укорить чѣмъ-либо царя, онъ его «за поемѣхъ заеть»¹⁾. Во всѣхъ этихъ счетахъ съ Баторіемъ особенно рельефно выступаетъ родословная претенциозность московскаго царя, который и при самыхъ неблагоприятныхъ для себя обстоятельствахъ не упускаетъ случая укорить Стефана низостью происхожденія.

При спорахъ съ Баторіемъ изъ-за титула боярами было указано, что московскаго государя титулуютъ царемъ цесарь и султанъ, которые «по всѣхъ королевствахъ первіе господари». Съ ними московскій царь сносился братствомъ. Но и это братство было не вполне равное. Вотъ какъ отозвался Грозный о цесарѣ въ 1572 г., когда зашла рѣчь объ избраніи его сына на польскій престолъ: «по на-

¹⁾ Нам. дипл. спом., X, стр. 135—136, 140, 196 и 218. Въ этихъ счетахъ съ Баторіемъ московское правительство видѣло некоторое какъ бы сочувствіе со стороны папской и цесарской дипломатіи. Въ 1576 г. польскіе послы жаловались на цесаря, что онъ поноситъ Баторія избраннаго не по волѣ Южійей, павшая подданнымъ турецкому султану. *Дипломатическія Переписка между Россією и Польшею*, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., кн. IV, стр. 151. Посевинъ, яко бы со словъ Баторія, рассказывалъ въ Москвѣ, что «король на то государство пришлецъ — ни яхъ, ни литвины, родомъ угренишь». Нам. дипл. спом., X, стр. 271. Въ 1585 г. московскій посланникъ доносилъ тайномъ разговорѣ съ цесаремъ близкимъ человекомъ, который говорилъ, что «Стефанъ король не прироченный государь, а сидитъ на чужомъ государствѣ, что какъ отойдутъ перемирные годи, то цесарю-бы съ царемъ промышлять надъ польскою и литовскою землею, «чтобы та земля за ними была за прироченнымъ государемъ». Тамъ-же, I, стр. 953 и 959. Свитую папскаго посла Александра Комулея пущенъ былъ въ Москвѣ слухъ, будто цесарь сносился съ Баторіемъ о томъ, «что король пишется царю братомъ, и

шему то не годится, что послѣ смерти государя государство не принадлежить его потомкамъ, что корона польская и великое княжество литовское не будутъ въ соединеннѣ съ государствомъ московскимъ; такъ нельзя, такъ мы сына своего Федора не дадимъ. Знаемъ, что цесари и король французскій прислали къ вамъ: но намъ это не примѣръ, потому что кроми насъ да турецкаго султана ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; потому они и выпрашиваютъ себѣ почести; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа кесаря изъ начала мѣровъ, и всѣмъ людямъ это вѣдомо»¹⁾. Здѣсь Грозный приравнивалъ къ себѣ только турецкаго султана, поставивъ всѣхъ прочихъ ниже себя; а черезъ десять лѣтъ, испытывая униженіи побѣжденнаго, онъ утверждалъ, что «Божіимъ милосердіемъ некоторое государство намъ высоко не бывало»²⁾. Вскорѣ послѣ смерти Грознаго, при переговорахъ 1587 г. объ избраніи на польскій престолъ Федора Ивановича, московскіе бояре говорили польско-литовскимъ пашамъ, что московскій государь вовсе не такой, какъ другіе рядовые государи; что московское государство никакъ нельзя написать въ титулѣ ниже польскаго королевства, а, наоборотъ, корона польская должна быть подъ царскою шапкою Мономахою, такъ какъ «хотя бы и Рима старой и Рима новой, царствующій градъ Византія, почали прикладываться къ государю нашему, и государю свое государство московское какъ мочно подъ которое государство поступится»³⁾?

Такъ считались московскіе государи «родствомъ и честію прироженною государскою». Будучи горячими сторонниками государей издавна царствующихъ въ порядкѣ наследственнаго преемства, московскіе государи поэтому всегда относились съ презрѣніемъ къ государямъ избраннымъ, которые могли попасть на престолъ не изъ «государскихъ прироженцевъ». Отношенія Грознаго къ Густаву шведскому и Баторію съ очевидностью это подтверждаютъ. Но такъ какъ и Ангелоны и даже римскіе цесари были избранными государями, то и этихъ «первыхъ господарей» Грозный не ставилъ параннѣ съ собой, а приравнивалъ къ себѣ только бесерменскаго государя—султана турецкаго, злѣйшаго врага всему христіанству, такъ какъ родъ его царствовалъ непрерывно 200 лѣтъ. Это приращеніе было, однако, далеко не полное, потому что мос-

¹⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 284.

²⁾ Нам. дѣл. см., X, стр. 203.

³⁾ Соловьевъ, VII, изд. 4, стр. 260 и 265; Лавровскій, X, прил. 161.

ковскіе государи «иѣ отъ колкихъ лѣтъ государили болши шестисотъ лѣтъ»¹⁾.

Но крохѣ счета по родословію московскіе государи считались и мѣстами. Высота мѣста, занимаемаго государемъ, опредѣлялась въ мнѣніяхъ московскаго правительства разнообразными причинами. Иногда эти причины представляются даже неясными. Въ 1557 г., когда шведскому королю доказывали, что сношенія съ новгородскими вѣкшепками отнюдь не могутъ быть для него безчестны, было между прочимъ указано и на то, что Стокгольмъ во великое мѣсто по чести, многинъ ниже новгородскихъ пригородовъ²⁾. Въ другихъ случаяхъ низость мѣста по чести опредѣляется совершенно очевидными причинами, напр., политической зависимостью отъ какого-либо другаго государства. Потому и честь Баторія пѣшли такъ низко въ Москвѣ, что онъ былъ взятъ съ Седмиградскаго воеводства или княжества. Въ 1576 г. бояре писали польско-литовской радѣ, что государь ихъ учинился на королевствѣ «съ невеликаго мѣста, съ воеводства Седмиградскаго, а воеводствомъ Седмиградское подданное было Угорскому господарству»³⁾. Но рядомъ съ этимъ въ Москвѣ циркулировало мнѣніе, что «Седмиградская земля за Турскимъ солтаномъ, и дань съ нее даютъ Турскому», и что Баторія избрали по присылкѣ султана турецкаго, что седмиградскій поевода учинился королемъ изъ рукъ того же султана, и значить онъ его «посаженикъ»⁴⁾. Объ этомъ Грозный прямо и объявилъ посланнику Баторія: знаю, что Стефанъ осѣлъ столицу королевства «съ воли Божей и съ поданья солтана Турецкаго»⁵⁾. Нѣсколько разъ замѣчалъ Грозный, что онъ Баторія утягиваетъ, помимо родственной низости, тѣмъ, что онъ вилъ съ Седмиградскаго княжества, и что вѣлмъ вѣдомо, «въ каковѣ онъ мѣрѣ съ государи и въ каковѣ низости былъ». На замѣчаніе Баторія, будто Грозный укоряетъ его маестатъ, послѣдній отиѣчалъ: «вѣдаемъ мы то, что изъ давнихъ предковъ коруна польская и

¹⁾ *Приказъ царя Ивана Васильевича князю Елецкому съ товарищи, изд. проф. Успенскимъ, Од. 1885, стр. 26; Переговоры о мирѣ между Москвой и Польшей въ 1581—1582 г., изд. проф. Успенскимъ, Од. 1887 г., стр. 61.*

²⁾ «Самому будеть тебѣ (Густаву) по вѣдому, и ты купцонъ спокъ въпрося увидай: новгородскіе пригородки Исковъ и Устюгъ и Даннскую землю чаю анаютъ: сколькимъ многинъ одинъ изъ тѣхъ болши Стекольни». *Карамзинъ, VIII, прим. 457.* Грозный писалъ королю Ягану, «что ему братъ псарь римскій и другіе великіе государи, къ которымъ Ягану нельзя писаться братомъ, талъ какъ «Шведская земля тѣхъ господарствъ честию ниже». См. выше, стр. 151.

³⁾ *Лит. метр., II, стр. 10.*

⁴⁾ *Пам. дипл. снош., I, стр. 691, 657 и 659.*

⁵⁾ *Сб. Моз. № 6, стр. 6.*

великое княжество литовское государство великое изъ давнихъ лѣтъ и вамъ настоятъ въ братствѣ, а мы писали по его отечеству, какъ онъ былъ на Седмиградскомъ княжествѣ, и мы то его отечество выписывали, а наше государство съ Седмиградскимъ княжествомъ въ какой мѣрѣ, всѣмъ вамъ то вѣдомо; а онъ свою визость ищитъ коруною польскою и великимъ княжествомъ литовскимъ, а мы николи коруны польскіе и великаго княжества литовскаго не укоринали, а что и писано низко, и то писано для княжства Седмиградскаго¹⁾.

Но по воззрѣніямъ московскаго правительства сравнительная честь мѣста, занимаемаго государемъ, не имѣла той важности, какъ личная честь государя, такъ какъ государь считался выше государства. Такая мысль совершенно категорично высказана Грознымъ по поводу упрека, брошеннаго ему Баторіемъ, будто онъ не понимаетъ, что такое маестатъ. Грозный сказалъ: «и мы то вѣдаемъ: маестатъ — государство, а на маестатѣ — государь на государствѣ, и государь государства болши: приведуть къ государю, ино то къ его лицу, а приведуть къ маестату, ино то къ повелѣнію къ государскому приведуть, а не къ самому государю, ино то ужъ ниже да и хуже²⁾». При такомъ взглядѣ личной чести государя, а значить и его родословію, отдавалось преимущество, такъ что государь своею родословною честью могъ повысить честь своего государства, но не обратно: честь государства не повышала соответственно честь правящаго государя, какъ это видно изъ счетовъ съ Баторіемъ.

Но въ глазахъ московскаго правительства не одно родословіе государя опредѣляло его личную честь. Последняя находилась еще въ зависимости отъ одного обстоятельства, характеризующаго собственно государственное устройство. Соответственно господствующимъ въ официальныхъ сферахъ представленіямъ о власти государя, московское правительство считало истиннымъ государемъ только государя съ неограниченною самодержавною властью и уклоненія отъ этого типа государственнаго устройства считало такого рода несовершенствомъ, которымъ обуславливалась гораздо болѣе сравнительная высота государевой чести, чѣмъ качества государственной организаціи. При этомъ только государь наследственный, получающій свои полномочія исключительно отъ Бога и по праву рождения, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ. Государи же

¹⁾ Пам. дипл. свом., X, стр. 135 и 161; ср. еще стр. 196 и 207: «а что написали семя жестоко и мы то писали княжеству Седмиградскому».

²⁾ Тамъ-же, стр. 222—223.

избранные, уже въ силу своего «поставленья или посаженья», считались, по мнѣнію московскаго правительства, не полноправными, а стало быть и менѣе «честными», сравнительно съ государями наследственными или вотчинными. Столь своеобразная оцѣнка чести государей имѣла и не менѣе своеобразную мотивировку.

Въ 1562 г. бояре замятили литовскому послу: «начиная отъ великаго государя Владиміра, просвѣтлившаго русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а наши государи — посаженныи государи: такъ который крупче — вотчинный-ли государь или посаженный? — сами разсудите»¹⁾. «Крупность» государя государству безъ сомнѣнія весьма характерный признакъ для прочности государственнаго устройства. По обобщенію московскаго правительства, что вотчинный государь крупче посаженнаго, безспорно проникнуто извѣстной дозой субъективизма, которымъ проникнуто и другое обобщеніе московскихъ официальныхъ сферъ, а именно, что посаженный государь не можетъ обладать достаточными полномочіями для добраго устройства своей земли. Именно такая мысль очень подробно развита въ извѣстныхъ боярскихъ отвѣтахъ на подметныя письма Сигизмунда-Августа²⁾. Въ этихъ боярскихъ отвѣтахъ указывается, что напрасно король жалѣеть о христіанствѣ³⁾, что «нашихъ великихъ государей вольное царское самодержество не какъ ваше убогое королевство», ибо «великихъ государей не указываетъ никто, а тебѣ твои пашопе какъ хотять, такъ укажутъ». Это различіе бояре объясняютъ тѣмъ, что, начиная отъ Августа кесаря и брата его Пруса до великаго государя Рюрика, и отъ Рюрика до нынѣшняго государя, великихъ государей «вольное царское самодержество николи непремѣнно, а на государствахъ никѣмъ не посажены и не обдержимы, но отъ всемогущія Божія десницы на своихъ государствахъ самодержествуютъ, ... и никто же ниъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнить». Советамъ иначе рисуется положеніе королей: король потому и послушенъ своимъ панамъ, что «не коренной государь»; по мнѣнію бояръ, королямъ и «больше того подбааетъ пановъ своихъ послушивати, занже есте

¹⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 222—223.

²⁾ Вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ этихъ писемъ для даннаго случая не имѣетъ значенія.

³⁾ Король писалъ, что «надъ князи и народомъ христіанскимъ жуа дѣется», «жестокосердіе перасудительное, гоненія безъ правды и гибель непопадный». Писм., XV, стр. 41 и 50.

государи не коренные». Указавъ на то, что самодержавный московскій государь воленъ жаловать и казнить, бояре относительно короля замѣчаютъ: «а ты по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой государь, а не потчинный, какъ тебя захотѣли папы твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; а пастырство твое которое? Не токмо что во избранныхъ тебѣ людѣхъ не воленъ еси, но и въ себѣ: неволенъ еси¹⁾),... и коли ты самъ въ себѣ не воленъ, какъ-же тебѣ пользу быти въ своемъ государствѣ?»²⁾. Итакъ, эти два нераздѣльные признака — избраніе государя и ограниченіе его власти — представлялись московскому правительству столь существенными недостатками въ государственномъ устройствѣ, что при наличности ихъ польско-литовское королевство считалось «убогимъ». И это убожество королевства всецѣло отражалось, конечно, на чести короля.

Тѣ же основныя черты государственнаго устройства присущи были шведскому королевству. Вотъ что пишетъ Грозный королю Иоанну: «коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу (твоему) архидиаконъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписывають... А совѣтники королевства шведскаго почему отцу твоему товарищи? А послы не отъ одного отца твоего, отъ всего королевства шведскаго, а отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... Ино видишь-ли, каково отцу твоему правити, таково и архидиакону, и тебѣ потому нельзя равняться съ великими государями, въ великихъ государствахъ тѣхъ обычаи не ведется»³⁾.

Ту-же идею развиваетъ Грозный и въ письмѣ къ англійской королеви Елизаветѣ въ 1570 г.: «и мы чаяли того, сказано въ письмѣ, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своею государскою чести смотришь и своему государству прибытка... Ажно у тебя много тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые и о нашихъ государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пре-

¹⁾ Намекъ на королеву Барбару.

²⁾ Визл., XV, стр. 47—49. Гетману Хоткевичу кн. Воротышскій пишетъ: «Государь вашъ ничего изъ можетъ чрезъ нашу волю учинити; сами-жъ вы, отнявши волю у государя своего, и за то его святымъ зовете и милостивымъ. И что жъ его милость, коли онъ ни въ чемъ не воленъ? Таки милость окажется права, ино властность и умца и милость содержать». Тамъ-же, стр. 63.

³⁾ Литов. зап. Арх. Комм., вѣд. 5, матер., стр. 43—44.

бываешь въ своемъ дваческомъ чину, какъ естъ пошлая дѣвица»¹⁾.

Но упускалъ случая Иванъ IV попрекнуть всѣми этими несовершенствами и убожествами особенно своего кровнаго врага Баторія: Въ 1577 г. обжепные указаніями Грознаго на низкое происхождение Баторія польскіе послы ссылались на прихѣръ царя Давида, избраннаго изъ низкаго званія. На это Грозный велѣлъ имъ отвѣтить: «царя Давида Богъ избралъ, а не люди... Въ томъ же ваша воля: мятежомъ человѣческимъ хотя когобы и хуже выбрали — то вамъ государь»²⁾. Въ 1581 г., соглашаясь на существенныя уступки Баторію, онъ наказываетъ посламъ между прочимъ замѣтить, что «наши государи не со вчерашняго дня государи, извѣщныи государи». Если-бы въ Литвѣ спросили-кто-же со вчерашняго дня государь, — велѣно было отвѣтить очень ясно и прямо немецкомъ, что кто со вчерашняго дня государь, тотъ самъ себя знаетъ³⁾. Въ своемъ характерномъ письмѣ 1581 г. къ Баторію Грозный колетъ его тѣмъ, что будто его паши рада говорили про него государевымъ посламъ слѣдующее: «у насъ господарь повольный, обираемъ себѣ господаря, кого захотимъ; который господарь у насъ ни будетъ, и онъ безъ насъ ничего не дѣлаетъ, а что и захочетъ дѣлать, ино мы не дадимъ»⁴⁾. Самое письмо отъ открываетъ многозначительнымъ намекомъ, титулуя себя государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Руси, дѣдичемъ, отищемъ и наследникомъ прародительскихъ земель «Пожиимъ изволеніемъ, а не многомлятежнаго человѣчества хотѣніемъ»⁵⁾.

Такимъ образомъ вся эта многотрудная борьба за честь московскаго государя привела московское правительство къ убѣжденію, что царю всея Руси можно быть въ братствѣ только съ «наиперв-

¹⁾ Ю. Толстого, Россія и Англія. 1553—1593, стр. 109.

²⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 314.

³⁾ Тамъ-же, стр. 229—330.

⁴⁾ Лит. метр., II, стр. 51. Ср. еще Пам. днз. снош., I, стр. 654, 1318 и 1329.

⁵⁾ Лит. метр., II, стр. 141. Вся колкость этого намека вскрывается изъ того, что Баторій еще въ 1576 г. претендовалъ на Грознаго за то, что въ грамотѣ къ нему «засклъ Божое надъ панованьемъ его королевскіе милости не вспомянуто». Въ 1578 г. Грозный удивлетворилъ его желаніе, назвавъ его «судомъ» и великимъ государемъ «по пензѣрпой милости Божей и какъ великое великостіи людей короны польскіе и вел. княжества литовскаго по избранью»; но передъ этимъ гонорилъ посламъ Баторія: «государь вашъ самъ себя укоряетъ, да и вы его укоряете, во письмѣ грамотахъ пишете, что Богъ его безмѣрнымъ своимъ милосердіемъ помянулъ, вы его на государство взяли, хвалитесь, что по великому Божію милосердію полюбилъ его: изъ этого ясно, что онъ такого великаго государства былъ недостопенъ, по Богъ его помянулъ, да вы его полюбилъ не по достоинству». Тамъ-же, стр. 22 и 23; Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 314.

шими господами», хотя и это братство было неравное, так как по родословию, по полнотѣ власти и по прочности положенія онъ могъ быть приравненъ развѣ только турецкому султану; вообще же московскому государю по Божію изволенію никакое государство высоко не бывало. Таковъ былъ выводъ изъ всего царскаго мѣстничества.

Повидимому этотъ практическій выводъ воиолнѣ соответствовалъ тѣмъ теоретическимъ требованіямъ, которыя были положены въ основу царскаго мѣстничества, и въ силу которыхъ, согласно византийскимъ традиціямъ, единый представитель и глава православнаго міра долженъ занимать во всей вселенной первое мѣсто среди государей. Но это соответствие было кажущееся, фиктивное, такъ какъ реальное соотношеніе междугосударственныхъ силъ не гармонировало съ субъективными представленіемъ официальныхъ сферъ царской Руси, особенно къ концу царствованія Ивана IV, когда правительство во внѣшней и внутренней политикѣ должно было пережить жестока унизенія, а царское честолюбіе—мучительныя испытанія.

Но наряду съ этими противорѣчіемъ наблюдается и другое несоответвіе практики царскаго мѣстничества идеѣ, положенной въ его основу. Иванъ Грозный какъ-то укололъ Іоанна шведскаго за то, что тотъ захотѣлъ у себя учинить титула и печати «нашего царствія величества», и замѣтилъ ему: «ты обезумѣвъ хотя и вселенной называешься государемъ, да кто тебя послушаетъ»¹⁾. Грозный-же съ своими титулами и печатями хотя и претендовалъ на это званіе въ силу правъ царградскаго наследника, но въ сложныхъ мелочахъ мѣстническихъ споровъ нерѣдко забывалъ главную цѣль затѣянной борьбы. Когда создавался сложный ритуалъ дипломатическихъ обрядностей, когда выяснялась степень почетности каждаго мелочнаго обычая, то всему этому посвящено было такъ много вниманія, времени и силъ, что утомленное этой борьбой сознаніе московскаго правительства не въ силахъ было сохранить въ чистотѣ главную идею своей политической цѣли. Такъ какъ реальныя факты жизни нерѣдко имѣли болѣе сильное вліяніе на настроеніе умовъ, чѣмъ мертвыя фикціи, затеряныя къ тому-же въ хаосъ мелочей, то принципы царскаго мѣстничества претерпѣвали иногда весьма существенныя отклоненія отъ указанныхъ выше проявленій. Соображенія выгоды, политическій расчетъ московскаго правительства былъ тѣмъ Молохомъ, въ жертву которому принесены были и излюбленныя фикціи, какъ прежде

¹⁾ Лѣт. зап. Арх. Копи., выд. 5, матер., стр. 44.

привнеслись ему въ жертву не только приобретенныя права, но даже религіозныя правила.

Иванъ Васильевичъ Грозный, самодержецъ по Божію повелѣнію, а не по хотѣнію многомятежнаго челоуѣчества, не прочь былъ принять на себя или на сына своего польскую короу по избранію великаго множества народа. Серьезная идея умиротворенія двухъ враждующихъ державъ руководила имъ при этомъ. Но готовность быть избраннымъ королемъ совсѣмъ не гармонировала съ его взглядами на посаженныхъ государей. Этого мало. Трудно было, кажется, найти въ то время челоуѣка болѣе нетерпимаго къ ограниченнымъ формамъ правленія, чѣмъ Иванъ Грозный. Но онъ-же, объявляя особенное свое хотѣніе быть государемъ въ одной Литвѣ, даетъ слѣдующее обѣщаніе радѣ: «у васъ пановъ радъ и всего рыцарства и всея земли литовскіе, справъ и попольностей во всякихъ вашихъ поведеніяхъ переставлявати и убавлявати ни въ чемъ не хотимъ: какъ у васъ прежь сего велося по старымъ обычаемъ, также и прибавлявати и наддавати вамъ всякихъ чиновъ и чести, со всѣхъ пановъ радъ приговору, по ванскому милстату, по прежнимъ вашимъ обычаемъ; а инако слово наше не будетъ, и крестнымъ цѣлованіемъ по договору затвердимъ»¹⁾.

Серьезныя политическіе интересы побудили Грознаго отступитъ отъ своихъ политическихъ догматовъ. Политическая необходимость заставила его поступитъ этими догматами въ пользу Баторія, лишь-бы добиться отъ него заключенія перемирія. Грозный, передавая Антонію Поссевину слова Баторія, что не въ томъ достоинство королевское, кто королевской сынъ или государкой, а въ томъ достоинство, кого люди изберутъ королемъ, и что многіе цесари и короли бывали изъ шляхтичей, замѣчаетъ: «и мы того по ся мѣста не слыкали, да и онъ тѣмъ хвалится, что онъ изъ рыцарскаго роду, ни то онъ вѣдаетъ; а мы тогда потому съ нимъ не хотѣли братарства, что онъ не отъ государскаго роду; и коли то по древнему обычаю добро, и мы иныѣча съ нимъ для покоя хрестыанскаго братства хотимъ»²⁾. Въ 1581 г. при заключеніи перемирія съ Баторіемъ.

¹⁾ *Соловьевъ*, VI, пѣд. 4, стр. 278—298; Пам. дипл. снош., I, стр. 581; *Баяншиш-Камекскій*, Переписка между Россіей и Польшею, ч. I, Чт. Общ. Ист. 1861 г., книга IV, стр. 140. Въ случаѣ избранія его сына Грозный требовалъ, чтобы Польша и Литва смпо дѣтей сына его другаго государя не искажи, а если у него дѣтей не будетъ, то не отрывались-бы отъ рода московскихъ государей. Но среди сыновей онъ допускалъ выборъ: «въ старости, говорилъ онъ, про себя, вольно намъ будетъ отойти въ монастырь, и тогда панъ и вся земля выберутъ себя въ государя изъ нашихъ сыновей, который ихъ будетъ любъ; а самъ я негоднаго ихъ назначать не буду». *Соловьевъ*, тамъ-же, стр. 285 и 286.

²⁾ Пам. дипл. снош., X, 230—231. «И въ братствѣ съ нимъ готовы есмь быти, только-бы былъ покой хрестыанству».

Грозный для «покоя крестьянскаго не велѣтъ даже себя царемъ ипсати», митигируя такую крайнюю уступку тѣмъ, что «котораго извѣчнаго государя какъ его не напиши, а его государя во всѣхъ земляхъ вѣдаютъ, какой онъ государь» ¹⁾). Такія признанія могли быть и не искренни вслѣдствіе вынужденности. Но безгнанный на братство царь Иванъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи уступки совершенно свободно и изъ весьма мелочныхъ расчетовъ. Въ 1566 г. шведскій король Ерикъ просилъ учинить его къ братствѣ, обѣщая за то прислать жену своего брата, сестру польскаго короля Екатерину. И Грозный короля пожаловалъ, «въ братствѣ его на томъ учинилъ, что Ирику королю польскаго короля сестру прислати»; но при этомъ было выговорено, что если король обѣщанія не исполнитъ, то «докончальная грамота не въ грамоту и братство не братство» ²⁾). Не прочь былъ Грозный и отъ братства съ королемъ Иоанномъ, хотя считалъ его страдникомъ изъ мужичьяго рода и доказывалъ что по чести его лично и шведскаго государства ему слѣдуетъ сношаться только съ новгородскими намістниками. Грозный, однако, готовъ былъ отвести его отъ намістниковъ, но требовалъ, чтобы король прислалъ къ нему посланъ съ челобитьемъ и почтилъ его «напротину того также великимъ дѣломъ»; «и мы тебя, писалъ Грозный, пожалуемъ, отъ намістниковъ отведемъ, а не выкупя тебѣ того у насъ не видати, а даромъ тебѣ съ нами, ссылатись не пригожъ и по государству и по отечеству» ³⁾). Послѣ допущенія покупки отеческой и государской чести идти дальше въ противорѣчіяхъ самому себѣ было некуда.

Итакъ, самъ царь Иванъ Васильевичъ дѣлалъ отступленія отъ своихъ аристократическихъ тенденцій въ виду практическихъ соображеній. Онъ, которому никакое государство высоко не бывало, долженъ былъ сбавить свое «снѣсивство» и «смириться» передъ Баторіемъ ⁴⁾). Послѣдующія за его смертью событія въ значительной мѣрѣ смягчили и крайности его воззрѣній на власть самодержавнаго государя.

¹⁾ Наканъ князю Елецкому, стр. 3; Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшей, стр. 68.

²⁾ Александр-Невск. Лѣт., Р. И. В., т. III, стр. 291.

³⁾ Лѣт. ван. Арх. Комм., вып. 5, матер., стр. 41 и 46. Грозный требовалъ дорогого выкупа: «ты намъ поддайся в полорисъ... в коли поддайся, иже... мы ссмадемся съ тобою какъ съ своимъ, а съ чужимъ съ млодымъ, какъ ты, ссмадемся намъ ве пригоже». Если онъ думалъ попронизировать надъ королемъ, то шутка мышла оскорбительной и для самыхъ дорогихъ догматовъ родовой Москвы.

⁴⁾ Въ 1580 г. Грозный писалъ ему: «средѣ Богомъ и предъ тобою си и ря яся». Лѣт. жетр., II, стр. 78.

Съверовосточная Русь унаследовала отъ Русей Кіевской, между прочимъ, и форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю. Но здѣсь, подъ вліяніемъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условій, эти отношенія постепенно видоизмѣняются. Дружинникъ-богатырь, воинъ по преимуществу, думавшій съ княземъ о высокомъ столѣ и налезавшій славу себѣ и своему князю, постепенно являетъ свою воинственную физиономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Выѣстъ съ княземъ дружинникъ перестаетъ быть тѣмъ подвижнымъ элементомъ, содѣйствовавшимъ столь сильно поддержанію идеи о единствѣ русской земли постоянныхъ передвиженіемъ съ одного стола на другой. Въ сѣверовосточной Руси борьба за великое княженіе владимірское не сопровождается этихъ передвиженіемъ. Князья предпочитаютъ оставаться въ своихъ удѣльныхъ вотчинахъ и послѣ достиженія велико-княжескаго стола: стольный городъ Владиміръ не унаследовалъ бывшей престоли матери городовъ русскихъ. Параллельно съ этимъ и въ связи съ развивающеюся системою удѣловъ возникаетъ дѣльный рядъ великихъ княженій на ряду съ владимірскимъ. Размѣстившіеся по этимъ многочисленнымъ великимъ и удѣльнымъ княженіямъ члены княжеской дружины постепенно осѣдаютъ, какъ и князья, изъ своихъ вотчинахъ. Насколько видоизмѣнилось ихъ положеніе, указываетъ своеобразная «повѣсть о калмацкомъ побойцѣ», которая сохранила былинное преданіе о томъ, какъ русскіе богатыри—Александръ Поповичъ, Тимоня Золотой Поясъ и другіе—по смерти князя Константина Всеволодовича учинили рядъ, «яко служити ихъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ», такъ какъ, духами

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Месловскіе государи и ихъ слуги.

Сѣверовосточная Русь унаследовала отъ Русей Кіевской, между прочимъ, и форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю. Но здѣсь, подъ вліяніемъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условій, эти отношенія постепенно видоизмѣняются. Дружинникъ-богатырь, воинъ по преимуществу, думавшій съ княземъ о высокомъ столѣ и налезавшій славу себѣ и своему князю, постепенно являетъ свою воинственную физиономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Выѣстъ съ княземъ дружинникъ перестаетъ быть тѣмъ подвижнымъ элементомъ, содѣйствовавшимъ столь сильно поддержанію идеи о единствѣ русской земли постоянныхъ передвиженіемъ съ одного стола на другой. Въ сѣверовосточной Руси борьба за великое княженіе владимірское не сопровождается этихъ передвиженіемъ. Князья предпочитаютъ оставаться въ своихъ удѣльныхъ вотчинахъ и послѣ достиженія велико-княжескаго стола: стольный городъ Владиміръ не унаследовалъ бывшей престоли матери городовъ русскихъ. Параллельно съ этимъ и въ связи съ развивающеюся системою удѣловъ возникаетъ дѣльный рядъ великихъ княженій на ряду съ владимірскимъ. Размѣстившіеся по этимъ многочисленнымъ великимъ и удѣльнымъ княженіямъ члены княжеской дружины постепенно осѣдаютъ, какъ и князья, изъ своихъ вотчинахъ. Насколько видоизмѣнилось ихъ положеніе, указываетъ своеобразная «повѣсть о калмацкомъ побойцѣ», которая сохранила былинное преданіе о томъ, какъ русскіе богатыри—Александръ Поповичъ, Тимоня Золотой Поясъ и другіе—по смерти князя Константина Всеволодовича учинили рядъ, «яко служити ихъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ», такъ какъ, духами

они, если начнут служить князьямъ по разнымъ княженіямъ, то и «вехота имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и чести боеве»¹⁾. Любопытно, что русскіе богатыри не сочли возможнымъ служить одному князю въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ. Для нихъ не нашлось мѣста въ сѣверо-восточной Руси; здѣсь не на чемъ было проявить имъ свою богатырскую силу: частые боеве отличались «больше париярствомъ, чѣмъ воинственностью». Для служивыхъ людей, оставшихся на сѣверѣ, необходимо было поступиться въ некоторомъ изъ своихъ типическихъ чертъ.

Но и въ этихъ новыхъ условіяхъ прежніе дружинники—теперь бояре и польные слуги—успѣли сохранить за собой право свободнаго отъѣзда: междукняжескіе договоры обезпечивали за ними въ этомъ отношеніи полную волю. Но, какъ вѣрно замѣчено, это право являлось анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверной Руси и противорѣчило стремленію князей «соединить личную службу польныхъ слугъ съ землепладшествомъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднюю». Право свободнаго отъѣзда не согласовалось и съ другимъ условіемъ тѣхъ же междукняжескихъ договоровъ, на основаніи котораго «для князей и ихъ бояръ затруднялось пріобрѣтеніе земли въ другихъ удѣлахъ и запрещалось имъ держать такъ закладней и оброчниковъ, т. е. запрещалось обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужого князя или боярина»²⁾.

Въ современной русской письменности не прошло незамѣченнымъ такое несоотвѣтствующее общимъ условіямъ жизни явленіе, какъ свобода отъѣзда.

Древне-русскіе книжники-публицисты довольно рано обратили вниманіе на общій вопросъ объ отношеніяхъ дружины къ князю. Въ своихъ стремленіяхъ къ упорядоченію политическаго быта они встрѣтили сильное препятствіе въ лицѣ дружинниковъ, про которыхъ современникъ замѣтилъ: «князь не сажь впадаетъ во многія вещи въ злыя, но думцы вводятъ»³⁾. Участіе этихъ думцевъ въ княжескихъ междусобіяхъ, о прекращеніи которыхъ особенно горячо ретонали наши книжники, вызвало противъ думцевъ сильное недоуменіе. Назидательный бытоописатель очень часто указываетъ на злыхъ совѣтниковъ, какъ на причину княжескихъ распрей: «такъ свадниша братью окалными тѣи зли чловѣци: сіи бо суть

¹⁾ П. С. Л., XV, 338.

²⁾ Проф. Ключевскій, Воарская дума древней Руси, изд. 1, стр. 98—101; изд. 2, стр. 96—100.

³⁾ Каледковъ, Памятники русскаго словесности XII в., стр. 236—237.

окалявшійшиа ѿсовъ, ѿси бо сами не могуще что христіаномъ со- творити, то злыхъ человекъ на то поущаютъ ¹⁾.» Къ такому при- равненію злого человека ѿсеу очень любилъ прибѣгать наши княжники; по ихъ мнѣнію, и «ѿсеъ того не замыслитъ, еже золъ человекъ замыслитъ» ²⁾. Они очень рано обратили также вниманіе на вѣроломства и клятвопреступленія этихъ княжикъ слугъ. Такъ еще поступокъ Блуда, лукавствовавшаго на князя своего лествю, вызвалъ поучительныя наставленія лѣтописца, который, припоминая слова царя Давида, что «мужъ въ крови лествивъ не приплювитъ дний своихъ», замѣчаетъ: «се есть собѣтъ золъ, иже свѣщезають на кровопролиты; то суть нестопни, иже приемише отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары, ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубленіе, горьше суть ѿсовъ таковни: яко же Блудъ преда князя своего и приимъ отъ него чти многи, се бо бысть повищенъ крови тои» ³⁾. Съ негодопаніемъ лѣтописецъ го- воритъ и о Кучковичахъ, этихъ княжескихъ милостивникахъ, а потомъ окаляныхъ убійцахъ ⁴⁾. Такие случаи вѣроломства вовсе не были рѣдкостью въ русской жизни; по крайней мѣрѣ составитель Переяславскаго лѣтописнаго свода, рассказывая эпизодъ о Блудѣ, вложилъ въ уста вѣрнаго слуги Варяжка такую общую сентенцію: «всякъ милостникъ подобенъ есть змии запазушииѣ ⁵⁾.» Послѣду- ющее время представило не одинъ примѣръ въ подтвержденіе этой общей сентенціи.

При такихъ возрѣніяхъ русскихъ книжниковъ на положеніе дѣлъ представлялось необходимымъ противодѣйствовать существу- ющему злу. Отсюда и возникъ цѣлый рядъ поученій оригинальныхъ и заимствованныхъ о нормальныхъ отношеніяхъ къ князю, поученій, стоящихъ въ тѣсной связи съ пропагандой иден о почитаніи властей.

Авторъ обширной статьи «На поученіе ко всеъмъ хрестіаномъ» открываетъ свое «слово о князѣхъ» слѣдующимъ общимъ наста- вленіемъ: «князю земля ваша покоряйтеся, не рѣйте ему зла въ сердци своемъ, и прийте ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслію своею и не возмогутъ противитися ипш князю ва-

¹⁾ П. С. Л., VII, 73; ср. Лѣт. по Ип. сп., 351.

²⁾ Лѣт. по Ип. сп., 371; П. С. Л., VII, 83.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 75; Новгород. лѣт. по Свюд. сп., изд. 1869 г., стр. 27—28.

⁴⁾ Новгород. лѣт. по Свюд. сп., изд. 1868 г., стр. 455: «Окаляши же злона- чивыи дѣволъ, не могый трѣпѣти добродѣтели его (и. Андрея), и вселися союпа въ Якимъ зловѣрнаго, якоже и въ Иуду Скарпотскаго на Христа, убійствова: тако и снѣ окаляши Кучковичи свѣщаша на святого князя окаляноу своею мыслію» и проч.

⁵⁾ Лѣт. Переясл. Суд., стр. 16.

шему» ¹⁾). Другой анонимный автор предлагает подобное же «Поучение отъ святыхъ отецъ»: «Наипаче же князю своему всѣмъ сердцемъ прии, то есть отецъ твой и мати твоа... Не мози помыслити зла, ни глаголати нашь. Глаголетъ бо писавіе: аще речеши глаголъ хуленъ на своего князя, то и птица доиссетъ на него. И не противляйся словесы; святыи бо апостолъ Павелъ глаголетъ: владычества отъ Бога учинены суть» ²⁾).

Но духовно-публицистическая литература не ограничивалась разработкой только общей темы объ отношеніяхъ къ князю; она коснулась вопроса и о свободѣ отъѣзда вольныхъ слугъ. И это совершенно понятно: право отъѣзда шло въ разрѣзъ съ обязанностью быть преданнымъ и покорнымъ своему князю; оно въ значительной мѣрѣ поддерживало и питало усобицы. Вотъ что читается въ поученіи ко всѣмъ крестьянамъ: «князю землѣ вашей покоряйтеся, не рѣйте ему зла въ сердце своемъ, и прииште ему головою своею и мечемъ своимъ и всею мыслию своею». Въ случаѣ доброй приязни своему князю авторъ обѣщаетъ богатство землѣ, а отъ земли и дружинѣ. Приязни же инымъ князьямъ отъ своего вызываетъ у автора два уподобленія: первое очень рельефное уподобленіе невѣрной женѣ; и второе Іудѣ. «И се пакы и еще вы глаголю, чада моя, продолжаетъ авторъ, аще кто отъ своего князя ко иному отъѣдетъ (иже кто о князѣ своемъ зло мыслить къ другому князю), а достойну честь приемал отъ него, то подобенъ Іудѣ, иже любилъ Господомъ, ти умысли предати его ко княземъ жидовскимъ.» Указавъ на судьбу Іуды, авторъ такъ заключаетъ свое поученіе: «да и вы, сынове мои милые, не мозѣте приити иному князю, да не въ тоже зло инадете». Это поученіе очевидно встрѣтило сочувствіе среди книжниковъ того времени, такъ какъ получило широкое распространеніе: оно извѣстно въ двухъ редакціяхъ XIV и XV вв. и дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ ³⁾).

¹⁾ Москвитининъ, 1851 г. № 6, стр. 119; *Буслаевъ*, Ист. христ., 477; *Максрій V*, изд. 2, 416.

²⁾ Сборн. Погод. древлехр., № 1267, л. 74. Незавѣстный авторъ «Слова св. отецъ како жити крестьянемъ» почти дословно повторяетъ предыдущее поученіе: «Наипаче же князю своему приязни виѣи, а не мысли зла нашь. Глаголетъ бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть. Рече бо: Бога се бойте, а князя чтите. Аще бо властелямъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію бо протпяется Божію.» Ж. М. Н. Пр. 1874 г. № 12; Прав. Соборѣд. 1859 г. № 1, стр. 134.

³⁾ Москвитининъ 1857 г., кн. 2, № 6, стр. 119—134; *Буслаевъ*, Истор. христ., стр. 477—479. Варьянтъ взятъ изъ текста, напечатаннаго у *Максрія*, Ист. церк., V, стр. 416 и слѣд. Въ краткой редакціи XV в. поученіе приписано еп. саравскому Матоею, а въ пространной помѣщено въ Златой Цѣпи XIV в. До сихъ поръ извѣстны одинъ списокъ краткой редакціи и четыре списка пространной, *Максрій*, V, прил. VIII; Первое приб. къ Он. рик.

Итакъ назидательная литература сѣверо-восточной Руси стремилась поставить отношенія вольныхъ слугъ къ князю на совершенно новыхъ началахъ. Возставая противъ свободы отъѣзда, она не только признала ненормальнымъ открытое противодѣйствіе князю со стороны вольныхъ слугъ, но объявила несогласными съ истинами религіи злой умыселъ на князя, хульный глаголъ и противленіе ему на словахъ. Сторонники новаго взгляда не ограничивались однимъ лишь теоретическими ссиптенціями въ видѣ поученій: они имѣли основаніе разсчитывать и на практическое проиожденіе новыхъ началъ, такъ какъ нашли поддержку со стороны церкви. Въ древнихъ спискахъ кормчей (XIII в.) и отдѣльныхъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрило Праведнаго (XIV в.), встрѣчается очень любопытная статья, усвоиваемая то Василию Великому (канонъ 66), то св. апостоламъ (правило 84), въ которой содержится слѣдующее любопытное постановленіе: «Шже укорить царя ли князя чрезъ праведное, казнь да приметъ; и аще есть причетники да извержется, и аще люжанниъ да отлученъ будетъ»¹⁾. Это постановленіе, какъ видно, должно было примѣняться ко всѣмъ классамъ населенія, не исключая и людей церковныхъ; значить, духовенство могло его примѣнять и къ княжескимъ слугамъ. Но важно и любопытно то, что церковь, объявивъ проступкомъ укоръ князю—дѣланіе совершенно свѣтскаго характера, — облагаетъ его наказаніемъ чисто церковнымъ—отлученіемъ отъ церкви. Въ сферѣ свѣтской администраціи не успѣли еще усвоить себѣ подобнаго взгляда, и церковь первое время не нашла себѣ поддержки со стороны княжескихъ правительствъ. Однако указанное постановленіе должно было оказать извѣстное вліяніе на измѣненіе взглядовъ и въ правительственной сферѣ.

Трудность затѣянной реформы подавала мало надежды на близкое ея осуществленіе. Но защитники ея не упускаютъ случая напомнить о своихъ взглядахъ, стараясь факты дѣйствительной жизни истолковать въ свою пользу. Укажемъ примѣры.

Хлудова, стр. 25—26. Филаретъ (Гумилевскій). Обзоръ русск. дух. литер. § 49, считаетъ авторомъ поученія митр. Кирилла I; Макарій, Ист. церкви, т. V, стр. 166, называетъ авторомъ еп. Матвея сарайскаго; Срезневскій, Начатки русск. письма и языка, изд. 2, стр. 110, признаетъ мнѣніе Филарета на томъ основаніи, что поученіе не упоминаетъ вовсе о татарахъ; проф. Голубинскій, Ист. церкви, т. I, ч. 1, стр. 679, примѣч., относитъ поученіе къ домонгольскому періоду, но не признаетъ митр. Кирилла его авторомъ и полагаетъ, что авторъ вообще лицо не духовное, а мірянинъ.

¹⁾ Розенкампфъ, О кормчей, изд. 2, стр. 93, п. 9 (Харатейная кормчая XIII или начала XIV в. изъ библ. Румянцова); Калачовъ, Мѣрило Праведное, Арх. ист.—юр. свѣд., т. I, отд. III, стр. 33 (Пергамин. ркп. XIV в. изъ библ. Румянцова).

Въ 1281 г. городецкій князь Андрей Александровичъ испросилъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе подѣ старшимъ братомъ Дмитріемъ Александровичемъ и для обезпеченія привелъ съ собою татарскую рать, во главѣ которой подступилъ къ Переяславлю, «а съ нимъ бояринъ его Семенъ Тонглевичъ и иные коромольники». Татарскія полчища, конечно, опустошили страну. Лѣтописецъ по этому поводу замѣчаетъ: «Все же то зло сотвори кн. Андрей съ своимъ Семеномъ Тонглевичемъ, добываяя княженія великаго, а не по старѣйшинству». Черезъ два года князья-братья примирились, и вслѣдъ за симъ бояре вел. князя Дмитрія по его повелѣнію убили на Костромѣ Семена Тонглевича, «коромольника лъстиваго», какъ называетъ его лѣтописецъ ¹⁾. Очевидно вся эта княжеская смута затѣяна при ближайшемъ содѣйствіи этого боярина. Взглянувъ на дѣло съ точки зрѣнія миролюбца и противника княжескихъ смутъ, лѣтописецъ отнесся въ данномъ случаѣ къ боярину городецкаго князя такъ же, какъ во многихъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ: въ его глазахъ Семенъ Тонглевичъ былъ злой совѣтникъ, совѣщавшій своему князю на кровопролитіе. Но лѣтописецъ совсѣмъ напрасно назвалъ его коромольникомъ лъстивымъ; Семенъ Тонглевичъ вѣрой и правдой служилъ своему князю, радѣлъ ему мыслію и мечемъ, добывая для него столь княженія великаго, хотя это и было, можетъ быть, очень эгоистической затѣей. Въ крайнѣйшій противъ своего князя онъ повиненъ не былъ. Имѣно съ этой точки зрѣнія взглянувъ на все это дѣло составитель другаго лѣтописнаго свода. Семенъ Тонглевичъ здѣсь именуется «послѣшникомъ и помошникомъ», «совѣтникомъ и помошникомъ» князя Андрея Александровича, а вовсе не коромольникомъ. Лѣтописецъ не скрываетъ, что все это дѣло было задумано не съ чистыми наміреніями, что оно ведено было противъ старшаго брата и осуществлено только благодаря лести князя Андрея передъ ордынскими царемъ. Но вотъ какъ изложено эпитологъ этого дѣла. Когда братья помирились, то вел. князь Дмитрій Александровичъ посылаетъ своимъ двухъ бояръ «изымать тайно Семена Тонглевича и изпытати его потюку о всемъ, и убити». Бояре исполнили повелѣніе своего князя, и вотъ что на допросѣ отвѣтилъ имъ бояринъ городецкаго князя: «всѣ испытуете мя, азъ убо вѣрою и правдою и истиною служихъ своему господину князю Андрѣю Александровичю, а еже которыя межнѣ ихъ з братомъ его быша брани, или о обидахъ или о спорехъ, се вѣдять они межъ собою, а азъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца». Бояре допытывались, не онъ

ли поднималъ ордынскаго царя и приводилъ татаръ; во тогъ отвѣтилъ: «азъ сего дѣла не имамъ; аще хотите истинно увѣдѣти, спросите господина моего, и той вахъ о всекъ отвѣщаетъ». Когда же болре подъ угрозой смерти потребовали свидѣній о бывшихъ, настоящихъ и будущихъ намѣреніяхъ городецкаго князя, то Сементъ Тонильевичъ отвѣтилъ имъ слѣдующею замѣчательною рѣчью: «суетенъ есть вашъ совѣтъ, пожеже господишъ нашъ взя съ нами господиномъ миръ и любовь и укрѣпилися крестныхъ цѣловашемъ въ мирѣ и въ любви быти. Да сей-ли есть миръ и любовь вашего господина и вась, еже убивати болре нашего господина! во истину суетно есть дѣло ваше» ¹⁾. Смертью поплатился Сементъ Тонильевичъ за вѣрность своему господину. Свѣтлый образъ вѣрнаго слуги, умирающаго за своего господина, привлекаетъ всѣ симпатіи читателя; вмѣстѣ съ лѣтописцемъ онъ легко могъ представить, какъ «зѣло тужить» о такомъ болришѣ долженъ былъ городецкій князь.

Любопытный аналогичный примѣръ занесенъ въ лѣтопись подъ 1392 г. Въ этотъ годъ умеръ Данило Теофановичъ, внукъ Теодора Бяконта, выѣхавшаго изъ Москву при Калитѣ. Про Данила Теофановича замѣчено, что онъ былъ истинный бояринъ вел. князя и правый доброхотъ, служилъ государю безъ лести въ Орду и на Руси паче всѣхъ и «голову свою складаше по чюжнихъ страхахъ, по незнаемыхъ и по невѣдомыхъ мѣстохъ, многы труды понесе и многы истомы претерпѣ». Лѣтописецъ прибавляетъ, что великій князь изъ любви къ своему слугѣ прослезился на его похоронахъ и плакалъ на многъ часъ ²⁾.

Иныя мысли и чувства вызвалъ у лѣтописца предательскій поступокъ Василія Румянца, старѣйшаго боярина при нижегородскомъ князѣ Борисѣ Константиновичѣ. Объ этомъ поступкѣ лѣтописецъ отозвался такъ: «О злая леть человѣческая! Якоже рече Давидъ: мужа крѣвана и лстива гнушается Господь; и Лѣстичникъ рече: душа мятежна сѣдалище діаволе. И отъиде Румянецъ, Юдинъ образъ вземъ, помрачися злобою къ другъ діаволу нареклъ» ³⁾. Даже отъѣхавшихъ въ 1486 г. въ Москву тверскихъ бояръ официальная московская лѣтопись называетъ коромольниками ⁴⁾.

Такіе примѣры несомнѣнно должны были имѣть серьезное воспитательное значеніе, служа подтвержденіемъ общихъ теоретическихкихъ поученій о службѣ князю.

¹⁾ П. С. Л. X, 159—161.

²⁾ П. С. Л., VIII, 62—63; Након., IV, 251.

³⁾ П. С. Л., XV, 446.

⁴⁾ Након. Лѣт., VI, 120.

Можно думать, что эта проповѣдь не осталась безъ вліянія и на княжескія правительства: на нихъ главнымъ образомъ она, конечно, и была рассчитана. Но князья великіе и удѣльные не могли открыто стать на сторону этого новаго ученія по соображеніямъ чисто политическимъ. Каждый изъ нихъ для сохраненія и приумноженія прародительской отчины долженъ былъ озаботиться привлеченіемъ къ себѣ вѣстной военной силы, которая составлялась по преимуществу изъ бояръ и вольныхъ слугъ. Этому стремленію «ширится и богатѣти» шло навстрѣчу движеніе по преимуществу съ запада и юга разнообразныхъ выходцевъ, искавшихъ случая повысить престоиться при одномъ изъ княжескихъ дворовъ. Дворъ болѣе богатый, отъ котораго можно было получить побольше льготъ, при которомъ жило спокойнѣе и сытѣе, естественно привлекалъ къ себѣ большее количество этихъ свободныхъ силъ. Со 2-й четверти XIV в. дворъ московскихъ князей отличается наибольшою притягательною силою. Хотя около этого времени здѣсь приѣхалъ и высшій представитель духовной іерархіи, чрезъ посредство котораго московскіе князья ближе и лучше могли ознакомиться съ новыми взглядами на отношенія между княземъ и его слугами, но интересы московскаго правительства сосредоточены были на борьбѣ за преобладаніе. Оно должно было особенно дорожить притокомъ служилыхъ силъ, а потому, чтобы не проиграть въ ихъ глазахъ, не только не могло относиться къ своимъ слугамъ болѣе строго, какъ того требовало новое ученіе, но даже должно было большими привилегіями и льготами сравнительно съ прочими княжествами повысить спросъ на свободныя служилыя силы. Поэтому московское правительство не только не вступаетъ въ борьбу съ сложившимися нормами свободныхъ отношеній бояръ и вольныхъ слугъ, но даже какъ бы содѣйствуетъ ихъ выясненію и развитію, ¹⁾ проводя ихъ въ своихъ многочисленныхъ междукняжескихъ договорахъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не осталось мѣста проведенію новыхъ взглядовъ на службу князьямъ. Можно бы подумать, что основанная на договорѣ свободная служба вольныхъ слугъ вполне соответствовала объединительной политикѣ московскаго правительства. И еще недавно было высказано мнѣніе, что даже такая привилегія бояръ и вольныхъ слугъ, какъ право при переходѣ отъ одного князя къ другому удерживать за собою свои села и деревни, по служить съ

¹⁾ Нѣтъ нужды входить въ разсмотрѣніе этихъ отношеній; вопросъ этотъ выясненъ въ прекрасныхъ статьяхъ проф. В. И. Сергеевича, Вольные и вольные слуги въ Московскомъ государствѣ, Наблюдатель 1897 г. № 2 и 3.

вѣхъ не тому князю, въ волости котораго находились эти села и деревни, а тому, кого онъ свободно признали своимъ господиномъ, эта привилегія удерживается до окончательнаго уничтоженія удѣловъ — знакъ, что она не была вредна великимъ князьямъ: московское государство сложилось при содѣйствіи вольной службы ¹⁾.

Дѣйствительно московское правительство должно было признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и полными слугами въ виду привлеченія къ себѣ наличныхъ служебныхъ силъ. Съ одной стороны эти нормы были выгодны московскимъ князьямъ, поскольку онѣ содѣйствовали притоку служилого элемента изъ другихъ княжествъ въ Москву. Но съ другой стороны для великихъ князей было сомнѣнъ невыгодно не только терять наличныя служебныя силы, но еще продолжать считать ихъ въ виду возможности столкновенія съ ними при измѣнившихся условіяхъ. Такимъ образомъ эти нормы ставили княжескія правительства въ неловкое двойственное положеніе. При взаимномъ соперничествѣ должно было выйти побѣдителемъ то изъ княжескихъ правительствъ, которое сумѣло, воспользовавшись выгодами вольной службы, устранить ея невыгодныя стороны. Московское правительство безъ особаго труда вышло изъ этого неловкаго положенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствующее право оказывалось невыгоднымъ для московскаго правительства, коррективомъ къ нему являлась политика, понимаемая довольно своеобразно. Въ ней насиліе, неправда и клятвопреступленіе являлись дѣятельными союзниками великихъ князей. Какъ вѣрно замѣчено, «въ жертву этой политикѣ Москва приносила не только право, но и животворящій крестъ» ²⁾. Къ ея содѣйствию прибѣгала Москва и для ограниченія вольной службы своихъ слугъ. Ея же мѣрами проводились въ жизнь и выводы изъ новыхъ взглядовъ, предложенныхъ книжниками и церковью, о службѣ князьямъ.

Лѣтопись и другіе памятники сохранили лишь немногіе строчные и не всегда ясные примѣры этой политической практики; но и эти малочисленные примѣры должны остановить вниманіе изслѣдователя, особенно въ виду того, что отъѣзды изъ великаго княжества московскаго и не могли случаться часто, по пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ. По этимъ примѣрамъ можно судить, какъ мало обезпеченнымъ становилось положеніе вольныхъ слугъ: къ нимъ, вопреки нормамъ договорнаго права, начинаютъ приключаться наказанія, о которыхъ, имѣть сомнѣнія, и рѣчи не было,

¹⁾ Проф. В. И. Сергеевичъ, Лекція по исторіи русскаго права, 1836—1897 г., стр. 246.

²⁾ Тамъ-же, стр. 258 и 256.

когда бояре и слуги вольные приказывались въ службу; отъѣздъ изъ Москвы уже довольно рано закличетъ прозваніемъ клятизы.

Въ самомъ началѣ политическаго возвышенія Москвы первый извѣстный случай отъѣзда оттуда боярина Акинфа въ началѣ XIV в. уже изображенъ въ памятникѣ XV—XVI в. какъ изгнана. Этотъ бояринъ Акинфъ Гавриловичъ не захотѣлъ быть меньше боярина Родіона Нестеровича и отъѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ подбилъ тверскаго князя начать рать противъ Перелесавля, но во время осады былъ убитъ. Родіонъ Нестеровичъ, передавая голову своего соперника Ивану Калитѣ, сказалъ: «се, господине, твоего изгнаника и моего хѣстинка глава»¹⁾. При великохъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гордохъ истрѣчается и указаніе, что относительно неудобныхъ вольныхъ слугъ принимаются весьма произвольныя дисциплинарныя мѣры. Въ договорѣ, заключенномъ великимъ княземъ Семеновъ съ братьями, стоитъ условіе, что братья не должны принимать къ себѣ на службу Алексѣя Петровича, боярина великаго князя, который «внесетъ къ нему въ корохолу», а также и дѣтей этого боярина. Братья признали, что «воленъ въ немъ князь великій и въ его женѣ и въ его дѣтяхъ». Далѣе изъ договора видно, что великій князь конфисковалъ имущество своего боярина и часть этого имущества отдалъ брату князю Ивану, который обязался не возвращать ничего крамольному боярину и его семьѣ, «ни инымъ ни чимъ не подмогати ихъ»²⁾. Что это была за крамола—неизвѣстно. Значеніе этого термина было очень неопредѣленно и не выяснилось даже долгое время спустя³⁾. Лесными корокольничихъ называли, какъ показано выше, и Семена Тонглевича, хотя онъ былъ виновенъ только въ томъ, что очень усердно служилъ своему князю противъ великаго князя. Изъ условій разсматриваемаго договора можно заключить, что Алексѣй Петровичъ съѣхалъ съ Москвы. Не въ этохъ-ли и состояла его корокола? Въ числѣ условій договора находится и обычное: «и боярехъ и слугахъ вольныхъ юля».

Князь Иванъ не сдержалъ своего обѣщанія. Послѣ смерти великаго князя Семена Ивановича онъ принялъ на службу Алексѣя Петровича и учинилъ его тысяцкимъ на Москвѣ. Зимой 1356 г. этотъ

¹⁾ Карамзинъ, IV, прил. 324; ср. А. И. Марковича, О хѣстинствѣ, стр. 174 и слѣд.; см. же, Исторія хѣстинства, стр. 235—236. Хронологическая запутанность этого событія въ данномъ случаѣ не представляется извѣстной значеніе.

²⁾ С. Г. и Д., I, № 23.

³⁾ См. объ этомъ ст. проф. В. И. Сергеевича, Опыты изслѣдованія обычнаго права, Наблюдатель, 1882 № 2, стр. 226—227.

тысяцкій былъ таинственно убитъ. Велѣдствіе этого въ Москвѣ произошло «волій мятежъ», длившійся довольно долго—отъ полоторыхъ до двухъ мѣсяцевъ,—въ которомъ принимали участіе и московскіе бояре. Въ результатъ «большіе бояре московскіи» отъѣхали на Рязань съ женами и дѣтьми ¹⁾. Что было причиной ихъ отъѣзда и заплатились ли они за это—мы не знаемъ. Известно только, что черезъ два года великій князь перезвалъ обратно двоихъ отъѣзчиковъ ²⁾; но объ участи остальныхъ лѣтописи молчатъ. Можетъ быть, при слабомъ правительствѣ великаго князя Ивана Ивановича и въ виду значительнаго числа отъѣхавшихъ, это и сошло имъ съ рукъ безнаказанно.

Но политическіе опыты не замедлили возобновиться при болѣе сильномъ правительствѣ. Въ 1373 г. умеръ послѣдній московскій тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Въ слѣдующемъ году побѣжалъ съ Москвы въ Тверь его сынъ Иванъ Васильевичъ и какой-то Некоматъ Сурожанинъ «со многою злєю и лъстивыми словесы», какъ сказано въ лѣтописи. Тверской князь послалъ ихъ въ Орду, и въ іюль того-же года Некоматъ вынесъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Тогда тверской князь сложилъ къ московскому крестное пѣлованіе и началъ войну ³⁾. Отсюда ясно, что Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ перешелъ въ Тверь въ мирные годы. Но изъ перемирной договорной грамоты, заключенной между Москвой и Тверью послѣ войны, мы узнаемъ, что великій князь московскій конфисковалъ села, принадлежавшія Ивану Васильевичу и Некомату. Московскій князь санкционируетъ въ новомъ договорѣ обычную норму вольной службы: «а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тебе къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ... или въ твоей отчинѣ, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися». Но вслѣдъ за этимъ онъ торопится обезпечить и свою произвольную мѣру: «а что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а въ ты села тобѣ не вступатися, а ихъ не надобѣ, тѣ села мнѣ ⁴⁾». Нѣтъ сомнѣнія, что и въ предшествующемъ договорѣ было установлено общее правило о сохраненіи селъ за отъѣхавшими. Московскій князь изъ злобы на отъѣхавшихъ нарушилъ эту норму, отнялъ у нихъ села и послѣ побѣды, пользуясь правомъ сильного, санкционировалъ свой произволъ. Но этимъ онъ не ограничился. Въ 1379 г

¹⁾ П. С. Л., VIII, 10; X, 228—229. Убіенство произошло 2 февраля, бояре отъѣхали по послѣднему пути.

²⁾ П. С. Л., X, 230.

³⁾ Ник. Лѣт., IV, 89, 41 и 42; П. С. Л., V, 233; Карамзинъ, V, прил. 32.

Иванъ Васильевичъ Вельяминовъ возвращался изъ Орды; во на пути «обольстивше и преухитривше» его поймали, и 30 авг. сынъ тысяцкаго былъ «потять мечемъ на Кучковѣ погн повелѣшемъ великаго князя¹⁾». Въ 1383 г. былъ казненъ и Нѣкоматъ «за нѣкую крамолу бывшую и измѣну²⁾». Значить и Лѣтописецъ считалъ поступокъ отъѣхавшихъ измѣной³⁾. По поводу казни Вельяминова Лѣтописецъ предлагаетъ слѣдующее назидательное поученіе читателямъ: сатана изначала разставилъ для сыновъ человеческихъ свои злодѣйственныя сѣти «и научи ихъ другъ на друга враждовати и завидѣти и властемъ не покорятися». Въ этихъ словахъ есть какъ-бы намекъ на то, что и Вельяминовъ изъ чемъ-то не покорился великому князю. Весьма вѣроятно, что сынъ тысяцкаго рассчитывалъ занять положеніе своего отца, особенно въ виду того, что званіе тысяцкаго было почти наследственнымъ въ фамиліи Вельяминовыхъ. Но великій князь московскій послѣ смерти Василія Васильевича Вельяминова никого не назначилъ на эту должность и тѣмъ самымъ упразднилъ ее. Это и могло возбудить неудовольствіе Ивана Васильевича, который все свое непокорство и выразилъ тѣмъ, что убѣжалъ изъ Тверь, гдѣ началъ служить изъ разрѣзъ съ интересами Москвы. Онъ былъ польный слуга и могъ, казалось-бы, служить тамъ, гдѣ ему нравилось. Лѣтописецъ знаетъ хорошо мотивы отъѣзда, а потому вслѣдъ за приведенными словами дѣлаетъ такую ссылку на св. писаніе: «никто-же о себѣ честь пріемлетъ, но званый отъ Бога, и въ неже кто званъ бысть, изъ томъ да пребываетъ». Свое поученіе онъ заключаетъ такъ: «Бога бойтесь, царя чтите, раби повинуйтеся во всякомъ страстѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ⁴⁾».

Аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1433 г., когда съ Москвы съѣхалъ знаменитый московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Это былъ выдающійся слуга великаго князя; про него даже Лѣтописецъ замѣтилъ, что онъ служилъ «со всѣмъ предложеніемъ истиннымъ сердцемъ въ Ордѣ и волчкое княженіе ему (великому князю) у Махмета царя взя», а современныи историкъ называетъ его достойнымъ преемникомъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли удержать за Москвою первенство и дать ей могущество⁵⁾. Неудовольствіе на великаго князя возникло у Всеволожскаго вслѣдствіе того, что вели-

¹⁾ Карамзинъ V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 33; Никон., IV, 84—85.

²⁾ Карамзинъ V, пр. 37; П. С. Л., VIII, 49.

³⁾ Ср. П. С. Л., VII, 220.

⁴⁾ Никон. Лѣт., IV, 85.

⁵⁾ Никон. Лѣт., V, 111; Соловьевъ, IV, изд. 5-ое, 52.

кій князь не сдержалъ даннаго своему боярину обѣщанія жениться на его дочери. И вотъ обиженный отказомъ великаго князя Иванъ Дмитріевичъ покинулъ Москву. Онъ не сразу пристроился. Пробовалъ сначала устроиться у князя Константина Дмитріевича въ Угличѣ, но скоро перешелъ въ Тверь. Но и здѣсь прожилъ недолго и отъѣхалъ въ Галичъ къ Юрію Дмитріевичу и изъ мести къ великому князю началъ подговаривать князя Юрія на великое княженіе ¹⁾. Счастье оказалось на сторонѣ галичскаго князя, который занялъ Москву, но продержался въ ней очень недолго и добровольно уступилъ ее племяннику. Изъ заключеннаго при этомъ договора узнаемъ, что великій князь захватилъ села Ивана Дмитріевича «въ своей снѣгѣ» и по договору удерживаетъ ихъ за собой, хотя въ томъ-же договорѣ признано обычное правило о береженіи бояръ, живущихъ въ чужомъ княженіи и о вольномъ отъѣздѣ ²⁾. Отнятіемъ селъ не удовлетворилъ великій князь своего гнѣва: во время возникшей искоры за этимъ распри съ галичскими княземъ онъ успѣлъ захватить въ плѣнъ своего бывшаго боярина и приказалъ его ослѣпить ³⁾. Въ этой крутой расправѣ одно формальное основаніе можно указать въ оправданіе московскаго правительства: у него не было, кажется, заключено мирнаго договора съ галичскими княземъ въ тотъ моментъ, когда съѣхалъ съ Москвы Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій ⁴⁾. Но не потому, конечно, оно такъ поступило, что чувствовало за собой это формальное основаніе, а потому, что къ этому побуждали его соображенія интереса и чувство мести.

Въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ не только формальныя основанія, но даже нравственныя и религіозныя мотивы уступали мѣсто соображеніямъ политики и пропикающему сознанію о неправомерности такого поведенія вольныхъ слугъ. О томъ же великомъ князѣ въ житіи Мартиньяна Бѣлозерскаго сохранился слѣдующій любопытный рассказъ. Съ Москвы къ великому князю тверскому съѣхалъ вѣжкій бояринъ. Великій князь Василій Темный, «зѣло сжалить» о немъ, не зная что сдѣлать или какъ возвратитъ его назадъ, такъ какъ отъѣхавшій былъ «отъ ближнихъ его советъ-

¹⁾ П. С. Л., VIII, 97.

²⁾ С. Г. и Д. I, стр. 100 и 103.

³⁾ П. С. Л., XV, 290.

⁴⁾ Договоръ 1428 г., заключенный еще при митрополитѣ Фотіи, былъ нарушенъ въ 1431 г., судя по пемѣтѣ на этомъ договорѣ: «а сию грамоту князю великому прислалъ съкладною выѣстъ кн. Юрия, къ Орду ида», С. Г. и Д. I, стр. 90. Слѣдующій извѣстный намъ договоръ заключенъ въ 1433 г. послѣ перваго захвата Юріемъ Москвы, — тамъ же, №№ 49 и 50. Былъ-ли заключенъ еще договоръ въ этотъ короткій промежутокъ, именно послѣ суда въ Орду, мы не знаемъ, хотя есть извѣстіе, что вел. князь возвратился изъ Орды выѣстъ съ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, П. С. Л., V, 264.

никъ». И вотъ придумывается такой планъ: великій князь просить преподобнаго Мартиньяна похочь ему въ этомъ дѣлѣ, обѣщая того боярина «много паче вераго честна и богата сотворити». Преподобный, надѣясь на духовное сыновство, убѣдилъ боярина вернуться, поручившись за вѣрность княжескаго слова («во всемъ вѣра ему», какъ сказано въ житіи). Но какъ только бояринъ вернулся, великій князь «не удержавъ ярости гнѣва на боярина того» и велѣлъ его заковать. Когда Мартиньянъ узналъ, что великій князь «взмѣну сотвори надъ бояриномъ», то онъ очень оскорбился и прѣѣхалъ въ Москву. Явившись къ великому князю, Мартиньянъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «тако-ли, самодержавный князь великій, ты праводно судити научился еси? Почто еси душу мою грѣшную продалъ и послалъ еси во адъ? Почто еси боярина того, иже мною признаннаго душею моею, оковати повелѣлъ и слово еси свое преступилъ?» Вѣроятно великій князь не сразу поддавался убіиціямъ преподобнаго, такъ что послѣдній рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству: «Не буди, сказалъ онъ, мое грѣшное благословеніе на тебѣ и на твоихъ великомъ княженіи», и съ гнѣвомъ удалился. Только послѣ этого великій князь созналъ свою неправоту и сложилъ съ своего боярина опалу ¹⁾. Весьма сожнительно, однако, чтобы онъ повиселъ его въ чести и богатствѣ: къ отъѣздамъ относились въ Москвѣ очель недружелюбно и даже презрительно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ оставляли живыми и цѣлыми. Въ началѣ смуты, затѣянной Дмитріемъ Шемякой, когда онъ только-что успѣлъ захватить Москву, къ великому князю въ Троицкій монастырь прискакалъ предупредить о случившемся пѣкн Бунко. Великій князь ему не повѣрилъ, такъ какъ этотъ Бунко незадолго передъ тѣмъ отъѣжалъ къ князю Дмитрію. «Син смущаютъ насъ, сказалъ великій князь, а ялъ съ своею братією въ крестномъ цѣлованіи, то какъ можетъ то быти такъ?» И велѣлъ Бунка выбыти изъ монастыря и воротити назадъ ²⁾.

Въ княженіе Василія Васильевича Темнаго только въ двухъ особенныхъ случаяхъ московскіе служилые люди воспользовались правомъ отъѣзда въ широкихъ размѣрахъ. Это было въ 1433 и 1446 гг., когда московскій столъ захватили по очереди галичскій князь Юрій Дмитріевичъ и его сынъ Дмитрій Шемяка. Московскіе вольные слуги сначала цѣловали крестъ новымъ князьямъ, а послѣ, когда Василій Васильевичъ получилъ въ удѣлъ въ первый разъ Коложну, а во второй—Вологду, отъѣхали къ своему прежнему князю.

¹⁾ Лѣт. сан. Арх. Ком., вым. 1, матер., стр. 6—7.

²⁾ П. С. Л., VIII, 115; Ник. Лѣт., V, 203.

Этотъ отъѣздъ остался безъказаннымъ только потому, что некому было ихъ наказать: Юрій галичскій и Шемяка должны были уступить московскій столъ своему сопернику. При другихъ условіяхъ тотъ же Шемяка, какъ увидимъ, наказывалъ за отъѣздъ.

Описанные случаи вовсе не были исключительными. Политика московскаго правительства въ этомъ отношеніи представляется столь послѣдовательною, что прихвѣру ея спѣшать подражать и мезкія княжескія правительства. Василій Юрьевичъ Косой послѣ смерти отца, пограбивъ казну и запасы, удаленъ изъ Москвы въ Новгородъ. Онъ взялъ съ собою князя Романа Перелеславскаго, который прожилъ у Косого недолго и побѣжалъ въ Москву. Но Василій Юрьевичъ поймалъ своего слугу и за отъѣздъ велѣлъ ему отсѣчь руку и ногу ¹⁾.

Послѣ того, какъ Дмитрій Шемяка долженъ былъ оставить великое княженіе и удалиться изъ Москвы, онъ заключилъ въ 1447 г. съ великимъ княземъ московскимъ договоръ ²⁾, на основаніи котораго предоставлялась боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ — воля; крохѣ того Дмитрій Шемяка обязался блюсти какъ своихъ тѣхъ слугъ, которые служатъ великому князю, но живутъ въ вотчинѣ Шемяки ³⁾. Этого условія послѣдній не выполнилъ. Въ грамотѣ духовенства угличскому князю сказано, что «послѣ того вашего докопчанія и крестнаго цѣлованья которыми бояре и дѣти боярскіе отъ тебя били челомъ брату твоему старѣйшему великому князю служити; а села и дома ихъ въ твою вотчинѣ, и ты черезъ то докопчанье и черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ еси боярь и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и дома ихъ еси у нихъ поотымалъ, и животы и състатки все и животину еси у нихъ поималъ» ⁴⁾. Составители посланія ссылаются, между прочимъ, на то, что великій князь «являлъ» имъ перемирную грамоту; онъ же, вѣроятно, указалъ имъ и все нарушенія ея.

Наказываетъ за отъѣздъ и свободолюбивый великій Новгородъ. Рассказывая о самыхъ послѣднихъ минутахъ новгородской самобыт-

¹⁾ П. С. Л., V, 28.

²⁾ Договоръ этотъ не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, указавъ, что договоръ былъ заключенъ при посредствѣ князей верейскаго и боровскаго, ссылается на № 67 С. Г. и Д. въ т. I и приводитъ условія договора. Русск. Ист., I, 414—415, пр. 40. Но подъ указаннымъ № помѣщена лишь договорная запись между Дмитріемъ Шемякой и Ив. Андр. можабскимъ съ одной стороны и князьями верейскимъ и боровскимъ съ другой о томъ, на какихъ условіяхъ двое первыхъ должны быть челомъ вел. князю о заключеніи мира. Договоръ Шемяки съ Темникомъ глѣдъ не малечатся, но отдѣльная статья его цѣлкомъ выписаны въ посланіи духовенства къ Дмитрію Шемякѣ. А. И., т. I, № 40.

³⁾ А. И., т. I, стр. 78, столб. 2.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81, столб. 1.

ности, летопись отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: 28 декабря 1478 г. князь Василій Васильевичъ Шуевскій сложилъ новгородцамъ крестное цѣлованіе «на великаго князя пия». Новгородцы же «блюдяся великаго князя, не смѣли ему ни слова молити». Современникъ какъ бы съ изумленіемъ прибавляетъ къ этому, что Шуевскій «былъ у нихъ въ городѣ два дня послѣ склада» ¹⁾. Такая мягкость новгородцевъ только и можетъ быть объяснена страхомъ передъ подавляющей силой московскаго ополченія. Иванъ III, зналъ, конечно, существующую новгородскую практику относительно отъѣхавшихъ, стѣснить выговорить безнаказанность приказавшимся къ нему на службу новгородцамъ: онъ велѣлъ переговорить съ новгородцами о новгородскихъ боярахъ, дѣтихъ боярскихъ и боярыньхъ, которые служатъ великому князю, «чтобы имъ не мстили некоторою хитростью» ²⁾. И это послѣ того, когда великій князь уже добился въ Новгородѣ такого же государства, какое было на Москвѣ.

Итакъ, еще въ XV вѣкѣ удѣльные князья и самобытныя городскія общины наказываютъ отъѣхавшихъ вольныхъ слугъ; но то же самое дѣлаю издавна московское правительство. Все находятъ отъѣздъ своихъ слугъ невыгоднымъ для себя и караютъ за отъѣздъ. Но то, что невыгодно для одной стороны, составляетъ очевидную выгоду другой. Каждая прибывшая сила, ослабляя противника, рѣшю на столько увеличиваетъ преимущества того правительства, которое успѣетъ ее запербовать. Въ интересахъ послѣдняго было обеспечить свободный притивъ этихъ новыхъ силъ. Унаслѣдованныя нормы договорнаго права представляли къ тому весьма удобное средство. Поэтому московскій великій князь строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы договоры въ точности исполнялись противной стороной.

При такихъ условіяхъ въ Москвѣ считали граждебною всякую свободную силу, которая призывалась на службу куда-либо помимо Москвы, а виновнаго въ такомъ преступкѣ вольнаго слугу при удобномъ случаѣ наказывали. Во второй четверти XV в. сынъ воложскаго князя Льва Михайловича, Андрей Дуло, поступилъ на службу въ Тверь, а не въ Москву; его за это наказали внослѣдствіи отчичемъ отчичны. Въ родословной книгѣ случайно сохранилась объ этомъ такая краткая замѣтка: кн. Андрей Дуло «служилъ великому князю Борису Александровичу тверскому, потому отчичны отстагъ» ³⁾.

¹⁾ П. С. Л., VI, 215; VIII, 194.

²⁾ П. С. Л., VI, 218; VIII, 198.

³⁾ Временикъ, кн. 10-я, родословн. книга, стр. 61.

Итакъ, воля бояръ и вольныхъ слугъ на практикѣ начинается ограничиваться уже съ XIV вѣка, когда «краеугольный камень боярскихъ вольностей—свобода отъѣзда» была пошатнута. Уже въ это время начинается проникать въ сознание князей мысль, что отъѣздъ—измѣна. Эта мысль развивается безспорно подъ прямымъ влияниемъ духовной проповѣди. Но московскіе великіе князья не отбѣгаютъ и не ограничиваютъ, однако, нормъ, гарантирующихъ боярскъ и слугамъ свободный отъѣздъ. Этими они обезпечиваютъ свободный притокъ въ Москву служилыхъ силъ, но политическими мѣрами устраняютъ примененіе этихъ нормъ къ своимъ слугамъ, что достигается протпводѣлствіемъ отъѣзду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Результатомъ такой политики было возникновеніе, вопреки записаннымъ нормамъ договорнаго права, обычнаго права, по которому нельзя было «отказаться» отъ службы въ Москвѣ; можно было только бѣжать оттуда подъ опасеніемъ тѣхъ послѣдствій, какія принимались къ государевымъ приходѣямъ. Но «приказаться» на службу московскаго правительства было возможно хотя-бы съ очевиднымъ нарушеніемъ установленныхъ нормъ ¹⁾.

Великій князь Иванъ Васильевичъ не только соблюдалъ всецѣло унаследованную практику въ отношеніи отъѣзда вольныхъ слугъ, но повидимому сдѣлалъ изъ нея и дальнѣйшіе выводы. Прибылыя служилыя силы принимались въ Москвѣ съ распростѣртыми объятіями. Было уже указано, какъ заботился Иванъ III о неприкосновенности правъ перешедшихъ къ нему на службу новгородцевъ. Эти поощрительныя мѣры, конечно, предпринимались въ видахъ привлеченія новыхъ служилыхъ силъ. Но когда ни подобныя мѣры, ни богатыя награды выѣзжихъ изъ другихъ княженій слугъ не принудили къ желаемымъ результатамъ, московское правительство прибѣгло и къ болѣе крутымъ средствамъ, лишь-бы достигъ поставленной цѣли. Можно думать, что переѣздъ многихъ новгородцевъ былъ вынужденнымъ: отъѣздчики хотѣли хоть что-нибудь спасти отъ налегающей грозной московской силы. Этотъ мотивъ, вѣроятно, руководилъ отнюдь не одними новгородцами: многие изъ приказывавшихся въ это время на службу въ Москвѣ дѣлали это, руководствуясь тѣми же соображеніями. Въ 1476 г. прѣехали изъ Твери въ Москву служить великому князю Ивану Васильевичу многие бояре и дѣти боярскіе ²⁾. Безъ сомнѣнія, въ Москвѣ ихъ приняла съ удовольствіемъ. Но московское правительство было недовольно

¹⁾ Иначе представляеть дѣло В. И. Сергѣевичъ; онъ говоритъ: нѣтъ «отказа», нѣтъ и «приказа». Наблюдатель, 1887 г., № 3, стр. 32.

²⁾ П. С. Л., VIII, 182.

тѣмъ, что въ Твери оставалось еще много бояръ и вольныхъ слугъ, оставшихся вѣрными тверскому князю. И противъ нихъ предпринимается цѣлый рядъ систематическихъ притѣсненій: въ пограничныхъ спорахъ о земляхъ правыми всегда остаются москвичи, а виноватыми тверскіе служилые люди¹⁾. И вотъ, «по терпяще обиды отъ великаго князя», всѣ тверскіе бояре поступаютъ на службу въ Москву. Такъ добивалось «приказа» къ себѣ на службу московское правительство.

Но совсѣмъ иначе оно относилось къ «отказу». Иванъ III стремится придать старой практикѣ юридическую санкцію и вводитъ записи о неотѣздѣ, которыя брались съ заподозрѣнныхъ въ нажѣреніи отѣхать изъ Москвы. Заподозрѣнные должны были цѣловать крестъ на томъ, что обязуются служить своему господарю и его дѣтиамъ до своего живота и не отѣхать ни къ кому другому. Въ обезпеченіе такой клятвы вводили поручителей¹⁾.

Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что при Иванѣ III наказывали отѣздчиковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нихъ не было взято записей о неотѣздѣ. Этотъ порядокъ для Ивана Васильевича былъ уже стариной. Въ 1479 г. великій князь судилъ князя Ивана Володимировича Оболенскаго-Лыко, бывшаго нажѣстникомъ въ Лукахъ Великихъ, по челобитью лучанъ о продажѣ и объ обидахъ. По нѣкоторыхъ жалобамъ онъ былъ обвиненъ по суду, а по другимъ князь великій «безсудно» велѣлъ ему заплатить, по такой лучанамъ. Оболенскій-Лыко, обиженный такой несправедливостью, отѣхалъ отъ великаго князя къ его брату Борису Васильевичу волоцкому. Великій князь послалъ за нихъ своего боярина и «велѣлъ его поимати среди двора у князя Бориса на Волоцѣ». Но удѣльный князь не допустилъ такого самоуправства у себя на дворѣ и «отнялъ сильно» отѣхавшаго князя у великокняжескаго посла. Тогда Иванъ Васильевичъ отправилъ къ брату второго посла, требуя, чтобы Оболенскій былъ выданъ головою. Но Борисъ Васильевичъ его не выдалъ и сказалъ послу: «кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа». Однако, напрасно удѣльный князь вздумалъ защищать удѣльную старину: великій князь поручилъ Боровскому нажѣстнику поимать бѣглеца тайно, когда и гдѣ его найдетъ. У отѣхавшаго было на Боровцѣ село, и какъ только

¹⁾ П. С. Л., VI, 273: «гдѣ межн сошлася съ межами, гдѣ не изобидятъ московскіе дѣти боярскія, то пропале, а гдѣ тѣрпяча изобидятъ, а ты князь великій съ поношеньемъ посылаешь и съ грозамн къ тверскому, а отѣхаютъ его вѣры не иметь, а суда не дасть».

²⁾ Первая изъ дошедшихъ до насъ записей взята съ кн. Давида Холмскаго. С. Г. в Д., I, № 103 и 104; ср. *Балласт*, Служилые люди московскаго государства, Временникъ, кн. 3, стр. 28.

онъ туда прѣхалъ, то былъ схваченъ и въ оковахъ привезенъ въ Москву. Борисъ Васильевичъ обратился къ брату Андрею, жалуюсь на великаго князя, «что какову силу чинить надъ нами, что невольню кому отъѣхати къ намъ». Перечисливъ разныя неправды великаго князя, удѣльный князь заключаетъ свою жалобу такъ: «а нынѣча и здѣ силу чинить, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ, уже ни за бояре почель братью свою; а духовные отца своего забылъ, какъ написалъ, почему намъ жити, ни докончанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего»¹⁾. У Бориса Васильевича съ великимъ княземъ былъ дѣйствительно заключенъ въ 1473 г. договоръ, которымъ обезпечивалась свобода боярскаго перехода и обязанность блюсти, какъ своихъ бояръ, служащихъ одному изъ договорившихся князей, по проживающихъ въ вотчинѣ другаго²⁾. Оба эти условія нарушилъ великій князь. Но онъ считалъ необходимымъ наказать отъѣздчика, чтобы впредь другихъ неповадно было такъ чинить.

Удѣльные князья на основаніи договоровъ продолжаютъ считать своимъ правомъ пріемъ на службу вольныхъ слугъ великаго князя. Въ трудныхъ обстоятельствахъ и вольные слуги вспоминаютъ о своихъ правахъ на отъѣздъ. А великіе князья методически и самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдуютъ перебѣжчиковъ, не обращая вниманія на существующія нормы: право свободнаго отъѣзда вольныхъ слугъ признается договорными грамотами великихъ князей съ удѣльными еще въ 30-хъ годахъ XVI вѣка. На сторонѣ великихъ князей была сила, и передъ нею должно было смолкнуть всякое право.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Андрей Михайловичи, отъѣхали къ его брату Юрію. Великій князь потребовалъ ихъ выдачи, и Юрій, испытавшій уже на себѣ его силу, безпрекословно исполнилъ это требованіе. А между тѣмъ онъ два раза заключалъ съ братомъ договоръ и въ обоихъ случаяхъ свобода боярскаго отъѣзда была обезпечена. Отъѣздчики, конечно, были наказаны: вел. князь «велѣлъ ихъ оковавши разослати по городамъ»³⁾.

Въ концѣ XV или началѣ XVI в. возникаетъ и специальное наказаніе за отъѣздъ изъ Москвы. Въ жѣстипческомъ спорѣ Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ первый привелъ случай, въ которомъ указалъ, что дѣдъ Борисовъ, Юрій

¹⁾ П. С. Л., VI, 222.

²⁾ С. Г. и Д., I, № 97.

³⁾ Ливонскія, VIII, прим. 7.

Насильевичъ Лыковъ, съ братомъ отъѣзжали въ удѣлъ къ князю Андрею Ивановичу Старицкому; «и по вашему государеву царскому уложению, писалъ Пожарскій, кто отъ вась государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, пно имъ въ своемъ роду счету вы государи не дамывали, кому они въ персту»¹⁾. Возникновеніе этого правила слѣдуетъ относить къ указанному времени не только потому, что на него сослался Пожарскій по поводу отъѣзда Лыковыхъ къ удѣльному князю Андрею Ивановичу, но еще и потому, что въ 1535 году московское правительство, сослалась на данную практичку, указываесть, что предки Ивана IV возстанавлявали въ отечествѣ возвратившихся обратно отъѣздчиковъ²⁾. Смысль этого указа, если только Пожарскій вѣрно его формулировалъ, заключается въ томъ, что отъѣздчикъ ограничивался въ правѣ считаться по родословцу, терялъ т. е. родословной чести, какъ изгнанныкъ. Это была страшная кара для служилаго человѣка, потому что онъ почти терялъ право жѣстничаться. Но практика, вѣроятно, смягчила строгое правило, и отъѣздчики наказывались лишь пониженіемъ въ жѣстахъ. Такъ отъѣздчикъ Зюминъ былъ наказанъ тѣмъ, что «прѣздилъ» жѣсто. Примѣнялось это правило къ отъѣздчикамъ, понашимъ такъ или иначе въ руки московскаго правительства, т. е. или когда они сами возвращались, или по присоединеніи удѣла должны были поступить въ разряды московскихъ служилыхъ людей³⁾.

Только въ 1534 и 1537 гг. впервые встрѣчаемъ попытку ограничить права удѣльныхъ князей касательно пріема отъѣхавшихъ изъ Москвы слугъ. Въ 1534 г. митр. Даниилъ привелъ къ крѣстному цѣлованію братьевъ умершаго великаго князя, Андрея и Юрія Ивановичей, между прочимъ, на томъ что «ни людей имъ отъ великаго князя Ивана не отымати». А въ 1537 г. князь Андрей Старицкій обязался не принимать князей, бояръ, дяковокъ, дѣтей боярскихъ и вообще кого бы то ни было, отъѣхавшихъ отъ великаго князя и а его лихо. Совершенно вѣрно замѣчено, что при всякомъ отъѣздѣ предполагается неудовольствіе отъѣхавшаго, такъ-какъ никакія выгоды не могли заставить отъѣхать отъ великаго князя къ удѣль-

¹⁾ Русск. Ист. Сбор., т. II, стр. 286. Ниже это правило названо просто государевымъ уложениемъ, тамъ-же, стр. 355; по другому-же списку отсюда дѣла просто «государевымъ указомъ», Сборн. Муханова, стр. 156.

²⁾ *Соловьевъ*, VI, изд. 4, стр. 24—25.

³⁾ *А. И. Маркевичъ* полагаесть, что это наказаніе примѣнялось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ при добровольномъ возвращеніи наказывать отъѣздчиковъ было бы неудобно, на что есть явные указанія о сохраненіи чести за возвратившимися отъѣздчиками. Но далѣе авторъ справедливо исправляетъ это свое заключеніе. *Исторія жѣстничества*, стр. 256 и 259—260.

ному¹⁾. Но эта ограничительная норма не имела практического значенія. Князь Юрій нарушилъ ее въ 1534 году, перезывая къ себѣ на службу боярина Шуфскаго; а князь Андрей въ 1537 г. уже перезываетъ къ себѣ дѣтей боярскихъ новгородскихъ²⁾. Вспомнивъ старину, такимъ предложеніемъ удѣльнаго князя воспользовались на свою бѣду вѣкоторые изъ новгородскихъ помѣщиковъ: правительство распорядилось «бити ихъ кнутъемъ на Москвѣ да казнити смертною казнію, вѣшати по Наугородской дорогѣ не вхѣстѣ и до Новагорода»³⁾. Но также жестоко казнилъ своихъ отъѣздчиковъ и князь Андрей. Во время его похода подѣ Новгородъ, съ третьяго стана на Црѣ побѣждалъ отъ него четверю дѣтей боярскихъ. Одинъ изъ нихъ Валуевъ былъ схваченъ, и князь Андрей велѣлъ его «блжести крѣпко» своему ближнему дворянину Кашѣ. Капіа велѣлъ связать отъѣздчика, погрузить его въ одной сорочкѣ въ озеро, выставивъ только голову, «дабы онъ не замисля», и такъ пытать, сколько ихъ было въ думѣ. Валуевъ сказалъ на многихъ. Князь Андрей, «то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не вѣхъ тѣхъ переѣшати»⁴⁾. Только значительное число виновныхъ спасло ихъ отъ прижненія къ нимъ обычнаго наказанія.

Въ половинѣ XVI вѣка, когда московскому государству грозилъ новая опасность остаться при малолѣтнемъ государѣ, послѣдовало новое ограниченіе удѣльныхъ князей принимать отъѣздчиковъ изъ Москвы: съ удѣльнаго князя Владимира Андреевича взята была въ пользу царевича Димитрія крестоцѣлованная запись, по которой онъ обязывался: «А князей ми служебныхъ съ отчинами и боярпашнихъ не примати; также ми и пелькихъ ванныхъ служебныхъ людей, безъ вашего велѣнья, не примати никого»⁵⁾. Царь Иванъ Васильевичъ, пародируя удѣльную старину, призракотъ которой такъ боялся, весьма опредѣленно выразилъ взгляды московскаго правительства на нормальный порядокъ въ переходѣ служилыхъ людей изъ великаго княжества въ удѣльня. Въ поданной великому князю Смиѣону Бекбулатовичу челобитной 1575 г. онъ, князь московскій Иванецъ, бьетъ челомъ о разрѣшеніи ему «лю-

¹⁾ П. С. Л., VI, 275; С. Г. и Д., I, № 163; *Соловецъ*, VII, изд. 4, стр. 9.

²⁾ П. С. Л., VIII, 286, и Никои. Лѣт., VII, 1: «Того-же мѣсяца декабря 11 прислалъ князь Юрій Ивановичъ діака своего Третьяка Тишкова къ кн. Андрею Шуфскому, а говорилъ ему Третьякъ отъ князя, чтобы побѣхалъ къ князю Юрію служить». П. С. Л., VIII, 294; князь Андрей писалъ въ грамотѣхъ новгородскимъ помѣщикамъ: «князь велелъ малъ, а держать государство бояре, и вамъ у кого служить? и вы ѣдете ко мнѣ служить, а язъ вѣтъ радъ жаловати».

³⁾ П. С. Л., VIII, 295; ср. еще Царств. кн., стр. 69 и 72; Никои. Лѣт., VII, 18.

⁴⁾ *Ларанья*, VIII, прим. 16.

⁵⁾ С. Г. и Д., I, № 167.

дншекъ перебрать»— бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людей: «иныхъ бы еси освободилъ отослать, а иныхъ бы пожаловалъ освободилъ принять», выбиралъ изъ великихъ людей. Послѣ этого прибора московскій князь обязуется представить списки служилыхъ людей и отъ того времени безъ «государева вѣдома» не принимать ни единого человѣка. Далѣе челобитчикъ проситъ: «а которыхъ людишекъ примежъ, и ты-бъ, государь, милость показалъ, потчинишекъ у нихъ отнимать не велѣлъ, какъ прежь сего велось у удѣльныхъ князей... и которые похотятъ къ намъ, и ты-бъ, государь, милость показалъ, освободилъ ихъ быти у насъ безопасно и отъ насъ ихъ нхати не велѣлъ; а которые отъ насъ пойдутъ и учнутъ тебѣ государю бити челомъ, и ты-бъ, государь, пожаловалъ... тѣхъ нашихъ людишекъ не приниматьъ»¹⁾. По этой поржѣ переходъ служилыхъ людей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣлъ отъ усмотрѣнія государя, безъ вѣдома или велѣнія котораго и удѣльные князья не должны принимать отъѣздчиковъ. При такихъ условіяхъ вольные слуги превращались въ настоящихъ «дворовыхъ людишекъ», а ихъ право отъѣзда— въ «перевозъ» служилыхъ людей, аналогично крестьянскому перевозу.

Но указанная нормировка была уже запоздалой: къ половинѣ XVI в. не оставалось ни одного достаточно сильнаго и богатаго удѣльнаго княжества, которое могло бы перетягивать къ себѣ служилыя силы изъ Москвы. Даже къ началу XVI в. такой опасности не существовало. Тѣмъ большее значеніе приобретала соѣдняя Литва, куда могли укрыться всѣ недовольные и обдѣленные московскими порядками, и откуда достать такихъ бѣглецовъ было не такъ легко.

Въ сохранившихся договорахъ Литвы съ Москвою нѣтъ никакихъ упоминаній о свободѣ перехода вольныхъ слугъ. Лишь въ одномъ договорѣ тверскаго князя Бориса Александровича съ Казимиромъ 1449 г. стоитъ условіе: «а боярѣмъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля межъ насъ»²⁾. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы за отъѣздчиками сохранялись права ихъ на потчины. Это повлекло бы для договарившихся сторонъ неисчислимыя политическія затрудненія.

По сохранившимся договорамъ съ начала XV в. ограничиваются

¹⁾ Соловьевъ, VII, прим. 94.

²⁾ А. З. Р., I, № 51; Сборн. Мухомова, № 8. Это условіе не повторено ни въ болѣе раннемъ договорѣ Твери съ Литвой 1427 г., ни въ болѣе позднемъ, около 1483 г. А. З. Р., I, №№ 33 и 79; Сборн. Мухомова, №№ 1 и 10; Соловьевскій Сказъ и записки, № LIV.

права отъѣзда служебныхъ князей. По договору великаго князя Василья Васильевича съ Литвой 1449 г. стороны взаимно обязуются блюсти и не обидѣти служебныхъ князей противной стороны. Московскій князь перечисляетъ поименно своихъ служилыхъ князей, называя ихъ отчипы—земли и воды—своими, и заключаетъ свой перечень такъ: «такъ жѣ и у вотчины мою въ Мещеру не вступатися, ни прылнати ихъ»¹⁾. Стороны обязуются не принимать отъѣхавшихъ служебныхъ князей, разумѣя преимущественно отъѣздъ ихъ съ вотчинами²⁾.

О допущеніи отъѣзда ихъ безъ отчипы и объ отъѣздѣ на тѣхъ-же условіяхъ бояръ договоръ ничего не говоритъ. Но отсюда едва-ли можно дѣлать заключеніе, что указаннымъ договоромъ предоставляется свобода отъѣзда русскимъ служилымъ людямъ въ Литву, а литовскимъ въ Москву, но безъ сохраненія права на вотчины. Скорѣе можно думать, что во второй половинѣ XV в. и литовское правительство не допускало отказа отъ службы и наказывало за отъѣздъ, считая такой поступокъ зрадой, т. е. государственною измѣной.

Въ 1482 г. литовскіе вотчины: Ольшанской, Оленковичъ и князь Федоръ Бѣльскій задумали «отѣстн» литовской земли по р. Березину на великаго князя московскаго. Но королю объ этомъ донесли, и онъ «Ольшанскаго стягъ да и Оленковича»; князь-же Федоръ Бѣльскій убѣждалъ къ великому князю³⁾. Значитъ, за одно намѣреніе перейти на службу въ Москву съ вотчинами назначалась смертная казнь. И это не случайный фактъ. Въ 1496 г. литовскій князь высказалъ московскому государю такую общую сентенцію о наказаніи отъѣздчиковъ: «князи Вяземскіе и Мезецкіе наши были слуги, а зрадинши насъ присяги свои, и втекли до твоее земли, какъ-то лихіе люди; а ко жиѣ бы не втекли, отъ насъ не

¹⁾ А. З. Р., I, № 50; Сборн. Мухомова, № 7. Въ договорѣ есть еще статья о переходѣ, въ которой сказано: «а которыхъ люди съ которыхъ мѣсть вышши добровольно: ино тѣмъ людямъ вознымъ воля, гдѣ похотать тутъ живуть». Но здѣсь рѣчь идетъ не о служилыхъ людяхъ.

²⁾ По договору Твери съ Литвой 1427 г. условлено, что если кто изъ князей захочетъ перейти къ Литову съ отчипою, то Литову того съ отчипою не принимать; а который пойдетъ, тотъ отчипы своей лишеть. То-же условіе повторено въ договорахъ Твери 1449 и 1483 гг. А. З. Р., I, №№ 33, 51 и 79. Въ 1490 г. Казимиръ указывалъ Ивану III: «мы отъ тебѣ служъ твоихъ не признаемъ въ ихъ отчипаи, какъ жо и въ докончанъи то стоить которое жѣ есмо докончили съ отцомъ твоимъ, въ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ и на насъ». Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 48. Здѣсь шла рѣчь о служебныхъ князьяхъ Воротынской и Бѣльской, и Казимиръ ссылается очевидно на договоръ 1419 г.

³⁾ П. С. I, VI, 233.

того были заслужили, какъ тон зрады, 'оль шю своя стратили» ¹⁾. Въ 1509 г. король Сигизмундъ проситъ московскаго государя, чтобы онъ по правдѣ зрадцу Михаилу Глинскаго «за шю выдать со всею братьею, а поможники его, або его тажъ предъ нашими нослы сказнигъ» ²⁾. Но литовское правительство не ограничивалось лишь подобными угрозами и требованіями: оно мстило отъяздчикамъ, поскольку имѣло къ тому средствъ. Въ 1495 г. великій князь литовскій съ папою радой, разбирая дѣло объ отчинѣ бѣжавшаго князя Федора Бѣльскаго, установили такое общее правило касательно отъяздниковъ: «который коли зрадца утечетъ отъ господаря, челоуѣ не ударивши, ни на кого его имѣнья по близости не спадуть, только на господаря» ³⁾. Отъяздъ Михаила Глинскаго, надѣланнѣй такъ много шума въ Литвѣ и доставившѣй немало хлопотъ литовскому правительству, вызвалъ болѣе обстоятельную регламентацию вопроса «о имѣнья зрадецкія, что ся дотычетъ зрадецъ»: въ 1509 г. февр. 9 было постановлено, что если отецъ учинитъ зраду, то имѣнья его поступаютъ на господаря. Припустить или не припустить къ имѣнью дѣтей,—было «въ ласкѣ господарской». Если же зраду учинитъ кто-либо изъ братьевъ, тотъ теряетъ свою дѣльницу, прочіе-же братья за это не отиѣчаютъ ⁴⁾. Но этого мало. Литовское правительство всѣми мѣрами старается добиться выдачи отъяздниковъ изъ Москвы и даже устрашить вполнѣ столь ненормальное и для того времени явленіе политическаго быта ⁵⁾. Но такъ какъ всѣ его представленія и ходатайства о выдачѣ отъяздниковъ не привели ни къ какимъ результатамъ, то оно стремится ввести въ договоры съ Москвой условіе о выдачѣ отъяздниковъ. Въ наказѣ посланъ 1505 г. для заключенія перемирія или вѣчнаго мира было указано: «если будутъ перемирія покою, и тежъ будетъ вѣчный покой, въ обонхъ записохъ то не маеть быти оупущено, абы вжо отъ тыхъ часовъ,

¹⁾ Сборн. Р. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 216.

²⁾ А. З. Р., II, № 49.

³⁾ А. З. Р., I, № 126. На основаніи этого правила были конфискованы дворецъ зрады Бориса Гробукурова, бѣжавшаго въ Москву вмѣстѣ съ Шенякой, и потомъ пожалованъ дворянину Омужкину. Тамъ-же, № 238; ср. еще А. З. Р., II, №№ 21 и 40.

⁴⁾ А. З. Р., II, № 50.

⁵⁾ По договорамъ польскихъ королей съ молдавскими господарями съ конца XV в. выработано было слѣдующее правило касательно отъяздниковъ: если бояринъ или слуга перебѣжитъ, то онъ долженъ послать своему государю прошеніе о мирѣ; если государь отпуститъ глѣвъ, то ему добровольно вернуться; если же прошенія не получить, то его не держать и не позволять нигдѣ жить въ предѣлахъ договорившейся стороны. Читенія Общ. Ист. 1887 г. кн. III-я, матер. истор., стр. 172—173; Литов. метр., I, стр. 58 и 106.

на обѣ стороны, обѣихъ не принимали, съ ичѣмъ и безъ ичѣмъ и е.в.)¹⁾. Но такъ какъ провести этого правила не удалось, то литовское правительство пытается въ желательномъ ему смыслѣ истолковать перемирную грамоту 1503 г. Когда въ 1504 г. переѣхавъ въ Москву Остафей Дашковичъ съ своими дворянами, то князь Александръ требовалъ выдачи своего зрадца, ссылаясь на перемирную грамоту, въ которой будто-бы условлено «на обѣ стороны не принимати зрадци, бѣглеца, лихихъ людей». Но въ Москвѣ на это справедливо возразили, что въ перемирной грамотѣ написано: «татя, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати», что, по объясненію московскаго правительства, обозначаетъ слѣдующее: если тать, или разбойникъ или душегубецъ, или учинившій какое-либо лихое дѣло убѣжитъ въ предѣлы договорившейся стороны, то таковыхъ условлено выдавать. «Остафей-же Дашковичъ у короля былъ мѣтной челоуикъ и воевода бывалъ, а лихона имени про него не слыхали никакова и держанья имѣлъ отъ него великія города, а къ намъ прѣѣхавъ служити добровольно, не учинивъ никакои шкоты»²⁾. По этимъ соображеніямъ московское правительство отказалось его выдать.

Потерпѣвъ неудачу и съ этой стороны, въ Литвѣ хлопочуть о томъ, чтобы отъѣздчики наказывались хотя бы московскимъ правительствомъ. Добивался казни Глинскаго и его сообщниковъ передъ литовскими посланми въ Москвѣ, литовское правительство обѣщаетъ также поступать и съ отъѣздчиками изъ Москвы: «а коли тое ты, братъ нашъ, учинишь, — тогда мы вжо отъ сего часу тымъ всякъ, который бы тоѣ згрубиши, хто ни буди, утекли ся къ намъ, тымъ же обычаемъ хочемъ учинити»³⁾. Но не удалось добиться и этого.

Такое упорное стараніе литовскаго правительства провести возможно строгія мѣры относительно отъѣздчиковъ находить свое объясненіе въ томъ, что ему приходилось нести въ концѣ XV и началѣ XVI вв. значительные ущербы отъ перехода въ Москву служилыхъ князей и вообще слугъ съ отчинами или безъ отчинъ: рядомъ съ территориальными утратами Литва лишилась значительнаго количества служебныхъ силъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ враждебнаго и безнокойнаго союза.

А слуги перебѣжчики, такой широкой волной мѣнявшие одно

¹⁾ А. З. Р., I, № 200, стр. 349. Кроме того посланъ было поручено условиться и о князатахъ «которые втекли отъ короля: естли бы ся хотѣли вернути до короля, тогда тыи подъ вѣщымъ покоемъ, або подъ перемирьемъ мають припяти быти».

²⁾ Сборн. Р. II. Общ., т. XXXV, стр. 467 и 470.

³⁾ А. З. Р., II, № 49.

отечество на другое, повидяному не находили ничего предсудительнаго въ своемъ поведеніи. Они по прежнему считаютъ своимъ правомъ искать такого господина, которому выгодыѣ служить. Но и въ ихъ среду начинаютъ проникать идеи о ненормальности такого порядка. Въ 1514 г. послѣ сжолепскаго взятія князь Михайло Мстиславскій перешелъ на службу съ отчиною и цѣлоналъ крестъ великому князю Василью Ивановичу. Но вслѣдъ за этимъ, какъ только онъ узналъ о приближеніи войска стараго своего государя, опять перешелъ къ нему на службу, объявляя свою вѣрность. Чувствуя, однако, неправоту своего поведенія, онъ бѣдетъ челомъ литовскому князю, чтобы «на него некотороѣ мерзячки за то не ждали, ажъ бы напотомъ чѣти его и дѣтей его въ томъ не тыкали». Такую охранную для своей чести грамоту онъ и получилъ ¹⁾.

Московское правительство охотно принимало всѣхъ выѣзжихъ изъ Литвы князей—Вильскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Одоенскихъ, Мезецкихъ, Новосилскихъ, Глинскихъ и проч.—съ ихъ отчинными и обильно награждало ихъ кормленіями и вотчинами за выѣздъ. Тамъ-же находили пріютъ и не успѣшіе «отѣстѣ» своихъ отчинъ на имя великаго князя. Московское правительство принимало ихъ вопреки нормамъ договорнаго права, по которому стороны обязывались не принимать служилыхъ князей съ отчинными. Почему оно такъ поступало? Въ этомъ заключалась его прямая выгода, и оно обладало достаточной силой, чтобы защищать свои правонарушенія. Московская-же дипломатія никогда не затруднялась подыскать оправдательные мотивы для каждаго отдѣльнаго правонарушенія.

Въ 1493 г., когда въ Москву перешли съ отчинными князья Воротынскіе, Вильскіе, Одоенскіе и Мезецкіе, московское правительство оправдывало прѣломъ ихъ тѣмъ, что всѣ они старые московскіе слуги, дѣды и отцы ихъ служили предкамъ великихъ князей; что только «не въ згуду» отпа великаго князя «тѣ князи были у отпа его у короля, а изъ старины тѣ князи наши слуги; а и къ отцу его еще къ королю приказывали есмь, что тѣ князи наши слуги старые» ²⁾. Нѣсколько позднѣе явился новый благовидный предлогъ: въ Москвѣ принимали служилыхъ людей съ отчинными вслѣдствіе притѣсненій исповѣдникомъ православною вѣры въ Литвѣ. Въ 1500 г. Александръ литовскій требуетъ выдачи, согласно договору, своихъ зрадцевъ-князей Семена Вильскаго и Хотевскаго и мценскихъ бояръ.—съ землями и водами. Московское

¹⁾ А. З. Р. II, № 92.

²⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 106.

правительство на это возражало, что Семенъ Бѣльскій «не хотя быти отступникомъ греческаго закона и не хотя своєю головою потеряти, къ намъ поѣхалъ служити и съ своею отчиною: пво которая его въ томъ зрада?» Очевидное нарушение договора оно также не затруднялось объяснить: «а что въ нашемъ докончатѣи межъ насъ записано: и князей служебныхъ съ отчинами не приимати, и мы къ великому князю приказали, что есмь князя Семена тое для нужи греческаго закона приняли къ себѣ въ службу и съ отчиною» ¹⁾. Ужъ послѣ этого исковское правительство сочло болѣе удобнымъ послать въ Литву предупрежденіе, что если не будутъ прекращены притѣсенія, «а отъ той нужи пойдуть къ намъ, и намъ ихъ приимати и съ вотчинами и стояти, сколько намъ Богъ поможетъ» ²⁾.

Въ 1504 г. переѣхавъ въ Москву Остафей Дашковичъ съ иными дворянами. Литовское правительство потребовало ихъ выдачи, ссылаясь на перемирную грамоту 1503 г. Эта ссылка оказалась неправильной и, какъ показано выше, въ Москвѣ ее справедливо отвергли. Но этимъ не удовольствовался Иванъ Васильевичъ и привелъ въ оправданіе своихъ дѣйствій слѣдующій анахронизмъ: «и напередъ того при насъ и при нашихъ предѣлахъ и при его (великаго князя литовскаго) предѣлахъ межъ насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказа» ³⁾. Было-бы совершенно неправильно заключать изъ этихъ словъ о какой-либо свободѣ перехода служилыхъ людей изъ Москвы въ Литву и обратно, особенно при Иванѣ III. Объ этомъ нѣтъ никакихъ упоминаній и въ сохранившихся договорахъ. Зачѣмъ-же Иванъ Васильевичъ провозгласилъ такое опасное и для него правило? Ему нужно было объяснить свой образъ дѣйствій, и онъ, не отказываясь несколько отъ исконной политики своихъ предковъ, хочеть и на Литву распространить выгодный для Москвы порядокъ свободы выѣзда чужихъ слугъ. Такой порядокъ, конечно, долженъ быть одностороннимъ.

И дѣйствительно, при великихъ князьяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Васильѣ Ивановичѣ наблюдается гораздо больше случаевъ приказа на службу выходцевъ изъ Литвы, чѣмъ побѣговъ изъ Литвы. Но и въ рѣдкихъ случаяхъ ухода изъ Москвы переѣзжниковъ ожидала строгая кара. Послѣ взятія Твери великій князь Иванъ Васильевичъ изымалъ и посадилъ въ тюрьму тверскаго боярина Ао-нася Шетнева за то, что его родные племянники Звѣзны отъ-

¹⁾ Сборн. Муханова, стр. 105.

²⁾ П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Никон. лѣт., VI, 161.

³⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 470.

ѣхали въ Литву съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ¹⁾. Въ 1493 г. князь Иванъ Лукомскій сказалъ на князя Федора Бѣльскаго, что онъ хотѣлъ ѣхать отъ великаго князя въ Литву, и Иванъ III «велѣлъ за то князя Федора изымати, да послать его въ заточеніе въ Галичъ»²⁾.

Въ 1514 г. литовскій переѣзчикъ Михаилъ Глинскій, преступивъ крестное цѣлованіе, измѣнилъ великому государю, сталъ ссылаться съ королемъ, а самъ хотѣлъ ѣхать въ Литву. Умыселъ Глинскаго былъ предупрежденъ: онъ былъ схваченъ и отосланъ къ великому князю, который, «оковавъ Глинскаго, послалъ на Москву и велѣлъ заточити». Лишь въ 1527 году Глинскій былъ выпущенъ изъ нѣтства только потому, конечно, что великій князь женился передъ тѣмъ на его племянницѣ³⁾. Такъ наказывались умыселъ и покушеніе на побѣгъ въ Литву. Не оставалась безнаказанной измѣна и въ томъ случаѣ, когда отъѣздикамъ удавалось перейти границу. Въ 1534 г. «наученіемъ вражїимъ и разгордївша своимъ безумїемъ» отъѣхали въ Литву князь Семенъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкой съ сыномъ. Ихъ «соѣтниковъ» князевъ Ивана Бѣльскаго и Ивана Воротынскаго съ дѣтьми великій князь и его мать велѣли поймать и, оковавъ, посадить за приставовъ⁴⁾. А такъ какъ у Ивана Ляцкого были въ Новгородѣ имѣнья, то «тѣмъ дѣй имѣнья на великаго князя взяты и люди его разграблены, и матку дѣй и дочку его до Москвы повезли и осадили»⁵⁾. За измѣну главы семьи приписываются къ отвѣтственности и ея члены.

Итакъ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ литовское правительство всѣми мѣрами добивалось установить въ договорахъ съ Москвою самую строгія мѣры относительно отъѣздиковъ, а московское правительство не только не соглашается на такія мѣры, но даже провозглашаетъ начало полной свободы отъѣзда служилыхъ людей, хотя и наказываетъ отъѣздиковъ. Это различіе правительственныхъ мѣръ имѣло лишь одно основаніе: въ указанное время Литва гораздо больше потеряла своихъ слугъ, чѣмъ приобрѣла, тогда какъ Москва, наоборотъ, значительно увеличила свои служебныя силы на счетъ выходцевъ изъ Литвы.

Но со времени боярскаго правленія и жестокостей Ивана Гроз-

¹⁾ Русск. Ист. Сборн., т. II, стр. 3.

²⁾ П. С. Л., IV, 162; VIII, 225.

³⁾ П. С. Л., VIII, 257 и 272; VI, 256.

⁴⁾ П. С. Л., VI, 293; VIII, 287; Никои. лѣт., VII, 2—3. По другому источнику этихъ князей, «по торгу водянн. пугами бия»; сверхъ того здѣсь сообщается о заключеніи Богдана Трубенкаго; «а имали ихъ для того; ижъ ихъ обманлено, ижбы были до Литвы ѣхати». А. З. Р., II, № 179, III.

⁵⁾ А. З. Р., II, № 179, стр. 333.

наго обстоятельства круто измѣнились: почти непрерывной вереницей отъѣздки тянутся изъ Москвы въ Литву. Соответственно этому видоизмѣнились и взгляды московскихъ и литовскихъ правительственныхъ сферъ.

Въ 1549 г. московскимъ посломъ, Михаилу Яковлевичу Морозову съ товарищи, отправленнымъ для подкрѣпленія заключеннаго перемирія, вѣрно было сказать Сигизмунду-Августу, что въ перемирныхъ грамотахъ написано о выдачѣ на обѣ стороны бѣглецовъ, и это утверждается крестнымъ цѣлопашиемъ; между тѣмъ бѣглецы не отдаются «и то есть на нашихъ душахъ». Посламъ наказано: «любо бы тѣ слова изъ грамоты выставити, или бѣглецы всякіе отдавати по перемирнымъ грамотамъ»¹⁾. Между тѣмъ въ перемирной грамотѣ 1549 г., какъ и въ перемирной грамотѣ 1503 г., стоитъ совершенно тождественное условіе: «а татя, бѣглеца, холопа, робу, должника по исправѣ выдати»²⁾.

Въ 1504 г. московское правительство комментировало это условіе въ томъ смыслѣ что здѣсь рѣчь идетъ о татяхъ, разбойникахъ и душегубцахъ, перебѣжавшихъ въ предѣлы одной изъ договорившихся сторонъ; въ 1549 г. подъ бѣглецами уже подразумеваются отъѣздки. Въ подробной инструкціи посламъ было разъяснено, что если приговарять не писать о бѣглецахъ, «ишо велики добро»; если-же въ Литвѣ будутъ говорить, что тѣ строки писать по старинѣ, то настаивать на выдачѣ бѣглецовъ. Если на это согласятся, то требовать накрутку выдачи и тѣхъ бѣглецовъ, которые бѣжали «прежъ сего отъ государя нашего и отъ короля за перемирными грамотами». И если сойдется и на этомъ, то говорить «о Иванѣ о Ляцкомъ, да о Нохтевѣ сынѣ, да о Горенской сынѣ, да о Шамахѣ; о княжѣ Петровѣ сынѣ великаго», чтобы ихъ выдать, взаимѣ чего будутъ выданы всѣ перебѣжавшіе отъ короля къ царю и великому князю. На все это съ удовольствіемъ готово было согласиться московское правительство. Но въ вопросѣ о выдачѣ прежнихъ бѣглецовъ оно вступало на скользкую почву: въ Литвѣ могли потребовать и выдачи тѣхъ, которые пріѣзжали къ великому князю Василью. Посламъ было предписано «о тѣхъ отговаривати, что пріѣзжали къ великому князю Василью, а отъ него къ королю пріѣзжали», такъ какъ «тѣхъ ужъ отъѣздъ минулся, занже къ которымъ государемъ пріѣзжали, и тѣхъ ужъ Богъ взялъ и тѣхъ отдачѣ естатись нехѣтъ; нынѣ бы все время межъ государей нашихъ правда была, а тѣ ужъ старые дѣла минулися». Всѣ эти пон-

¹⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 311.

²⁾ Тамъ-же, стр. 306; ср. т. XXXV, стр. 467.

шества должны быть введены въ перемирную грамоту, писанную отъ имени короля, тогда какъ въ перемирной грамотѣ отъ имени московскаго государя статья о бѣглецахъ была сохранена въ прежнемъ видѣ. Такимъ образомъ проектируемая измѣненія могли оказаться односторонними для польско-литовскаго правительства, и тогда въ рукахъ Москвы оказалось-бы серьезное преимущество. Но этотъ дипломатическій маневръ не удался: Сигизмундъ-Августъ велѣлъ отвѣтить посламъ, что такъ какъ тотъ артикулъ уже внесенъ въ перемирную грамоту московскаго государя, то «тогда уже на тотъ часъ и въ наземъ листѣ перемирномъ мусить то стояти, а нехлѣ того выставляти, а вѣдь жо нами ничто противко перемирные грамоты не дѣется» ¹⁾).

Въ 1567 г. московскимъ посламъ поручено было потребовать выдачи измѣнниковъ, Курбскаго съ товарищами. Измѣна Курбскаго причинила царю Ивану столько же, если не больше огорченій и заботъ, какъ раньше измѣна Глинскаго литовскому правительству. Московская дипломатія хорошо помнила представленія послѣдняго о выдачѣ Глинскаго, и потому, при ходатайствѣ о выдачѣ Курбскаго, наказано было посламъ: если паны рада спросятъ, почему государь московскій просить о выдачѣ Курбскаго, тогда какъ прежде ни при которыхъ государяхъ не бывало, чтобы такихъ людей отдавали, — отвѣчать, что государь объ измѣнникахъ приказалъ для того, что они между государями ссоры дѣлають и на большее кровопролитіе христіанское поднимають. Сигизмунду-Августу послы должны были указать, что Курбскаго слѣдуетъ выдать, чтобы «промежь государей отъ тыхъ зрадець непріяни не было» ²⁾. Теперь московскому правительству пришлось почти дословно повторить тѣ-же соображенія о необходимости выдавать отъѣздки, какія въ началѣ XVI в. указывались изъ Литвы ³⁾. Въ-мѣсто ссылки на старо-

¹⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 314 — 315 и 332; Литовск. метр., I, стр. 56.

²⁾ *Соло мот.*, VI, изд. 4, стр. 234; Литов. метр., I, стр. 261. Въ 1569 г. Грозный пишетъ Сигизмунду-Августу: «А какъ еси, братъ нашъ, нашу наизвѣдную раду отступниковъ истиннаго православія уявилъ у себя въ радѣ, и отъ тыхъ мѣсть и по ся мѣсто христіанская кровь не престала лити». Тамъ-же, стр. 279.

³⁾ Въ 1503 г. дочь Ивана III, великая княгиня литовская Елена, писала своему отцу по поводу отъѣздки Момайскаго и Шемичича, чтобы они не принимали ихъ согласно докончанью, — «са наизвѣнники-бы зрады наши не радовались»; Елена указываетъ, что эти измѣнники «противъ васъ государей замутили и другіи Семель Вѣльскій Іюда съ ними»: что они «вторые Каппове по шю въ крови ходять, а межъ васъ государей мутять». Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 370—371. Въ 1504 г. великій князь литовскій пишетъ про тѣхъ-же Момайскаго и Шемичича: «самъ на нихъ поразумѣшь, штокъ тыи князи,—которыхъ же отцы и они сами никога государей своихъ вѣрни не бывали, завжды присяги свои змѣняли, хотить и межи насъ своими зачѣнами перемирью до вочныхъ зѣтъ нарушити». Тамъ-же, стр. 458.

давній обычай свободы отъѣзда служилыхъ людей, теперь московское правительство провозглашаетъ совершенно противоположное правило, по которому «во всей вселенной кто отъѣзда принужаетъ, тотъ съ нимъ вѣстѣ не правъ живетъ». Съ накипѣвшей злобой оно ухватывается за слова польско-литовскаго правительства, будто «король израды не любитъ, и поляки и литва израды не любятъ-же», и колко замѣчаетъ на это: «почему-жь израдцовъ щодробнѣе принимаютъ и хлѣбомъ осматриваютъ?» ¹⁾ Также порядки очень не нравятся царю Ивану, и онъ добивается ихъ отмены.

Но польско-литовское правительство также измѣнило свои прежние взгляды. Оно уже не стоитъ ни за отмену свободы отъѣзда, ни за выдачу отъѣздчиковъ, не настаиваетъ на необходимости ихъ казни. На требованіе выдать Курбскаго съ товарищами Сигизмундъ-Августъ не безъ ядовитости отвѣтилъ Грозному: «ты братъ нашъ, — вспоменуши то, что на тотъ часъ держиши многіе отчизны, земля наши... и слугъ нашихъ съ ихъ города, и которыхъ обычаемъ они къ отцу твоему на службу пріѣхали, — таковыхъ людей, которые, отчизны оставивши, отъ зневоленія и кровопролитія горла свои уносятъ, доживаютъ у насъ не будешь». Король не удовольствовался этой непріятной для Москвы исторической справкой. Въ свое оправданіе онъ предложилъ Грозному назидательное поученіе въ духѣ христіанской любви: христіанскимъ государямъ, писалъ онъ, которыхъ въ оборону христіанство вручено отъ Бога, не достойтъ таковыя «княжатскіе народы» и никого изъ христіанъ «въ зневоленіе приподити, и кого Богъ отъ смерти вынесетъ — выдавати, яко невольниковъ чрезъ ночь вшитыхъ» ²⁾. Почти тѣмъ-же мотивами иъкогда оправдывало московское правительство отъѣздъ изъ Литвы Семена Бѣльскаго.

Едва-ли необходимо останавливаться здѣсь на отдѣльныхъ случаяхъ наказанія отъѣздчиковъ при Иванѣ Грозномъ. Ужасныя казни лицъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и въ частности въ намереніи отъѣхать изъ Москвы, достаточно извѣстны. Но помимо успешныхъ общихъ наказаній царь Иванъ Васильевичъ усилилъ квалификацію и спеціальнаго наказанія за отъѣздъ. Князь Курбский, измѣстившійся въ 1640 г. съ кн. Алексѣемъ Трубецкимъ, по поводу измѣны кн. Юрія Трубецкаго сослался на слѣдующій указъ Грознаго, данный послѣ отъѣзда Курбскаго: «котораго роду хоть и кто меньшей отъѣдетъ, и того роду и у большыхъ отнять 12 мѣстъ; кому они были въ верету и тѣхъ указалъ го-

¹⁾ Пам. дипл., спом. X, стр. 162 и 227.

²⁾ Литов. метр., I, стр. 266.

сударь быть 12 мѣсты меньше¹⁾. Такое наказаніе всѣхъ родственниковъ за отъѣздъ отдѣльнаго родича являлось какъ-бы порукой всего рода за вѣрность каждаго изъ его членовъ²⁾.

Московское и литовское правительства въ одинаковой мѣрѣ борются противъ отъѣзда служилыхъ людей, если дѣло идетъ объ ихъ собственныхъ слугахъ, и готовы защищать свободу выѣзда, когда представится случай принять къ себѣ слугъ противной стороны. Они не допускаютъ отказа отъ службы и наказываютъ за побѣгъ, но рады всякому новому приказу въ службу. Эта двойственность политики объясняется одно изъ своеобразныхъ явленій государственнаго быта того времени: оба соперничающія правительства принимаютъ на службу завѣдомыхъ зрадцевъ-измѣнниковъ,

Каждый отъѣхавшій считался измѣнникомъ. Но нерѣдко случалось, что отъѣздчикъ черезъ нѣкоторое время готовъ былъ вернуться на службу къ прежнему государю. Московское и литовское правительства никогда не отказывались принять обратно этихъ покаявшихся измѣнниковъ, такъ какъ они были, конечно, менѣе опасны для государства на службѣ старому государю, чѣмъ новому иногда враждебному правительству. Подобрать къ рукамъ этихъ подозрительныхъ слугъ было прямой выгодой и для Москвы, и для Литвы.

Такого рода политика московскаго правительства не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Еще Василій Темный старался переманить обратно отъѣхавшаго въ Тверь боярина и сузилъ ему пониженіе чести; когда-же бояринъ вернулся, то сначала наложилъ на него опалу, а затѣмъ хотя и долженъ былъ ее снять, но вѣроятно зорко слѣдилъ за своимъ вольнымъ слугою³⁾. Удѣльные князья Шемшичъ и Можайскій спаслись отъ московскаго итства въ Литвѣ. Въ 1471 г. великій князь ихъ считаетъ своими злодѣями и сыновей ихъ называетъ «нашихъ зрадецъ дѣтими», а въ 1494 г. по договору съ Литвой выговариваетъ обязательство

¹⁾ А. И. Марксевичъ, О мѣстничествѣ, стр. 472. Вѣроятно на этотъ-же указъ сослался и бояринъ В. Морозовъ въ 1619 г.: «ки. Юрій Трубецкой и выгнѣ въ пѣтѣвъ служить литовскому королю, и преждее ваше, государь, уложенье, которое и въ удѣлъ отъѣхалъ и тѣ у себя и у своего роду за те терали многія мѣста». Тамъ-же, стр. 435 и 477; Дюрц. разр., I, стр. 412.

²⁾ Вопросъ о подлинности этого приговора и о призывеніи его разобранъ А. И. Марксевичемъ въ назв. соч., стр. 480—484, и въ Исторіи мѣстничества, стр. 438—441; ср. И. И. Лихачевъ, Разрядные дѣла, стр. 95, прим. 2, гдѣ указано, что въ Разрядной книгѣ Е. Барсова подъ 7060 находится извѣстіе о выдачѣ головою ки. И. Буйносова князю И. Елецкому: «а выдавалъ головою Ивана Буйносова на дворѣ осадной воевода... а выдавка головная по царьскому уложению за двѣнадцать мѣствъ». Впрочемъ авторъ замечаетъ (?) сообщаемое имъ извѣстіе.

³⁾ См. выше, стр. 177—178.

не отпускать ихъ никуда на его великаго князя лито; если же они пойдутъ прочь изъ земли, то литовскій князь обязуется не принимать ихъ обратно и быть съ московскимъ «на нихъ вездѣ за одинъ». Въ 1495 г. было наказано князю Еленѣ не допускать къ себѣ этихъ князей и ихъ женъ и требовать отъ литовскаго князя, чтобы «къ ней тѣмъ княземъ и княжнамъ не велѣли ходити»¹⁾. Но въ 1500 г. князя Можайскій и Шомячичъ приняты на службу въ Москву и съ отчинами, вопреки докопчанью²⁾. Напрасно великая княгиня Елена указывала отцу, что такимъ зрадцямъ вѣрить не слѣдуетъ, которыхъ «отцы предкамъ московскихъ государей извѣдали тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ», и этихъ только мутятъ среди государей; напрасно и великій князь Александръ писалъ про этихъ-же князей, что ихъ отцы и они сами никогда не бывали вѣрны своимъ государямъ, всегда извѣдали своимъ присягамъ³⁾. Все это было очень хорошо извѣстно московскому правительству, которое тѣмъ не менѣе приняло этихъ зрадцевъ и надѣлило ихъ вотчинами. Судьба «запущаюшаго врага» государя указываетъ на сколько политично оно поступило.

Въ 1558 г. принять былъ на службу Дмитрій Вишневецкій и на приѣздѣ пожалованъ значительной суммой денегъ, городовъ Бѣлевыхъ и селами близъ Москвы. Московское правительство знало, что Вишневецкій «неодного израдилъ»; но оно велѣло объяснить въ Литвѣ, если бы тамъ указали на это, что «государь нашъ вѣрить всякаго человека душѣ». Вишневецкій израдилъ и московскому государю. О немъ велѣно было сказать въ Литвѣ, что «притекъ онъ къ государю какъ собака и потекъ отъ государя какъ собака-же». Но въ то-же время велѣно было провѣдать, чѣмъ пожалованъ онъ въ Литвѣ, а также другіе отъѣздки, Черкасскіе, и если одинъ изъ послѣднихъ объявитъ, что хочетъ опять ѣхать къ государю, то обѣщать ему, что челобитье его до государя допесутъ⁴⁾.

Въ 1586 и 1587 гг. московская дипломатія старается возвратитъ отъѣздки Тетерина, Дав. Бѣльскаго, Мурзу Купчѣна и другихъ, обѣщая, что государь отдастъ имъ ихъ вину, такъ какъ они преступили передъ государемъ, дерзость сдѣлали, въ Литву отъѣхали⁵⁾.

¹⁾ С. Г. и Д., I, № 20; Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 127 и 168.

²⁾ П. С. Л., VI, 45; VIII, 239; Ник. Лѣт., VI, 161.

³⁾ Сборн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 370—371 и 458.

⁴⁾ Сбор. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 543 и 585; Карамзинъ, IX, прим. 104; Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 225.

⁵⁾ Соловьевъ, VII, изд. 4, стр. 247 и 257.

Итакъ, московское правительство охотно принимаетъ опять на службу измѣнившихъ ему слугъ; оно въ этомъ отношеніи на столько неразборчиво, что готово вѣрять душѣ всякаго человѣка. Трудно, однако, допустить, что такіе слуги-переметчики ничего не теряли въ своемъ прежнемъ положеніи. Худая слава измѣнника оставалась за нимъ и отражалась на ихъ отеческой чести, передаваясь по наслѣдству. Московское правительство съумѣло воспользоваться этими обстоятельствами и, быть можетъ, впервые къ этимъ вернувшимся отъѣздчикамъ стало прижнять правило объ ограниченіи отеческой чести въ мѣстническихъ спорахъ, которое получило затѣмъ такое широкое распространеніе въ видѣ наказанія за отъѣздъ.

Изъ мѣстническаго дѣла Василія Зюзинна съ Нагихъ извѣстно, что родичъ Зюзинна, Бахтеяръ Зюзинъ, около половины XVI в. «отъѣзжалъ изъ Литву и мѣсто свое проѣздитъ». Его родичи поэтому отказались за него тягаться¹⁾. Значитъ правило о пониженіи мѣстами за отъѣздъ не теряло своей силы и по возвращеніи отъѣздчика. Правда, заботясь о возвращеніи назадъ спонхъ зрадцевъ, московское правительство давало обѣщанія не только не понижать ихъ чести, но сулило даже прибавку къ ней. Такъ въ 1535 г. была послана Семену Бѣльскому грамота, которой обѣщано вины его не панятовать, а пожаловать больше прежняго; при этомъ указывалось, что «и прежде нѣкоторые слуги ѣздили отъ насъ къ нашимъ неприятелямъ, опять назадъ прѣѣзжали, и этимъ отечества своего не термили, предки наши ихъ жаловали и опять ихъ въ отечествѣ возстановлявали»²⁾. Также въ 1594 г. отъѣздчика Михаила Головинна государь обѣщаетъ пожаловать вотчиной и помѣстьемъ и «учинить его въ отечествѣ въ большой чести, въ чемъ отецъ его и дядя были»³⁾. Но извѣстно, какъ скупо исполнялись подобнаго рода обѣщанія. Къ тому же при мѣстническихъ спорахъ заинтересованные никогда не упускали случая сослаться на «измѣнную славу» и пожалованнаго отъѣздчика; само правительство не въ силахъ было сдѣлать съ спонхъ слугъ такой «мерзлячки», которая долго помышлялась въ средѣ служилыхъ людей. Въ 1640 г. мѣстничавшійся съ Трубецкихъ князь Куракинъ проситъ государя не нарушать уложенія царя Ивана Васильевича о пониженіи въ отечествѣ за отъѣздъ и пни Куракинскими его почать, чтобъ впредь неовадно было измѣнять⁴⁾. Такъ постепенно упрочивалась и среди служилаго класса мысль, что

¹⁾ Русск. Истор. Сборн., т. V, 1842 г., стр. 5 и 85—86.

²⁾ Соловьевъ, VI, изд. 4, стр. 24—25.

³⁾ Кривинъ, X, прил. 274.

⁴⁾ А. И. Марксинъ, О мѣстничествѣ, стр. 472; см. также, Исторія мѣстничества, стр. 441.

отъѣздъ на службу въ другое государство составляетъ не право, а преступленіе.

Путехъ политическихъ мѣръ московское правительство сокращало волю своихъ вольныхъ слугъ задолго до уничтоженія юридическихъ нормъ, обеспечивавшихъ эту волю. Посредствомъ той-же политики оно устранило и суверенитетъ владѣтельныхъ князей значительно раньше, чѣмъ были выработаны нормы, низводящія владѣтельныхъ князей въ положеніе невольныхъ слугъ московскихъ государей ¹⁾.

На пути къ объединенію сѣверо-восточной Руси московскіе князья встрѣтили серьезное препятствіе не только со стороны другихъ великихъ княженій, но и со стороны удѣльныхъ князей, созданныхъ самими-же московскими объединителями. Обычай надѣлять удѣлами вѣхъ своихъ сыновей они унаслѣдовали изъ старины. Это былъ общій порядокъ Руси до-московской, которому подчинялись и московскіе князья. Они довольно рано сознали неудобства этого порядка для цѣлей объединенія, но не въ сплахъ были отступитъ отъ укоренившагося обычая: то, что создали они одной рукой, разрушали другой. Съ Дмитрія Донскаго открываются попытки какъ-нибудь сгладитъ эти два противоположныя теченія. Но еще при Иванѣ III Васильевичѣ, который на прихвѣрь отца во очію убѣдился, насколько могутъ быть опасны удѣльные князья для великаго князя московскаго, противорѣчія эти не сглажены окончательно. Въ 1496 г., узнавъ о намѣреніи литовскаго князя дать Сигизмунду въ литовскомъ великомъ княжествѣ Кіевъ и иные города, онъ приказываетъ сказать своей дочери: «Ино, дочн, слыхалъ ятъ, каково было истроенье въ литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землн слыхала же, каково было истроенье при москѣ отцѣ; а опослѣ отца жего, каковы были дѣла и мѣстѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а ино и сама поминишь. И только Жидимонтъ будетъ въ литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?» ²⁾.

Еще раньше, въ 1489 г., Иванъ Васильевичъ предостерегаетъ крымскаго хана Менгли-Гирея отъ опасностей междоусобія съ братомъ: «Ино тобѣ вѣдомо изъ старины отъ дѣдъ и отъ отцовъ нашихъ: на одномъ кртѣ два осподаря бывали-ли? А гдѣ и бывали... ино которое добро межъ ихъ было?» ³⁾. Кажется, московскій князь

¹⁾ Вопросъ объ отношеніяхъ между владѣтельными князьями рассмотрѣнъ Проф. В. И. Сергиевичемъ въ Лекціяхъ по ист. русск. права, 1886—87 гг., стр. 243—268.

²⁾ А. З. Р., I. № 136; Собрн. Р. И. Общ., т. XXXV, стр. 224—225.

отчетливо сознавать невыгоды удѣльнаго порядка и должны бы были его уничтожить. Но и онъ назначаетъ удѣлы дѣтямъ. Такова сила переживанія.

Однако, положеніе удѣльныхъ князей существенно измѣнилось. Изъ сравненія договоровъ между родными братьями, сыновьями Калиты, и между сыновьями Ивана III можно видѣть, какихъ успѣховъ достигла великокняжеская власть. Но даже договоръ 1531 г. между родными братьями, вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ и удѣльными княземъ Юріемъ Ивановичемъ, признаетъ за удѣльными очень широкія права. Вотъ какъ они могутъ быть формулированы:

«Взынми . . . отношенія князей опредѣляются соглашеніемъ ихъ, а не указомъ великаго князя. Великій князь, также какъ и удѣльный, скрѣпляетъ пункты соглашенія клятвой. Великій князь признаетъ неприкосновенность владѣній удѣльнаго, ихъ наследственность, право производить въ ихъ предѣлахъ судъ и управленіе; великій князь признаетъ удѣльнаго въ братствѣ съ собой, обязуется держать его въ любви и въ чести, исчазонаться его удѣломъ и жаловать его. Удѣльный, съ своей стороны, обязуется признавать вел. князя своимъ братомъ старѣйшимъ, держать подвизы великое княженіе честно и грозно, быти съ нимъ заодно, на всякаго недруга, не входить ни въ какія сношенія съ другими князьями и выступать во главѣ своего войска, куда великій князь прикажетъ» ¹⁾. На случай неисполненія договора не устанавливается никакой ответственности; отсюда можно было-бы заключить, что владѣтельнаго князя судить Богъ, и что земной власти надъ нимъ не существуетъ даже и въ началѣ XVI вѣка.

Таковы были нормы права. Но живыя-ли это нормы? Или-ли только регулируется жизненная практика, или, наоборотъ, не внесла она и сюда какихъ-либо существенныхъ поправокъ, которыя еще не успѣли оформиться? Выше было указано, какъ велико было воздѣйствіе практики на нормы права. То-же наблюдается и здѣсь.

Было уже замѣчено, что подтвержденія и нарушенія старыхъ правъ и обязанностей въ междукняжескихъ договорахъ наполняютъ немало страницъ въ исторіи княжескихъ отношеній. Силы у великихъ князей уже много, но господствующія понятія о суверенитетѣ владѣтельныхъ князей чрезвычайно затрудняютъ созданіе новаго порядка. При этихъ условіяхъ дѣятельными союзниками московскаго правительства являются насилье, неправда и клятвенное преступленіе ²⁾.

¹⁾ Проф. В. И. Сергеевичъ, Гезація по ист. русск. права, стр. 266.

²⁾ Тамъ-же, стр. 263.

Примѣненіе этой обычной политики въ междукняжескихъ отношеніяхъ было тѣмъ удобнѣе, что нормы договорнаго права представляются очень неопредѣленными. Даже при добросовѣстномъ ихъ толкованіи могли возникнуть разногласія. Вотъ примѣръ. Дмитрій Донской обязалъ Владимира Андреевича Серпуховскаго, «служити безъ ослушанъ», а самъ обязался «кормити его по его службѣ». Говорятъ, что это повелѣніе не нашло послѣдователей, потому что носило въ себѣ признаки, присущіе служебнымъ князьямъ, и не могло быть примирено съ суверенитетомъ владѣтельнаго князя ¹⁾ Но слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что въ договорѣ стоитъ серьезное ограниченіе этого обязательства. Тамъ сказано: «тебѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ ²⁾. Представляется совершенно невозможнымъ примирить эти два условія: служить безъ ослушанія и служить по згадцѣ, т. е. по соглашенію. Если-бы между договорившимися возникъ споръ о толкованіи этого условія, то никакой судъ, кромя «Божьяго суда», не разрѣшилъ бы этого спора: на вошлѣ-же тотъ правъ, кто сильнѣе ³⁾. Въ позднѣйшихъ договорахъ это условіе вовсе не исключено, оно только иначе выражено и, притомъ, къ прямой выгодѣ великаго князя и въ ущербъ удѣльнымъ, выражено опредѣленнѣе. Въ выраженіи служити безъ ослушанья разумѣется исключительно ратная служба. Но съ этой ратной службѣ и также «безъ ослушанья» говорятъ очень многіе позднѣйшіе договоры. Напр., въ договорѣ Василія Дмитріевича съ родными братьями условіе это выражено такъ: «А гдѣ ти, господине, вѣсти будетъ на конь, или ти будетъ куды насъ послати, и намъ пойти безъ ослушанья ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ о службѣ по згадцѣ илѣтъ и рѣчи. Въ позднѣйшихъ договорахъ иначе выражено и условіе «кормити по службѣ»; оно замѣнено соответственнымъ обязательствомъ «жаловати и печаловатися».

Къ числу совершенно безусловныхъ условій относится и обязательство удѣльныхъ князей держать великаго князя и великее княженіе «честно и грозно», т. е. отиснуться къ нимъ съ почетомъ и страхомъ. Но самое безграничное съ точки зрѣнія удѣльныхъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 261—262; почти то-же у Соловьева, IV, изд. 5, 156—157.

²⁾ С. Г. и Д., I, стр. 45.

³⁾ Въ договорѣ, заключенномъ между тѣми-же князьями въ 1389 г., стоитъ категоричное условіе служити безъ ослушанья. С. Г. и Д., I, стр. 55. Это условіе, очевидно, перенесено изъ предшествовавшаго договора, но слова: «по згадцѣ, како будетъ мнѣ слично и тобѣ» опущены или по недосмотру, или потому, что существо дѣла и безъ нихъ представлялось совершенно яснымъ.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 60; см. также стр. 93, 96, 101, 109, 121, 124, 141, 144.

князей подобострастие могло не удовлетворить шепетильного самолюбия московских князей, особенно при желании найти повод къ столкновениямъ. Таково-же обязательство «добра хотѣти великому князю во всехъ, вездѣ, безъ хитрости».

Въ виду цѣлей объединенія интересы удѣльныхъ князей были совершенно противоположны интересамъ великаго князя. При такихъ условіяхъ безхитростное желаніе добра было равносильно наложенію руки на свою свободу. Но кто-же прагъ самому собѣ? И самые предшественники Москвитъ удѣльные князья могли погрѣшить противъ этого обязательства.

Великіе князья русскіе и литовскіе очень рано задумываются надъ подчиненіемъ своей воли удѣльныхъ князей. Въ 1345 г. Ольгердъ литовскій заключаетъ съ братомъ Кейстутомъ договоръ, «пште братъчъ всеи послушшу быти князя великаго Ольгирда». Въ 1427 г. великій князь тверской Борисъ Александровичъ по договору съ Витовтомъ обезпечиваетъ за собою такое право: «А людемъ моимъ, и братъи моеи, и племени моему, княземъ, быти въ мою послуше; я князь великій Борисъ Александровичъ волею, кого жаую, кого казю, а моему господину дѣду, великому князю Витовту не иступатися»¹⁾. Это не значитъ, что право казнить и жаловать своихъ удѣльныхъ князей принадлежало тверскому князю на основаніи договора. Князь хочетъ только практиковать это право сильнаго и торопится обезпечить себя отъ вмешательства Витовта. Московскіе князья не отстаютъ отъ своихъ сосѣдей: они не упускаютъ случая припести подъ свою волю того или другого князя, пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ. Наибольшіе результаты въ этомъ отношеніи достигнуты были при Семенѣ Гордомъ, Дмитріѣ Донскомъ и его сынѣ. Про Дмитрія Донскаго современникъ рассказываетъ, что, «князь волю свою» надъ Дмитріемъ судальскимъ, онъ также взялъ свою волю и надъ Константиномъ ростовскимъ и смирилъ его, а затѣмъ согналъ съ Галицкаго княженія Дмитрія галицкаго и съ Стародубскаго княженія князя Ивана Федоровича стародубскаго. Всѣ эти князья отѣхали въ Нижній-Новгородъ, «скорбице о княженіяхъ своихъ, по ничтоже можашу учинити». Подъ 1366 г. стоитъ уже общее извѣстіе, что Дмитрій Ивановичъ «всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся воли его, и на тѣхъ нача посягати»²⁾. Великій князь Василій Дмитріевичъ, присоединивъ къ Москвитъ Нижегородское княженіе, распорядился

¹⁾ А. В. Р., I, № 83; Сборн. Мукал., № 1; Сремесскій, Стѣл. и запѣтки, № LIV.

²⁾ Навон. Лѣт., IV, 6 я 15; Таммиско, IV, 198 и 208.

князя Бориса Константиновича, его жену и дѣтей и всѣхъ доброхотовъ разослать по городамъ и оковать жѣлѣзными верпгами. Мало-по-малу онъ привелъ подъ свою волю и князей суздальскихъ ¹⁾.

Неудачная борьба великаго князя Василія Васильевича съ дядею и двоюродными братьями остановила на время объединительную успѣхи Москвы. Но сейчасъ-же вслѣдъ за изгнаніемъ Шемяки съ велико-княжескаго престола традиціонная политика возобновляется. Хотя Шемяка добилъ челоуѣк великому князю и заключилъ съ нимъ договоръ на обычныхъ началахъ для удѣльных князей того времени, но отношенія были столь острыми, что на соблюденіе условій нечего было надѣяться. Шемяка явля въ чехъ не исправилъ великому князю по докопчальнымъ грамотамъ и крестному цѣлованію, воздавъ рать на великаго князя и побѣжденный бѣжалъ въ Новгородъ. Туда духовенство шлетъ къ нему увѣщательное посланіе, напоминая ему договорную обязательна и затѣмъ перечисляетъ всѣ его неправды. Оказывается, что Шемяка не выполнилъ ни одного изъ нихъ. Казалось-бы, достаточно было упомянуть, что Шемяка всюду посылаетъ на лихо великаго князя и всячески добивается великаго княженія, чтобъ считать договоръ ничтожнымъ. Но духовенство не безъ сарказма задаетъ вопросъ Шемякѣ: «по крестному цѣлованію въ которомъ еси мѣстѣ похотѣлъ добра; или что еси ему повѣдалъ о добрѣ-ли его, о лѣш-ли; и гдѣ его честь и гдѣ его гроза?» ²⁾. При наличности вышеуказанныхъ нарушеній, когда Шемяка вкладывалъ на себя высокомысльство и гордость начальства, нечего и говорить, что не были соблюдены обязательна хотѣти во всемъ добра и держать великаго князя честно и грозно. Въ 1452—53 г. житр. Іона пишетъ архіепископу новгородскому опять о разныхъ винахъ князя Дмитрія и между прочимъ указываетъ, что Шемяка «и грамоты посылаетъ тайно, а съ великою высоостью». Можно было-бы подумать, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь несообразныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ великому князю ³⁾. Но оказывается, что Шемяка погрѣшилъ только въ томъ, что недостаточно честно и грозно несся къ великому князю. Въ Москвѣ усмотрѣли великую высоость въ томъ, что лишенный уже своего удѣла князь «о споемъ преступленьи и о своей винѣ ни единого слова пригданаго не приказать» ⁴⁾.

¹⁾ Никон. Лѣт., IV, 239; Карамзинъ, т. V, прим. 146; Соловьевъ, IV, изд. 5, стр. 5—9.

²⁾ А. И., т. I, стр. 80.

³⁾ Житр. Іона житр. говоритъ уже увѣдѣлъ, что Шемяка посылаетъ посла ни съ чѣмъ, чему ся не можно некоторыми дѣлы свести.

Послѣ Дмитрія Шемяки наступилъ чередъ и для князя Ивана Андреевича жогайскаго. Онъ много погрѣшилъ противъ великаго князя во время смуты 1446 г. Но великій князь и съ нимъ заключилъ договоръ по прежнимъ докончальнымъ грамотамъ на обычныхъ условіяхъ. Однако, князь Иванъ Андреевичъ, боясь мести великаго князя, обезопасилъ себя обязательствомъ съ его стороны не помянуть, не мстить, ни на сердцѣ не держать того, что сталося надъ нимъ по грѣхамъ жогайскаго князя. Сверхъ того ненарушимость договора гарантировалась поручительствомъ трехъ князей—тверскаго, верейскаго и серпуховскаго, которые обязались быть съ правымъ на виноватаго. Но, не смотря на трехкратное подтвержденіе этого договора ¹⁾, какъ только въ Москвѣ было получено извѣстіе о смерти Шемяки, великій князь пошелъ къ Жогайску на князя Ивана Андреевича «за его несправленье», какъ сказано въ лѣтописи. Жогайскій князь съ женой, дѣтьми и съ нѣкоторыми изъ своихъ бояръ бѣжалъ въ Литву, а его удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ ²⁾. Въ чѣмъ-же заключалось его несправленье? Митр. Іона истолковалъ его такъ: Великій князь, не понявъ своего зла, пожаловалъ жогайскаго князя, принявъ его въ братство, любовь и докончанье, «и вотчиною его пожаловалъ, да еще отъ своеѣ отчины пожаловалъ ему много». «А ему было своему брату старѣйшему послушну быти во всемъ и за православное христіанство стояти. Онъ-же пакъ чрезъ все то учалъ великому князю непослушенъ быти, а за православное христіанство нигдѣ не востоялъ». Назвавъ великаго князя братомъ старѣйшимъ жогайскому согласно договорамъ, митр. Іона спѣшилъ огенориться: «а не рку надъ братомъ, но надъ его господаремъ великимъ княземъ» ³⁾. Итакъ, столь старательно обставленные договоры въ Москвѣ толковали совсѣмъ не по буквальному ихъ смыслу. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ рѣчи о полномъ послушаніи удѣльнаго князя великому; ни въ одномъ изъ нихъ не намечается о пожалованіи жогайскаго князя его-же вотчиною. Такой порядокъ принимался только къ служилымъ князьямъ, котоыѣ и не пользовались никакимъ суверенитетомъ. Но и суверенитетъ жогайскаго князя былъ отвергнутъ представителямъ духовенства; по его мнѣнію, великій князь былъ такой-же государь удѣльнаго князя, какъ и онъ былъ и въ отношеніи прочихъ своихъ слугъ. А за митрополитомъ стояла значительная партія. Понятіе о суверенитетѣ вла-

¹⁾ С. Г. в Д. I, ММ 63, 66, 69, 69.

²⁾ П. С. Л., VIII, 141; Никон., V, 278.

³⁾ А. Ц., т. I, № 66.

дѣтельныхъ князей было отнюдь не господствующимъ уже въ половинѣ XV в.

Въ 1456 г. великій князь «споймалъ» князя Василия Ярославича серпуховскаго и заточилъ его въ Угличъ ¹⁾. Современники не знали поводовъ велико-княжескаго гнѣва и не объяснили причину такого насилія. Серпуховскій князь былъ вѣрный слуга московскому: онъ остался вѣренъ ему въ смуту 1446 г. За что-же постигла его такая немилость? Позднѣйшій бытописатель говорить, что все это приключилось серпуховскому князю «за нѣкую крамолу». Великій князь, вѣроятно, нашелъ, что Василий Ярославичъ недостаточно некреноно хотѣлъ ему добра, недостаточно честно и грозно держалъ его княженію. По тогдашнимъ понятіямъ и это могло быть крамолой.

Великій князь Василий Васильевичъ мыслить и дѣйствуетъ точь въ точь, какъ и великій князь Борисъ Александровичъ тверской. Несмотря на то, что послѣдній былъ поручителемъ въ договорѣ великаго князя съ Можайскимъ, былъ женатъ на его сестрѣ, онъ послѣ его бѣгства заключилъ съ московскимъ княземъ договоръ, по которому принялъ на себя слѣдующее обязательство: «А што отъ тебе отступилъ князь Иванъ Можайской, да князь Дмитривъ сынъ Шемякинъ князь Иванъ, или который ти ншый братъ згрунтъ: и мнѣ ко собѣ ихъ не принимати». Тверской князь обзавается быть за одинъ съ московскимъ на такихъ непочтительныхъ братьевъ. Соотвѣтственное обязательство принялъ на себя и московскій князь ²⁾. Что-же значитъ сгрубить? И подъ это неувомое понятію можно подвести всякій несприятный поступокъ. Въ данномъ случаѣ грубостью названо отступленіе отъ союза съ Москвою двухъ удѣльныхъ князей. Тверской и московскій князья на «отступленіе» удѣльныхъ князей смотрятъ, значить, какъ на отбѣздъ своихъ слугъ. Оба они по-прежнему цѣлуютъ крестъ при заключеніи договоровъ съ удѣльными князьями, но не признають за ними права на расторженіе договора, называя это грубостью.

Великій князь Василий Васильевичъ съ успѣхомъ устранилъ неудобныхъ соперниковъ. По поводу его подвигомъ позднѣйшій бытописатель замѣтилъ: «И тогда въ державныхъ, иже въ рускѣи земли, упрасился велика крамола и праждопаніе и оттолъ юншии князи къ старѣйшимъ быша послушливы, а

¹⁾ П. С. Л., VI, 181; VIII, 147; Ник., V, 284; Татвш . IV, 589.

²⁾ С. Г. в Д., I, стр. 172 и 174.

злщии Богомъ укрѣплены, славою и честію вѣнчающеса, державствующе, а рога царствія ихъ возвышашеса ¹⁾.

Но если таковы были успѣхи Василія Темнаго, если и при немъ суверенитетъ владѣтельныхъ князей былъ совершенно подорванъ, то, конечно, его преемники не только сохранили добытые въ этомъ на правленіи результаты, но еще болѣе рѣзко проводили ихъ въ жизнь.

Великій князь Иванъ Васильевичъ съ грустью вспоминалъ въ 1496 г. о неустроеніяхъ, какія были при его отцѣ и у него съ братьями. Въ этихъ неустроеніяхъ онъ, конечно, вицнлъ своихъ братьевъ. А братья жалуются на великаго князя, что онъ чинитъ надъ ними силу, обращается съ ними хуже чѣмъ съ боярами и все это дѣлаетъ вопреки завѣщанію отца и заключеннымъ договорамъ. Въ 1479 г. Андрей Васильевичъ князь углицкій и Борисъ Васильевичъ волоцкій указали, какія именно обиды причинилъ имъ великій князь: онъ не подѣлился съ ними удѣломъ умершаго брата Юрія, не выдалъ имъ жеребья изъ новгородскихъ владѣній, хотя вѣстѣ съ ними взялъ Човгородъ, и, наконецъ, не позволяеть никому изъ своихъ слугъ отъѣзжать въ удѣлы. Князья Андрей и Борисъ, не желая сносить дальнѣйшихъ обидъ, покинули свои удѣлы и пошли къ литовскому рубежу. Они вступили, однако, въ переговоры съ великимъ княземъ, который посылалъ за братьями архіепископа Василана Рыло, и въ то-же время завели сношенія съ королемъ: они были челомъ королю, чтобы «ихъ управилъ въ ихъ обѣдахъ съ великимъ княземъ и помагаеъ», на что король и согласился. Великій-же князь снова посылалъ къ братьямъ пословъ, приглашая ихъ вернуться въ отчины и обѣщая во всемъ жаловать, причеиъ сулилъ князю Андрею Калугу и Алексинъ. Братья, однако, на это не согласились, требуя, очевидно, большихъ территориальныхъ уступокъ. Современникъ, описывая эти событія, поступокъ братьевъ великаго князя называетъ отступленіемъ, а ихъ упорство—высокомысліемъ ²⁾; про Ивана-же Васильевича онъ замѣчаетъ, что великій князь «оsprавдался передъ ними и положи на Бога упованіе». Такая мягкость со стороны покорителя Новгорода можетъ показаться съ перваго взгляда очень странной. Дѣло объясняется, однако, очень просто: великій князь не принялъ противъ братьевъ никакихъ энергическихъ мѣръ потому, что въ то время шелъ слухъ о нахожденіи на Русь безбожнаго царя ³⁾. Этими обстоятельствами и спѣшили воспользоваться братья. Когда вели-

¹⁾ Степен. кн., II, 24.

²⁾ Братья «отступниша» и «высокомыслиша». П. С. Я., VI, 20; Ник. Лѣт., VI, 110.

³⁾ П. С. Я., VI, 222—223; VIII, 204.

кий князь выходилъ въ самое критическое положеніе, не рѣшаясь вступитъ въ борьбу съ Ахматовъ, и испытывать горькія укоризны духовенства и ропотъ населенія, и даже боялся со стороны гражданъ «злая мысль поиманія», князя Андрей и Борисъ послали къ брату съ слѣдующими предложеніемъ: «саще ли исправниши къ намъ, а силы надъ нами не начнешь чинити и держати насъ какъ братью свою, а мы ти придемъ на поможь». Князь великій согласился на всѣ эти предложенія и дался по всю волю братьевъ ¹⁾. Но оян, кажется, опоздали съ своей помощью противъ татаръ: они пришли, когда уже царь Ахмать удалился отъ московскихъ предѣловъ ²⁾. Князь великій, однако, пожаловалъ своихъ братьевъ, пригнѣ ихъ въ докончанье и далъ князю Андрею Можайскъ, а князю Борису отступился его селъ ³⁾. Но, какъ видно, великій князь оказался скупъ на пожалованія: теперь ему не грозила никакая опасность. Братья-же не осмѣлились возражать. Такъ кончилось неприятная размявка. Въ 1486 г. князю Андрею Большому «скоромолилъ» его бояринъ на великаго князя, будто онъ хочетъ поимать князя Андрея. Князь Андрей хотѣлъ тайно убѣжать изъ Москвы, «една мысль его отвратися». Онъ объяснился съ великимъ княземъ, который «клялся ему небомъ и зеще лею и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всей твари, что и въ мысли у него того не бывало, даже велѣтъ разслѣдовать дѣло и наказати смутчинокъ ⁴⁾. Кажется, князь Андрей могъ успокоиться послѣ такой страшной клятвы. Но въ 1491 г. великій князь сложилъ крестное цѣлованіе брату Андрею за его измѣну, какъ сказано въ лѣтописи. Какую-же измѣну затѣялъ удѣльный князь? Иванъ Васильевичъ подробно это объяснилъ. Князь Андрей измѣнилъ крестное цѣлованіе, думать на великаго князя съ братьями Юриемъ, Борисомъ и Андреемъ и заключилъ съ ними договоръ, чтобъ стоять заодно на старѣйшаго брата; посылалъ грамоты къ королю Казимѣру, одначаса съ нимъ на великаго князя, да и самъ съ братомъ Борисомъ отъѣзжалъ отъ великаго князя; спосился съ царемъ Ахматовъ, приводя его на русскую землю ратю, и, наконецъ, не прислалъ на поможь великому князю противъ ордынскаго дара ни воеводы своего, ни своей силы. За всѣ эти измѣны Иванъ Васильевичъ велѣтъ поимать князя Андрея и посадить

¹⁾ Тамъ-же, VI, 231.

²⁾ Ср. П. С. Л., IV, 253, и VI, 231.

³⁾ Тамъ-же, IV, 134 и 154; VIII, 213; С. Г. и Д., I, №№ 103 и 110; ср. VI, 232: «И прѣѣхаша къ нему братья его, онъ же смирился съ ними; и дастъ князю Борису села Ярославскими всѣ удѣльные».

скованнаго на казенномъ дворѣ въ Москвѣ, а за дѣтьми его послать въ тотъ-же день въ Угличъ и приказалъ заключить ихъ въ Переяславль¹⁾). Изъ этого перечня видно, что всѣ эти дѣйствительныя или мнимыя измѣны, кромя послѣдней, очень давнія²⁾). Послѣ того Иванъ III двѣ раза заключалъ мирные договоры съ княземъ Андреемъ, въ 1481 и 1486 гг., а кромя того въ томъ-же 1486 г. принесъ ему такую страшную клятву. Теперь-же великій не исполнилъ удѣльнаго за то, что тотъ ослушался велѣнія великаго князя, не послать своего воеводы противъ ордынскихъ царей. Избавившись отъ болѣе опасныхъ враговъ, великій князь поступаетъ энергичнѣе и съ удѣльными князьями, которые недостаточно честно и грозно держали великое княженіе. Такое обращеніе его съ братьями вызвало понятное негодованіе со стороны литовскаго князя, который, сообщая крымскому хану про Ивана III, «каковоѣ оуъ высокоѣ мысли есть», въ подтвержденіе этого привелъ его обращеніе съ братьями: «а оуъ что и братьи своѣѣ рожкопѣѣ подѣлалъ, какоужъ черезъ прислгу свою, какою ихъ смертъю уморилъ»³⁾).

Слѣдующій фактъ указываетъ, какіе взгляды на отношеніе удѣльныхъ князей къ великому князю успѣли проникнуть въ среду правящихъ классовъ въ самомъ началѣ XVI в. Сынъ волоцкаго князя Бориса Васильевича Иванъ, тяжело заболѣвъ, велѣлъ отвезти себя въ монастырь къ Іосифу, который былъ его крестнымъ отцомъ. Его бояре, узнавъ объ этомъ, рѣшили между собой, «дабы князю не дати воли». Въ этомъ столкновеніи боярскаго совѣта съ княземъ бояре сочли необходимымъ обратиться къ великому князю и «возвѣстивша сія державному». «И державный повелѣ вълѣ его быти», но только приказалъ не постригать князя Ивана въ монахи вълѣдствіе его юности⁴⁾). Въ затруднительномъ случаѣ боярская дума удѣльнаго князя обращается къ великому князю, который отдастъ распоряженія, идущія притомъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ думы.

Великій князь Василій Ивановичъ не менѣе сурово обращался съ своими братьями и племянниками. Послѣдняго, ливившагося невольнымъ его соперникомъ, онъ окопашаго заключилъ въ тѣсную палату, гдѣ тотъ и умеръ⁵⁾). Съ братьями хотя онъ заключалъ

¹⁾ П. С. Л., IV, 160; Никон. Лѣт. VI, 129—130; ср. Архангел. Лѣт., стр. 200.

²⁾ П. С. Л., VI, 88. Князь Юрій умеръ въ 1472 г., Андрей Меньшой въ 1481 г.

³⁾ А. З. Р., I, № 183; ср. Сборн. Р. И. Общ., т. ХLI, стр. 831.

⁴⁾ Житіе препод. Іосифа Волоколамскаго, составл. Саввою Чернымъ, еписк. Крутыцкимъ. Изд. Невоструева, стр. 31.

⁵⁾ Арханг. Лѣт., стр. 211; Карамзинъ, VII, прим. 2 и 3.

договоры; скрѣпленные взаимнымъ крестнымъ цѣлованіемъ, обѣщая призвать за ними полную самостоятельность въ управленіи удѣлами, но въ дѣйствительности эта самостоятельность удѣльныхъ князей была весьма призрачною. Въ виду отсутствія дѣтей у великаго князя особенно опаснымъ представлялся старшій братъ Василія Юрія, на котораго рассчитывали и враги Москвы ¹⁾. Поэтому за нимъ особенно зорко наблюдали изъ Москвы. Къ нему были приставлены особый соглядатай, Ивашка Ягановъ, который служилъ великому князю и что слышалъ о злыхъ и о добрыхъ, о томъ сказывалъ государю; а которые дѣти боярскіе князя Юрія Ивановича приказывали съ нимъ къ великому князю великія страшныя смертоносныя дѣла, и Ивашка о тѣхъ дѣлахъ доносилъ государю, а государь за то его ялся жаловать. ²⁾ Однажды «смущеніемъ злыхъ челоувѣкъ» великій князь захотѣлъ поймать князя Юрія. Хотя князь Юрій и считалъ себя правымъ ³⁾, но во избѣжаніе кровопролитія думалъ послѣдовать совѣту своихъ людей, «еже отступить далѣ». По совѣту Іосифа волоцкаго, къ которому за содѣйствіемъ обратился удѣльный князь, онъ, однако, отложилъ свое намѣреніе и сказалъ: «не буду противу государя, но предамся волѣ его: воленъ Богъ да государь! Готовъ есмь отъ него вся терпѣти, аще и смерти предасть мя» ⁴⁾. Заступничество Іосифа спасло на этотъ разъ князя Юрія.

Въ 1510 г. вздумалъ ѡбжаты въ Литву отъ своего брата князь Семенъ Ивановичъ, но былъ предупрежденъ: великій князь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ князю Семену явиться въ Москву и хотѣлъ на него положить свою опалу. Князь Семенъ сталъ битъ челоу

¹⁾ Въ 1507 г. король Сигизмундъ тайно наказывалъ князю Юрію Ивановичу: «поразумѣли есмо по тобѣ, братъ нашемъ, отъ многихъ наидихъ и ванихъ людей, штохъ милостию Божію въ дѣлѣ своемъ (какъ же и слушшесть на тебе на великаго господаря сына) гораздо ея справуешъ и дѣло евое великимъ разумомъ ведешъ; и немалые слухи насъ дошли, штохъ многие князи и бояре, онустивши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ тобѣ пристади; и всякую славу добрую о тобѣ, братъ нашемъ, чуемъ, штохъ намъ весьма вѣдочно естъ... Ино хочемъ съ тобою, братомъ нашимъ, быти въ любви и крестномъ цѣлованіи, пріятелю твоему быти пріятелемъ, а не пріятелю не пріятелемъ, и ко всякому твоему дѣлу хочемъ тобѣ помощію нашою готовы быти и къ господарству». А. З. Р., II, № 19.

²⁾ А. И., т. I, № 136. Ивашка Ягановъ въ своей челоубитной отиѣчати любопытную черту московскаго позидскаго сжека: великій князь Василій, «какову рѣчь кто ему скажетъ, оудеть соудетца, и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будеть не соудетца на дѣло, и онъ пушалъ мимо уши; а кто скажетъ, тому пени не чинилъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ».

³⁾ Онъ говорилъ: «мочно ми противу великаго князя правду держати, на чомъ у насъ доковчаніе и благословеніе отца нашего».

⁴⁾ Житіе преп. Іосифа волоцкаго, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, стр. 53 и слѣд.

государю за свою вину, и государь по печалованію митрополита и владыкъ впыи ему отдалъ; однако, бояръ его и дѣтей боярскихъ всѣхъ пережѣнилъ ¹⁾).

Около 1520 г. произошло какое-то недоразумѣніе у великаго князя съ братомъ Дмитріемъ: этотъ не исполнилъ какихъ-то требованій государя, не учинилъ управы въ какихъ-то дѣлахъ. Великій князь шлетъ брату назидательное предостереженіе, вычитывая ему, что самъ не только не учинилъ требуемой управы, но прислалъ отвѣтъ не потому, какъ «было пригоже» ему отвѣтъ учинить; а сверхъ того и такого паробка прислалъ, какого не пригоже было посылать къ великому князю. Василій Ивановичъ. паопынаетъ брату заповѣщаніе отца, какъ тотъ велѣлъ имъ жить, и замѣчаетъ, что онъ съ своей стороны исполняетъ этотъ заповѣтъ, никакой нечести и обиды брату своему не учинилъ; князь-же Дмитрій не оказываетъ ему подобающей чести: «ты ко мнѣ такъ отвѣчивалъ и въ грамотѣ еси въ своей къ намъ писалъ: ино, брате, такъ-ли отцу отвѣчиваютъ и въ грамотахъ пишутъ» ²⁾?

Въ 1523 г., когда у великаго князя осталось въ живыхъ только два брата, Юрій и Андрей, Василій Ивановичъ, горько сътуя на неплодство жены, сокрушался при мысли, кто будетъ послѣ него царствовать въ русской землѣ. «Братинъ-ли дамъ? говорилъ онъ. Ино братья своихъ удѣловъ не умѣютъ устроить.» Такого невысокаго мнѣнія былъ онъ о правительственныхъ способностяхъ братьевъ. Однако, можно думать, что не одна неспособность братьевъ играла тутъ роль. Великому князю очень хотѣлось «отъ плода чрена своего посадити на престолѣ своемъ въ наслѣдіе роду своему». Поэтому онъ разрѣшилъ жениться брату Андрею только тогда, когда у него родились двое сыночекъ отъ второй жены. Раньше онъ не позволялъ братьямъ вступить въ бракъ ³⁾.

Итакъ, великій князь Василій Ивановичъ поступаетъ съ своими братьями, нисколько не стѣсняясь существующими договорами и руководствуясь лишь собственнымъ усмотрѣніемъ, согласно цѣлямъ объединительной политики. Обеспеченная крестныхъ цѣлованіемъ независимость владычельнаго князя на практикѣ не имѣетъ никакого значенія. Великій князь требуетъ отъ удѣльныхъ такого уваженія и послушанія къ себѣ, какое приличествуетъ отцу; при малѣйшемъ подсорваніи мнѣляетъ у нихъ слугъ и даже вмѣшивается

¹⁾ П. С. Л., VI, 251; VIII, 252; Никои. Лѣт., VI, 169.

²⁾ А. Н., т. I, № 291.

³⁾ Лавраковъ, VII, стр. 96—97; Соловьевъ, V, изд. 5, стр. 377—378; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, II, стр. 174.

въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, запрещая и давая разрѣшенія на вступленіе въ бракъ.

Такая политика московскихъ объединителей въ отношеніи владѣтельныхъ князей находить полную поддержку со стороны публицистовъ того времени. Политическіе взгляды кнтр. Ионы на отношенія удѣльныхъ князей къ великнхъ князямъ очень рѣшительныхъ послѣдователей и имѣли очень широкое распространеніе. Авторитетъ суроваго волоцкого игумена Іосифа служить достаточной порукой въ томъ, что его мнѣнія раздѣлялись значительнѣйшею частью образованнаго общества того времени; къ нимъ прислушивалось и ими руководилось и московское правительство.

Въ 1507 г. Іосифъ съ братією были челоужь великому князю о принятіи ихъ монастыря въ его державу, такъ какъ монастырь терпѣлъ большія насилія отъ удѣльнаго волоцкого князя Федора Борисовича. Василий Ивановичъ исполнилъ просьбу старцевъ ¹⁾. Тогда на Іосифа поднялъ кражду волоцкіи князья, а по его подстрекательству и повгородскій архіепископъ Серапіонъ, который отлучилъ Іосифа за самовольный переходъ, вопреки церковнымъ правиламъ, изъ повгородской архіепископіи. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Іосифу, что если онъ отдастъ свой монастырь въ великое государство, «нио де отступилъ отъ небснаго, а пришесть земному». Но Іосифъ успѣлъ сообщить въ Москву, что Серапіонъ «учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, князя Федора волоцкого небеснымъ, а великаго князя московскаго земнымъ» ²⁾. Серапіона вызвали на судъ въ Москву, и здѣсь самъ великій князь спрашивалъ обвиняемаго: «нио то еси царекъ князя Федора небеснымъ, а меня земнымъ; нио язъ земной, то и есть; то пвмъ скажи, почему ты князя Федора назваешь небеснымъ, да о томъ намъ положи свидѣтельство отъ божественныхъ правилъ» ³⁾. По словамъ Іосифа, архіепископъ будто-бы не могъ ничего на это отвѣтить. Вѣроятно же, что онъ сказалъ что-нѣ удѣ неприятное великому князю в членствѣ собора, такъ какъ продолжался правила «нио бояться въ правдѣ великаго князя ни множества народа», основываясь на словахъ писанія: «справдою предъ царемъ не стыдился и глаголахъ» ⁴⁾. Онъ былъ осужденъ на соборѣ и сосланъ въ Андрониковъ монастырь. Вся эта исторія надѣлала много шума. Даже сторонники Іосифа совѣтовали ему извиниться передъ архіепископомъ, замаять дѣло. Но Іосифъ остался непреклоненъ. Въ длинныхъ посланіяхъ

¹⁾ П. С. Л., VI, 249.

²⁾ Визант., XIV, стр. 192.

³⁾ Тамъ-же, 195.

⁴⁾ Памятн. стар. русск. кнтр. змн., IV, стр. 210—212.

къ своимъ благожелателямъ, Ипану Иваиовичу Третьякову и Борису Васильевичу Кугузону ¹⁾; онъ оправдываетъ свои дѣйствія какъ съ точки зрѣнія исторической, такъ и на основаніи церковныхъ правилъ. По утверженію Іосифа, ни въ лѣтописяхъ, ни въ обычаяхъ земскихъ не считается безчестіемъ бить челомъ «государю большому» объ охранѣ монастыря ²⁾. Согласно божественному писанію пастыри церкви даже до смерти подвизались о церковныхъ обидахъ, «кому жонцю бѣ», и приходили отъ меньшихъ царей и князей къ большимъ царямъ и князьямъ, «а большіе вступали въ потчину меньшихъ князей, а монастыри и церкви борошши» ³⁾. Прихвѣру такихъ пастырей и послѣдовалъ Іосифъ. «И язь, говоритъ онъ, билъ челомъ тому государю, который не точію князю Феодору Борисовичу да архіеп. Серапіону, да всеѣмъ намъ общій государь, — ино всеа рускія земля государемъ государь, котораго Господь Богъ устроилъ въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, и судъ и милость предать ему и церковное и монастырское и всего православнаго христіанства всея рускія земля власть и попеченіе вручилъ ему. И чтобы язь иному государю билъ челомъ, ино-бы то язь не гораздо учинилъ. И язь того ради такого государя нашелъ, котораго судъ не поеужается ⁴⁾.

Итакъ великій государь всея Руси, по мнѣнію Іосифа, билъ не только государемъ надъ своими подданными (общій намъ государь), но и надъ удѣльными и надъ всеми государями русской земли. Можно бы подумать, что въ данномъ случаѣ Іосифъ проповѣдывалъ такіа идеи въ личныхъ интересахъ, въ увлеченіи полемикой. Но вотъ его другое посланіе къ «благоуверному ияркъ», написанное при самыхъ спокойныхъ условіяхъ: этотъ благоуверный ⁵⁾ просилъ прислать ему «полезная поученія». Хотя все посланіе составлено въ подобострастномъ тонѣ, хотя авторъ говоритъ о государяхъ великихъ самодержцахъ земскихъ, поддерживаетъ «царское остроуміе» благоувернаго князя, но все же преподаетъ ему такой совѣтъ: «отъ сердца воздавать любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покоренія и послушанія и благодареніе, и работающе ему по всей воли его и

¹⁾ Первое находится въ Сборн. Публ. Библ., Q. I, № 214, л. 525 об., и Q. XVII, № 64, л. 221 об.; второе напечатано въ Визант., XIV, стр. 177.

²⁾ Пам. стар. русск. литер., вып. IV, 208—209.

³⁾ Визант., XIV, 177; Сборн., Q. XVII, № 64, л. 230 об.

⁴⁾ Св. Q. XVII, № 64, л. 231 об.

⁵⁾ И. Хрущовъ, Сочиненія Іосифа Санина, стр. 91—96, дѣлаетъ вѣроятную догадку, что это посланіе писано къ князю Юрію.

повелѣнію его; яко Господени работающе, а не челоуѣкомъ»¹⁾. Иосифъ не ограничился только такими чисто теоретическими соображеніями. Въ указанномъ столкновеніи великаго князя Василя Ивановича съ гнѣзехъ Юріемъ Ивановичемъ онъ далъ удѣльному князю слѣдующій совѣтъ: «саяъ ти не вѣлю державному брату своему противитися, ни наки мало совѣтъ даю, еже отступити дагъ: аще рече, отступшии, той-же кровнъ литися, а на тебѣ будетъ слава въ вѣки пэмѣниая». Въ заключеніе онъ указалъ такой исходъ изъ затруднительнаго положенія: «преклони съ извѣщеніемъ главу свою предъ помазанникомъ Божиимъ и покорися ему: вѣрю Господу Богу, яко извѣститъ сердцу его правду твою»²⁾.

Отсюда видно, насколько опредѣленно сложились идеи о политическомъ объединеніи въ средѣ партіи Иосифянъ. Удѣльный князь долженъ, не смотря ни на какіе договоры, воздавать великому князю покореніе и послушаніе, работать на него по его приказу. Если-бы при этомъ возникло какое-либо недоразумѣніе между ними, то удѣльный князь, не смотря на свою правоту, долженъ быть челоуѣкомъ о помилованіи, отдаваясь во всемъ на волю и милость своего государя. Великій князь единственный источникъ неограниченный, кроуѣ божескихъ правилъ, судья поступковъ и дѣлъ удѣльнаго князя. Только его судъ не посужается никѣмъ, кроуѣ Бога; судъ удѣльнаго князя, значитъ, можетъ быть посуженъ, т. е. отмененъ. При всей своей правотѣ удѣльный князь не можетъ отступить отъ великаго князя; онъ вѣчный подданный своего государя и за отступленіе клеймится позоромъ измѣнника. Насколько популярны были въ XVI в. указанные идеи Иосифа волоцкаго, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что именемъ «преподобнаго отца нашего Иосифа Волока Ламскаго новаго чудотворца Осипова монастыря» воспользовался неизвѣстный авторъ извѣста московскимъ великимъ князьямъ «како имъ одолѣти удѣльныхъ великихъ русскихъ князей и поправить враговъ своихъ, и соединити во благоденство подъ себя все русская земля и распространити всюду и всюду»³⁾. Авторитетное имя Иосифа предстало автору наиболее пригоднымъ для приданія цѣлности своему памфлету объ искорененіи удѣльныхъ князей.

Эти идеи не только были хорошо знакомы великому князю

¹⁾ Памяти, стар. русск. литер., IV, 192. Подобныя наставленія давались и воеводамъ; см. посланіе Сильвестра къ князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому, гдѣ дословно повторяются цитированныя слова Иосифа. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, стр. 96.

²⁾ Житіе Иосифа, написанное Саввою Крутицкимъ, изд. Невоструева, 63—66.

³⁾ Одно изъ Словъ Еубл. стр. II, № 171, стр. 461.

всёя Руси, но несомнѣнно и раздѣлялись ихъ: Василій Ивановичъ очень уважалъ волоцкаго игумена и послѣ его смерти сохранилъ почтеніе къ его памяти и любовь къ его монастырю. Его политика съ удѣльными князьями указываетъ, какія воззрѣнія на нихъ онъ воспиталъ въ себѣ. Зачѣмъ-же онъ заключалъ съ ними договоры о взаимныхъ отношеніяхъ, зачѣмъ цѣловалъ къ нимъ крестъ? Здѣсь наблюдается одно изъ тѣхъ противорѣчій, на которыя уже указано выше. Какъ Иванъ III не рѣшился уничтожить удѣльный порядокъ, хотя хорошо созналъ весь его вредъ, такъ и сынъ его продолжаетъ опредѣлять свои отношенія къ удѣльнымъ князьямъ по договору, хотя въ дѣйствительности руководствуется исключительно собственнымъ усмотрѣніемъ. Нормы договорнаго права на много лѣтъ пережили тѣ отношенія, которыя должны были порожать.

Высказано мнѣніе, что первая попытка постанитъ отношенія удѣльныхъ князей къ великому на новыхъ пачалахъ, недоговорныхъ, принадлежить боярамъ, которые, будучи злѣйшими врагами правъ владѣтельныхъ князей, въ 1534 и 1537 гг. взяли односторонній записъ съ удѣльныхъ князей Юрія и Андрея Ивановичей, а сами къ нимъ за великаго князя креста не цѣловали¹⁾. Обстоятельства, при которыхъ произошли указанныя событія, были въ значительной степени исключительными. Въ нихъ выдающуюся роль играютъ отнюдь не одинъ бояре. Умиравшій великій князь Василій Ивановичъ приказалъ сыновей и жецу прежде всего митр. Даниилу, а затѣмъ уже боярамъ²⁾; потомъ онъ убѣждаетъ братьевъ помнитъ свое слово, «на чемъ мы крестъ цѣловали», а бояръ проситъ поберечь подъ сыножь Иваномъ его государства отъ бесерменства и отъ латынства и «отъ спонихъ сильныхъ людей». Кто-же взялъ одностороннюю записъ съ князей Юрія и Андрея? Въ наиболѣе подробномъ описаніи послѣднихъ минутъ жизни великаго князя инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ митр. Даниилу. Сейчас-же послѣ смерти великаго князя онъ отнесъ его братьевъ въ переднюю избу и привелъ ихъ ко кресту, а потомъ бояръ и дѣтей боярскихъ³⁾. По другому мнѣнію, бояре межъ себя крестъ цѣловали

¹⁾ Проф. В. Н. Сергѣевичъ, Лекціи, стр. 266—267.

²⁾ П. С. Л., VI, 270, и Царств. кн., стр. 16; П. С. Л., VIII, 265, и Никон. Лѣт., VI, 230.

³⁾ П. С. Л., IV, 275: «Тогда же Даниилъ митр. всемъ братію великаго князя, князя Юрія и князя Андрея Иванаичевъ, въ переднюю избу, и привелъ ихъ ко крестному цѣлованію на томъ, что имъ служити великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ; а жити имъ на своихъ удѣлахъ, а стояти имъ въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василью Ивановичу и

о прямой службѣ великому князю Ивану, «да и братію его князя Юрія и князя Андрея часа того привели къ цѣлованью предъ отцомъ ихъ Даниломъ митрополитомъ»¹⁾. Изъ этихъ двухъ извѣстій первое представляется болѣе вѣроятнымъ не только по обстоятельству разсказа, но еще и потому, что митр. Данилъ, какъ главный душеприкащикъ, долженъ былъ прежде другихъ озаботиться о принесеніи присяги на вѣрность юному великому князю. Онъ, конечно, приводилъ къ присягѣ удѣльныхъ князей въ присутствіи бояръ. Отсюда и возникла вторая версія разсказа, что ко кресту приподли бояре²⁾. Митр. Данилъ, оказавшій такъ много политическихъ услугъ великому князю Василию, достойный ученикъ и горячій погѣдователь Іосифа волоцкого. Безспорно, онъ раздѣлялъ его мнѣнія и объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому. Въ 1537 г., когда князя Андрея усиленно приглашали въ Москву, митрополитъ отправилъ къ нему своего посла и велѣлъ уговаривать князя, чтобы тотъ оставилъ лихія мысли, остался бы во всехъ благопокоренъ и послушенъ великому государю, какъ обѣщався и крестъ цѣловалъ, припомянулъ-бы писаніе, повѣляющее началамъ и властямъ повиноваться и покоряться; въ заключеніе митрополитъ обѣщавъ взять его на свою отвѣтственность, а въ случаѣ упорства велѣлъ его, какъ непослушнаго и непокорнаго, предать отлученію и проклятію³⁾. Эта инструкция почти цѣлкомъ воспроизводитъ поставленія, преподанныя Іосифомъ волоцкимъ князю Юрію Ивановичу.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что одностороннія записи удѣльныхъ князей Юрія и Андрея вовсе не означаютъ радикальнаго поворота въ исторіи отношеній удѣльныхъ князей къ великимъ. Если даже и предположить, что при взятіи записей имѣлось въ виду поставить удѣльныхъ князей въ новыя недоговорныя отношенія къ московскому правительству, то это послѣднее скоро само отступило отъ своихъ началъ. Когда вызываемый въ Москву князь Андрей хлопоталъ о томъ, чтобы учинить утверженіе, то великій князь и его мать «дали крѣпкое свое слово», что у нихъ на него «лиха на сердце нѣтъ», и приказали «крестъ цѣловати боярину

крѣпости промежу лми съ великимъ княземъ Васильемъ, а государства имъ нодъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣти. и проч. Тоже Царств. кн., стр. 31.

¹⁾ П. С. Л., VIII, 285—286, Никон. Лѣт., VI, 260—261; VII, 1. И дьякъ князя Юрія указываетъ на то, что бояре князя Юрія приподли заперши къ цѣлованью. Тамъ-же.

²⁾ Однако, и въ ней указывается, что присяга приносилась предъ митр. Даниломъ.

³⁾ С. Г. и Д., II, № 32; А. Е., т. I, № 139.

своему И. В. Шубекоу, да дворецкому своему тоерскому И. Ю. Поджигину, да дяку своему Менцоу Путятину на томъ, что у насъ на него жиѣнья некотораго нѣтъ». Князь Андрей еще во второй разъ выпросилъ такое утверженіе послѣ своего бѣгства у князя Ивана Опчины-Телепнева-Оболенскаго, посланнаго преслѣдовать бѣжавшаго князя. Не имѣя никакихъ полномочій, князь Овчина согласился дать правду князю Андрею, и они межъ себя крестъ цѣловали на томъ, что князю Андрею служить государю великому князю вѣрою и правдою, а государь его жалуетъ, какъ ему Богъ пожелитъ на сердцѣ ¹⁾. Итакъ, князь Андрей успѣлъ получить двукратное подтвержденіе подъ крестными цѣлованіемъ правъ на личную безопасность. Это была, правда, боярская присяга за государя: самъ государь креста не цѣловалъ. Но братья Юрій и Андрей еще въ 1534 г. добивались лишь боярской правды за великаго князя ²⁾.

Въ односторонней записи князя Андрея Ивановича сказано, что если онъ не учнетъ правити по сей записи, то «сбудется по тому, какъ отецъ нашъ... писалъ въ своей духовной грамотѣ». А въ этой духовной грамотѣ написано: «который мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ... ино не буди на немъ милости Божіей» ³⁾. Основываясь исключительно на этой формулѣ, можно бы подумать, что удѣльный князь и при уничтоженіи договорныхъ отношеній къ великому князю не допускаетъ надъ собой никакого иного суда, кромѣ Божія. Но и здѣсь также, какъ и въ послѣднихъ договорахъ ⁴⁾, это лишь обычная формула, не имѣющая никакого реального значенія. По договору съ великимъ княземъ князь Юрій Ивановичъ не признаетъ надъ собой никакого земнаго суда; а на практикѣ онъ готовъ былъ подчиниться, хотя и невольно, суду великаго князя. «Не буду противу государя, говорилъ князь Юрій, по предаюся волѣ его: воленъ Богъ да Государь! готовъ есмь отъ него вся терпѣти, аще и смерти предасть мя ⁵⁾». Также поступаетъ и князь Андрей. Не рѣшаясь явиться по вызову въ Москву, не смотря на данную ему правду и обезпеченіе со стороны митрополита, и ссылался на то, что прежде

¹⁾ С. Г. и Д., II, №№ 30 и 31; П. С. Л., VI, 303; VIII, 291.

²⁾ П. С. Л., VIII, 286: «князя Юрья бояре привели заверши къ цѣлованью, а сами ему за великаго князя правды не дали; ино те какое цѣлованье? те невольное цѣлованье».

³⁾ С. Г. и Д., I, №№ 163 и 144.

⁴⁾ См. С. Г. и Д., I, № 160.

⁵⁾ Житіе Іосифа Волоцкаго, написанное Саввою Крутицкимъ, стр. 53 и слѣд.

того не бывало, чтобы икъ къ государю на носилкахъ волочили, князь Андрей называетъ себя холопомъ великаго государя и проситъ великаго князя «огрѣть сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ», какъ Богъ на сердце государю положить ¹⁾).

Отдавался вполне на волю государя, готовясь претерпѣть отъ него все и надѣясь лишь на его жалованье, назвать, наконецъ, себя холопомъ великаго князя, удѣльные князья сами признали указанное икъ мѣсто въ ряду слугъ московскаго государя.

The first of these is the fact that the
 government has a long history of
 intervention in the economy. This
 has led to a number of problems,
 including inflation and unemployment.
 The second is the fact that the
 government has a long history of
 corruption. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of public trust and the
 erosion of the rule of law.

The third is the fact that the
 government has a long history of
 repression. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of civil liberties and
 the erosion of human rights.
 The fourth is the fact that the
 government has a long history of
 mismanagement. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of economic growth and
 the erosion of the standard of
 living.

The fifth is the fact that the
 government has a long history of
 instability. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of political stability and
 the erosion of the social contract.
 The sixth is the fact that the
 government has a long history of
 inefficiency. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of public resources and
 the erosion of the public sector.

The seventh is the fact that the
 government has a long history of
 inequality. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of social cohesion and
 the erosion of the social safety
 net. The eighth is the fact that
 the government has a long history
 of environmental degradation. This
 has led to a number of problems,
 including the loss of natural
 resources and the erosion of the
 environment.

The ninth is the fact that the
 government has a long history of
 technological stagnation. This has
 led to a number of problems,
 including the loss of economic
 competitiveness and the erosion of
 the technological base. The tenth
 is the fact that the government
 has a long history of international
 isolation. This has led to a
 number of problems, including
 the loss of international trade
 and the erosion of the international
 standing.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава первая. Церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Русь.	1—29
Идея о церковной и политической зависимости народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, 1—3. Выраженіе церковной зависимости русской церкви отъ константинопольской, 3—5. Причины поставленія грековъ на русскую митрополию, 5—7. Стремленіе поддержать единство митрополии, 7—8. Заботы о подчиненіи князей представителямъ церковной власти, 8—10. Власть императора надъ русскою церковью, 10—13. Идея о политической зависимости древней Русь отъ Византіи, 13—16. Отраженіе этой идеи на русской почвѣ, 16—22. Столкновенія между Русью и Византіей, 22—25. Значеніе всемірной монархіи и вселенской церкви по объявленію константинопольскаго патріарха, 25—26. Столкновенія Литвы съ Византіей, 27. Новыя столкновенія Москвы съ имперіей, 27—29.	
Глава вторая. Политическія темы древнерусской инъземности	30—53
Политическая роль духовенства въ качествѣ миротворцевъ, 30—31. Защита начала старшинства въ междукняжескихъ отношеніяхъ, 32—35. Соблюденіе чужаго предѣла, какъ средство противъ междуусобій, 35—36. Связь указываемыхъ темъ и практическія ихъ послѣдствія, 36—38. Проповѣдь идеи о богоустановленности власти, 38—40. Ученіе о почитаніи властей, 40—41. Ученіе объ обоготвореніи власти, 41—42. Выводы изъ ученія о богоустановленности власти, 42—44. Ученіе Анастасія Синаита о поставленіи недостойныхъ царей, 44—47. Ученіе объ отвѣтственности царей и князей, 47—51. Ученіе объ оградѣ правопорядка, 51—52.	
Глава третья. Политическія слѣдствія флорентійской уніи и паденія византійской имперіи	54—60

Новая роль московскаго князя въ качествѣ охранителя православія, 54—57. Русское благочестіе и новый царь православію, 57—58. Объясненіе причинъ паденія Византіи, 59—60. Повѣсти и сказанія о Цареградѣ и мистическія пророчества о предстоящей судьбѣ Руси, 60—64. Татарское иго и вѣра въ кончину міра, препятствовавшія дальнѣйшему развитію теорій о русскомъ царствѣ. Ихъ устраненіе, 64—66. Взглядъ митр. Зосими на Москву и теорія старца Филофея, 66—68. Реалистичныя фикціи, оправдывающія теорію о Москвѣ—третьемъ Римѣ, 68—72. Политическія фикціи о первенствѣ московскаго государя, 72—79. Вліянія западно-католическія на созданіе уклаванныхъ фикціей, 79—85. Вліянія восточнo-православныя, 85—90.

Глава четвертая. Теорія власти московскихъ государей . . . . .

91—132

Политическая доктрина Іосифа Волоцкаго, 91—101. Практическіе выводы изъ нея, 101—103. Политическое ученіе митр. Данила, 103—105. Возвращеніе автора «похвальнаго слова великому князю Василию», 105—107. Мнѣнія архіепископа Феофосія, 107—109. Политическія возвращенія митр. Макарія, 109—110. Политическое ученіе митр. Зиновія Отенскаго, 110—113. Оцѣнка карательной дѣятельности государственной власти, 113—114. Постановка вопроса въ древнорусской письменности объ отношеніяхъ авторитетовъ свѣтскаго и духовнаго, 114—116. Характеръ этихъ отношеній въ дѣйствительной жизни, 116—121. Попытки публицистической литературы до половины XV вѣка поставить церковный авторитетъ выше государственнаго, 121—125. Развѣтленіе этого ученія въ XVI вѣкѣ и отношеніе къ нему Іосифлянъ, 126—132.

Глава пятая. Политическіе взгляды московскаго правительства . . . . .

133—164

Стремленіе московскихъ государей къ повышенію чести, 133—136. Политическія мнѣнія Ивана Грознаго, 136—139. Дипломатическая борьба за царскій титулъ, 139—141. Смысли на политическія фикціи, 142—144. Отношенія къ нимъ польско-литовскаго правительства, 144—145. Дальнѣйшіе выводы изъ теорій о русскомъ царствѣ, 146. Сравнительная оцѣнка чести московскихъ государей при Иванѣ III и Василіѣ III, 146—149. Царское мѣстничество при Иванѣ Грозномъ, 149—150. Родословные счеты съ шведскими королями, 150—152. Счеты между государями братьями, 152—157. Счеты по сравнительной чести государствъ 157—158. Оцѣнка личной чести государей въ зависимости отъ характера принадлежащей имъ власти 158—162. Противорѣчія теоретическихкихъ выводовъ дѣйствительности и отступленія отъ нихъ по практическимъ соображеніямъ, 162—164.

Глава шестая. Московскіе государя и ихъ слуги. . . . .

165—217

Имѣнія въ положеніи дружинниковъ на сѣверо-востоцкѣ Руси, 165—166. Имѣнія древнерусскихъ книжниковъ о членахъ дружины, 166—167. Поученія о нормальныхъ отношеніяхъ княжескихъ слугъ къ князю, 167—168. Нормы церковнаго законодательства, 169. Толкованіе фактовъ дѣятельной жизни, 169—171. Политика московскаго правительства въ отношеніи вольныхъ слугъ, 171—170. Подраженіе этой политикѣ, 179—180. Выводы, 180—181. Политика Ивана III и Василия III къ отъѣздамъ въ удѣлы, 181—181. Попытки ограничить удѣльными князьями въ правѣ принимать отъѣзчиковъ изъ Москвы, 184—186. Отъѣзды изъ Литвы въ Москву и обратно и отношеніе къ отъѣзчикамъ московскаго и литовскаго правительствъ въ первой половинѣ XVI вѣка, 186—192. Отношеніе къ отъѣзчикамъ при Иванѣ Грозномъ, 192—196. Пріемъ на службу вольныхъ измѣнниковъ, 196—198. Отношеніе московскаго правительства къ удѣльнымъ князьямъ, 199. Возрѣнія Ивана III на ненормальность удѣльныхъ порядковъ, 199—200. Воздѣйствіе практики на нормы договорнаго права, 200—202. Общее стремленіе великихъ князей подчинить своему вліянію князей удѣльныхъ, 202—203. Возрѣнія на удѣльныхъ князей митр. Іоны, 203—205. Усиленіе достигнутые Василиемъ Темнымъ, 205—206. Отношеніе къ удѣльнымъ князьямъ при Иванѣ III и Василѣ III, 206—211. Имѣнія Іосифа волоцкаго объ удѣльныхъ князьяхъ, 211—214. Роль митр. Данила въ 1531 и 1537 годахъ и его возрѣнія на удѣльныхъ князей, 214—215. Значеніе одностороннихъ записей удѣльныхъ князей, 215—217.